

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»
АРХИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА
«МЕМОРИАЛ»

ЗНАК НЕ СОТРЕТСЯ

Судьбы оstarбайтеров
в письмах, воспоминаниях
и устных рассказах

AGEY TOMESH

Москва
2019

Издательская программа
Международного общества «Мемориал»

Редакционная коллегия

Александр Даниэль, Лариса Ерёмина, Елена Жемкова,
Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский,
Арсений Рогинский (председатель)

Авторы-составители

Алена Козлова, Николай Михайлов,
Ирина Островская, Ирина Щербакова

Документы и фотографии, опубликованные в книге
без указания места хранения, предоставлены архивом
Международного общества «Мемориал»

Благодарим за помощь в подготовке книги Елену Багдасарову,
Марину Голубовскую, Елену Жемкову, Галину Иорданскую,
Никиту Ломакина, Марину Родионову, Илью Саратовского,
Татьяну Сафронову, Светлану Цибульскую, Марию Шилову

Особая благодарность издательству Agey Tomesh, Марии Поляковой
и издательству «Индивидуум пабблишинг», Арсению Рогинскому,
прочитавшему работу в рукописи и сделавшему множество
ценных замечаний

Благодарим Дмитрия Зимина и Фонд им. Генриха Бёлля
за постоянную поддержку работы архива
Международного общества «Мемориал»

Издание осуществлено при поддержке Фонда им. Генриха Бёлля

ISBN 978-5-9909766-3-4

© Международный Мемориал, 2019

© Издательство Agey Tomesh, 2019

Трудная память

Знак оторвется,
Память сотрется,
Ты позабудешь меня.
Из фольклора остарбайтеров

Предлагаемая читателю книга «Знак не сотрется» – не историческое исследование и не сборник архивных документов. Это мозаика из самых разных источников о памяти бывших «восточных рабочих» – советских гражданах, вывезенных во время Второй мировой войны на принудительные работы в Третий рейх. Угнано было, если верить архивным документам, 3,2 миллиона человек. В Германии их называли «остарбайтерами», но это слово появилось в нашей печати и «прикрепилось» к ним только в 1990-е годы.

Сложная мозаика этой памяти составлена из интервью и мемуаров; документов, писем и фотографий, которые собраны в архиве общества «Мемориал».

История возникновения этого архива очень характерна для начала 1990-х.

Произошло это так. В 1989 году о необходимости компенсаций за рабский труд миллионов людей из Восточной Европы во время войны заговорили депутаты фракции «зеленых» германского бундестага, справедливо считавшие остарбайтеров «забытыми жертвами». Вопросы, с которыми они обратились в письме в только что созданное общество «Мемориал», к его тогдашнему председателю Андрею Дмитриевичу Сахарову, свидетельствовали о том, как мало в то время было известно о судьбе «восточных рабочих».

Сколько было этих людей? Сколько их сейчас живет в СССР? Как сложилась их дальнейшая судьба? Правда ли, что многие из них попали в сталинские лагеря? Каков сейчас их статус?

Эти вопросы требовали ответов. Стало очевидно, что к судьбе остарбайтеров необходимо привлечь общественное внимание. В апреле 1990 года в газете «Неделя» (воскресное приложение к «Известиям») появилась короткая и не вполне ясно излагавшая сюжет с «остарбайтерами» заметка, из которой можно было сделать ошибочный вывод, что за принудительный труд в Германии вскоре начнут выплачивать пенсию, а помогать в этом будет «Мемориал». Заметка была перепечатана в сотнях местных газет, и вскоре после этого в крохотную комнатку, которую тогда занимал «Мемориал», стала мешками поступать почта от бывших остарбайтеров. За несколько недель пришло более 400 тысяч писем. На фоне скудных в то время сведений о «восточных рабочих» (подлинные цифры нам были еще неизвестны) этот огромный поток казался невероятным.

Поразительным было то, что при таком количестве живых свидетелей их история, их память никак не присутствовали в публичном пространстве. Причина этого многолетнего молчания была в том, что судьбы восточных рабочих не вписывались в советскую сталинскую, а затем и брежневскую официальную картину Отечественной войны. Они напоминали о том, что в результате тяжелейших просчетов и преступлений советского руководства, прежде всего самого Сталина, уже осенью 1941 года более 60 миллионов советских граждан оказались на территории, оккупированной немецкой армией и ее союзниками. Спустя несколько месяцев, весной 1942-го, начался массовый угон молодежи на работу в Германию. На Нюрнбергском процессе это массовое использование рабского труда стало важной частью обвинений, выдвинутых против руководства Третьего рейха.

Но после окончания войны вернувшиеся на родину «восточные рабочие» не считались жертвами нацистского режима. О том, что они были насильственно угнаны в Германию на принудительные работы, власть предпочитала не упоминать. На советском бюрократическом языке остарбайтеры стали называться

безликим словом «репатрианты», которое ничего не говорило о том, что с ними произошло во время войны.

Прежде чем возвратиться на родину, оstarбайтеры проходили проверку в фильтрационных лагерях, где они подвергались пристрастным допросам сотрудников НКВД, настойчиво «выявлявших» среди них предателей. Малейшее подозрение в коллаборационизме влекло за собой обвинение в измене родине и грозило лагерным сроком. Многих оstarбайтеров после освобождения направляли в так называемые «рабочие батальоны» – трудиться на восстановлении разрушенных шахт и гидростанций, на лесозаготовках и т. п. Репатриантам не разрешалось селиться в Москве, Ленинграде, Киеве, даже если они жили в этих городах до войны. Но и тем, кому удалось вернуться в родные места, приходилось долго обивать пороги разных учреждений, снова подвергаться допросам в органах госбезопасности, чтобы вместо справки о прохождении фильтрации получить обычные документы. Вплоть до смерти Сталина бывшие оstarбайтеры оставались подозрительными людьми с «плохой» анкетой, многие находились под негласным надзором органов. Пребывание в Германии становилось преградой для дальнейшей учебы. С их биографией была практически невозможна даже самая скромная служебная карьера. И сами бывшие оstarбайтеры – об этом прямо говорилось в их письмах – всю свою жизнь старались нигде не упоминать, что во время войны находились в Германии.

После смерти Сталина, с середины 1950-х, положение бывших оstarбайтеров несколько улучшилось, с большинства был снят надзор. Но и в послесталинские годы о них упоминали куда меньше, чем о тех, кто прошел через нацистские концлагеря, и о военных, побывавших в немецком плену. В 1960–1970-е годы благодаря книгам и фильмам в общественном сознании сложился, хоть и весьма схематичный, образ узника – обязательно участника Сопротивления: за колючей проволокой, в полосатой робе, деревянных башмаках... Но судьбы оstarбайтеров в эту схему не укладывались – они, работавшие в Германии на фабриках и заводах, в крестьянских хозяйствах (у бауэров) или няньками в немецких семьях, оказались людьми из «серой зоны»

немецкой повседневной жизни эпохи войны – мало известной, противоречивой.

Их роль и место в сложившейся памяти о войне были никак не обозначены – они не считались ни жертвами, ни участниками, ни тем более ветеранами. Годы, проведенные в Германии, им не засчитывались – ни в прямом смысле – в рабочий стаж, ни в переносном – в общую тяжелую военную судьбу страны. В День Победы, который должен был бы стать для оstarбайтеров днем памяти об освобождении, они чувствовали себя лишними: им не было места в праздничных демонстрациях, на которые вместе с детьми и внуками шли ветераны, надев свои ордена и медали, их не приглашали выступать перед школьниками, к ним не посылали журналистов. В советское время фактически не было художественных произведений или исторических исследований, в которых был бы отражен их опыт. Исключением стала автобиографическая повесть Виталия Сёмина «Нагрудный знак ОСТ», опубликованная в середине 1970-х годов и с большим трудом пробившаяся сквозь препоны цензуры.

Возможность сказать о себе и своей судьбе открыто появилась для бывших оstarбайтеров фактически лишь с начала 1990-х годов. И первым шагом для многих стали письма в «Мемориал».

В большинстве из них содержались лишь самые краткие биографические сведения: когда человек был угнан, где находился в Германии и т. п. Иногда письмо сопровождалось характерной припиской: «Кроме памяти, других документов у меня нет». Действительно, во время фильтрационной проверки немецкие документы, подтверждающие пребывание в Германии, у оstarбайтеров, как правило, изымались. Да и после войны хранить такие документы (если у кого-то они и уцелели) людям казалось небезопасным, и свидетельства, связанные с годами в Германии, были уничтожены позднее самими оstarбайтерами или их родственниками.

Но часть оstarбцев все же сохранила вещественные следы своего пребывания в Рейхе, хоть и «спрятал» прошлое в дальний ящик. Едва ли не в каждое десятое письмо были вложены какие-то документы: повестки оккупационных властей на отправку в Германию – со слепым шрифтом, напечатанные на клочках

бумаги; по-немецки аккуратные рабочие карточки – с фотографиями и отпечатками пальцев; пропуска на заводы и фабрики; медицинские справки, выданные заболевшим или получившим травму; и многое другое. В редких случаях это был и знак «ОСТ»: синий прямоугольный лоскут с белыми буквами, который «восточные рабочие» должны были носить на одежде.

Сохранились и снимки о жизни в Германии. Фотографировали остарбайтеров, как правило, немцы. Прежде всего это снимки для документов – немецких аусвайсов, рабочих карточек и т. д. По этим снимкам остарбайтеров с висящими на шее бирками отчетливо видно отношение к «восточным рабочим» тех, кто их снимал. Для них это люди, лишенные всякой индивидуальности, люди под номерами, с нашивкой «ОСТ» на груди.

Довольно частый сюжет снимков – остарбайтеры за работой или возле барачных корпусов, где они жили, – почти всегда групповой портрет. Делавшие эти фотографии немцы осознанно или неосознанно пытались «нормализовать» присутствие «восточных рабочих» в немецкой жизни. Вот идет обычный трудовой процесс и люди со знаками «ОСТ» в нем участвуют; вот здесь они живут, а тут вышли на прогулку; вот они работают в немецких семьях, ухаживают за детьми. Хозяева к ним относятся доброжелательно, и фотоснимок это демонстрирует.

Среди сохранившихся фотографий есть и такие: остарбайтеры, особенно девушки, смотрятся на удивление благополучно. На первый взгляд, это плохо соотносится с их рассказами о голодной и тяжелой жизни в Германии. Опыт остовцев очень разнился, и жилось им по-разному – одно дело труд на шахте или военном заводе, другое – прислужой или нянькой в немецкой семье. Но в данном случае важно, что эти снимки делались в фотоателье на те несколько марок, которые остарбайтеры получали в виде зарплаты, как подарок друзьям, для отсылки домой, но главное – на память. Для этого девушки старались одеться и причешься как можно лучше, спрятать знак «ОСТ», чтобы хоть на фото вернуть себе индивидуальность и человеческое достоинство. Посылали на родину и открытки с видами городов, где располагались рабочие лагеря. О том, что на самом деле скрывалось за красивыми фотографиями, свидетельствуют надписи

на обороте снимков. Например: «Дорогая Зиночка, это фото-снимки села, где я живу. Справа – бывший монастырь и теперь русский лагерь. Вот и я живу в этом доме. Снаружи он очень красивый, но внутри его наша жизнь неважна».

В книге использованы хранящиеся в архиве «Мемориала» письма и открытки. Остарбайтерам (этот факт малоизвестен) было разрешено отправлять открытки на родину и получать почту от родных. Разрешалось также переписываться между собой внутри Германии. Даже из коротких текстов открыток, с вымаранными цензурой строчками, видно, как выглядела повседневная жизнь остовцев в реальности, а не на постановочной фотографии.

«Работаем 12 часов и посменно. Заступаем работать с 6 часов вечера и до 6 утра. А утром приходит дневная смена и работает до 6 вечера. Есть дают 3 раза в день. Утром дают 150 гр. хлеба и кофею, на обед суп и 150 грамм хлеба, вечером только суп».

Ценность этих писем не только в том, что в них содержится множество фактов о жизни остарбайтеров. Не менее важно, что они передают эмоциональное состояние тех, кто их писал. Из писем видно, какой порой невыносимой была тоска по покинутым родным. У деревенских подростков, которые и были в большинстве среди угнанных, эта тоска выливалась в настоящий «плач»: «Вспомни меня, мама, хоть раз во вторник, а я тебя вспомню за день раз сорок»; «Я живу на чужбине, где немилым становится свет»; «...Обольюсь горькими слезами, выплачусь хорошо, пока сердцу легче станет, и снова возвращаюсь в страшную жизнь»; «И где я не встану, и куда не пойду, я родного уголочка для себя не найду. Что ни возьму латать или стирать, вспоминаю любимую и родную маму»; «Если видется нам не придется, если горькая наша судьба, так на память пускай остается мое имя и подпись моя».

Не только в письма вставлялись стихотворные и песенные строчки, у многих остовцев были тетрадки, в которые они записывали песни, переписывали стихи: это помогало от тоски. Были и те, кто вел дневниковые записи, но в нашем архиве сохранился (и он приводится в книге) лишь один такой документ – маленький блокнот, в котором оставляла свои заметки угнанная из Белоруссии семнадцатилетняя Женя Киселькова. С 1942

по 1943 год она каждый день описывала свою жизнь: когда встала, что ела, где работала, чем болела, кого наказали. В этих скудных заметках деревенской девушки передана та монотонность течения подневольной жизни в немецком рабочем лагере и то чувство безысходности, которые невозможно воспроизвести через десятилетия даже в самом подробном рассказе о прошлом.

Главным источником, на котором основана наша книга, стали не дневники, и не письма, и не воспоминания. Ведь осто́вцы в подавляющем большинстве люди не эписталярной культуры: мемуаров они почти не оставили. Поэтому основой книги стали интервью с бывшими оstarбайтерами. В нашем архиве их более двухсот. Эти интервью записывали сотрудники «Мемориала» с начала 1990-х годов.

Конечно, собранные нами устные свидетельства – лишь малая толика огромного массива уже навсегда ушедшей коллективной памяти оstarбайтеров. К тому же мы очень запоздали со сбором этих свидетельств – многих осто́вцев к началу 1990-х уже не было в живых. И все же нам кажется, что из записанных воспоминаний возникает, хоть и далеко не полная, картина памяти оstarбайтеров. Картина не столько того, что и как было в прошлом, сколько того, как они помнят это прошлое.

Пробиваться к памяти осто́вцев было порой очень нелегко.

Большинство из наших собеседников попали в Германию 16–18-летними подростками, не имевшими жизненного опыта, не успевшими повидать в своей жизни ничего, кроме родной деревни или маленького городка. Не все смогли окончить до войны хотя бы семь классов. Описать, что они пережили в военные годы, им было трудно. Многие зависело от полученного уже после войны (или так и неполученного) образования. Поэтому очень разным был язык рассказчиков – от грамотного и литературного до просторечного. Некоторые интервью записывались на украинском и белорусском или языковой смеси, которую нелегко было понять. Иногда мы выслушивали связный и законченный рассказ, а порой получали лишь скудные ответы на поставленные вопросы. Кто-то извлекал из памяти массу мелких деталей и подробностей своей жизни. Другие, наоборот, могли с трудом воспроизвести лишь общую канву событий. Кто-то

говорил о том, что пережил, с поразительной, порой даже физиологической откровенностью, а кто-то подгонял свои воспоминания под схемы и стереотипы, обходя все острое, болезненное, трагическое.

Иногда рассказ был очень путанным, в основном из-за того, что наш собеседник, как и большинство остовцев, несколько раз менял в Германии место своего пребывания – с одного завода попадал на другой, от хозяина-бауэра на фабрику. Многие не сумели правильно запомнить, как назывались та деревня или городок, где они находились, тем более что немногие из них знали немецкий язык. Мы убедились, что даже минимальное знание немецкого языка, стремление запомнить географические названия и немецкие слова способствовали позднее лучшей работе памяти и рефлексии. Порой пережитое сидело так крепко, что в речи наших собеседников словно сами собой возникали немецкие слова из их тогдашней жизни: апель, хольцпантафель, кантине, лагерфюрер¹ и т. д.

¹ Поверка, деревянные башмаки, столовая, начальник лагеря.

Привести весь этот сложный массив к единому знаменателю коллективной памяти было непросто. Подчас было трудно даже выделить общие точки (как мы это попытались сделать в книге): начало войны, приход немцев, угон в Германию, работа в Рейхе, побеги, наказания, освобождение, возвращение на родину. И все же главная трудность этой работы с памятью – как для рассказчиков, так и для нас, слушателей, – объяснялась не только и не столько этой разногласицей, и не только юным возрастом наших собеседников в годы войны. Ведь и те, кто оказался на фронте, были не намного старше, а иногда и ровесниками остарбайтеров. Тем не менее очень многие из бывших фронтовиков всю свою последующую жизнь жили воспоминаниями о войне, берегли их в себе. Эта была хоть и трагическая, но признанная всем обществом героическая страница их прошлого, которую они не только не скрывали, а наоборот, гордились ею, часто даже приукрашивали и мифологизировали.

В памяти же бывших остарбайтеров срабатывал обратный механизм, в котором самыми существенными были два травматических фактора – чувство страха и в какой-то мере чувство вины. Они и оказывали воздействие на их воспоминания.

Страх преследовал наших собеседников всю жизнь. Некоторые испытали его уже в детстве, если у них были репрессированы родители: они чувствовали себя изгоями в школе, в пионерском отряде. Потом был страх перед немцами и полициями, когда началась оккупация. Потом – страх быть угнанным в Германию. И постоянный страх, который они испытывали уже в Германии, – перед побоями, концлагерем, бомбежками. И страх после освобождения, что их обвинят в предательстве. И наконец новый страх уже на родине, когда бывшие оstarбайтеры боялись даже самым близким признаться, что вынуждены были «работать на врага», что кто-то из них (особенно те, кто был занят в сельском хозяйстве или был нянькой в немецкой семье) жил и кормился иногда лучше, чем на родине. Страх заставлял молчать, что не все немцы, с которыми они сталкивались, были «фашистскими извергами», что кто-то относился к ним по-человечески. Ведь многое увиденное и пережитое оstarбцами не совпадало с тем, что внушалось советской пропагандой. И чем более сложным и не соответствующим советским черно-белым клише был опыт оstarбайтеров, тем сильнее они боялись рассказывать, что испытали.

Многим людям в советское время приходилось скрывать свое прошлое, обрубать семейные корни, но у оstarбцев это усугублялось тем, что такое утаивание продолжалось десятилетиями. Версии их собственной судьбы менялись: одна была в Германии, другая – после возвращения. Позже, в 1990-е, возникла и третья. Еще один важный фактор, влиявший на память оstarбайтеров, особенно в послевоенную эпоху, – подспудное, а иногда и отчетливо осознаваемое чувство своей вины за то, что оказались в Германии. Конечно, не в каждом рассказе бывших оstarбцев говорилось о вине, но почти в каждом слышалось желание оправдаться за то, что не смог убежать, не ушел в партизаны, не погиб, участвуя в Сопротивлении.

«И понимаете, выбить это из своей психики очень трудно. Меня убедили в том, что я виновата, и так я с этим и живу до сих пор. Я не могу себе представить, что я не виновата, нет. В чем-то я виновата. И так я с этой виной и живу» (Евгения Савранская).

Сейчас нам трудно разобраться, когда именно возникло это чувство вины – еще в Германии, в последний период войны, или уже после освобождения под влиянием атмосферы недоверия, которая возникала вокруг остарбайтеров. Но так или иначе эта атмосфера, основанная на советских пропагандистских стереотипах, создавалась и поддерживалась властью. Власти было выгодно внедрять и культивировать чувство вины – в окруженцах, военнопленных, остарбайтерах, даже в тех, кто просто выжил на оккупированной территории. Таким образом, власть не только снимала с себя ответственность за судьбы этих людей, но и оправдывала свою подозрительность и жестокость по отношению к ним.

Рассказ о прошлом давался многим нашим собеседникам очень тяжело. Мы были свидетелями, как снова и снова переживались старые обиды, открывались душевные раны. Стало очевидно, что молчание памяти было связано не только с чувством вины и страха, но и с пережитыми в Германии унижениями. Бывшим остарбайтерам было трудно рассказывать даже самым близким людям о наказаниях, о том, как их «продавали» на бирже труда, как смотрели зубы и щупали мускулы, что приходилось носить клеймо: нашивку со знаком «OST». Это чувство униженности, неполноценности испытали почти все бывшие оловцы.

На всю жизнь оставались в памяти не только голод, побои и непосильный труд, но и хозяйские пощечины или презрительные фразы, постоянно слышимое от немцев оскорбительное: «русская свинья». И что было еще больнее – услышать потом «немецкая подстилка» от своих.

«Я думаю, что не могу складно рассказать, все-таки пятьдесят лет прошло. Забываешь голод, ощущение боли. Но унижения и страха забыть нельзя» (Галина Аграновская).

С этими страхами, обидами и травмами бывшие остарбайтеры долгие годы должны были справляться сами. Никто не задумывался, что их обиды и травмы можно было преодолеть лишь одним – общественным признанием их трудной судьбы и совершенной по отношению к ним несправедливости. Это впервые стало возможным в начале 1990-х. «Неужели есть люди, которые не забыли о нас», – говорилось в одном из тех тысяч писем,

которые пришли в «Мемориал». Действительно, лишь тогда остарбайтеры, наконец, заговорили открыто о том, что пережили. Появились публикации, состоялись выставки, немецкое правительство выплатило компенсации за их подневольный труд в Германии во время войны.

Однако после короткого всплеска интерес к истории бывших остарбайтеров в последние годы в обществе снова угас. Это связано и с уходом из жизни последних свидетелей, но прежде всего с тем, что из публичной памяти о войне сегодня снова вытесняется все трагическое, сложное, противоречивое, а история остоцев, по сути жертв двух диктатур, опять не вписывается в глянцевою и упрощенную победную картину. До сих пор в России нет ни постоянной выставки, ни научно-исследовательского центра, который бы поддерживал исчезающую из общественного сознания память о «восточных рабочих». Задача этой книги и состояла в том, чтобы напомнить об этих людях – их судьбе, их памяти.

Часть первая

ДО УГОНА В ГЕРМАНИЮ

Довоенное детство

У многих бывших оstarбайтеров детские или подростковые воспоминания о том, что было до войны, довольно смутные и плохо осмысленные. Некоторые наши собеседники вообще не придавали большого значения событиям довоенной жизни. Их рассказы об этом времени довольно скупы: родился там-то, учился в школе, закончил столько-то классов, и – вот оно самое важное, о чем надо говорить! – *началась война*.

Война и пребывание в Германии навсегда остались для них главными, рубежными событиями в жизни, в этом они видели уникальность своей биографии, а все, что было до войны, несущественно и, с их точки зрения, малоинтересно: «Зачем об этом рассказывать? Кому это нужно?» К тому же угон в Германию означал настолько резкую перемену жизни, что немецкие впечатления вытесняли из памяти все происходившее до этого. Между тем именно довоенные годы во многом определили отношение наших собеседников к тому, как они восприняли оккупацию, а затем и Германию.

«Не во что было одеться»

Как они жили до войны и как вспоминают об этом? Большинство наших рассказчиков – будущих оstarбайтеров, которым к началу войны было 15–17 лет, жили в деревнях и поселках, как правило, в многодетных крестьянских семьях. Их быт – типичный для второй половины 1930-х годов. Небольшой домик в южных районах России и на Украине, так называемая ма-занка, нередко под соломенной крышей и с земляным полом.

Домашнее хозяйство, оставшееся после коллективизации, невелико: обычно – корова, свинья, несколько овец, куры, приусадебный сад-огород. Часы, фотоаппарат, патефон даже в городе считались предметами роскоши, а в деревне и вовсе были редкостью.

Один из наших собеседников – **Виктор Шульдешов**, чье детство прошло в курской деревне, с гордостью вспоминал подарки, которые присылал брат отца – военный инструктор: «Он нам помогал – мне прислал фотоаппарат, часы карманные подарил, костюм хороший купил, по тем временам в деревне я только один такой имел. И купил нам патефон на две семьи: отцу и сестре. Месяц мы пользовались, а месяц – сестра».

Жизнь большинства семей была трудной. «Нас было пятеро у отца с мамой, – рассказывает **Анна Одинокова**, жившая до войны на Черниговщине. – Не сказать, что мы жили сыто. В школу встаю утром – картошка, прихожу домой – картошка, вечером – опять картошка».

Толпа у продовольственного магазина. Харьков, 1932–1933 / Фотограф А. Винербергер. Коллекция кардинала Теодора Инницера (Архив Венской епархии)

О нищете, в которой прошло их детство, наши собеседники рассказывали как о чем-то совершенно естественном. Житель Одесской области **Сергей Дрига** вспоминал: «Из-за бедности я часто пропускал школу, приходилось бегать по морозу за два

Пионеры. Ивановская область. 1920-е

километра босиком. Не во что было ни одеться, ни обуться. <...> Прибежишь в школу, а учительница смотрит на мои красные ноги и радуется, что я все-таки пришел».

Трудно жилось и в больших городах, особенно если был арестован отец – кормилец семьи.

Галина Аграновская (Брянск): «Я, маленькая девятилетняя девочка, думала, как мне повеситься, потому что я хлеб уронила в лужу. Я же не могу прийти без хлеба. Бабушка – инвалид, отец арестован. Брат маленький».

«Голодный 33-й помню хорошо»

Все наши собеседники, чье детство прошло в деревне, помнили голод 1932–1933 годов. Большинству было тогда 6–10 лет, и постоянное чувство голода у многих было едва ли не первым сознательным воспоминанием.

Анна Одинокова (Черниговская обл.): «Голодный 33-й год я помню хорошо. Ходила весной в поле собирать гнилую картошку. Крапиву, лебеду добавляли в хлеб. Это был страшный год. <...> Я в первом классе тогда училась. <...> Мамина сестра

звала меня, чтобы я к ним приходила ужинать после школы. Ее муж был бригадиром тракторного отряда, у них всегда хлеб был. <...> И вот садимся ужинать, а у меня еда не проходит, у меня слезы градом. Я представила, что дома все голодные, а я сижу и ем».

Домникия Скиба (Каменец-Подольская обл.): «Наши люди все опухлые лежали, помирали прямо на улице».

Вспоминая о голоде, наши собеседники говорили и о причинах, вызвавших голод, о политике властей по отношению к крестьянам.

Павел Михайлов (Запорожская обл.): «У нас власть все запасы зерна забрала. Искали везде, вилами матрасы протыкали. Забирали все подчистую. Даже пару килограммов фасоли, которую мать спрятала за иконой, и ту забрали. А нас в семье было шесть человек. Мать пекла тыкву – тыкву не отбирали. А когда начала цвести белая акация, сушили соцветия, клали в молоко и варили суп. Хорошо, что корова была – только она и спасла».

Вспоминали и о пугавших детей слухах о людоедстве.

Неонила Рожкова (Житомирская обл.): «Что мы ели? Квашеный бурак и мамалыга – не каждый день такая роскошь была. Хорошо помню, как я собирала обгрызки яблок по улицам – кто не доел обгрызок, я его подберу, оботру и доем. Я как раз в 1-й класс пошла, и папа стал водить меня в школу и обратно. А почему? А потому, что крали детей и ели».

Рассказывали о вызванных голодом озверении и жестокости.

Вера Дергачёва (Сталинская обл.): «Мы пошли с папой на рынок. Там продавали и борщ, и капусту жареную, и кусочки хлеба – прямо как в столовой. И вот при мне один молодой человек схватил кусок хлеба и – бежать. Его догнали и били. Люди бежали посмотреть, как его бьют».

Евдокия Верхоланцева (Псковская обл.): «Мама побиралась. Брала меня и сестру и ходила с нами побираться. Некоторые добрые люди пускали в дом, давали хлеба, а другие собаку спустят: “Много вас тут шляется!”»

Рассказывали о потерях в семьях.

Иван Запирин (Курская обл.): «У меня шесть сестер было, они все померли в 32-м году. Все шесть от голода на глазах у матери».

В детской памяти остались эпизоды, трагически перевернувшие всю жизнь. Вот рассказ Галины Шаланковой, чье детство прошло в селе Архангельском Орджоникидзевского края. «Осталось нас у матери трое – я, брат и сестра. В 33-м году сильный был голод, страшный, вымирали улицами люди, страшно даже вспомнить. Мать свиначкой работала. Мы пойдем, из корыта наедемся со свиньями, да и хорошо. Ходили милостыню просить. Потом маме соседи посоветовали: “Сдай ты их в детский дом, что ты мучаешься”. Ну она и говорит мне и брату: “Таля, Миша, вы пойдете в детский дом?” Мне было девять лет, а Мише шесть. Мы ей говорим: “А хлеб будут давать?” Она говорит: “Будут”. – “Ну, значит, пойдем”. Она нас за руку привела на станцию и говорит: “Вот я сейчас уйду, а вы подойдете к дяденьке любому и скажите: “Отведите нас, пожалуйста, в детский дом””. Мы так и сделали».

Воспитанники детского дома в очереди в баню. 1930-е

Однако в детский дом надо было еще суметь попасть. Оставшихся без родителей детей колхозников туда старались не брать. Свидетельствует Анна Ермилова (колхоз «Красный партизан», Саратовская обл.): «Нас было четверо у мамы. Когда она умерла, мне было восемь лет. Отец умер еще раньше. Но так как мы в колхозе, нас в детдом не взяли. Сказали: вы колхозники – одна семья, пусть вас колхоз воспитывает. Взяла нас к себе

соседка. Мы у нее жили, и за нас колхоз платил ей три килограмма муки. Ну а мы голодные, как собаки. Обуть, одеть нечего было».

Но и жизнь оказавшихся в детском доме зависела от честности и порядочности тех, кто в нем работал.

Рассказывает **Альдона Волынская**, которая попала в детский дом на Украине в 1938-м: «Нам хотелось есть, пить, и когда нам налили, даже самые маленькие не стали есть. В каждой тарелке плавали кучи мух. Ну, потом и этот суп ели. <...> Этот детский дом был создан для детей, родители которых погибли в 1933 году во время голода. С утра до вечера была мечта что-нибудь поесть. <...> Придешь к медсестре, она мажет зеленкой твои струпья и говорит: “Вам бы мясо надо есть”».

Дети из рабочих семей маленьких городов и поселков жили чуть получше, особенно если у отца была рабочая карточка, но многие продукты и для них были недоступным лакомством. Вот одно из самых ярких детских воспоминаний дочери путевого обходчика семилетней **Анны Гуляевой** (Смоленская обл.): «Я сильно болела, была слабая, никчемная. И мне так захотелось масла. И папа поехал в Вязьму и говорит: “Ну что тебе, доченька, привезти?” Я говорю: “Масла, масла!” Очень просила. Мне так хотелось масла сливочного!»

Среди наших собеседников было несколько детей из благополучных городских семей: инженеров, военных, партработников. Они жили совсем иначе.

Членов семей инженеров строящегося Сталинградского тракторного завода, например, «кормили в так называемой “американской столовой”, – вспоминает дочь начальника цеха **Антонина Сердюкова**, – за копейки, то есть практически бесплатно. В 1933-м, когда люди на улице падали опухшие от голода, мы жили в роскоши».

В этом свидетельстве важна не столько констатация социального неравенства в «самом справедливом в мире государстве рабочих и крестьян» (один из главных мифов советской пропаганды), сколько то, что несправедливость с самого детства воспринималась как норма, как сложившийся порядок вещей.

Показательно, что естественная для детей жалость, сочувствие к голодным сверстникам не вызывали одобрения у взрос-

лых. Об этом рассказывал в своем интервью **Игорь Малицкий** – сын военного, увидевший голодающих на Украине. Их семьи, благодаря привилегированному положению отца, голод не коснулся. «Летом мы поехали в дом отдыха для военнослужащих. Там была стеклянная такая столовая. А вокруг столовой стояли дети, старики и смотрели, как мы кушаем. Стояли с консервными баночками. Я, помню, бегал по столам, собирал отходы, сливал их в эти баночки и передавал им. За это меня здорово ругали».

Пропуск в столовую
Одесского облисполкома.
1930-е / Из собрания
М. Пойзнера

Семья начальника отделения Генерального штаба
РККА на отдыхе в Крыму. 1930-е

«Отца арестовали»

Довоенное детство будущих остовцев прошло на фоне самых жестоких репрессий сталинской эпохи. Некоторые из них прямо или косвенно стали свидетелями или жертвами раскулачивания начала 1930-х и Большого террора 1937–1938 годов.

В разных семьях эти события воспринимались по-разному, но знали о репрессиях почти все наши собеседники. Существующий до сегодняшнего времени миф о том, что большинство граждан страны жило в счастливом неведении, опровергался практически в каждом интервью.

Коллектив рабочих типографии. Москва. 1924

Приведем рассказ Таиссы Толкачёвой. В 1937 году она училась в 6-м классе и жила в украинском городе Геническом. «Была такая книжечка, – вспоминает она, – называлась “Товарищ”. В ней были портреты наших вождей. И вот учительница велит нам открыть такую-то страницу и зачеркнуть такой-то портрет: “Это враг народа!” Зачеркиваем. На завтра – снова: “Зачеркните такой портрет – это тоже враг народа”. Зачеркиваем, зачеркиваем. А потом папа приходит и говорит маме: “Ты знаешь, арестовали нашего бухгалтера”. А рядом, на нашей же улице, жил священник. Слышим, и его взяли. Взяли того, другого, третьего. Папа говорит: “Ну и времена настали, ну и времена! Все стали врагами!” И мы думали: “О господи! Если уж таких берут, как этот бухгалтер, может, и к нам придут?” В такой тревоге жили».

С детьми, особенно в интеллигентных семьях, старались о репрессиях не говорить, но какие-то обрывки разговоров взрослых до них все равно доносились: «Отец очень возмущался, когда начали сажать. Разговаривал об этом с мамой, а нам всегда при этом говорил: “Дети, идите, идите гулять”. Старался, чтоб

мы особенно не прислушивались», – вспоминала дочь военного Елизавета Крестьянцева (Кировоград).

Дети чувствовали разлитые в воздухе напряжение и тревогу. Некоторые из них стали свидетелями ареста собственных родителей.

Ленинградка Лидия Дадзис: «Мне было тринадцать лет. Мой отец был военный, капитан первого ранга, он преподавал в Кронштадтской машинной школе. 23 февраля 1937 года его наградили медалью, а 24-го пришли арестовывать. Я проснулась ночью от маминого плача. Я притворилась, что сплю, но поняла, что папу арестовали».

Повестка в НКВД. 1940

Галина Аграновская (Орел) вспоминала, как арестовывали отца, писателя Федора Каманина: «Ночь. В квартире обыск. Мама стоит у печки, заложив руки за спину, бледная, ее знобит, я прижалась к ней и почувствовала, как она дрожит. Бабушка сидит в углу на стуле. Мне девять лет, и я почему-то знаю, что нельзя спрашивать, что случилось».

Глубокая обида, ощущение несправедливости, внезапное превращение наших собеседников из советских школьников в детей врагов народа стали для них на всю жизнь не менее тяжелой травмой, чем пережитое ими во время войны. У многих впервые пошатнулась вера в то, что СССР – самая прекрасная страна на свете.

О чувствах подростка, у которого после ареста отца мир в одночасье перевернулся, рассказывал **Игорь Малицкий**. (Еще недавно он отдыхал в ведомственном доме отдыха и собирал остатки супа для голодающих.) «Самое тяжелое в моей жизни, даже тяжелее всех концлагерей, которые я прошел, было в сороковом году, когда в школе выстроили пионерскую линейку, меня вызвали на середину, и старший пионервожатый сказал, что сын врага народа не может носить красный галстук. Я не знаю, как я остался жив. Наша 30-я школа находилась как раз возле Харьковского моста, я побежал и бросился с моста в реку. Меня вытащили, отвезли домой. Но я перестал ходить в школу. Мама упрашивала меня: “Сынок, ты должен доказать, всем доказать, что ты честный и сын честного человека”. И я поклялся, что докажу».

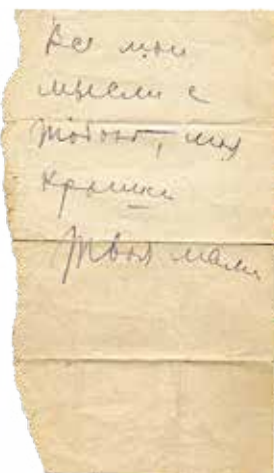

Пионерское собрание в «красном уголке». Москва, 1930-е /
Фотограф И. Шагин. Агентство «ФотоСоюз»

Очень трудной оказалась судьба **Альдоны Волынской** (Москва), которую после ареста отца, а потом и матери, в 11 лет забрали в детский дом: «Мама надела черное платье и ушла, и – всё. Три дня ее не было, я сходила заплатила за квартиру, хожу в школу. Папа уже был арестован. Играю с девочками на Сretenском бульваре, через скакалочку прыгали, весна уже была. Прибегает

Протокол обыска несовершеннолетнего.
Даниловский детприемник НКВД. Москва, 1938

Записка, оставленная матерью во время ареста.
1938 / Из семейного архива Шульдер-Немченко

соседка и говорит: “К тебе приехали”. Ну было несколько человек в комнате, они говорят: “Собирай свои вещи, ты поедешь к бабушке”. Я так про себя подумала: “А как же я к ней поеду, когда я не знаю ее адреса?” И они у меня адрес не спросили. Вывели меня в другую комнату, там всё было перерыто. <...> Разрешили взять вещи только детские. Я взяла однотомник Пушкина и однотомник Чехова, серые такие большие книги. Вот так я с нимиехала на “эмке” в детприемник. Это 38-й год. В Даниловском детприемнике меня повели в подвал, сняли отпечатки пальцев, сфотографировали».

О Большом терроре 1937–1938 годов вспоминали и те из наших собеседников, чье детство прошло в деревне.

Владимир Щебетюк, сын колхозного механизатора (село Исаковцы, Каменец-Подольская обл.) рассказывал: «В тридцать седьмом году я был в пятом классе. У нас в тот год многих репрессировали. Отца первого забрали, почтальона забрали, ветеринара забрали, доктора, учителей двух, всех забирали. Через дом».

Татьяна Желамская (деревня Руда, Псковская обл.): «Папиного брата, который был председателем колхоза, посадили

Воспитанники детского дома готовятся к Первомайской демонстрации.
Украина. 1939

в “ежовщину”, и он пропал навсегда. А за что посадили? За то, что стог гороха сгнил. Сказали: вредительство».

Из воспоминаний **Антонины Улановской** (поселок Штеровка, Ворошиловградская обл.): «1938 год. Все шепотом говорили у колодца: “Посадили Вахля, он вредитель или шпион”. Неужели шпион? Он – пьяница, нализался, когда все слушали доклад Калинина из репродуктора. Народу в тот раз собралось много, а он подошел к репродуктору и говорит: “Шо ты там брешешь?” Вот и все его вредительство. Ночью за ним пришли и его увели. Остались у него жена и дети, и дочь Лида, с которой мы вместе учились. А сам Вахлай как в воду канул».

Деревенские рассказы в большинстве связаны с раскулачиванием. Они не столь эмоциональны, как рассказы горожан об арестах, но не менее трагичны.

«Отец у нас погиб в 29 лет во время коллективизации, – рассказывала **Ганна Музалёва** (село Новоселки, Харьковская обл.). – Он был коммунистом, и было ему задание – столько-то человек заagitировать в колхоз. А отцу такой район попался, что не было там желающих идти в колхоз, или он не сумел их заставить. За это его, коммуниста, посадили вместе с кулаками. И он из-за этого застрелился».

Григорий Кульбака (село Кислечеватое, Днепропетровская обл.): «Я помню, как нас раскулачивали, помню, как наш дом продали, как нас выселили из дома, как мы скитались. А отца арестовали и отправили на Беломорканал».

Анна Штепа (Гусаровский зерносовхоз, Ростовская обл.): «Нас у папы было шестеро. И у соседа, дяди Саввы, столько же. Они с соседом купили корову, и чтобы одеть нас, ее зарезали и повезли на рынок. Привезли на рынок, а там признали, что она была яловая, то есть с теленком. И их посадили обоих – дескать, хотели укрыть теленка от сдачи государству».

Вывоз хлеба. Вятская губерния. 1930-е /
Фотограф А. Шишкин. Агентство «ФотоСоюз»

Почтовая карточка. 1934

В рассказах будущих остовцев о детстве раскулачивание, обыски, аресты присутствуют порой как фон, как нечто обыденное, едва ли не само собой разумеющееся. Особенно если рассказчики не из городских семей, а из деревенских. Возможно, это объясняется тем, что сельские жители чаще и непосредственнее сталкивались с насилием властей. Этот опыт вплетается в их рассказы как часть тогдашней повседневности и передается порой без всяких оценок. Вот рассказ об аресте отца **Федора Дудко** (село Крыски, Черниговская обл.): «Отец немножко сплюшал. Он работал на спиртзаводе и перевозил спирт на лошади в бочке. И вот однажды на пароме лошадь лягнула – и бочка упала в воду. А отцу – два года лагерей за это». Характерно, что даже

спустя много лет наказание в два года лагерей сын оценивал как нечто естественное: просто «отец немножко сплошал».

В рассказах сельских жителей о репрессиях мотив обреченности, покорности власти и судьбе едва ли не самый распространенный: «ничего не поделаешь», «куда денешься», «плетью обуха не перешибешь».

Вот характерный пример из интервью с Домникией Скибой (село Заслучное, Каменец-Подольская обл.): «У нас всё забрали – корову, пару лошадей, свинью, а нас выгнали из хаты. Прямо на улицу. Отчего выгнали? Не хотели вступать в колхоз. Ну, а потом – куда деваться! – поступили в колхоз, робили все».

Если кто-то из детей горожан, оберегаемый взрослыми от тяжелых жизненных реалий, еще мог оставаться в неведении о происходящем, то в деревне это было совершенно исключено. Раскулачиванию подвергались односельчане, соседи, родственники. Кому-то повезло, кому-то нет, кого-то раскулачили, а кто-то раскулачивал сам.

Баржа со спецпереселенцами в районе поселка Тогур на реке Кеть. 1930-е /
Архив Томского мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД»

У Виктора Шульдешова (село Крюково, Курская обл.) отец работал председателем сельсовета. «Мы жили в доме раскулаченного, – вспоминал бывший остовец. – Его не выслали, он в нашем же селе жил. Построил себе на окраине хибарку и жил там».

Конечно, детская психика по-своему преломляла трагические события – в высылке виделся элемент приключения.

Татьяна Желамская (деревня Руда, Псковская обл.): «Нашего папу тоже несколько раз исключали из колхоза и даже собирались выслать. Мы с сестрой Катей не могли дождаться – когда же нас вышлют: хоть бы мы на поезде проехали!»

«Была такая радостная жизнь!»

Рассказы остовцев опровергают складывавшуюся в течение многих десятилетий мифологическую картину счастливой довоенной жизни. Однако реалии этой жизни в сознании тогдашних юношей и девушек парадоксально сочетались с верой в «правильность» советского строя. Из рассказов наших собеседников следует, что к началу войны они в подавляющем большинстве были убежденными советскими людьми. Все они принадлежали к первому поколению, родившемуся и воспитанному после

Линейка. 1934 / Фотограф Э. Евзерихин. Агентство «ФотоСоюз»

Воспитанники Красной армии. 1936 / Фотограф Э. Евзерихин.
Агентство «ФотоСоюз»

Октября 1917-го, и вера в коммунистическую партию, в Сталина, в непобедимость Красной армии, в то, что они живут в лучшей в мире стране, внушалась им с детства. Память вытесняла все негативное: плохую одежду, недоедание, бережно сохраняя самые светлые воспоминания. Нам рассказывали о ярких событиях детства: прием в пионеры, пионерский лагерь, занятия в многочисленных кружках.

Анна Одиноква (село Дубовичи, Черниговская обл.): «Да, жили впроголодь. Но была такая радостная жизнь! Когда мне исполнилось четырнадцать лет, мне сказали: “Пиши заявление в комсомол. Ты – отличница, ты должна пример подавать, пиши!” Я в школе стенгазету оформляла. Стихи даже сочиняла! А пионерский лагерь! Там ведь кормили хорошо. Вот кусок белого хлеба натурального, маслом помазанный, дадут. Или кофе... Я сроду понятия не имела, что это такое – кофе, какао. <...> Ой, это я как в рай попала!»

Москвичка Ирина Соколова: «Я такая активная была комсомолка. В советскую власть и светлое будущее верила безгранично. Я вам больше скажу: если я на Первомайской демонстрации почему-то не видела Сталина на трибуне, это для меня было

Деревенские дети с плакатом «Дети революции, будьте готовы продолжать и завершить дело Ильича». 1933–1934 / Фотограф М. Марков-Гринберг. Агентство «ФотоСоюз»

несчастье. Когда я шла по Красной площади, мне казалось, что он только на меня смотрит».

Анна Гуляева (Вязьма): «Мы не сомневались в правильности нашей политики. Помню, как после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии мы пели в классе: “Панской Польши нету больше. Хитрой ведьмы нет в живых. Не захватит в лапы Польша наших братьев трудовых”»¹.

Владимир Щебетюк, чье детство прошло в пограничном поселке Исаковцы, вспоминает: «В колхозе была одна машина – полуторка. На майские и октябрьские праздники на эту машину ставили скамеечки. И всех нас, учеников начальной школы, усаживали с красными флажками и катали вдоль границы. Просили нас, чтобы мы спивали песню: пусть румыны видят, как хорошо живут дети при советской власти. А начальник погранзаставы выезжал на поле и говорил: “Женщины! Косыночки хорошо стирайте, выутюжьте, потому что румыны и поляки на вас смотрят”. И никто не считал это показухой. Все думали: так и надо – мы же советские».

Ну и, разумеется, в соответствии с партийными установками всячески насаждалась бдительность.

¹ Искаженная цитата из частушки В. Лебедева-Кумача, написанной в 1939 году в связи с «освободительным походом» Красной армии в Польшу.

Пионеры за изучением бензинового моторчика. 1930-е / Фотограф И. Шагин.
Агентство «ФотоСоюз»

Таисса Толкачёва (Геническ, Херсонская обл.): «Нас, комсомольцев, просили быть бдительными. “Враг прячется в любую форму, – говорили нам. – Может притвориться и старухой, и стариком. Так что будьте бдительны!” Как-то раз нас назначили дежурными на берегу моря. Мы – один мальчик и четыре девочки – слышим, лодка подошла, какой-то человек идет по берегу. Мы подбегаем к нему: “Стой!” – кричим. – “Руки вверх!” Поднимает руки вверх высокий мужчина. Оказывается – это папа. Он ловил ночью рыбу, и мы его поймали, так сказать. Вот такой был смешной анекдот. Приходим в райком комсомола, я говорю: “Ой, я поймала своего отца”. А секретарь говорит: “Ну что же, ну ошиблась в этот раз, бывает”».

Но это привычное советское «мы все верили» расходится с «мы всё понимали» в рассказе Надежды Измалковой (Киев): «Мы всё понимали. И когда мы писали какое-то сочинение, то мы должны были начинать сочинение такими словами: “Під

На уроке. Конец 1930-х /
Фотограф М. Марков-Гринберг.
Агентство «ФотоСоюз»

Урок в детском доме.
Саратов, 1939

керівництвом комуністичної партії і генієм людства Йосипа Сталіна”². Этими словами должны были начинать и этими словами заканчивать. Если я этим не закончу, то получу тройку. Мы это понимали, мы смеялись. Детьми мы воспринимали жизнь такой, как она есть».

Важно заметить, что многие наши собеседники даже с их четырьмя-пятью классами сельской школы были самыми образованными в своих семьях. Отец в лучшем случае учился в церковно-приходской школе, мать, как правило, ни читать, ни писать не умела. Семилетка в то время считалась уже сравнительно высоким уровнем образования. Родившиеся в 1920-х годах стали фактически первым поколением в СССР, прошедшим через систему обязательного (в то время начального) школьного обучения.

В школе все будущие осто́вцы воспитывались в антирелигиозном духе. И, хотя иконы в доме оставались, молились и ходили в церковь, если она была, чаще всего старики. Детей крестили, но к религии активно не приобщали – понимали, что у них в школе могут быть неприятности. Некоторые наши собеседники

² Под руководством коммунистической партии и гения человечества Иосифа Сталина (укр.).

Храм, превращенный в антирелигиозный музей. Тюмень, 1930-е

пришли к религии, уже пройдя Германию, потеряв родных и близких. В своих интервью они вспоминали не только разрушение церквей и уничтожение икон, но и суеверные представления о наказаниях, постигших виновных.

Отец **Регины Лаврович** был директором школы в белорусской деревне Осовец и участвовал в разрушении церкви. «Церковь разрушили, чтобы построить школу, – рассказывала она. – Но когда начали разрушать церковь, нужно было снять звоны. А никто не хотел. И вот нашелся один мужчина, он перекрестился и сказал: “Ну, Бог не выдаст, свинья не съест!” – полез и снял. А в 43-м году на нашу деревню упала бомба – только одна! – и этой бомбой тому мужчине оторвало правую руку. Вся деревня сказала: “Это тебе за церковь”. Может, мой отец и погиб

Антирелигиозная азбука. 1933

молодым в 41-м, потому что он тоже участвовал в разрушении этой церкви».

С детства им внушалось: СССР – лучшая страна в мире.

То, что картина общей и единодушной веры не отражала реальности, все они увидели очень скоро – как только началась война.

Война

Война для будущих остовцев началась неожиданно. Говорили нам об этом примерно в тех же выражениях, что и встретившая войну в Золотоноше (Полтавская обл.) Варвара Хабарова: «Даже в мыслях не было, что может война начаться. Для нас это было как снег на голову».

И это несмотря на то, что войну ждали. Страна готовилась к войне – это было очевидно всем. Лидия Дадзис (Ленинград): «Мне было 17 лет, мы все ждали войну». Павел Михайлов (Запорожская обл.): «В газетах только и писали про войну. Народ был на взводе».

К будущей войне активно готовила школа. Старшеклассники (правда, большей частью горожане) сдавали нормы ГТО, учились стрелять на значок «Ворошиловский стрелок», ходили на курсы военных медсестер, занимались в аэроклубе (Григорий Кульбака, Ольга Смирнова, Мария Виткевич, Вадим Новгородов и др.).

Вся довоенная советская культура была наполнена ожиданием войны. О будущей войне писали книги, снимали фильмы, пели песни. Будущей войной оправдывались довоенные репрессии: для того, чтобы победить внешнего врага, надо было уничтожить врага внутреннего – пятую колонну – предателей и шпионов. Пропганда постоянно внушала, что Красная армия «всех сильней», что она, как показывалось в фильме «Если завтра война»³, разгромит противника на «вражьей земле малой кровью, могучим ударом».

Ольга Головина (Москва): «Войну знали по книжкам, по спектаклям, по радиопередачам. Как мы ее восприняли? О, это ненадолго! Мы прогоним, мы выгоним!»

Никто не воспринимал пакт Риббентропа – Молотова, раздел Польши, присоединение Прибалтийских стран, Западной Украины и Западной Белоруссии, войну с Финляндией как канун

³ Советский художественный фильм «Если завтра война» (1938; коллектив кинорежиссеров под руководством Е. Дзигана) о готовности Красной армии дать отпор врагу.

Урок военной подготовки
в школе. Москва, 1939

В пионерском лагере.
Тренировка с противогазом.
1930-е / Фотограф
М. Марков-Гринберг.
Агентство «ФотоСоюз»

большой войны. Большинству жителей страны было непонятно, кто же теперь главный враг, с кем придется воевать.

Антонина Владимировна (Черкесск): «Мы жили спокойной нормальной жизнью, никто и не думал, что немцы нападут. Всё так внезапно случилось».

«По радио Молотов выступает»

День 22 июня нашим собеседникам запомнился очень хорошо, и внезапность войны – это первое, о чем они говорили в своих воспоминаниях и интервью.

«Чего Гитлер хочет». Кузнецкий Мост, «Окна ТАСС», Москва, 1941 /
Фотограф А. Устинов. Агентство «ФотоСоюз»

У некоторых, например у Галины Аграновской (Дятьково, Брянская обл.), эти рассказы окрашены в идиллические тона – конец мирной домашней жизни: «Был замечательный июньский день. <...> Мне исполнилось 13 лет буквально месяц назад, и папа подарил мне [книгу] “Гаргантюа и Пантагрюэль”. Помню, папа сидел за письменным столом, а я читала на бабушкином диванчике и смеялась в голос. <...> И папа каждый раз поднимал голову и говорил: “Доченька, потише, ты мне мешаешь”. И в этот момент в открытое окно заглянула соседка с улицы и сказала:

“Федор Георгиевич, что вы сидите и пишете! Война началась!” Отец Галины – журналист и писатель Федор Каманин, незадолго до этого освобожденный из тюрьмы, вскоре уйдет в партизаны, будет редактировать партизанскую газету на Брянщине. Позже всю их семью угонят в Германию.

Ленинградка **Валерия Фёдорова** на каникулы приехала на родину отца в Западную Белоруссию, где ее застала война. «В ночь на воскресенье мы проснулись от гула самолетов и грома взрывов. Сначала мы решили, что это какие-то маневры и военные учения, но когда самолеты стали разворачиваться, мы увидели черные кресты и поняли, что это бомбят немцы и что началась война. Уже в понедельник увидели первых беженцев – шли женщины с детьми с пограничных застав по шоссе от Бреста на Минск».

Но для большинства наших собеседников в июне 1941 года война еще не стала ощутимой реальностью. Десятиклассники отмечали окончание школы. **Надежда Булава** (Сталино): «21-го у нас был выпускной вечер, а 22-го объявили войну».

Понимание того, что оборвалась прежняя жизнь, к будущим островцам придет позже. Пока еще ими это не осознается.

Вера Дергачёва (поселок Скотоватая, Сталинская обл.): «Я получила аттестат зрелости. [Собираюсь] поступать в медицинский институт в Махачкале. <...> Подруга мне говорит: “Вера, а ты слышала, что война?” Я говорю: “Нет. Какая война?” До меня вообще не дошло, что это такое».

Таисса Толкачёва (Геническ, Херсонская обл.): «22 июня было утро чудесное, такое тихое, спокойное, солнечное. Я уборку делала. [По радио] передавали отрывки из оперетт. <...> И вдруг прерывается музыка, тишина, и Молотов объявляет о войне. Папа говорит: “Ужас! Началась война!” Но для меня это “началась война” ничего не значило, я не представляла, что такое война».

Антонина Сердюкова (Сталинград): «В 41-м году я закончила музыкальную школу, у нас был концерт выпускников 22 июня. С утра – тишь и гладь, солнце сияет, красота кругом. <...> Объявили мой номер, я вышла на сцену и не успела шагнуть к роялю, как кто-то сзади меня отодвинул. Выходит мужчина: “Товарищи! Война!” И я стою, на него смотрю. [Тогда преподаватель]

Москвичи слушают выступление В. Молотова по радио о нападении Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 года / Фотограф И. Шагин. Агентство «ФотоСоюз»

Первый день мобилизации в РККА. Москва, 23 июня 1941 года / Фотограф А. Устинов. Агентство «ФотоСоюз»

Сергей Николаевич взял меня за руку, подвел к роялю: “Играй!” В зале рыдания, двери распахнулись, а он: “Играй!” Я играла Брамса, Венгерский танец № 1».

Ростовчанка Анна Штепа 22 июня 1941 года пошла в парикмахерскую. «Сию, по радио Молотов выступает, объявляет войну. Я поднимаюсь, а парикмахер говорит: “Вы чего, уходите?” И сделал прическу».

Все эти рассказы свидетельствуют не только о наивности, свойственной подросткам, какими и были тогда наши собеседники. Была почти единодушная убежденность: война ненадолго. Никто из наших рассказчиков не мог представить, что произойдет с ними через очень короткое время.

Анна Одинокова (село Дубовичи, Черниговская обл.): «Кинофильмы такие демонстрировали, что нам ничто не страшно».

Виктор Жабский (Новочеркасск): «Мы ж были воспитаны патриотически. <...> Когда фильм демонстрировали в кинотеатре,

и вот покажут кого-нибудь из вождей – Сталина, Ворошилова, Молотова, Буденного, – зал встает и аплодирует. И попробуй не встать, каждый смотрит: встал или нет?»

Вера Шеренкова (Северный Кавказ): «Когда нам дали карточки на продукты, [мы] говорили: проживем, что нам, полгода – и война закончится!»

С такими настроениями они встретили начало войны. Многие торопились записаться добровольцами, чтобы успеть принять участие в разгроме фашистов.

Ольга Смирнова (Любань, Ленинградская обл.): «На следующее утро мы собрались все в военкомате, весь класс. Думали: вот сейчас мы получим форму, автоматы и пойдем щелкать [фашистов]. Но таких желающих было столько много, что мы в военкомат даже не попали. [Нам] сказали: когда понадобится, пригласим».

Мария Виткевич (Красное Село, Ленинградская обл.): «В понедельник сразу же пошла в райком, чтобы меня взяли добровольно на фронт, потому что я перевязывать умею. Я хотела быть врачом. Меня не взяли на фронт, сказали, что нет комсомольского билета, а фактически, как я узнала потом, мне выразили просто недоверие как кулацкой дочке. И я на рытье окопов была».

Виктор Жабский (Новочеркасск): «Патриотический подъем был вначале большой. Мы же мечтали так с друзьями: разведем Германию дня через три, а потом приедем в Африку, там же у них колонии. В Африке побываем и так далее».

Но родители наших рассказчиков их оптимизма не разделяли. Опыт Гражданской войны, всех прошлых трудных лет подсказывал, что надо готовиться к выживанию, делать запасы.

Уроженка Геническа **Таисса Толкачёва** вспоминала: «Мама бежит с рынка, и папа ей говорит: “Ты знаешь, война началась”. – “О, Боже ты мой!” И она говорит: “Давай сейчас продукты закупать, сушить сухари. <...> Давай, давай закупать, давай всё это готовить”. Еще мама, такая трусиха, сразу сказала: “Копать надо подвал, погреб. Если начнут бомбить, нам не выжить”. И вот мы начали копать. Выкопали огромный такой, глубокий погреб».

Опытные взрослые знали, чем надо запастись в первую очередь. **Надежда Кепеть** (деревня Пуховичи, Гомельская обл.):

«Когда началась война, мама мне говорит: “Дочушка, бежи в магазин за солью”. Побежала, забрала соли мешок. Чуть меня не растоптали».

Внезапно начавшаяся война и первые поражения порождали недоверие к официальной пропаганде.

Семья **Регины Лаврович** жила в Белоруссии, где мифы о нерушимости наших границ рухнули в одночасье. «Это было на третий день войны, – вспоминала она. – Отцу пришла повестка, ему завтра надо было идти в военкомат. Я очень хорошо помню, как отец и мать не спали всю ночь, лежали, разговаривали, и отец сказал маме (мама потом мне рассказала): “Если вернусь с войны живым, закопаю партийный билет, и мы уедем отсюда, и я никогда не буду коммунистом”».

«Это был ужас!»

Возникшие паника и хаос были следствием не только внезапности войны, но и довоенных массовых репрессий. Партийные и советские работники, уцелевшие в Большом терроре или выдвинувшиеся на «освободившиеся места», зачастую боялись смотреть правде в глаза и брать на себя какую-либо ответственность.

Из интервью **Сергея Богданова**: «Моя мама работала бухгалтером в горкомхозе. Когда уже близко к Ржеву подходили немецкие войска, было проведено собрание работников всех учреждений – что-то вроде партхозактива. И выступавший заверял, что немцы никогда в жизни не смогут подойти даже близко, а тем более войти в Ржев. Хотя вся обстановка на фронте говорила о совершенно обратном. На следующий день мама пошла на работу – никого из выступавших, никого из руководителей городских уже не было. Все уже двинулись из Ржева бегом, зная, что Ржев будет сдан немцам».

У молодых людей быстро исчезало победное настроение.

Виктор Жабский из Новочеркасска рассказывал, что его уверенность в скорой победе «начала шататься», когда стали один за другим сдавать города. «Мы хоть и маленькие, 14 лет, но чего-то соображали. Двор у нас большой, мужики соберутся,

потихоньку рассуждают: уже Киев сдали – что ж такое, что творится? А мы [слушаем]. Да и сами видим: идет часть на фронт, а половина – без винтовок».

Многие стали свидетелями панического отступления армии. Об этом – **Сергей Богданов** (Ржев): «Я видел эти страшные, бегущие наши войска. Это не войска были, это были бегущие солдаты несчастные, побросавшие оружие, мечущиеся по лесам».

Отступавшие красноармейцы вызывали жалость. Они совсем не выглядели надежными защитниками. Наоборот, очень скоро подростки столкнулись с тем, что бойцам надо помогать: кормить, поить, а потом и прятать от немцев и местной полиции.

Виктор Шульдешов (село Крюково, Курская обл.): «Вы знаете, как отступали?! Это ужас! Идет, идет солдат, упал и лежит – сил больше нет. Идут просто толпой – грязные, оборванные. Зайдут: “Дайте покушать!” Ну, всё последнее им отдавали».

Таисса Толкачёва рассказывала, как в их городе Геническе (Херсонская обл.) горком комсомола пытался превратить встречу отступающих солдат в торжественное мероприятие: «В школе собрали молодежь и говорят: “Давайте встречать с цветами”. Мы с цветами бежим к колонне. <...> И вот идут солдаты – потрепанные, грязные, страшные. Они берут буквально под мышку эти букеты и идут изнуренные такие, изможденные. Уже, конечно, [им было] не до цветов».

Возмущало вранье начальства. Многие вспоминают, что власти призывали не поддаваться панике, но на глазах у всех в спешке покидали города и села.

Лариса Швыдченко (Ростов-на-Дону): «Характерно то, что никогда не говорили правду. Видим же: везут пушки, армия уходит. Спрашиваем: “Вы что – отступаете?” – “Нет, у нас передислокация”. Ну зачем врать-то? Наши зачем вдали?»

Неонила Рожкова жила в селе Корвиновка Житомирской области, где было много еврейских семей. С началом войны они стали покидать село. «А потом [начальство] объявило: немцы отбиты на столько-то километров, возвращайтесь в город, приступайте к работе. Евреи, которые возвратились, потом все были расстреляны».

Рытье окопов, строительство противотанковых укреплений, уход за ранеными – все это пришлось делать совсем молодым, по сути – мальчишкам и девчонкам, оказавшимся на прифронтовых территориях. Власти пытались организовать оборону, высылая подростков навстречу наступающим немецким частям. Об этом вспоминали многие наши собеседники.

Вадим Новгородов (Таганрог): «10 или 12 октября 41-го выпустил комендант города приказ: “Всем на оборону Таганрога – делать укрепления”. Я беру лопату и лом и иду на сборный пункт. Вырыли противотанковый ров, комендант приехал: “Нате вам две бутылки горючки, будут идти немецкие танки – бросайте”. И уехал. <...> А 17 октября прибегает мамаша: “Бросайте лопаты, немцы уже по Ленинской на танках разъезжают”».

Вера Дергачёва (поселок Скотоватая, Сталинская обл.) рассказывала, как они рыли окопы: «Ну ладно – выкопали мы уже эту траншею. Просыпаемся утром, нам говорят: “Враг изменил направление, меняем и мы направление противотанковых рвов”. <...> Утром просыпаемся однажды – нету ни военных, никого. Оказывается, Донбасс брали в котел, и солдаты наши нас бросили, лишь бы выскочить самим. <...> Командовать нами некому. Пойдемте домой! Когда я пришла в свой поселок, там уже, оказывается, немцы. Раньше меня пришли в мой дом».

Навсегда сохранились в памяти наших собеседников впечатления от их первого столкновения с ужасами войны.

Евдокия Верхоланцева работала на торфозаготовках в Псковской области и обучалась оказанию первой помощи: «Там давали бинт, объясняли. Я бегу, смотрю: наш солдат раненый. И так он просит: помогите, помогите мне. Я взглянула, увидела кишки, и мне стало так плохо! И я ему не помогла, не помогла, не помогла, сука такая [плачет]. А когда оттуда бежала, он уже лежал мертвый».

Из дневника **Антонины Улановской** (станция Штеровка, Ворошиловградская обл.): «Вдруг мы увидели высоко в голубом небе серо-черный бомбардировщик. Он сделал круг над нашей станцией. С самолета стали выпадать бомбы, как если бы из ведра кто-то сыпал картофель. Падая, бомбы ужасно свистели. И-и-и – жаж! Мы лежали в междурядьях кукурузы, перепуганные

до смерти. Раздались сильные взрывы – один за другим. Когда рассеивался дым, мы глазами искали наш дом с голубятней на крыше. Наш дом целый. Не помня себя, мы бежали домой. У обочины дороги мы увидели что-то... Нельзя поверить своим глазам... Измазанная грязью вместе с бедром человеческая нога».

Варвара Крамаренкова уходила от немцев из Севастополя, где после школы работала на военном заводе: «За 2–3 дня до этого мы давали телеграмму Сталину, что не сдадим Севастополь. <...> Уходили ночью через бухту уже под немцами. Идем и слышим: “Братцы, миленькие, я жив еще, спасите, я же еще молодой”. А другой кричит: “Я калека, я уже жить не хочу, пристрелите меня”».

Антонина Сердюкова была в Сталинграде: «В подвале сидим, бомбежка не прекращается, осколки свистят. Это длилось три недели. Малейшее затишье – мы ползком на Волгу за водой. <...> Это был тихий ужас – вся дорога до Волги была усеяна трупами. <...> В один из последних налетов бомба попала в наш дом, в соседний подъезд. Прошла насквозь, и всех там убило. А нас только завалило. И вот мы начали выцарапываться. С нами была семья – муж, жена и двое детей, одна совсем малышка – несколько месяцев. И эту девочку мать мне дала, чтобы я ее держала. А малышка уже не плачет от голода, она так и умерла у меня на руках».

«Эвакуироваться мы не успели»

Особая и больная тема в рассказах остовцев – эвакуация. Ведь никому из них эвакуироваться не удалось, поэтому они и оказались угнанными в Германию. Немцы наступали стремительно. В первую очередь эвакуировали предприятия, партийную и советскую номенклатуру. Женщин, детей, рядовых рабочих часто эвакуировать не успевали, и они оставались на оккупированной территории. Об этом, в частности, говорили таганрожцы Гуляев и Гридчина.

Николай Гуляев: «Папа работал на заводе – оборудование снимали с фундаментов, грузили на платформы. “Тотовьтесь к эвакуации!” В Новосибирск должны везти. Доработался до тех

Немецкая агитационная листовка /
Из собрания М. Поизнера

Немецкая агитационная листовка /
Из собрания М. Поизнера

пор, что в час дня пришел с завода, а в два часа немцы зашли в Таганрог».

Валентина Гридчина: «Мама работала на военном авиационном заводе секретарем-машинисткой. Она пришла и сказала, что мы будем эвакуироваться, оставила меня ждать на упакованных чемоданах. Но эвакуироваться мы не успели».

Нередко было так, что отец эвакуировался с предприятием, а жена и дети оставались.

Валентина Сехина (Сталино): «Папу [эвакуировали] на второй день войны, сразу. Он был коммунистом, начальником коксового цеха. Мы [с мамой] остались, должны были эвакуироваться, ждали этого, но не дождались. Эвакуации не было. Не успели. Зашли немцы».

В какой спешке убегало начальство, рассказывал **Вадим Новгородов**, мать которого работала уборщицей в райкоме партии в Таганроге: «После оккупации немцы приказали всем вернуться на свои рабочие места, послали их в райком порядок наводить. “Мы, – говорила мама, – зашли, а там все учетные кар-

точки [коммунистов] валяются. Вот такая безалаберность, бесхозяйственность была”».

Наши собеседники вспоминали, как еще до прихода немцев, после бегства местных властей, началось массовое растаскивание брошенного имущества, и прежде всего магазинов.

Альдона Волынская (Новоукраинка, Кировоградская обл., детский дом): «Разговоры были, что в городе перестрелка, что магазины грабят. Когда мальчишки пошли, уже все магазины были разграблены, и они принесли только много-много пуговиц. Сказали, что никого в городе нет – ни красных, ни белых, ни немцев, ни наших».

Надежда Измалкова: «18 сентября Киев был безвластный. Уже стали бить окна, стали грабить и тянуть всё, что можно было, муку с пекарен, с магазинов».

Тема эвакуации возникала и когда речь заходила о судьбах оставшихся евреев. Об этом говорили те, кто жил в городах и местечках, где было много еврейского населения.

В некоторых рассказах проскальзывал скрытый антисемитизм: «Евреи богатые были, потому и сумели эвакуироваться» (Неонила Рожкова, Николай Богославец, Анна Одинокова, Надежда Измалкова). Рассказчики воспроизводили расхожую точку зрения, что евреи сами виноваты – вовремя не уехали, вот и стали жертвами. Тем самым они как бы снимали с себя всякую ответственность за то, что происходило на их глазах. Но немало было и тех, кто говорил о трагической судьбе не сумевших эвакуироваться евреев с сочувствием и жалостью.

Елена Маркова (Сталинская обл.): «У нас были близкие друзья – еврейская семья, две сестры, врачи. С детства я их помню, они с папой и с мамой очень дружили. Женщины уже были пожилые. Тамара Самуиловна меня учила французскому языку. Они решили в конце концов эвакуироваться. <...> Но оказалось, что впереди уже немцы. Они вернулись, а тут уже немцы пришли. Они попросили меня у них пожить, чтобы, если немцы придут, я открывала дверь. Они думали, если будет русская девочка, то немцы сразу уйдут. И вот я какое-то время жила у них. Потом их все-таки, конечно, увели, и они погибли. И очень многие наши друзья-евреи погибли».

Валентина Гридчина рассказывала о своих таганрогских знакомых: «У нас в соседях была еврейская семья, мама с ними очень дружила. Муж эвакуировался, а Сара не захотела эвакуироваться, говорила: “Не верю я этой брехне по радио”. Мама говорила: “Сара, уезжайте!” А Сара не хотела. Она осталась с дочерью. Младше меня была девочка, еще в школу не ходила. Такая красивая девочка была: светлые волнистые волосы».

Одесситка **Ирина Ватман**: «Дедушка и бабушка эвакуироваться отказались. Дедушка говорил так: “Немцы – культурный народ, они придумали часы”. Они остались в городе».

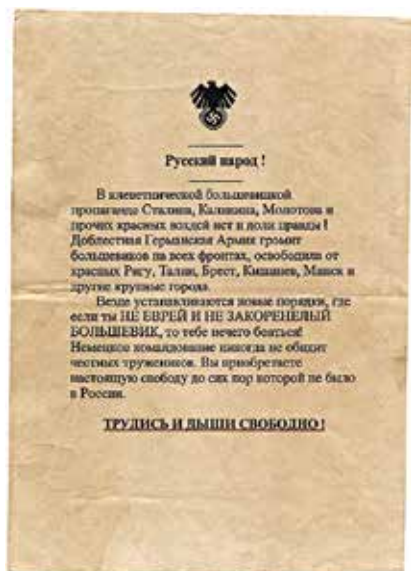
Фрида Палко (Стародуб, Брянская обл.): «Бабушка – царство ей, конечно, небесное, она-то не виновата. Она помнила: война была с немцами, никого не убивали, нормальные были люди. И никто не верил, что может быть такое зверство. Поэтому, когда надо было эвакуироваться, мы не уехали».

В результате вся семья Фриды погибла в гетто, которое немцы создали в Стародубе.

Если у жителей промышленных центров еще был какой-то шанс попасть в эвакуацию, то в селах и маленьких городах его практически не было. Вспоминая, почему пришлось остаться на оккупированной территории, наши собеседники объясняли это тем, что их просто не сочли нужным эвакуировать. Как просто-душно заметила жившая в Золотоноше (Полтавская обл.) **Варвара Хабарова**: «Эвакуировались члены партии, начальники, офицеры НКВД. Они знали, что немцы их казнят, вот они и умотали».

Таисса Толкачёва (Геническ, Херсонская обл.): «Кто эвакуировался? Начальство, всякие там райкомы, горкомы. Председатели колхозов, партийные работники и их семьи – вот этих на машинах эвакуировали. А нас даже и не спрашивал никто, и вообще даже не касалось нас».

Многие будущие остовцы оставались еще и потому, что не могли бросить своих матерей с целой оравой младших братьев и сестер. Как вспоминала **Анна Одинокова** (село Дубовичи, Черниговская обл.), мать просила ее эвакуироваться, волновалась: «Она понимала, я же девушка, что меня ждет. Она хотела спасти. А я плачу горькими слезами и говорю: “Мама, я все равно не уеду! Неужели я тебя брошу с четырьмя!”»

Немецкая агитационная листовка /
Из собрания М. Пойзнера

«Тут мы немцев и увидели»

Пришли немцы, а они остались... Какими увидели наши собеседники захватчиков?

Сергей Богданов (Ржев): «Уйти от немцев нам не удалось, и мы в тот день возвращались на своих подводах домой. Немцы были на мотоциклах. Это было впечатляюще и немножко страшновато: враг есть враг, что он принесет с собой, какие порядки? Какие-то их передовые отряды окружили нас сразу с криками: “Oh, Partisanen!” Но увидели, что тут женщины и пацан пятнадцати лет, приподняли наши шмутки, потрясли, а там ничего и не было, кроме жалких тряпок, ну и мешочек с крупой мы еще с собой везли. <...> И нас отпустили».

Лев Токарев: «Мы знали, что немцы уже стоят под Петергофом. Но мы их еще не видели, ни одного. И вдруг утром дверь открывается, входит немец. <...> В руке у него колотушка, это граната ихняя. “Коммунисты есть?” – “Нету”. Огляделся, потом бабушке говорит: “Zucker давай, Zucker”. Бабушка не поняла, что такое он говорит. Я говорю: “Сахару просит”. – “Ты ему, этому ироду, скажи, что у меня нет для него сахару!” А он, видно, понял. Погрозил ей колотухой. Открыл шкафчик, а там

как раз был наколот сахар кусковой. Открыл, в карман высыпал, еще раз бабке погрозил и ушел. Вот так я встретил первого немца».

Неонила Рожкова (село Корвиновка, Житомирская обл.): «Мы очень боялись. Нам говорили, что они сжигают всех. Когда они вошли, боя никакого нигде нет. Мы – в подвал, сидим, выглянуть не можем, боимся: ой, нас спалят. Переживали, молились Богу. Слышим: кто-то идет к нам по ступенькам. И мы считаем шаги. Вот сейчас нас поубивают и спалят. Дед заходит, хозяин этого дома. Перевел нас через дорогу. <...> Вот тут мы немцев и увидели: закатанные рукава. Идут по дороге, они уже ближе. А мы: “Дяденька, здравствуйте!” А они хохочут».

Страх был самым сильным чувством в ожидании встречи с оккупантами. Но первые впечатления от немцев у наших сельских очевидцев не всегда были отталкивающими. По их словам, немцы вначале вели себя достаточно мирно.

Елизавета Крестьянцева (Кировоград): «Эти первые немцы нас не трогали. <...> А вот эсэсовцы потом приходили в своей черной форме – вот они были каратели».

Федор Апёнкин (Витебская обл.): «Сначала к нам они даже и не заезжали, я их и не видел. Вот, говорят, в Соколянку, в соседнюю деревню, приехали. И мы собрались толпой, пошли посмотреть, что за немцы. Правда – машины стоят, они подъехали, детям по кусочку сахара или шоколадки дали. Надо сказать, что народ как-то улыбался, смотрел на них, и я в том числе. Смотрел и недопонимал я. Недопонимал многого».

Что всем запомнилось, так это то, что немецкие солдаты требовали еды и покушались на домашнюю живность.

Николай Богославец (Зеньков, Полтавская обл.): «Первое впечатление о немцах – это здоровые, откормленные парни, хорошо одетые, хорошо вооруженные. Меня что удивило – у каждого из них фабричные, отточенные деревянные дубинки. И я сначала не понял, зачем они. Понял только тогда, когда увидел, как они этими дубинками пользуются. Бросают эту палку по земле, где куры клюют, перебивают им ноги и уносят. <...> К нам они заходили без оружия, а только с этими палками».

Анна Кириленко (Ростов-на-Дону): «Первый раз я увидела немца. <...> Я сижу во дворе и смотрю: идет через двор здоровый рыжий волосатый в шортах немец и с автоматом. Я онемела. <...> А во дворе у нас окоп выкопан. Он к окопу подходит – и очередью туда ды-ды-ды-ды [из автомата]. Стрельнул, повернулся и ушел».

Наши собеседницы, которые в тот момент были совсем молоденькими девушками, очень боялись сексуального насилия. Отсюда постоянные рассказы, как матери заставляли их одеваться в тряпье, низко надвигать на лицо платок.

Анна Гуляева (станция Новодугинская, Смоленская обл.): «Мама боялась, когда выпускала нас на улицу, обвяжет платком, как старушек, и говорит: “Не показывайте свои морды!” Что ж, и насиловали, всяко было».

Но личную историю об изнасиловании мы слышали только один раз.

А. П.: «Я никогда и никому об этом не говорила. В тот день я была дома, лежала на кровати. Еще были сосед Ленька и сестра Люба. Заходят два немца с автоматами. Сестру и Леньку сразу выгнали, а меня оставили. И один немец меня изнасиловал. А второй в это время стоял и смотрел. Когда они ушли, я вышла на улицу, а там соседи были. И сосед, дядя Коля, говорит: “Ну, что – они снасиловали тебя?” Я говорю: “Да”. И всё».

Этот рассказ звучал буднично, отстраненно, словно речь шла о ком-то другом. Рефлексия появилась лишь в конце разговора, когда речь зашла о ее хозяевах в Германии. А. П. после угона попала в прислуги к пожилым немцам, о которых у нее остались добрые воспоминания. И, рассказав, что произошло с ней в оккупации, она добавила: «Откуда же взялись такие изверги? Ведь там были хорошие люди, а вот что делали ихние дети!»

На фоне сытых, веселых, прекрасно оснащенных немцев еще более страшное впечатление производили колонны советских пленных и встречи с оставшимися в окружении красноармейцами.

Татьяна Желамская (деревня Руда, Псковская обл.): «Мы жили возле самого шоссе – бывало, как погонят военнопленных наших, видим: у них, бедных, ноги обмотаны портянками. Гнали их с собаками».

У Зои Елисеевой в плену оказался отец. Его взяли в армию за месяц до сдачи Джанкоя, где жила их семья. «Вдруг сосед говорит: пленных гонят по дороге, и там отец ваш. Слякоть, середина ноября, холодно – по колено грязь. Целая колонна пленных. Конвоиры кричат. <...> По бокам народ идет. Это ужас! Ищем, кричим. Нашла [отца], иду рядом с ним. Отец говорит: “Беги скорей домой, там висит мое пальто и фуражка, неси скорей”. Я домой, схватила пальто, фуражку, бегу обратно. [Конвоиры] отгоняют, стреляют в воздух, я бегую, кричу: “Папа, папа!” – а его нет. Ну, думаю, сейчас пальнут по нам. Народ стал разбегаться, я иду домой – плачу, а соседи говорят: “Не реви, дура, он дома”. Оказывается, он улучил момент и [убежал] дворами».

Ольга Смирнова увидела наших пленных под Ленинградом: «У них не было ни валенок, ни полушубков. Ноги обмотаны сначала газетами, потом тряпками и перевязаны. Идут обмороженные, больные, обросшие».

Как в их родных городах и поселках встречали оккупантов, наши собеседники рассказывали очень подробно. Рассказывали и о том, что среди встречавших было немало тех, кто радовался приходу немцев. Об этом наши собеседники вспоминали с осуждением и недоумением.

Николай Богославец: «Странно было то, что жители нашего родного Зенькова, которых я хорошо знал, встречали немцев хлебом-солью. <...> Была очень красивая девушка, в школе училась она хорошо. Ей вручили рушник с караваем, она стояла впереди всех в национальном костюме».

Фрида Палко (Стародуб, Брянская обл.): «Война началась 22 июня, а 18 августа немцы на своих мотоциклах заехали. Было много людей, которые их приветствовали. У нас даже в переулке жил такой один, Стукачко. Он с хлебом-солью вышел к ним. И довольны были и счастливы, что пришли немцы и освободили их от советской власти. Таких было много».

По мнению наших собеседников, те, кто встречал немцев хлебом-солью, надеялись, что новая власть избавит от большевиков и колхозов. Однако большинство испытывало при появлении немцев страх, перемешанный с любопытством.

Любовь Шкулёва: «Мы жили у бабушки на окраине Кировограда. <...> Вдруг слышим, говорят, немцы, немцы пришли. Тишина, канонада кончилась. И вдруг слышим: на Овражной улице уже немцы. Патефон крутят. Я думаю: интересно, надо пойти посмотреть. А немцы достали где-то патефон, завели, ставят пластинки – наши песни, и хохочут».

Надежда Измалкова (Киев): «Я иду и вижу: людей на Крещатике полно. Все гуляют, с цветами. Идут танки по Крещатику, сидят здоровые ребята на танках. А публика снует взад-вперед, разговаривают, встречают знакомых. <...> Я была убита. Посмотрела, прибежала домой в ужасе. “Боже мой, немцы в Киеве! Что ж теперь будет! Мы пропали”. Ну ничего: немцы себе ходят, с девочками заговаривают».

Ирина Ватман (Одесса): «Вы бы видели, как немцы входили в Одессу! Улица была полна народу, преподносили хлеб и соль и радовались – наконец наступит порядок. Порядок наступил: перед каланчой воздвигли виселицу, на ней висело три человека. Один из них был мой дед, который говорил, что немцы – культурные люди».

Так началась оккупация.

Оккупация

Прожить на оккупированной земле будущим остовцам предстояло разное время. Кого-то увезли в Третий рейх уже осенью-зимой 1941-го, большинство – весной-летом 1942-го, когда начался массовый угон; некоторых – только в 1943-м. Рассказывали о жизни в оккупации они по-разному – очень разным был личный опыт. Одно дело – большой город (Киев, Ростов и т. п.) и совсем другое – деревня или маленький поселок. Об оккупации в украинской деревне нередко рассказывали совсем иначе, чем об оккупации в белорусской. Кто-то почти не видел немцев, у кого-то они жили в доме. Некоторые столкну-

Удостоверение личности. Ровенская обл. Апрель 1942

Удостоверение личности. Витебская обл. Июль 1943

Удостоверение личности.
Киевская обл. 1942

лись не только с немцами, но и с венграми, с румынами. Большую роль играла близость или удаленность от линии фронта. Многое зависело и от того, застала ли оккупация нашего собеседника в родном доме или в этих местах он оказался беженцем. Имели значение возраст, грамотность и жизненный опыт. В результате из этих рассказов складывается картина пестрая, противоречивая, полная лакун и недоговорок. Причина этих противоречий в том, что сама тема «жизни под немцами» многие годы была полузапретной. Долгое время из исторической картины войны вытеснялось всё, что не укладывалось в «великий подвиг советского народа». Журналистика, литература, кинематограф, учебники создавали искаженное, однобокое представление о жизни в оккупации. Говорилось лишь о зверствах оккупантов и о сопротивлении советских людей. И наши свидетели, пережив годы страданий и страха, вольно или невольно вытеснили из своей памяти многие эпизоды оккупации, подверстав собственный опыт под привычную и безопасную схему. Поэтому особый интерес вызывают те истории, которые выходили за рамки этой схемы и требовали от наших собеседников столь трудной для них откровенности. Пережившим оккупацию и угон подросткам эта откровенность давалась легче: их после возвращения из Германии, как правило, не подозревали в сотрудничестве с немцами. Труднее было взрослым, тем, кому долгие годы приходилось оправдываться и объяснять, почему они не ушли в партизаны или не стали подпольщиками. По прошествии многих десятилетий они рассказывали нам, как выживали в этих тяжелых условиях.

«Порядок был уже немецкий»

Слова «немецкий порядок», «новый порядок», «Ordnung» сопровождают рассказы наших собеседников об оккупации с самого ее начала⁴.

Для многих рассказчиков этот новый порядок начался с регистрации, с организации контроля над местным населением.

Николай Богославец (Зеньков, Полтавская обл.): «На каждый дом, на дверях входных был вывешен список. Таким образом

⁴ В основе «нового порядка» лежало распоряжение Гитлера от 17 июля 1941 года «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях». Под руководством Альфреда Розенберга было создано «Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий». В соответствии с рассылаемыми циркулярами все жители должны были пройти регистрацию в полиции по месту жительства. Им строго воспрещалось покидать места проживания без письменного разрешения администрации, в городах создавались управы, в сельских районах – комендатуры. Вся полнота власти в районах (волостях) принадлежала военным комендантам. В волостях назначались старшины (бургомистры), в деревнях и селах – старосты.

Удостоверение личности.

Новгородская обл. Февраль 1943

они проверяли наличие какого-нибудь чужого в доме. <...> Порядки были уже немецкие».

Виктор Жабский (Новочеркасск): «Первый приказ, что они издали, – зарегистрироваться комиссарам, коммунистам и евреям в комендатуре. И еще в этом же приказе: за одного убитого немца – сто человек к расстрелу. На выбор. Любых. Такие грозные приказы были».

«Порядок» устанавливался с помощью администрации и полицейских из местного населения. Отношения с теми, кто волей или неволей пошел на службу к немцам в маленьких городах и особенно в деревнях, были очень непростыми: все знали друг друга, были связаны соседскими и родственными узами, довоенной работой или учебой. Поведение этих знакомых и родственников для многих стало полной неожиданностью.

Григорий Кульбака (село Кислечеватое, Днепропетровская обл.): «Старосту и полицейских [немцы] назначали из наших же жителей. У нас староста был Бабенко Владимир Федорович, он наш даже свояк».

Анна Гуляева (станция Новодугинская, Смоленская обл.): «У моей подружки, мы в одном классе учились, отца избрали

старостой. И он приходил каждое утро и давал нам разнарядку – ходить на работу. Он ее получал из комендатуры».

Тех, кто пошел на службу в немецкую полицию, ненавидели и боялись больше, чем немцев.

Надежда Булава (Сталино): «Полицаев было больше, чем надо. Наши, русские, но полицаи. Но были гады – из гадов гады».

Лидия Бекетова (Таганрог): «Я пошла менять в деревню какие-то вещи. Выменяла рыбу, она в мешке у меня была. Там стояли часовые: немец и русский полицаи. И вот этот русский полицаи отнимал у меня эту рыбину. И я этому немцу говорю: “Mutter krank. Не могу отдать, мать лежит больная”. А мы в школе учили немецкий язык. И немец сказал полицая, чтобы он меня отпустил».

Павел Михайлов (хутор Лозовой, Запорожская обл.): «Полицая избирал сход деревенский. <...> Выбрали молодого энергичного парня. Чем он занимался, полицаи? Выполнял команды. Скажет обер-комиссар: собрать столько-то мяса – он собирал. Потом начали брать скот: свиней, потом телок, потом уже добрались до коров. Этим делом и занимался полицаи. Он и направлял людей на работу в Германию. Никому поблажек не делал»⁵.

У наших собеседников к старостам, полицаям, служащим в немецкой комендатуре – особое отношение. Именно они составляли списки на отправку в Германию, куда попадали чаще всего те, кто был у полицаев на плохом счету (по личным причинам, как сочувствующий советской власти и т. д.), а также те, кто не имел возможности откупиться.

Немцы ожидали, что к ним на службу прежде всего придут люди недовольные или обиженные советской властью. Нередко так и бывало.

Анна Одинокова (село Дубовичи, Черниговская обл.): «Полиция [была] вся из наших. Набирали из желающих вначале, а кто не желает, то заставляли. <...> Наш был когда-то раскулачен и был недоволен советской властью. А это был свекор моей старшей сестры. <...> У него сын был ровесник мне, учились в одном классе. Так вот, он своего сына оставил, а меня отправил в Германию! От больной матери и четырех маленьких братьев и сестер. Вот какой изверг!»

⁵ Скорее всего, наш собеседник путает – выбирали не полицаи, а старосту.

Подобные рассуждения слышала и Альдона Волынская (Новоукраинка, Кировоградская обл.), попавшая, как и многие ее подруги, в детский дом после ареста родителей: «Ваше время пришло, вы должны заявить, что вы дети арестованных». И неслучайно следующая фраза в ее рассказе: «Среди нас таких [предателей] не было».

Были и перевертыши, которые быстро приспосабливались и к той, и к этой власти.

Продолжим рассказ Альдоны Волынской: «Комсоргом в нашем детском доме была Даша Данькина, и всегда самая первая выступала с рассуждениями про детей репрессированных. Когда пришли немцы, <...> она стала очень набожной, била детей за то, что они в церковь с семечками ходили. Стала такой вот фарисейкой». Рассказала она и о старенькой воспитательнице детского дома, которая оставалась с детьми во время оккупации, за что ее потом обвинили в коллаборационизме. «И вот эта же Даша Данькина, – возмущалась Альдона Волынская, – когда пришли наши, работала в райкоме и выступала свидетелем на суде против Ларисы Антоновны. Ларисе Антоновне дали пятнадцать лет. Она была старая-старая, необыкновенной доброты, всё делала для детей, не думала про себя. <...> Она, конечно, оттуда не вышла».

Жизнь в оккупации учила и тому, что не всё укладывается в черно-белую картинку, и помощь может прийти оттуда, откуда ее меньше всего ждешь.

Рассказывает Галина Аграновская (Дятьково, Брянская обл.): «Папа ездил по партизанским отрядам. <...> Мы были на волоске от гибели. Кто-то донесет – и мы будем уничтожены. Спас нас полицай (отец маминого ученика). Мальчик жуткий был недотепа и двоечник. Мама оставалась с ним после уроков и тянула его из класса в класс. До войны он был милиционер, а когда пришли немцы, из милиционера превратился в полицая. И вот ночью он постучал [в окно] и очень тихо маме сказал: “Вера Михайловна, вы в списке на расстрел. Утром, в пять часов будьте у школы, я буду объявлять список – угонять в Германию, будут стоять грузовики. Я вас записал, я вашу фамилию [написал] по-другому. Слушайте внимательно”. Фамилию я запомнила: Хамахина – не Каманина, а Хамахина».

О том, что реальная жизнь оказывалась сложнее любой схемы и ставила людей перед трудным выбором, свидетельствует рассказ **Зинаиды Комиссаровой** (деревня Вяжище, Псковская обл.): «[У нас был] староста наш волостной, такой Федосеев, у него руки не было. [После войны] был суд. Меня вызвали в качестве свидетеля и спрашивали: “А правда ли, что ваш отец передавал хлеб партизанам, а Федосеев знал об этом?” – “Да, – говорю, – знал и на отца не донес”. Я и на суде это подтвердила. Рассказала и о том, как он нас в Германию отправлял. Вот и получается, что этот Федосеев давал отцу хлеб с амбаров, чтобы отец передавал его партизанам, и он же нас отправлял насильно в Германию. Осудили его на десять лет, а могли бы дать и больше, если бы не наши с отцом показания».

Из рассказов наших собеседников трудно понять, что они думали в первые месяцы оккупации. Надолго ли установлен немецкий порядок? Может быть, жизнь теперь изменилась навсегда?

Анна Гуляева (станция Новодугинская, Смоленская обл.) вспоминала, как вопрос, кто победит, превратился в детскую игру: «Коза нам принесла двух козлят. Мы назвали одного Руслан, одного Фриц. И думаем: “Ага! Какой победит? Или наш Советский Союз выстоит, или германцы победят?” Вот тоже ж были – детвора, с головами. И что вы думаете? Наш Руслан сдох. А Фриц остался. Поставили к нам немцев, они спрашивают: “О! Цойген!⁶ А как его звать?” – “Фриц”. – “У! Фриц!” Они такие довольные были. Они ему наливают супу горохового, а он такой мясной, с тушенкой. Сам бы ел с удовольствием».

⁶ Козленок (искаж. нем. от Zieglein).

⁷ Трудовая повинность была введена еще до начала массового угона – 5 августа 1941 года. Тогда же для учета, контроля и распределения рабочей силы были созданы арбайтсамты (Arbeitsamt) – службы занятости и биржи труда. И хотя трудовая повинность распространялась на лиц от 18 до 45 лет, фактически к принудительным работам привлекались и подростки, о чем рассказывали многие наши собеседники.

«Колхоз имени Сталина»

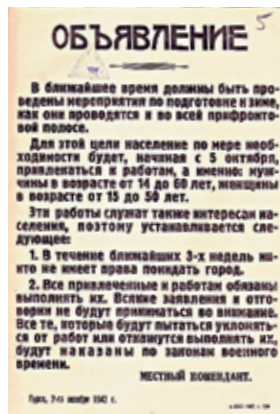

Почти никому (включая и подростков) не удалось избежать введенной на оккупированных территориях трудовой повинности⁷.

Николай Киреев (Болхов, Орловская обл.): «Староста был Кузьмич, бывший секретарь сельского совета. Он описал всех, какой возраст примерный. [Однажды] идет староста к нам [говорит матери]: “У тебя большие дети, им нужно помогать немцам”. <...> Надо было делать настилы, чтоб могли пройти танки».

Население оккупированного города
у немецкой биржи труда. 1941 / Из фонда РГАКФД,
г. Красногорск. Оп. 3. Д. 112. Сн. 10

Объявление о трудовой
повинности. Курск, 1942 /
ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1059. Л. 5

Анна Гуляева (станция Новодугинская, Смоленская обл.):
«Вот сколько мне было, 15-й год? Каждое утро давали нам разнарядку на работу. Валенки дырявые, пятки голые, чулок не было. Чистили железную дорогу. Рельсы счищали. А которые постарше были <...> лес выпиливали – весь лес на 50 метров от железной дороги. Работали мы, гоняли нас, заставляли нас и полы мыть, и белье стирать».

Многие вспоминали, как гоняли население оккупированных районов на работу. При этом на селе молодежь продолжала работать в колхозах, как это было и до оккупации.

Зимой подростков чаще всего заставляли разгребать снег на дорогах (об этом кроме Анны Гуляевой рассказывали Надежда Булава, Анастасия Архипенко, Лидия Дадзис и другие). Заставляли работать и на колхозных полях. Надежды некоторых сельчан на то, что новая власть распустит колхозы, не оправдались.

Насколько сильны были такие надежды, рассказывает **Раиса Первина**, студентка московского вуза, отправленная в июне 1941-го на летнюю практику в Белоруссию. Она увидела поразившую ее нищету колхозных деревень, которую не могла себе представить, и ненависть сельских жителей к колхозам: «Я была

Немецкий агитационный плакат «Новый земельный порядок» /
Из кн.: Белоусов Л., Ватлин А. Пропуск в рай. М., 2007

правильная комсомолка, верила в идеи, я считала, что всё у нас хорошо. Но эта страшная нищета в Белоруссии меня заставила задуматься: как же так, мы построили социализм. <...> Мы шли по оккупированной зоне и где-то под Минском я услышала, как крестьяне разговаривают: “Слава Богу, что кончится это время”. <...> Этого типа было очень много среди крестьян».

Немцы, однако, не торопились распускать колхозы⁸.

Альдона Волынская (Новоукраинка, Кировоградская обл.) описывала комический эффект, который вызывало сохранение советского уклада: «По дороге остановилась машина, вышел

⁸ 16 февраля 1942 года на оккупированных территориях стал действовать закон «О новом аграрном порядке в освобожденных областях», а в июне 1943-го была обнародована декларация «О крестьянской частной собственности на землю в освобожденных от большевиков русских, украинских и белорусских областях». Этими актами провозглашалась ликвидация колхозов и переход крестьян к индивидуальному хозяйству. Земля переходила в ведение германского сельскохозяйственного управления и должна была обрабатываться крестьянскими общинами под руководством управляющих.

немец и говорит: “Где колхоз имени Шталина?” Он до конца и был колхоз имени Шталина, они не распустили колхозы».

Так и работали по-прежнему. **Домникия Скиба** (село Заслучное, Каменец-Подольская обл.): «У нас даже председатель колхоза прежний остался». **Раиса Нефёдова** (Кировоградская обл.): «Зимой нас мобилизовали всех на расчистку дорог немцы. А летом в колхоз на поля. <...> Хлеб собирали. Нас заставляли: молотили, солому оттягивали, пололи, развязывали снопы, барабаны подавали, всё вот это мы делали».

Николай Богославец (Зеньков, Полтавская обл.): «Колхоз разделили по десяткам. Каждый десяток получил десятую часть от общего: коров, коней и хозяйства колхозного. И заставили работать на немцев так же, как раньше на свой колхоз. Так было удобнее собирать оккупационные сборы. Начальник десятка собирал с нас, он потом отправлял в городскую управу».

Немцы ввели жесткую систему: в общинах устанавливалась круговая порука по уплате денежных и натуральных налогов. За неуплату или недоплату налогов, взимаемых с семьи, ответственность несла вся община. Переход к индивидуальным личным хозяйствам разрешался лишь в случае выполнения обязательств по натуральным поставкам.

Аграрные нововведения оккупационных властей воспринимались по-разному.

«Между прочим, надо сказать, что при немцах мы жили лучше, чем до войны, – сказал нам **Леонид Осипов**, живший под немцами в селе Хуралево Гомельской области Белоруссии. – Немцы всем дали землю. Посчитали, сколько семей, и разделили – кому пять гектаров, кому семь, кому шесть. У нас было пять гектаров земли. Мы обрабатывали, сдавали налог, картошку сдавали в основном. <...> Завели хозяйство свое, корову, пять свиней завели».

Сын советских колхозников, **Леонид Осипов** хорошо помнил голод 1932–1933 годов, коллективизацию и раскулачивание. Это было на памяти и других наших собеседников, но кроме Осипова никто из них оккупационную систему хозяйствования не хвалил.

Валерия Фёдорова из Брестской области, присоединенной к СССР только в 1939 году, вспоминала: «Все крестьянские

хозяйства, которые были к началу войны организованы в колхозы, распались. Каждый опять вернулся на свою полоску земли, а немцы потребовали налоги не только марками, но и различной крестьянской натурой. Забить кабанчика можно было только с разрешения управы, причем надо было сдать не только половину мяса с этого кабанчика, но еще и копыта и голову».

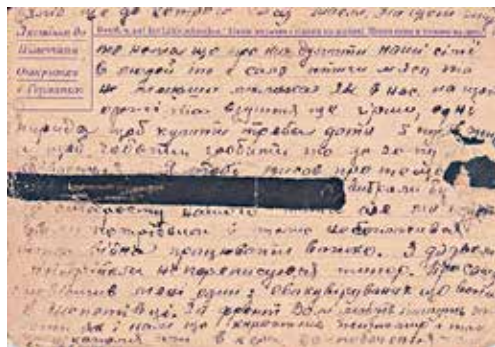
Фёдор Хмара (Полтавская обл.): «Что они делали? У кого какая скотинка была, всё описывают, и подходит время, ты должен ее обязательно сдать. А сами как хотите».

Письмо из села Сабовка, Сталинская обл., в Германию.
25.08.1943 (письмо с цензурским штампом)

«Здравствуй, моя дорогая доченька Нина. Во-первых, сообщаю тебе, что все живы и здоровы, чего и тебе желаем от бога всего хорошего. Мы очень рады за второе твое письмо, за вторую твою весть. Письмо получили за 24/I-43 г. Пишу тебе новости. Дали нам землю, и на тебя дали. Посеяли, ждем урожая. <...> Мы очень-очень рады за твое письмо и просим, чаще пиши письма. Привет от папы и мамы, Маруси, Лизы, Вити, Ульяны, Прости, Коли, Шуры, бабушки. Все кланяются низенько своей дорогой дочечке Нине. С тем до свидания, просим ответ. Твои родные папа и мама. Лиза дома кухаркою. Папа, мама».

Письмо из Каменец-Подольской обл. в Германию. 22.12.1943
(на украинском языке)

«Здравствуй, дорогой брат, шлем тебе пылкий привет и желаем тебе всего наилучшего в твоих делах. Твою открытку от 12/X-43 г., за которую очень благодарим, ту, что так ждали долго, получили 16/XII-43 г. Мы пока находимся при таком же здоровье, как ты покинул нас. [...] Хлеб еще на некоторое время есть. Насчет жиров, то нечего про их и думать в нашей семье. У людей-то есть сало, птичье мясо и не меньше молока, чем у нас. Насчет одежды и обуви еще хуже. Одни пириды чтоб купить, нужно отдать 5 пудов ржи, а чтобы сапоги справить, то до 20 пудов обойдется. Я тебе писал про то, что [Вымарано несколько строк.] выбрали было за старосту нашего тата, но мы не решили нужным и тато не согласился. Теперь война, работать тяжело. <...> За фронт вам, наверное, пишут газеты, как и нам, что Коростень, Житомир так из Никополя аж в Керчь. До свидания».

«Модельные туфли за две свеколки»

Если в деревне еще можно было прокормиться, то в городах очень быстро наступил голод. Во всех рассказах горожан нам приводили истории, как добывали продукты: продавали вещи на рынке или ездили менять в деревню.

Надежда Измалкова (Киев): «Магазины были разграблены, уже ничего не было, кушать было нечего. Работы никакой, положение страшное. Месяца через два люди поели свои запасы,

начинался голод. Что нужно было делать: люди ходили менять. Ходили по селам, брали какие-то свои тряпки, что-то меняли».

Николай Гуляев (Таганрог): «Мы с братом покупали на рынке табак, дома крутили самокрутки и ходили к заводу их продавать. На эти деньги кое-что покупали».

Лидия Ерастова (поселок Мерефа, Харьковская обл.): «Стали ходить на менку, меняли одежду. Очень хорошо помню, как я продала мамины модельные туфли, красивые такие, за круглый кусок макухи⁹ и две свеколки. И с этим пришла домой».

Анастасия Архипенко (Горловка, Сталинская обл.): «Кушать было нечего. <...> Мы с подругами вещи на саночки положили и пошли менять в деревню. Просимся ночевать. Люди не пускали на ночь! “Идите, вон там полицейское отделение”. Найдем какой-нибудь пустой сарай. Там и мыши, и крысы – да страх господний! Шли по степи, и то, что мыши натаскали, кучи из пшеницы и овса, то мы разрывали, набирали жито».

⁹ Макуха – прессованные отходы семян подсолнечника (жмых), который получается после выжимки подсолнечного масла.

Письмо из Житомира
в Германию. 17.07.1943
(на украинском языке)

«Здравствуй, Вася, письмо от твоей родни: папы, мамы и от твоих братьев Алеши и Миши. Прежде всего, сообщаем тебе, что получили твою открытку, которая написана 24/V. Ты хочешь узнать, что дома. Дома все пока благополучно. <...> Только с одеждой трудно, негде купить и очень дорого. Вася, если есть возможность, купи какую-то одежду, постарайся, купи. Есть слухи, что могут пускать в отпуск. После твоего отъезда из дому больше никто не поехал в Германию, все твои товарищи дома. Новостей очень много, но не на чем писать. Ждем тебя домой,

Вася. Так нам говорят гадалки, что ты скоро будешь дома. Скучаем за тобою. Дома жизнь похужала, ну ничего, переживаем все трудности. До свидания. Семейный привет Васе».

Письмо из Симферополя в Германию. 05.08.[1942]

«Здравствуй, дорогая дочь Галичка, во первых строках моей открытки спешу уведомить тебя, что я жива и здорова, чего и тебе желаю. Вчера, третьего августа, получила я твою открытку, на которую спешу дать ответ. Дорогая Галичка, ты пишешь, чтобы я ехала до Ивана, я бы поехала, но пропусков не дают, а без пропуска я боюсь. Если ты имеешь переписку с Иваном, то пиши ему, пусть хлопочет пропуск, и я поеду, как только он придет за мной. <...> Как пойду на огород, так и начинаю плакать, что я осталась одна. Еще напиши, Галичка, в чем ты ходишь, не порвались ли твои туфли и платья. Прошу убедительно второй раз, вышли мне свою фотографию, приколи к открытке или приколи маленькими булавочками. И Дуне напиши тоже, очень хочу видеть вас, какие вы сейчас. Пока до свидания. Остаюсь жива и здорова, твоя мама. 5 августа с. г. Привет от всех. Тоня. Привет от Лиды».

От некоторых подробностей, сообщенных как бы между делом, веет настоящим ужасом. Варвара Крамаренкова (Севастополь): «Ходили по селам. Кто что-то даст, что-то на полях подберешь. Еще выручало море – креветки и крабы, а их было несметное

Рейхсмарки, ходившие на оккупированных территориях /
Из собрания М. Пойзнера

число, потому что трупов было много. Подходишь с сеткой над трупом и ловишь».

Повседневная жизнь, пусть в измененных и уродливых формах, продолжалась и в условиях оккупации. Через какое-то время открылись школы, и некоторые наши рассказчики успели в них даже поучиться.

Альберт Вайндель: «Захватив Керчь, немцы начали с того, что открыли школу. Учили мы те же [предметы], кроме Конституции. Ну, и в [учебниках] истории вырывали листы, где было наше правительство, Сталин и прочие. А так – всё то же самое».

Альдона Волынская: «Немножечко походили в школу. Там, говорили, бить будут, но в нашей школе не били. <...> У нас был преподаватель немецкого языка, в городе его звали Шнапс. Я помню, как он вынул 10 рублей, а там – Ленин. И вот [учитель]: “Скажи: «собака», скажи: «собака», скажи: «собака!»” Все молчали, никто не сказал “собака”, но все очень перепугались. Он рассмеялся и всё. Последствий никаких не было».

Случаи, в которых нарушались прежние табу, врезались в память. Павел Косушко до войны занимался в художественной студии днепропетровского Дома пионеров, которая продолжала работать и во время оккупации. Он рассказал нам то, о чем, по его словам, никогда не говорил раньше: «В парке Чкалова немцы посадили “Дуб свободы” и [объявили] этот день праздничным. В числе других мероприятий было открытие выставки художников Днепропетровска. И мне к этому дню заказали портрет фюрера. Дали кусок холста, полотно пастельное. Я зарядил подрамник. [Нарисовал.] Выставка открыта была, на этой выставке был [также и] портрет фюрера работы Бориса Мухина¹⁰».

¹⁰ Мухин Борис Иванович (1912–1985) – живописец, портретист. После войны был осужден по обвинению в том, что рисовал портрет Гитлера. 7 лет в отбыл в Печорлагере. В лагере работал художником. Реабилитирован.

Письмо подруге из Гайворона
в Германию. 20.05.1943
(на украинском языке)

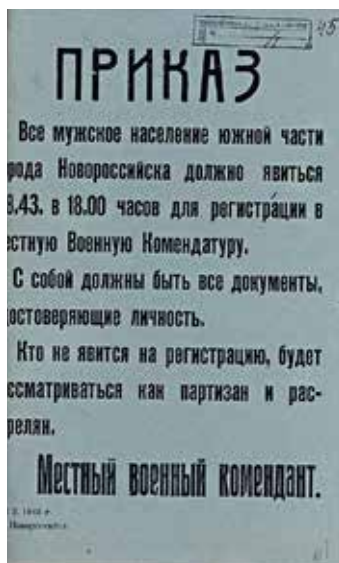
«Здравствуй, Валечка, шлю тебе вторую открытку и желаю тебе хорошей и счастливой жизни, только о семье не забывай. Валя, что тебе писать. Настасья вышла за Павла. Мама твоя вместе с отцом часто ходит к нам, вспоминаем о тебе. <...> Всегда бывает вечеринка у Нины, но я частенько вспоминаю тебя за те песни, что ты запевала. Любу, Нину, Ларису Юхр. наметили в Германию, но что-то оставили, но не знаю, до какого числа. Валя, если тебе хорошо, не очень тяжело работать, есть что поесть, то не скучай по дому, потому что тут меду нет. Младших забрали, а кто остался то кожа на ладонях облазит. Анна К. вышла замуж и выслала фото вдвоем, такая как баба Козиха. А твоей еще не получала. До свидания, привет от родителей, сестричек. Вышли мне фото. Жалко, что мала открытка, негде и писать. До свидания. Лидя».

¹¹ Печковский Николай Константинович (1896–1966) – оперный певец, народный артист РСФСР, оказался в 1941 году на оккупированной территории. После войны «за сотрудничество с оккупантами» был заключен на 10 лет в ИТЛ. Дудко Михаил Андреевич (1902–1981) – заслуженный артист РСФСР, танцовщик Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, в оккупации был назначен немецкой администрацией балетмейстером концертно-балетной труппы в театре Гатчины. После войны был арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. Оба реабилитированы.

В городах работали концертные залы, кинотеатры.

Лидия Дадзис (Гатчина, Ленинградская обл.): «У Балтийского вокзала в бывшем Доме офицеров был русский театр: пел Печковский, балетмейстером был Дудко¹¹. Мы смотрели классические концерты, слушали арии из опер. Помню, Печковский по просьбе одного старичка исполнял “Гори, гори, моя звезда” – весь зал плакал. Смотрели кино. Кинотеатр был только для русских, там шли немецкие недублированные фильмы».

Рассказы тех наших собеседников, которые жили в сельской местности, тоже нередко расходились с привычными представлениями об оккупации. Молодые ребята и девушки собирались,

Приказ об обязательной регистрации мужского населения оккупированного Новороссийска, 1943 / ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 63. Л. 45

Распоряжение об обязательной регистрации коммунистов и комсомольцев. Таганрог, 1941 / ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 63. Л. 1

пели и танцевали под гармошку, и случалось так, что вместе с ними проводили время их ровесники – молодые немецкие солдаты. Об этом (правда, очень скупо) упоминали некоторые наши рассказчики.

Павел Михайлов (хутор Лозовой, Запорожская обл.): «Комендантского часа у нас не было, и мы уже в 16–17 лет начали гулять; собирались на вечеринки у кого-то в доме, по очереди. [Немецкие солдаты] из охраны железной дороги тоже приходили. Уже пошла как бы нормальная жизнь, была дружба с девчонками».

Надежда Измалкова откровенно признавалась: чтобы выжить и устроиться на работу, надо было знать немецкий язык: «В Киеве открылись курсы немецкого языка. <...> Я три месяца ходила на курсы (платные были), быстренько нахватаюсь, какие-то диалоги зазубрила. У них никакой методики не было, но я учила, старалась из всех сил! Учила, учила, потому что понимала: если не буду знать языка, то будет ужасно, раз находишься в такой обстановке».

Письмо из Мариуполя
в Германию. 20.07.1943
(на украинском языке)

«Письмо от родителей дорогой дочечке Тане. Посылаем мы тебе свой чистосердечный родительский привет и желаем всего наилучшего в жизни, а еще посылают братский привет твои братики Ваня, Коля и сестричка Катя и желают тебе счастья и в скором времени увидиться. Таня, ты обижаешься на нас, что мы тебе не пишем письма, но мы тебе на каждое письмо отвечаем. А понесли в конверте письмо, то его не приняли. Мы живем пока ничего, я работаю на старом месте и вместе со мной работает Ваня, а мама тоже работает три месяца уже. Коля работал два месяца в поле, только вчера отпустили. <...> Ты пишешь, что мы получаем. Получаем так же, как и при тебе было. На огороде посеяли кукурузу, картофель и немного бахчи. Но этот огород не очень важный, мало было дождей. Но нормы с 19 должны увеличиться. Это есть в газете, но какие, еще мы не знаем. До свиданья, целуем крепко, твои папа и мама, братья Ваня, Коля и сестричка Катя. Таня, об нас не беспокойся и береги себя и свое здоровье, пока молодая».

Рассказывая об оккупации, наши собеседники в основном говорили о голоде, о том, как пытались прокормиться. Опыт выживания способствовал быстрому взрослению. 14–17-летние подростки оказывались в это время наиболее мобильной частью населения – им было легче приспособиться к новым обстоятельствам.

«Что за немцы?»

Об отношениях с немцами наши собеседники рассказывали более откровенно и объективно, чем мы ожидали. Спектр

Объявление об обязательной трудовой повинности для населения Курска, 1943 / ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1059. Л. 1

этих отношений был очень широкий – от страха и ненависти до благодарности за оказанную помощь и даже симпатии. Упоминались подруги или соседки, у которых была связь «с каким-то немцем». Но говорилось об этом мимоходом и вскользь, без осуждения. Конечно, в отличие от «своих» – полицейев, старост и прочих, находившихся на службе у немцев, во многих из записанных нами рассказов «чужие» (немцы) не имеют конкретных лиц – это представители враждебной и страшной машины. Немцы обретали реальные черты чаще всего тогда, когда оказывались в непосредственной близости к нашим рассказчикам – например, жили в их домах.

Вадим Новгородов из Таганрога рассказывал о немецких «постояльцах»: «Это были солдаты, не старше ефрейтора. Они относились к нам довольно доброжелательно, может, еще и потому, что я с ними мог разговаривать по-немецки. И мы были почти одногодки. <...> Один очень грустный парень был, скучал по родным, сожалел, что война».

Мария Виткевич (Красное село, Ленинградская обл.): «У нас остановился комендант. <...> Он нам приносил мыло, хлеб и просил постирать ему белье. Обращался ко мне и сестре: Анхен, Марихен».

Некоторые свидетели рассказывали, что больше боялись венгров, чем немцев.

Надежда Измалкова: «Венгров мы ненавидели, и венгры нас не терпели. Венгры были такие жестокие. Вы знаете, мы венгров боялись. Они могли ударить. Мы к ним никогда не обращались».

На отношении немцев к местному населению нередко сказывалась обстановка на фронте. Потом наши собеседники столкнулись с этим в Германии: чем ближе было поражение, тем лучше к ним относились их немецкие хозяева. Но замечено это было еще в оккупации.

Лидия Ерастова (поселок Мерефа, Харьковская обл.): «У нас стояли на квартире немцы и мадьяры. В 43-м немцы отступали и принесли маме полмешка муки, и говорят: “Мутти, это тебе”».

Николай Киреев (Болхов, Орловская обл.) вспоминал зиму 1941-го после боев под Москвой: «Сидят, плачут все немцы: “Матка, матка”, – они так звали русских женщин. Все фотографии показывают своих детей. Шнапсом нас угощают. Они думают, что они останутся в снежных полях России. Прекрасно всё понимали».

В рассказах наших собеседников немцы, с которыми им пришлось вступать в личные контакты, нередко оказывались не монстрами, а обыкновенными людьми.

Распоряжение коменданта
о регистрации евреев и ношении
отличительных знаков. Калуга, 1941 /
ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 156. Л. 6

Восточная Украина, 1941 /
Vernichtungskrieg. Verbrechen der
Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1997

Но эти отдельные «человечные» эпизоды еще больше подчеркивают совсем иной, реальный фон оккупационной жизни – полный насилия, жестокостей и издевательств.

Сразу же после прихода оккупантов начались расправы над не успевшими эвакуироваться рядовыми коммунистами, советскими работниками и евреями. Гитлеровская пропаганда призывала к уничтожению «жидов и коммунистов».

Федор Апёнкин (Толочин, Витебская обл.): «В немецкой листовке, как сейчас помню, члены политбюро были показаны евреями, что вот, мол, жидаы начали войну».

Допросы и казни немцы осуществляли руками созданной ими местной полиции. И когда рассказчики говорили: «эсэсовцы, гестаповцы», они имели в виду не только немцев, но и «своих».

«В нашем селе, – рассказывал **Григорий Кульбака** (село Кислечеватое, Днепропетровская обл.), – коммунисты были. Так их же немец сразу порасстреливал. Екатерина Федоровна, моя учительница географии, членом партии была, ее сразу повесили».

Гетто. Каунас, 1941–1942 / Berenbaum, M. The World Must Know: US Holocaust memorial museum. Washington, 2006

Вера Федорченко (село Романово, Житомирская обл.): «Немцы пришли и начали собирать всех партийных. Учитель был, историк, и еще два партийца. Их в сарай завели и били, три дня избивали – прямо до кожи. А потом завезли в лес и живьем закопали».

Анна Одинокова (село Дубовичи, Черниговская обл.): «Взяли директора школы. <...> Его допрашивали. Уши отрезали, выбросили его в парке и не давали хоронить. На него донесла семья одного дурака-ученика, учился плохо, ставили ему плохие оценки. Сказали, что директор – коммунист».

Ольга Зимницкая (Смоленская обл.): «Папа мой до войны работал лесничим. <...> Вместе с моим старшим братом они ушли в партизанский отряд. И маму арестовали как жену коммуниста и партизана. <...> В полиции ее допрашивал такой Седькин. Он зажимал ей голову сапогами и избивал ее резиновой плетью. Она была черная, как чугун, идти не могла. Ее в камеру потом волокли».

Василий Кононенко (Нежин, Черниговская обл.): «4 марта мы только встали, и вдруг стук в дверь, заходят полицаи: “Одевайся, вызывает староста”. Я уже знал, что это значит, потому что до этого у нас забрали коммунистов, активистов и комсомольцев. Всех их расстреляли. <...> Нас увезли в нежинскую тюрьму. <...> Шесть человек расстреляли, а нас, самых младших, пять человек, из тюрьмы увезли в Германию. До этого такого не было – всех, кто там был, уничтожали. В камере на стене было выцарапано так сильно: “2 февраля погибли все”».

«Евреев – отдельно, не евреев – отдельно»

Среди «мирных советских граждан» на оккупированной территории оказались те, кто с самого первого дня был обречен на смерть. Это были евреи. Нередко их выдавали соседи, а полицаи участвовали в расстрелах.

Советская пропаганда впоследствии предпочитала об этом не говорить. Господствовала официальная установка: нечего выделять евреев, все советские граждане были жертвами нацистского режима.

Таисса Толкачёва (Геническ, Херсонская обл.): «Да, ходили по домам, где живут евреи. Выгоняли из домов, строили – детей, взрослых, стариков, – я сама это видела! – просто колоннами. А до этого, до прихода немцев, мы копали противотанковые рвы. Но использовали [рвы] немцы, чтобы расстрелянных туда закапывать. Я помню, сосед у нас. Тоже семья, не успели эвакуироваться. Дети маленькие и старушка. Их выстроили и повели к этим рвам. Слышны были, конечно, выстрелы. В общем, их там расстреляли. А закапывали не немцы, а наши полицаи, закапывали кое-как».

Тема участия местных жителей в расправе над евреями до сих пор остается очень болезненной. Наш собеседник **М.Ц.** жил в Литве во время оккупации. В интервью с нами он напряженно подыскивал слова, желая убедить, что реальность выглядела по-другому: «Заявляют, что литовцы как будто расстреливали этих... ээээ... жидов. Но на самом деле очень мало. Я только одного встретил, который действительно стрелял в евреев».

Рассказывать об уничтожении евреев нашим собеседникам было трудно. Ведь среди казненных были их односельчане, соседи, одноклассники, которых убили только за то, что они были евреями. Нашим рассказчикам выпала тягостная роль свидетелей, которые ничем не смогли помочь погибшим.

Регина Лаврович (деревня Осовец, Гомельская обл.): «Рядом с нами жила еврейская семья, его звали Хаим, ее – Двоя. И вот однажды мы, дети, играли во дворе. Хаим чистил немецкую лошадь. Когда он кончил чистить, к нему подошел немец, вложил ему пистолет в уху и убил его».

Из воспоминаний **Елизаветы Крестьянцевой**: «У нас собственный дом был в Кировограде, а двор был – четыре еврейских семьи жили, а пятая наша. <...> Очень хорошие люди были: врачи, юристы – интеллигенция. Их всех расстреляли. У нас был дворник – Роман. При немцах он самый настоящий полицай был. Рядом с нами жил капитан дальнего плавания, морской офицер, молдаванин, а жена у него еврейка была, Соня, и дети – Толя семи лет и Гарик – совсем маленький еще, на плечах у Сони. Соню с Гариком немцы расстреляли, а Толя прибежал к нам. Этот дворник увидел его у нас и говорит:

“Толя, Толя, идем со мной” – и увел. Он сдал мальчика немцам, сказал, что еврей. Ужасно! Ужасно! <...> А ведь этот дворник Роман всегда такой вежливый был».

Забрали и расстреляли всех еврейских детей из детского дома в Новоукраинке, где находилась **Альдона Волынская**. В ее рассказе звучало недоумение, с которым она жила всю жизнь: ведь кто-то в детском доме отдал полиции списки, где указывалась национальность детей.

Но были рассказы и о конкретной помощи евреям – соседям, знакомым.

Надежда Кепеть (деревня Пуховичи, Гомельская обл.): «В наших Пуховичах был ров, в котором закапывали евреев после расстрела. И вот к папиной сестре Арине однажды ночью прибежала соседка Хая. Она выбралась из этого котлована и прибежала. Вся в крови. Арина ее передела и спрятала. Потом кто-то, уж не помню кто, увел ее к партизанам, и она осталась жива».

Минск, 1941 / Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944.
Hamburg, 1997

Живший в Днепропетровске **Павел Косушко** вспоминал, как уговаривал свою знакомую девушку-еврейку не идти в гетто. «Такая была чудесная, красавица! Я говорю: “Не уходи. Не уходи.

Останься с нами. Мы спрячем тебя. Останься. Это ж на смерть идешь!” Я ее умолял, потом я пошел в парк, нарвал букет цветов, принес ей, говорю: “Не уходи, ради Бога!” – “Нет. Я не могу. Я с родителями уйду”. Так она и ушла. Ушла та девушка. Это было ужасно».

Надежда Измалкова в Киеве с риском для жизни прятала свою подругу-еврейку. Она рассказывала об этом, как о чем-то совершенно нестрашном и само собой разумеющемся: «У меня была подруга еврейка Дора. Мы с ней дружили с шестилетнего возраста, жили по соседству. <...> Она была в армии и попала в плен. Но она назвалась украинкой, а немцы поверили и ее выпустили. Она пришла к нашему дому, боится подойти. Стоит в шинели, в пилоточке, маленького роста. <...> Мама ее увидела и сразу всё поняла. “Ой, Фенечка, иди сюда!” Она уже ей имя придумала. И потом какое-то время она жила у нас. Сейчас я удивляюсь: как мы не боялись? Ведь люди-то ее знали!»

В эту историю был вкраплен и почти комедийный рассказ, как Надежда Измалкова с помощью немецкого солдата вызволяла Дорины вещи: «Ее квартира была закрыта, и там стоял шкаф с вещами. <...> Я нашла какого-то немца, чтобы беспрепятственно их забрать. <...> Немец позвал каких-то мужиков и заставил их нести шкаф, комод, перины. А дворник страшно возмущался, кричал: “Жидовское барахло хотите сохранить?!” Таким образом я ее вещи перетянула, что-то продали, надо же было жить».

Кроме евреев полному уничтожению подлежали цыгане.

Ирина Соколова видела, как немцы на Украине окружили цыганский табор: «Я видела зверства, которые не укладываются в голове. На моих глазах на дороге человек четверых застрелили! Под гогот вывели одну цыганку и парня молодого. Говорят: “Насилуй ее!” Он говорит: “Это моя мама!” Она чего-то ему по-цыгански говорила. В общем, застрелили их».

Среди наших рассказчиков оказались не только свидетели, но и чудом спасшиеся жертвы.

Владимир Свердлов встретил войну в детском санатории «Кринки» на западе Могилевской области. В первый же день почти все сотрудники санатория убежали, бросив детей,

а их было почти 500 человек. Заведующая санаторием, по национальности еврейка, осталась с детьми, многие из которых были детсадовского возраста. «Уже 27 июня пришли немцы. И тогда я понял, что такое война. Они заведующую прямо вывели и тут же на улице при нас расстреляли. <...> Первое, что сделали немцы, – всех детей разделили. Евреев – отдельно, не евреев – отдельно. Кормили мороженой свеклой и капустой и в день давали 100 граммов хлеба. Когда наступили холода, многие стали умирать, половина умерла от голода. Бывало, проснешься: “Фима, вставай”, – а он уже неживой. Хоронить – не хоронили, просто сбрасывали в речную прорубь. Вшивость была страшная. Болезни. Заросшие, все в коростах! Когда наступила весна, уже такая апатия была, что не хотелось жить: скорей бы только всё это закончилось. И вот, я запомнил: 2 апреля к нам пришли немцы с переводчиком, переписали всех и говорят: “Собирайтесь, вас будут переводить в другое место – вам будет там тепло, светло и сытно”. Построили нас в колонну, маленьких детишек посадили на телеги и повезли. А у меня был друг, он был среди нас самый старший, ему было 12 с половиной лет. И он мне уже в этой колонне говорит: “Знаешь, куда нас ведут?” Я говорю: “Куда?” – “Нас ведут убивать. Если бы нас куда-то переводили, были бы вооруженные люди. А ты посмотри: кругом автоматчики”. Я решился на побег и удрал. <...> Всех детишек расстреляли».

Фрида Палко: «Оккупацию я встретила в городе Стародуб Брянской области. Мне еще 14 лет не было. <...> Когда немцы вошли, месяц они евреев не трогали. А потом по

Объявление о введении комендантского часа. Таганрог, 1942 / ГАРФ. Ф. Р-7021.

Оп. 148. Д. 63. Л. 38

радио объявляют: всем евреям собраться – и мужчинам, и детям, и женщинам – и взять с собой самые необходимые вещи. <...> Собрала мама, что могла, согнали нас в одно место. Евреев в Стародубе было много. И пошла колонна. У нас за городом колхоз был – Беловщина. Нас туда всех согнали – стоя, сидя, кто как мог сидел, лежал. Часов в шесть утра зашел немец и говорит: всем мужчинам, начиная от четырнадцати лет, выйти на работу. Больше они не вернулись, их в этот же день расстреляли. <...> Мы остались одни: женщины и дети. Нас расселили по этим домам, кругом огородили железной проволокой. Нас охраняли русские полицейские, такие асы – они никого не пропускали. Жили мы в комнатке человек пятьдесят. Кушать нам давали мороженный лук. Я была похожа на русскую девочку – беленькая, с голубыми глазами. А за этой Беловщиной был еще колхоз Березовка. Там у меня жили подружки, с которыми я училась. Я тихонько пролезала через проволоку и приносила иногда немножко картошки, у них у самих ничего не было. <...> Но потом стала ходить реже: было опасно. Мы там прожили, в этом гетто, пять месяцев. А моих подружек в один прекрасный день согнали копать ямы для нас. И моя подружка Мотя Подоляко говорит: “Если можешь, убегай, потому что через несколько дней вас будут всех стрелять”. Я говорю маме: “Давай мы с Люсей – это моя сестра – убежим”. А мама: “Да вы что, вас убьют, ни в коем случае”. <...> Мама нас даже в пионерский лагерь не отпускала. Но я ушла. Я говорю: “Пусть убьют, пусть стреляют мне в спину, а я не останусь с вами”. В общем, надо было мне сестру свою взять с собой, а я... А сестра держалась за мамину юбку и не пошла со мной. <...> Это было в феврале. А 2 марта их всех расстреляли».

Самой Фриде удалось бежать из гетто, она назвалась русским именем и была угнана в Германию.

«Мы жили между двух огней»

Описаний партизанской и подпольной деятельности в рассказах наших собеседников очень немного. Будущие осто

были очень юными и в большинстве своем в Сопротивлении не участвовали. Только некоторые из них сталкивались с партизанами.

Регина Лаврович (деревня Осовец, Гомельская обл.): «В декабре 41-го партизаны постучали к нам в дом. Они занавесили окно, запалили лучину и рассказывали, что произошла битва под Москвой и немцев разгромили. <...> Партизан было много. В 43-м году вся наша деревня фактически занималась хозяйством, чтобы кормить и обстирывать партизан. <...> В марте 43-го все мы ушли жить в лес, вся деревня ушла».

Любое подозрение в связи с партизанами грозило казнью.

Павел Михайлов (хутор Лозовой, Запорожская обл.): «В нашей деревне расстреляли девять человек – будто бы они были оставлены для подпольной работы. И в тот же день убили всю семью – отца, мать и троих детей. Кто-то донес, что они на станции поджигали сено. А нас специально согнали смотреть на казнь, чтобы другим урок был».

Таисса Толкачёва (Геническ, Херсонская обл.): «Выгоняли людей на площадь смотреть на повешенных. В скверике висели повешенные люди и написано: “Партизан. Партизан. Партизан”. Ни за что вешали. <...> Вот, например, повесили нашего комсорга. Он не был партизаном. Просто им нужно было показать населению, что пришли хозяева, и они могут с людьми делать что угодно».

Галина Шаланкова (село Архангельское, Орджоникидзевский край): «Немцы нас согнали на площадь. Повесили мальчика двенадцатилетнего и написали: “Партизан”. И немец выступил: “Так будет с каждым, кто посмеет не слушать немецкую власть”».

О партизанах наши собеседники вспоминали порой совсем не так, как это подавалось в советских книгах и фильмах.

Леонид Осипов (село Хуралево, Гомельская обл.): «Мы жили между двух огней. Между партизанами и [немцами]. Вот пример. Наши партизаны ставили мины прямо в деревне, в десяти метрах от хаты. Колонна немцев проходит, обязательно кто-нибудь взорвется. Так немцы что делали? Они поднимали всех людей и впереди гнали по дороге, заставляли запрягать лошадей в бо-

рону, а за ними уже колонна. <...> Ну, идешь, а черт его знает, есть там мина или нет».

Виктор Шульдешов (село Крюково, Курская обл.): «Приходят немцы – бежим в лес, к партизанам. Уходят – бежим из лесу. Кончилось тем, что деревню нашу немцы сожгли».

За акции партизан часто приходилось расплачиваться мирным жителям, и свидетели происходившего говорили нам об этом иногда осторожно, а иногда прямо и откровенно.

Татьяна Теплова рассказывала, как в их деревне Грива (Калининская обл.) был убит немецкий солдат – один из трех, что стояли в селе. На следующий день пришли каратели. «Расстреляли двух мальчишек 14–15 лет. Потом поставили всех в ряд и сказали: “Нагните головы”. Мы все со всеми распрощались, думали, нас сейчас расстреляют. Но нас не расстреляли, только деревню всю сожгли».

Наши собеседники вспоминали и о расстрелах бывших красноармейцев, оставшихся в оккупированных деревнях и селах в результате окружения и отступления в первые дни войны. Некоторые из них стали так называемыми «примаками» – местные женщины выдавали их за своих мужей. Другие жили в пустующих хатах, ходили на работы, их называли «приписняки»; немцы их сначала не трогали. **Николай Богославец**, живший во время оккупации в маленьком городке Зенькове на Полтавщине, рассказывает: «Так эти молодые ребята жили у нас до 1943 года. А потом однажды их собрали в школу и начали шерстить – кого оставить, кого взять. Около семидесяти человек, молодых, здоровых ребят, вывели за город на поле и расстреляли. Как потенциальных партизан. Сначала их нельзя было брать, а потом их разрешили забрать по домам. Они и похоронены все по домам, не на общем кладбище».

С середины 1942-го мирное население стали массово угонять в Германию. В тех местах, где действовали партизаны, уход в лес становился надеждой на спасение.

Угнанный из Таганрога **Вадим Новгородов** вспоминал: «Немцы часто жаловались, что на Украине партизаны не дают покою. И вот мы пока всю Украину ехали, я каждую минуту ожидал, особенно ночью, что остановят партизаны состав и освободят нас».

Опыт выживания в условиях оккупации пригодился будущим остовцам в Германии. Но и цена этого опыта была очень высокая – они стали свидетелями предательства и приспособленчества, жадности и жестокости. И самое страшное – массовых убийств.

Воспоминания об оккупации оказались для многих даже более тяжелыми, чем о жизни в Германии. И, может быть, самым мучительным было ожидание угона на чужбину. Вот что говорила об этом полтавчанка **Людмила Васильковская**: «Оккупация – это самое страшное время. Не знаешь, что тебя ждет. Сегодня ты как-то [живешь], ходишь, а завтра тебя хватают за шиворот, тянут на биржу труда, посылают на тяжелые работы. <...> Они могли забрать на принудительные работы молодежь с 22-го года по 25-й. Я попадала».

Часть вторая

УГОН

Нашими собеседниками были разные люди – отправленные на работу в Германию совсем юные и постарше, малограмотные и вполне образованные, горожане и сельские жители. Но все они оказались связаны общей судьбой: они были оstarбайтерами¹. Вывоз в Германию осуществлялся в разное время по-разному. До весны 1942 года рабочую силу в основном отправляли через добровольную вербовку. Позже намеченных к отправке людей вызывали повестками в арбайтсамты по спискам, составленным новой администрацией. Принятых мер было недостаточно, рабочих рук в Рейхе не хватало, и угон стал приобретать массовый и все более насильственный характер.

Большинство было вывезено в Рейх весной и осенью 1942 года, когда началась массовая отправка людей с оккупированных территорий.

В одну из первых партий попал Владимир Щебетюк (село Исаковцы, Каменец-Подольская обл., март 1942)²: «Пришли немцы, у меня никакой защиты. И забирают в Германию меня первым. Я по возрасту не должен был идти, мне всего 15 лет было, но куда денешься! И я с первой партией – нас было девять человек – попал в марте 1942 года в Германию. Мама плакала, хоть ей и говорили, что мне там будет хорошо».

Почему дата отъезда в рассказах наших собеседников была для них так важна? Прежде всего она подводила черту под их предыдущей жизнью. Кроме того, эта дата определяла продолжительность пребывания в Рейхе, а часто – и степень тяжести труда. Первые эшелоны начала 1942 года, как правило, отправлялись из Украины на работу в немецкие шахты, а там труд был особенно тяжелым. И обращение с оstarбайтерами в Германии тогда было гораздо более жестким, чем в конце войны.

После многих бесед мы убедились, что точную дату отъезда называли далеко не все, чаще только месяц или время года. Вот как об этом говорила Татьяна Веселовская (село Ново-Троицкое,

¹ Массовый вывоз оstarбайтеров в гитлеровскую Германию начался весной 1942 года. Каждый оккупированный немцами город и каждая деревня получили определенную квартальную квоту по отправке в Рейх рабочей силы, причем половину от этого числа должны были составлять женщины. См.: Герберт У. Принудительные работы в Германии. Советские гражданские рабочие и военнопленные 1941–1945 гг. // Тяжелые слова: Судьбы восточных рабочих. СПб.: Мемориал, 2000. С. 12.

² Здесь и далее в этой части в скобках указываются место и время угона в Германию.

Запорожская обл., лето 1942), которой было только 14 лет: «Вы знаете, или лето, или осень... Ой, вы знаете, я вот сейчас и не знаю, когда забрали. Как только заняли немцы вот Украину, Ново-Троицкое, сразу же нас отправили».

Повестка о вербовке.
24.11.1942

Повестка № 2 гражданину Поцелуйко Ивану Т. <...> Сельским Управлением Вы назначены на работу в Германию. Вам необходимо подготовиться и иметь заготовленных продуктов питания на четыре дня. О дне выезда будет сообщено. Староста с/у, писарь с/у.

Трудность ответа на этот вопрос для наших собеседников заключалась в том, что ранний отъезд, как они опасались, мог вызвать у нас подозрение, будто они пришли на вербовочный пункт «своими ногами», согласились ехать в Германию добровольно (что до весны 1942 года действительно нередко бывало). Этот момент во время проверки в советских фильтрационных лагерях после освобождения был для остоуцев едва ли не самым опасным. Страх перед обвинением в «добровольности отъезда» вьелся в них на всю жизнь. Несмотря на все наши попытки заверить собеседников, что спустя столько лет это не имеет значения (ведь в любом случае их ждал в Германии принудительный труд), им было гораздо проще сказать, что их схватили во время массовой облавы, подробности которой не уточнялись.

Типичный рассказ без «лишних» деталей звучал обычно так.

Надежда Измалкова (Киев, май 1942): «Мы ездили меняли-меняли всё, а потом нас уже забрали в Германию. <...> Была облава в одном селе в 42-м году. Забирали всех, и нас тоже туда за компанию, очутились в Германии».

В результате возникали умолчания и противоречия. Например, **Аркадий Кожаев** (в 1941-м молодой инженер, начальник небольшой шахты в Донбассе) рассказал, что попал в массовую облаву на рынке в начале февраля 1942 года, а уже через полчаса беседы говорил, что, уезжая в Германию, захватил с собой учебник немецкого языка. Даже спустя многие годы он боялся признаться в том, что голод и ощущение безнадежности заставили его завербоваться на шахтерскую работу.

В очень редких случаях о причинах и обстоятельствах добровольного отъезда говорилось так подробно и откровенно, как в воспоминаниях одесской студентки **Нины Одолинской** (апрель 1942): «Я долго колебалась, когда немцы объявили вербовку на работу в Германию. Жить было невмоготу, голодно, об учебе не могло быть и речи, работы не было. <...> Фронт уходил все дальше на восток, и поэтому душу охватывало ощущение какой-то дикой безысходности. Поездка на работу по вербовке в Германию представлялась реальным и единственным выходом. Тем более что никто не знал, сколько будет длиться этот хаос. И я пошла на пункт вербовки. Возле двери висело объявление, в котором немцы предлагали ехать на работу на полгода, обещали хороший заработок. Этому очень хотелось верить. Успокаивало сознание того, что буду обеспечена едой и крышей над головой и, может быть, смогу помочь близким, остающимся в Одессе. Вербовщики записали паспортные данные и сообщили о дне отъезда. Нас, добровольцев, было много – целый эшелон из товарных вагонов. Не надо думать, что это была какая-то “контра”, сплошные враги народа или злые изменники Родины. Ехали люди, доведенные до отчаяния своим положением, не сумевшие приспособиться к новой власти. Ехали потерявшие своих близких и свое жилье, у которых ничего и никого не осталось на белом свете».

«Спрятаться было негде»

Во всех немецких документах, касающихся остарбайтеров, процесс вывоза в Германию восточных рабочих называется словом «вербовка» (Werbung), то есть добровольный наем на работу³. И до апреля 1942 года на оккупированных территориях насильственный вывоз действительно сочетался с привлечением желающих добровольно выехать в Германию. Была развернута соответствующая агитация, устраивались торжественные про- воды и т. д.

³ В течение зимы 1941/1942 годов службы труда на оккупированных территориях были реорганизованы в сети вербовочных комиссий (Anwerbkommisionen). 21 марта 1942 года был введен специальный пост генерального уполномоченного по трудоустройству восточных рабочих (GBA). Согласно циркулярам занявшего эту должность Фрица Заукеля, вербовке подлежали как мужчины, так и женщины в возрасте от 17 до 35 лет. Но фактически сразу же стали отправлять подростков и более ранних возрастов. А с апреля 1943 года было разрешено вывозить в Рейх целые семьи с детьми моложе 14 лет, причем дети от 10 лет, если признавались здоровыми и физически крепкими, считались работоспособными.

Немецкий агитационный буклет / Из собрания М. Пойзнера

«Как живут женщины и девушки в Германии?»

Ваши большевистские палачи знают, что идеалы, которые они только обещают, полностью осуществлены Адольфом Гитлером. <...> В Германии женщины и дети получают хорошие квартиры, здоровую пищу, хорошую одежду, обеспечены медицинской помощью и действительно живут свободной и по-настоящему счастливой жизнью. <...> От вас, женщины и девушки, зависит устройство вашего будущего. Идите на работу! Новая жизнь принесет вам то, что 25 лет было только словами: свобода, человеческое отношение, мир и настоящее счастье!»

Павел Михайлов (хутор Лозовой, Запорожская обл., сентябрь 1943): «Сперва у нас был наем в Германию. Была реклама, были картинки, плакаты – какая там будет жизнь богатая, будете работать, будете деньги получать. У нас два человека записались добровольцами».

Мария Виткевич (Красное Село, Ленинградская обл., январь 1944): «Когда пришли немцы и всех стали регистрировать, добровольцам сразу предлагали выезд в Германию. Вывешивали объявления, что желающим уехать будет предоставлена хорошая работа, выданы продовольственные карточки и денежное пособие».

Вера Федорченко (село Романово, Житомирская обл., июль 1942): «Первый набор с музыкою провожали, с духовым оркестром».

Приходить на пункт вербовки добровольно молодых людей кроме голода и безработицы заставлял страх и другие обстоятельства, которые не оставляли иного выбора. Бывали случаи, когда так поступали евреи, жившие в оккупации по фальшивым документам. Они надеялись, что им будет легче затеряться, уехав из родных мест, где их все знали. Так сделала, например, подруга **Надежды Измалковой** Дора (Киев, май 1942): «Фамилию свою она изменила: Лович, вместо Сагалович. И по этим документам она была в Германии».

У **Валентина Карватовского** (село Мукша-Боришковецкая, Каменец-Подольская обл., лето 1942) отец был до войны репрессирован, и Валентину был предложен выбор: идти в полицаи

Фотографии немецкого бюро пропаганды
«О положении восточных рабочих». Добровольцы-
остарбайтеры едут в Германию. 1942 /
ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 128. Д. 286, Л. 25, 28

Агитационный плакат, приглашающий женщин и девушек на работу в Германию / Из собрания М. Пойзнера

или согласиться на добровольный отъезд в Германию. «Мой товарищ, – вспоминал Карватовский, – стал полицаем и говорит мне: “Иди в шуцманы. У тебя отец был репрессирован – тебя возьмут”. Я говорю: “Нет, Миша, чем в шуцманы – лучше в Германию”».

Однако поток добровольцев быстро иссякал. От уехавших стали приходить в зашифрованном виде нерадостные известия о жизни на чужбине.

Виктор Шульдешов вспоминал, как они договаривались с матерью: «Мать меня до района провожала, плакала. “Ты, – говорит, – приедешь в Германию и напиши письмо. И если плохо – цветок нарисуй, мало ли, не догадаются, там же тоже проверяли. Если хорошо – так ничего не пиши”».

Рассказы, что «нашим там плохо», привозили и те, кого немцы на первых порах отправляли обратно домой из-за болезни или полученной инвалидности. Слухи о том, какая судьба может ждать уехавших, распространялись очень быстро, и желающих отправиться на работу в Рейх оказалось куда меньше, чем рассчитывали немецкие власти. Появились и листовки подполь-

щиков, призывавшие молодежь не ехать в Германию. Об этом, правда, не очень отчетливо вспоминала Людмила Станева (станция Гайпур, Запорожская обл., июль 1943), участвовавшая в подполье: «Да я уже хорошо и не помню, о чем мы писали [в листовках]. Но, короче, в основном о том, чтоб в Германию не ехали. <...> О том, что наши войска вернутся. О том, что скоро освободят нас. <...> Эти листовки расклеивали».

Письмо из Зенфтенберга
в Каменец-Подольскую обл.
11.02.1943

Из письма: «...Дорогие мои друзья, вы передаете привет Мельникову Петьке, а Петьки возле меня нет. Были мы в пути троим, [еще] Фанас и Петька. А сейчас остался я один, потому что Фанас помер, а Петька, говорят, что поехал домой, потому что заболел. <...> Вы знаете, как мне тут скучно среди чужих хлопцев. Еще я вас прошу, дорогие мои друзья Федя и Ванюша, пишите мне часто письма. Ну и с тем до свидания. Жму вам крепко правую руку и жду ответа поскорей».

Письмо из Нюрнберга
в Полтаву. 03.08.1943
(на украинском языке)

Из письма: «...Братишки мои родненькие, слушайте маму и папу, я бы слушалась, но дожилась, что нет у меня никаких родных. Мне тут, мама, живется хорошо, вспомните жизнь Нasti Казачки. Пусть вам Нина споет песню “Летіла зозуля з яру на долину”. Ты, моя племянничка, хоть и несчастна, но хоть мама есть, а у меня...

Вспомни меня, моя мама, хоть раз за часочек, а я тебя вспоминаю 7 раз за минутку.

Если сможете, то пришлите посылку: марок, сколько сможете. Тут девчата получают каждую неделю. Теперь, мамочка, я уже оборвалась, голая <...> Вы ж не горюйте за мной, я за себя и сама погорюю. Живы будем, то когда-нибудь вернемся. Пишите, какие года забрали и кто поехал или только мы. Шлю вам фотокарточку, снималась 22/VII-43 года. Мы часто вспоминаем жизнь в Недогарках, а тут нам еще лучше живется. Передавайте всем родным, девчатам, соседям, знакомым горячий привет. Пишите в ответ хоть про жизнь нашей семьи. Ну пока прощайтесь, оставайтесь живы и здоровы. Жму тебе, папа и мама, крепко руку. Город, в котором мы находимся, называется Нюрнберг».

Уведомление о трудовой повинности.
Запорожская обл. 1943

Война явно затягивалась, и немецкой промышленности требовалось все больше рабочей силы. На смену вербовочной агитации очень скоро пришел массовый насильственный угон.

УВЕДОМЛЕНИЕ О ПОВИННОСТИ

На основании § 1 постановления Имперского министра занятых восточных областей о введении трудовой повинности в занятых восточных областях от 19.XII.1941 г. вы обязаны принять работу за пределами занятых восточных областей и должны явиться 14 мая 43 г. в 12 часов дня. Одежду и обувь, насколько таковые имеются, следует взять с собой. За доставленные части одежды будет выплачено вознаграждение. Ваша работа будет проведена на обыкновенных рабочих условиях и будет оплачиваться по урегулированному тарифу. В случае неявки это обязательство будет приведено в исполнение принудительными мерами против вас или против ваших родных. Кроме того нарушение трудовой повинности будет наказано арестом, заключением в тюрьму или ссылкой в лагерь принудительных работ.

Областной (Штадт) комиссар

Насильственные методы при этом по-прежнему сочетались с посулами хороших заработков, в ход пускались обещания, что пребывание в Германии будет недолгим. Намеченных к отправке людей в городах вызывали повестками в арбайтсамты, в сельской местности списки на угон должны были составлять назначаемые немцами старосты, явку на сборные пункты обеспечивали полицаи из местного населения.

Зоя Елисеева (Джанкой, июнь 1942): «Были списки составлены, спрятаться негде было. Причем списки составляли те, которые знали жителей, кто где живет, все были предупреждены – явиться такого-то числа, в такое-то место, с вещами. Поедете на работы – всё! Предупредили: если вы не явитесь сейчас, то мы вас потом приведем силой. Нам говорили: “Вы ненадолго поедете – поработаете три месяца, может, полгода, а потом вы вернетесь, другие поедут”. Ну ладно, что ж, поедем. 16 лет...»

В деревнях первыми в списках оказывались, естественно, «пришлые», те, кого в эти места забросила война. Так произошло в деревне под Минском с московской студенткой Раисой Первиной и ее подругами, попавшими перед началом войны на летнюю практику в Белоруссию. Одной из первых внесли в список

Немецкие солдаты охраняют машины с населением, угоняемым в Германию / Из фонда РГАКФД, г. Красногорск. Оп. 2. Д. 530. Сн. 2

на угон **Ирину Соколову** (село Перевалочное, Черниговская обл., июнь 1942), военную медсестру, которой удалось бежать из плена и устроиться санитаркой в сельскую больницу: «Однажды я была на дежурстве, девочки говорят: “Ты знаешь, девяносто человек [будут угонять], разнарядка такая на это село. И такой прошел слух, что нами будут покрывать”. Я говорю: “Что делать – надо отрываться, а иначе мы туда загремим”. <...> Ну, и сидим, разговариваем, слышим: топ-топ. Приходят два полиция. И – нас всех в сарай. Потом на подводы – в Прилуки. На вокзал, и – в вагоны. Вагоны закрыли, и открыли их только когда были в Польше».

Судя по рассказам, брали в первую очередь комсомольцев, старших детей из многодетных семей, детей из бедных семей, которым нечем было откупиться.

Анна Басараб (село Николаевка, Ровенская обл., май 1942): «Сказали, у кого есть семья, так первого надо – надо одного. Вроде как поблажку дали. А я говорю: “Мама, поеду я. Я бедова, грамотна”. Мать говорит: “Ой, куда ты поедешь!” Я говорю: “А что делать?

Девчата-то неграмотны”. А я ж бедова сильно была. <...> А наши председатели ж выбирали каких бедных, а свои дома сидели».

ДОКУМЕНТ СОХРАНЯТЬ АККУРАТНО

ЗАВЕРБОВАННЫЙ НА РАБОТУ В ГЕРМАНИЮ

В соответствии с медицинским осмотром этот завербованный работник здоров, работоспособен, не имеет инфекционных заболеваний и вшей. Про день отъезда было сообщено устно. Кроме данного удостоверения нужно иметь при себе паспорт и другие личные удостоверения и документы. Кроме этого нужно взять с собой посуду для еды, кружку для питья, одежду (также летнюю), белье, обувь и продукты минимум на два дня. Каждый может взять с собой столько вещей, сколько он сможет унести.

Вербовочная комиссия «Бавария» Генерального Уполномоченного по распределению рабочей силы в Ворошиловграде

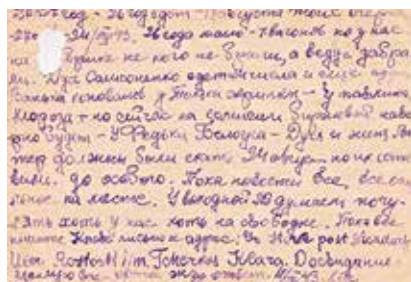
Личное удостоверение завербованного.
Ворошиловградская обл. 1942

О несправедливом отборе вспоминали и другие наши собеседники.

Надежда Кепеть (деревня Пуховичи, Гомельская обл., март 1944): «Старостой был моей подруги отец. У него было четыре дочки и сын. Когда немцы дали предписание в Германию дать людей, он назначил всех чужих, а из своих пятерых никого не назначил. <...> Партизаны потом его за это забили». Позже стали забирать уже всех подряд.

Анна Штепа (Ростов-на-Дону, октябрь 1942): «В первых партиях летом 42-го забрали моего брата Ивана и сестру Любу. А осенью приходит староста и говорит: “Анна должна уехать. Если Анна не уедет, вас могут расстрелять”. Папа говорит: “Ну, что? Что будем делать?” Решили меня отправить».

Письмо из Запорожья в Германию. 18.08.1943

«Письмо, пущенное 18 августа. Здравствуйте мои дорогие подруги Лидя, Марфуша, Оля. Пишу я вам, ваша подруга Мила. В начале своего письма спешу уведомить вас, что я от вас письма не получала, но привет вы мне передали, и я решила писать вам письмо. Спешу вас уведомить, что у нас сейчас берут в Германию 26–27 год. 26 год едет 16 августа, то есть вчера. 27 [едет] 24/VIII- 43 г. 26-го года мало – 7 вагонов. Но у нас на фабрике никого не брали, а везде забрали. Дуся Самсоненко едет 24 числа, а еще едут Ванька Коновалов у Тоньки Скрипки, у Павлика Мороза, но сейчас на комиссии биржевой, наверное, будет. У Федьки Белоуса Дуся и Женя Витер должны были ехать 24 августа. Но их оставили. До особого. Пока новости все. Все остальное на месте. В выходной 22 думаем погулять хоть у нас, хоть на слободке. Пока все. Пишите Клаве письмо. До свидания. Целую вас крепко, жду ответа. Мила».

Случалось, что семью вывозили вместе с детьми.

Ираида Жукова (Ленинградская обл., август 1942): «Мы жили в Красном Селе. Немцы всех заставляли работать, мама копала торф. Мама частенько брала меня с собой, боялась оставлять. Мало ли – мне было 10 лет. <...> Однажды немцы сказали, что всех повезут на работу в Волосовский район на неделю, поэтому нужно взять с собой какое-то белье. <...> А с нами жила моя бабушка. Мама спросила у немцев: кого можно взять с собой? Детей они разрешили взять, а стариков нет. И хорошо, что мама взяла меня, потому что обратно мы уже не вернулись. Уже туда угнали, и всё».

Многие наши собеседники считали главными виновниками своей отправки в Германию именно полицаев.

Валентина Сехина (Сталино, август 1942): «Был у нас такой полицаи – Дробот фамилия его была. Он пошел к немцам работать и нам не давал покою. Мы прятались, прятались, но все-таки он заставлял нас. Однажды, когда мы дома были, он избил сестру резиновой [плеткой], а меня схватил за руку и потянул в ихний участок. Маме сказал, что на работу, а привел в ДК Ленина. Наверно, с неделю продержали, потом погрузили в ужасный, грязный вагон и отправили нас».

Домникия Скиба (село Заслучное, Каменец-Подольская обл., апрель 1942): «Весной был первый набор, я попадаю в цей набор в Германию. Полицаи списки составляли. Они же знают всех людей, они всю молодежь описали, и я попала в это число. Предатели! Все их знали, и они людей выдавали. Вот это свои люди».

Елизавета Крестьянцева (Кировоград, сентябрь 1943): «Наши же русские полицаи ходили по домам и всех забирали на сборный пункт. Мне было тогда 16 лет. Мама вышла куда-то и оставила мне братика. Пришли полицаи, спрашивают: “Где мать?” Я говорю, мамы дома нет. Тут братик начал кричать. Я говорю им: “Вы меня не берите сейчас, мама скоро должна прийти”. А они говорят: “Нам некогда”. <...> И меня взяли».

Никакие мольбы и уговоры, как правило, не помогали.

Зинаида Комиссарова (деревня Вяжище, Псковская обл., апрель 1942): «Волостной староста стал составлять списки молодежи 17 лет, всех мальчиков и девочек в списки занесли. Потом приходил и говорил – вот вы и вы поедете в Германию. А у моей мамы было нас шесть человек детей, я старшая. Мы просили, плакали – но [не помогло] ничего».

Можно ли было избежать угона? Многие рассказывали, как пытались остаться. Совершенно неожиданно и «легально» удалось не попасть в списки на угон молодой жительнице Полтавы **Людмиле Васильковской**. «Это было в начале 42-го года, – рассказывала она. – Я уже шла на биржу труда отмечаться, когда вдруг встретила своих одноклассников. Они сказали: “Знаешь, куда мы идем? Открывается землеустроительный техникум,

и мы идем оформляться. Пойдем с нами”. Я оформилась в этот техникум и благодаря этому не попала в угон. Почему немцы открыли именно землеустроительный техникум? Они думали менять землеустройство. Колхозы менять на частные хозяйства».

Людмиле Васильковской, можно сказать, повезло. Но случаев такого везения было очень мало.

Намеченные к отправке в Германию подростки иногда пытались уйти из своего города и села, но чаще всего это заканчивалось неудачей. О подобной попытке нам рассказала **Валерия Фёдорова** (деревня Дашковичи, Брестская обл., март 1944). Перед самой войной она на каникулах приехала из Ленинграда к родственникам в Западную Белоруссию и не смогла эвакуироваться. В деревне их с матерью называли «советками». Узнав, что ее собираются угнать в Германию, Валерия ушла из села. «Я иду, и меня догоняет телега, едет дядька какой-то на ярмарку в Порозово. И я по молодости разболталась с ним – я хорошо к этому времени владела белорусским языком. Но он, конечно, понял, что я “советка”. <...> И только я вышла на рыночную площадь, подошли два полиция и меня арестовали. По доносу того крестьянина, который подвез меня».

Неудачной оказалась попытка избежать отправки и у **Анны Кириленко** (Ростов-на-Дону, сентябрь 1942), как она считает, из-за случайности. Вот ее рассказ: «Однажды кто-то постучал в калитку нашего дома. Я вышла – никого нет. Посмотрела: из-за угла выглядывает мальчишка: “У тебя в почтовом ящике письмо”. Я еще ему погрозила кулаком, думала, что он смеется надо мной, балуется. Открываю почтовый ящик – точно, маленькая записочка: “Уходи – на тебя донос в гестапо”. Я приношу, показываю папе. Он говорит: “Что делать? Этим сейчас не шутит никто”. Собрал меня, вывел за город, на дорогу. Сказал: “Вот иди по этой дороге и ищи село Кутейниково”. <...> Там жили наши знакомые – чтобы спрятаться у них. Я пошла. Шла, шла, уже часа, наверно, четыре прошла, когда смотрю – навстречу мне немцы с автоматами женщин гонят. Женщины идут, колонна небольшая. Ну куда там деться – кругом открытое поле. Смотрю – окопы вырыты. Я в один окоп – прыг! – и сиганула. И надо ж им было

остановиться! Немцы кричат: “Klosett, Klosett!” Ну, все женщины, конечно, по нужде побежали в те же окопы. Скорей-скорей – и вылезли, а немец пошел, да все эти окопы и проверил. А я там сижу. Он меня за шкуру поднял и в общую колонну толкнул. <...> Вот так я и попала в Германию».

Любовь Шкулёва (Кировоград, июль 1942) пыталась избежать угона, притворившись больной: «Полицей мне говорит: “Поедешь в Германию”. Говорю ему: “Я больная, кашляю”. – “Может, у тебя туберкулез? Давай справку”. Пришла в комендатуру, а там наша врач. Я начала плакать, говорю, если меня угонят, что ж я буду делать. Она послушала: “Нет ничего в легких, ну ладно, я напишу, что у тебя бронхит”. А немец говорит, что бронхит – это, мол, ерунда, покашляешь и пройдет. И больше меня домой не отпустили. <...> Как была в ситцевом сарафанчике, так впихнули в вагон».

Любовь Шкулёва тогда не знала, что жалоба на туберкулез (немцы его действительно боялись) могла не только не помочь, но закончиться гибелью. Во всяком случае, об этом говорила в интервью Антонина Сердюкова (Сталинград, сентябрь 1942): «Перед угоном нас всех прогнали через флюорографию. Я затрудняюсь

Больничное контрольное
свидетельство.
Ровенская обл., 1943

Deutsche Reichsbahn
Немецкая государственная дорога
Krankenüberwachungsschein
Больничное контрольное свидетельство

Familiennamen: Mojizjuk
Фамилия
Vorname: Sergius
Имя
Geburtsdag: 20.10.1923
День рождения
Nr des Personalausweises: 1096
№ удостоверения личности
Wohnung: Czerkaw
Место жительства

Dienststelle: Bahnmeisteral Dubno
Место работы
Dubno 8 JUNI 1943
(Ort) (Mec) den дн

Stempel und Unterschrift
Печать и подпись
[Signature]

Krankheitsüberwachungsschein Nr. 30 B. 41 41 000/30

сказать, сколько отсеяли людей. Отсеянных мы не видели. Говорят, их ликвидировали. Немцы туберкулеза боялись».

Но были случаи, когда придуманная болезнь помогала. **Анна Одинокова** (село Дубовичи, Черниговская обл., июнь 1943) рассказывала: «Пригнали нас в Глухов на так называемую медицинскую комиссию. А какая комиссия? Дыши, не дыши. <...> А у меня был троюродный брат – вместе учились в школе, он был даже влюблен в меня. Вот этот Володя говорит мне: “А меня не берут”. Говорю: “Как не берут?” – “Признали больным”. Я спрашиваю: “А что у тебя болит? Вроде у тебя ничего не болело”. – “Ничего вообще не болит, – шепчет он. – Мы с ребятами закурили до одурения, и нас признали туберкулезными”. Я даже заплакала: “Что ж ты мне не сказал?! И я бы так сделала!” А он на меня смотрит большими глазами: “А мне даже в голову не пришло, что девчонка может курить!” Ему в голову не пришло! А меня угнали».

А вот свидетельство **Зинаиды Комиссаровой** (деревня Вяжище, Псковская обл., апрель 1942): «Моя подружка очень была хитрая, пришла [регистрироваться] и начала трястись – так ее научили. Ее не взяли как больную. <...> Она осталась, потом ушла в партизаны».

Некоторым нашим собеседникам не попасть в списки на угон или по крайней мере отдалить его пытались помочь знакомые сотрудники в оккупационной администрации. И такие попытки иногда удавались. Об этом рассказывал, в частности, **Виктор Жабский** (Новочеркасск, октябрь 1942): «Когда я пришел регистрироваться на биржу труда, то, к своему удивлению, увидел там мою учительницу по немецкому языку с пятого класса – Анну Константиновну. Она сидела там делопроизводителем, оформляла все документы. Она меня прикрыла от первой отправки».

Но такие случаи были, конечно, очень редки.

В городах молодых людей, намеченных к отправке в Германию, вызывали повестками в арбайтсамты. В этих повестках не указывалось, зачем их вызывают, но слухи распространялись быстро, и все знали, что это – угон.

Уклоняющихся от явки на сборные пункты искали по домам, хватали в облавах. Нам рассказывали, как в результате облав

оказались на сборных пунктах для угона в Германию Варвара Крамаренкова (Севастополь, сентябрь 1942), Николай Гуляев (Таганрог, июнь 1942), Антонина Сердюкова (Сталинград, сентябрь 1942), Виктор Жабский (Новочеркасск, октябрь 1942), Елизавета Крестьянцева (Кировоград, июнь 1943) и многие другие.

Если у молодых горожан еще и была какая-то надежда избежать регистрации, спрятаться, затеряться в городе, то попавшие в списки на отправку в Германию сельские юноши и девушки в большинстве были обречены на угон. Прятаться им было негде, все были на виду у местной администрации.

Федор Хмара (село Буйское, Полтавская обл., январь 1943): «Повестку приносит полицай: такого-то числа явиться в школу или клуб, где отправка в Германию. Всё, ты уезжаешь. <...> Плакали, особенно мой отец. Он меня [до станции Золотоноша] на телеге отвозил. Нас тогда двенадцать человек с нашей деревни забрали».

Но даже в тех случаях, когда, казалось, была возможность куда-то убежать, спрятаться (например, в Белоруссии, когда начался массовый угон, молодежь стала уходить в партизанские

Украинские рабочие на пути к железнодорожной станции. Лето 1942/
ВА/ВА, № 69/100/17

отряды), решиться на такой шаг было трудно, потому что заложниками становились родственники.

«Я мог сбежать, мог укрыться куда хочешь, – говорил нам Павел Михайлов (хутор Лозовой, Запорожская обл., сентябрь 1943), – но была разнарядка на деревню. Если я сбегу, то возьмут мать или сестру. Поэтому никто и не бежал».

Николай Богославец (Зеньков, Полтавская обл., июль 1943): «Был такой порядок: если ты скроешься, то родителей отсылали на место твое или сжигали дом, а вы куда хотите, туда и идите. <...> Поэтому мы [с другом] договорились так: доедем до Германии, отметимся, что мы приехали, а там дадим деру».

Вера Дергачёва (поселок Скотоватая, Сталинская обл., август 1942): «И вот началось гонение в Германию. Но рядом с нами, через дом, жила Федченкова Маринка. Как только начинают облаву ловить, она орет, ненормально орет. <...> И звук так раздается от этого крика, что все выбегают и бегут в камыши. Она нам прямо сигнал давала: раз с угла с этого начали – значит, идут. И мы – в камыши. <...> Ну и бегали мы, бегали, а потом пришли эти полицаи и спокойно говорят: “Если не пойдет Вера, тогда вас троих заберут: отца, мать и меньшую сестру”».

Приказ об отправке на работу в Германию. Сталинская обл. 1943 (на украинском языке)

В соответствии с § 4 распоряжения Имперского министра для занятых восточных областей о введении трудовой повинности от 19.12.41. Вы должны обязательно явиться в помещение бывшей

педшколы 27.VIII 1943 г. в 8 часов утра для осмотра. Кто не явится на осмотр, будет по § 6 вышеуказанного распоряжения наказан тюремным заключением. Перед началом осмотра будет демонстрироваться фильм про Службу организации работы в Германии. Одновременно будет прочитана лекция о смысле и цели работы Службы на Украине. Всю необходимую одежду нужно взять с собой, удостоверение личности, посуду для еды. Эту повестку обязательно требуется принести с собой при явке на осмотр.

Гебитскомиссар

Вадим Новгородов (Таганрог, октябрь 1942): «Напоролся я на облаву возле базара. Хорошо, выручил меня один знакомый, вроде среди полицейских городских. <...> Парень говорит: “Отобрали у тебя паспорт? Иди на биржу труда и не вздумай скрываться, я тебя предупреждаю. Потому что по паспорту придут домой. Если ты удрал, не пришел, то могут сдуру и пострелять всех, кто там находится, – родственники, неродственники”. Вот такое дело. Ну что ж, пришлось прийти на биржу труда, “явиться с вещичками”, и – в Германию».

Людмила Станева (Гайпур, Запорожская обл., июль 1943) столкнулась с тем, что платой за освобождение от угона стало прямое предательство. Вместе с группой земляков они должны были уйти в партизанский отряд: «Из нашей группы один попался. <...> В полиции его спрашивают: “Петро, мы знаем о том, шо кто-то листовки расклеивает, потом провода резали. <...> Нам говорят, что есть какой-то партизанский отряд, но мы не можем их поймать. Если ты скажешь, кто, – тебя освободят от Германии”. Он сказал о нас – четырех человеках. Конечно, нас арестовали. Забрали нас всех».

В 1944 году, к концу оккупации, из Белоруссии угоняли целыми семьями и даже деревнями.

О чувстве безысходности, которое охватывало после отчаянных попыток избежать угона, говорил **Леонид Осипов** (село Хуралево, Гомельская обл., апрель 1944): «Была облава, немцы, полицаи с собаками ходили по домам, выгоняли всех и гнали на колхозную площадь. Там делали сортировку – кого куда. Нам с отцом удалось спрятаться, а старшего брата забрали. Повесили

бирку на шею и увезли. <...> Остались мы с отцом вдвоем. И вот однажды утром слышим: опять облава, немцы с собаками идут. Отец говорит: “Ну что, будем убежать?” Я говорю: “А куда убежать-то? Чтобы застрелили в огороде?”»

«Ночь начинается, вагон качается»

Кое-кто из наших собеседников вспоминал, что уже в безвыходной ситуации – перед самой отправкой в Германию, пытаясь облегчить будущую судьбу, указывал неправильные данные в анкете: изменял национальность, фамилию, возраст и т. п. Так, например, **Николай Киреев** (Болхов, Орловская обл., весна 1942) по подсказке родственников уменьшил себе возраст в надежде на более легкую работу: «Предварительные записи, помню, были: кто ты, откуда. Ну и каждый записывал так, как считал нужным. <...> Я наврал, сказал – двадцать восьмой [год рождения], потому что мои внешние данные не внушали доверия»⁴.

Уезжали будущие оstarбайтеры из голода и нищеты, поэтому взять с собой в дорогу даже самое необходимое из одежды и съестного могли лишь немногие.

Анна Одинокова (село Дубовичи, Черниговская обл., июнь 1943): «Что с собой можно взять? Поесть-то нечего было. <...> В костюме каком? Домотканом. Я сама нитки пряла, и ткала, и кроила, и шила. <...> Вот в чем я в Германию поехала. Когда я уходила, то мама сухарей собрала. Больше ничего не было. С этим я и отправилась».

Альдона Волынская (Новоукраинка, Кировоградская обл., детский дом, осень 1942): «Было еще тепло. [Воспитательница] Лариса Антоновна каждую тряпочку учла, из занавески ситцевой для меня сарафанчик слепила. Из двух пионерских галстуков лифчик был сшит. <...> Мы поехали совершенно раздетые, разутые».

Дальше для всех была одна дорога – в эшелон, который должен был доставить их в Рейх. Но чтобы добраться до станции отправления, некоторым пришлось еще пройти много километров пешком. Как, например, **Лидии Бекетовой** (Таганрог, май

⁴ Николай Киреев
1926 г. р.

Временный паспорт.
Ровенская обл., 1942

1942): «И вот мы шли пешком, нас гнали от Таганрога до станции Сартана в Мариуполе. Там стояли уже открытые вагоны для скота. Против каждого вагона стоял немец с автоматом. Нас погрузили в эти вагоны. Поехали».

Сам угон (процедуру отправки) все наши собеседники описывали практически одинаково: конвой, товарные («телячьи», как они их называли) вагоны, прощание с родными.

Очень драматично описывала свой отъезд **Варвара Хабарова** (Золотоноша, Полтавская обл., сентябрь 1942): «Мать собралась и также [пришла проводить меня] на вокзал. И у других родные пришли. А подойти к нам им не дают. Немцы с собаками нас окружили и никого не допускают – овчарки кидаются на них, и они не могут никак к нам подойти. Грузят нас в вагон, сапогами. Крик такой был! Все кричат: “Мама! Мама!” Родители кричат, и мы кричим: “Мама, мама, не плачь, мама!”»

Многие уезжавшие покидали родные места в первый раз.

Ганна Музалёва (село Новоселки, Харьковская обл., август 1943): «Я под маминой юбкой росла. Когда отправляли в Германию, я первый раз поезд увидела. Первая поездка – и под конвоем».

Дорога в эшелоне оставила самые тяжелые впечатления практически у всех. Было чувство, что с ними обращаются как с рабочей скотиной.

Лариса Швыдченко (Ростов-на-Дону, сентябрь 1942): «Построили – и на вокзал, в товарные вагоны. Осмотрщик говорит нам: “Немцы коров себе вывезли в Германию – солома вон настлата. Теперь вы будете как скотина ехать”».

Антонина Владимирова (Черкесск, декабрь 1942): «Ехали, наверное, дней десять. Погрузили в вагоны для скота, помню, красный вагон, и в нем – солома. Откроют дверь, что-то бросят нам [поест] в вагон и опять закроют. Каждый за свою жизнь дрожал и каждый думал, чтоб не убили. Так в темноте на соломе и ехали».

Группа юношей и девушек перед отправкой в Германию / Из фонда РГАКФД, г. Красногорск. Оп. 3. Д. 261. Сн. 85

Все без исключения вспоминали невозможность нормального отправления естественных потребностей. На остановках, как правило, не выводили. Приходилось делать дырки в полу, чтобы оправляться. При этом мужчин от женщин не отделяли.

Валерия Фёдорова (деревня Дашковичи, Брестская обл., март 1944): «Была проблема – мочиться. Кто-то проломил каблуком досщечку в полу вагона, и туда ходили по очереди. Даже если останавливались на каких-то станциях, то дверь нам не открывали».

Таисса Толкачёва (Геническ, май 1942): «Нас погрузили под Херсоном в товарный вагон, вместе – парней и девушек. Оправлялись парни в одном углу, а девушки в другом. У одной девушки

среди парней был жених, и она стеснялась. От этого у нее лопнул мочевой пузырь, и она умерла».

Иногда все-таки из вагонов выводили.

Раиса Нефёдова (Кировоград, июнь 1943): «Кругом стояла охрана с автоматом. Когда останавливается поезд, [идешь] по нужде, над тобой стоит [немец], и делай, что тебе надо».

Некоторые из наших собеседников вспомнили примеры проявленного сочувствия.

Галине Аграновской (Дятково, Брянская обл., август 1942) запомнился пожилой немец-конвоир, который не мог принести воды на весь вагон, но всегда кричал «фюр киндер»⁵, давая возможность матерям напоить детей.

⁵ Für Kinder (нем.) – для детей.

Время в пути в Германию было разным – от нескольких дней до двух-трех недель. Но характерно, что многие оловцы не могли вспомнить, как долго они ехали: весь этап угона слился в их памяти в череду унижений, тоски по дому и попыток как-то приспособиться к вагонной жизни.

Кое-кто вспоминал, что утешало пение. Пели в основном уже переделанные кем-то популярные советские песни.

Варвара Хабарова (Золотоноша, Полтавская обл., сентябрь 1942): «А вечером <...> уже перестали мы плакать. Давайте лучше споем, чтоб нас тут не били. “Ночь начинается, вагон качается, никто не спит из нас прекрасным сном, любимый город же с глаз удаляется”».

Некоторые, как Анна Одинокова (село Дубовичи, Черниговская обл., июнь 1943), надеялись, что их освободят партизаны: «Я все думала: может, мой отец где-то тут, в партизанах, может, придет. Все лежу, бывало, и фантазирую – вот бы нас партизаны спасли!»

Такие надежды не были беспочвенными. Иногда партизаны действительно предпринимали попытки освободить угоняемых.

Татьяна Теплова (деревня Грива, Калининская обл., февраль 1943): «Мы на железной дороге [перед отправкой] долго стояли. Двери были закрыты, конечно. Но в окошечко брату удалось бросить записку: “Когда вас повезут, поезд остановится, вагоны откроем, сразу бегите в лес”. Он назвал место – где. Но поезд [партизаны] не смогли остановить».

Любовь Ерохова (деревня Пустошки, Псковская обл., ноябрь 1941): «Партизаны наш поезд обстреливали; и убегали многие, а мы боялись».

О побеге думали многие. В том числе и **Лаврентий Новохатько** (село Селецкое, Днепропетровская обл., июнь 1942), который был угнан вместе с другом: «Мы хотели убежать еще в Люблине. Думали в полу вагона дырку как-то сделать, чтобы на ходу выброситься. Но побоялись, потому что охраняли нас эсэсовцы и угрожали расстрелом».

О невозможности побега говорила и **Антонина Сердюкова** (Сталинград, сентябрь 1942): «Мы ехали ровно месяц. То ехали, то стояли. Стояли в основном в чистом поле, где ни людей, никого нет. Ночью нас выпускали по естественным надобностям. Но куда убежишь-то? Кругом до горизонта никого и ничего».

Зоя Елисеева (Джанкой, июнь 1942): «Убежать... Ну куда убежать 16-летней девчонке? Ни знакомых, ни родных. Одна девочка отстала от поезда – на следующий день попутным догнала».

Валентина Сехина (Сталино, август 1942), поддавшись первому порыву, решила отстать от эшелона, но потом поняла, что деваться ей все равно некуда: «Первый раз нас выпустили в Кракове – воды попить, и у меня мысли бегали: нельзя ли

Остановка на пути в Германию. Лето 1942 / ВА/ВА, Нг 86/3359/17А

скрыться? Я скрылась. Поезд ушел, и чемодан мой, а я осталась. Мыкалась в растерянности – куда идти, у кого спросить? И все-таки меня схватили и привезли на сборный пункт. Там собирали таких, как я. Так что я догнала [эшелон], и мой чемодан нашелся».

Все они в первый раз оказались за границей, не понимали чужого языка, на побег решимости не хватало (а боялись не зря – наказание могло быть очень жестоким), словом, шансов на успех было мало.

И всё равно чувство, что они дали себя вывезти, что не воспользовались возможностью убежать, не сопротивлялись, преследовало многих, особенно тех, кто был постарше, всю последующую жизнь. Такое чувство, по ее признанию, испытывала **Евгения Савранская**. В июне 1942-го ее из Кролевца, Сумской области, насильственно угнали в Германию: «Понимаете, выбить это из своей психики очень трудно. Меня убедили в том, что я виновата. Так я с этой виной и живу до сих пор».

Часть третья

ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ

Теперь остарбайтеры

Дорога в Рейх – одно из самых драматичных мест в интервью многих наших собеседников. Это, безусловно, связано с сильными эмоциональными переживаниями. Большинству из них было 16–17 лет, некоторые были еще моложе, почти подростки. Разлука с близкими, страх от того, что их везут в неволю к страшному и безжалостному врагу, бесчеловечные условия переезда, непонятное будущее... Они не знали, куда их везут, были готовы к самому худшему.

«На шею нам повесили номера»

Шок был настолько сильным, что некоторые из опрошенных нами так и не смогли вспомнить – как долго они ехали и куда их привезли.

Письмо из Ремшайда
в Сумскую обл. 05.06.1943
(на украинском языке)

«Письмо от вашей дочки Моти. Во первых строках моего письма я хочу передать вам низкий поклон: маме, бабушке, сестричкам и маленькому братику Лене, за которым я сама очень скучаю. Мама, я доехала благополучно, не потеряла ничего, все цело. Ехали мы 15 дней, было две комиссии. Исключили на комиссии одну павловскую дивчину, с которой мы передали письма домой из Польши. Мама, я тут вместе с Дуней. Лида и Настя немножко дальше, но видимся каждый день. <...> Тут очень часто идут дожди и сильный град. <...> Тут растения такие же, как у нас. Хлопцы наши не знаю где, до места ехали вместе, а там разделили. Вспомни меня, мама, хоть раз во вторник, а я тебя вспомню за день раз сорок. Передавайте привет дядькам и теткам, хлопцам и девочкам и всем соседям. Пока все, что я хотела написать в своей открытке. Мотя».

Письмо из Готенхафена в село Китайгород, Каменец-Подольской обл.
23.07.1943

«Добрый день, моя драгоценная мамуся!!! Впервые шлю тебе свой сердечный привет! Мамуся, я нахожусь в Польше. Возле нас близко город Gotenhafen и мы работаем над самым Балтийским морем. <...> Мамуся, я отстала от своих и не знаю, где они все делись. Валя»

Во время остановки в Польше **Вадим Новгородов** увидел евреев из гетто. Жестокость, с которой с ними обращались, запомнилась ему на всю жизнь: «В Перемышле я увидел, как относятся к евреям, по-видимому, к польским евреям. Их заставляли, буквально палками гоняли, мыть вагоны после приехавших. <...> У них ужасный был вид, наверно, в гетто они жили»¹.

Многие рассказывали, как в Познани или Перемышле проходили обязательную санобработку и медицинский осмотр. Немцы боялись эпидемий, поэтому вновь прибывших стригли, прожаривали одежду. Всё это тоже пугало и унижало. Некоторые наши собеседницы, в то время совсем молоденькие девушки, вспоминали, что испытывали страх и чувство стыда при гинекологическом осмотре.

Александра Михайлова: «Нас погрузили на поезд и повезли в Германию. Мы и не знали, куда нас везут, откуда мы знаем? Я очень плакала. Нас всех сгрузили в каком-то городе, там уже было много народу. И на нас повесили на цепочке какую-то бляшку – номер, видимо».

Первая запомнившаяся нашим собеседникам долгая остановка на пути в Германию была уже на чужой территории – в основном в Польше.

Антонина Сердюкова: «В Польше была остановка. Почему я знаю, что это Польша? Во-первых, я увидела надписи по-польски, услышала речь польскую. Там меняли состав. Потому что у нас-то широкая колея, а там узкая».

Евгений Горяинов: «Суток двое везли. На третьи сутки нас привезли, это я уже потом узнал, в Познань. Там пересыльный пункт был. И в этом пересыльном пункте нас держали две недели. Немножко побольше хлеба давали, горячей баланды. Койки были двухэтажные, деревянные. Одно одеяло было. Матрасы из соломы, что ли, или из морской травы. <...> Прошли мы санпропускник, рентген. Кто больной – отправляли назад».

Выросшая в деревне **Татьяна Теплова** вспоминала: «Когда нас пригнали в санобработку, нас, девчонок, на кресло положили, а мы такого и не видели никогда. Немецкий врач с этим зеркалом большим, а мы стоим такие все сжатые, раздетые, несчастные. Потом нас построили и сфотографировали».

¹ Вадима Новгородова память не подвела – в мае 1942 года, когда его везли в Германию, гетто в Перемышле еще не было ликвидировано.

Фотографии на регистрационные документы. Слева: Темпельбург, 1943.

Справа: Альтенграбов, 1942

Альдона Волынская: «Меня куда-то водили на обработку, [проводил] мужчина. Я была раздетая, а он меня поливал и мазал. Это так унижительно было! Ужасная процедура!»

Ираида Жукова, угнанная в Германию в возрасте 10 лет вместе с матерью, рассказывала: «Завели нас в какое-то здание. Все мрачно, тускло. Стали там всех раздевать. И женщин, и мужчин – всех догола раздели и повели по коридору. С одной стороны сидел немец и с другой стороны. В руках у них палочки. Они палочками осматривали все волосяные места. Мне так было неудобно перед мужчинами. Потом загнали в помещение. На потолке какие-то такие штучки. Слышу, взрослые говорят: “Может, сейчас газ пустят”. Тут такой страх появился! И вдруг из этих штучек полилась вода! Все прямо вздохнули от облегчения. Это душ был».

Заметим, что в 1942 году разговор о газовой камере не мог состояться: никто тогда не знал, что именно так выглядит процедура массовых убийств в Освенциме. Но в памяти десятилетней Ираиды Жуковой полученное позже знание о лагерях уничтожения наслоилось на ее тогдашний страх.

Травмой стало для девушек обрезание волос. Насильственная стрижка, бритье воспринимались тоже как унижение.

Лидия Бекетова: «Они нас раздели догола. У меня была коса – такая хорошая! Подошел немец, такая рыжая морда, типичный

Фотографии на регистрационные документы. Слева: Померания, 1943.

Справа: Виттенберг, 1942

немец, срезал косу, а я стою и думаю: “Ну, теперь, наверное, убивать будут”».

У кого-то отрезали косы, а кого-то брили наголо.

Анна Гуляева: «Нас свели в баню, где было дегтярное мыло. Нас там натерли некой мазью, такой вонючей. Головы проверили. А что ж мы не мывши ничего. Обнаружили гниды. И меня – фить! – под Котовского. И вышла мальчиком. Так жалко было! У меня волос такой густой был. Вышли – и друг друга не узнаем».

Надежда Измалкова, которая была постарше и неплохо знала немецкий язык, описывала, как врачи оценивали их по «расовому признаку»: «Потом они нас мыли, привезли в Перемышль, там огромный лагерь. <...> И вот стол, сидят немецкие врачи всех калибров: и гинекологи, и терапевты, и туберкулезники. И мы, значит, голые подходим и слышим: “Дас ист айне нойе руссише советише рассе”².

Как их эшелон прибыл в Германию, **Виктор Жабский,** который немного знал немецкий язык, вспоминал так: «Недели две были в пути. Ребята смотрели, говорят: “Написано по-немецки. Что такое – не поймем”. <...> Ранним утром пришли немцы, каждый к своему вагону, открывают: “Raus!”, “Выходить!”, “Alles raus!” Выходим, оглядываемся – станция. Я читаю: “Кистербах”».

² Das ist eine neue russische sowjetische Rasse (нем.) – Это новая русская советская раса.

Фотография
на регистрационные
документы. Боген, 1942

Далеко не все наши собеседники могли отчетливо вспомнить, что происходило в первые часы приезда в Германию: слишком были напуганы и растеряны. Выгруженных из вагонов людей строили в колонны и в сопровождении солдат с собаками вели или везли, а они не знали – куда и зачем.

Антонина Сизова: «Куда нас привезли, мы не знали. Высадили, построили в колонну. Двигались молча. Моросил дождь. Под конвоем с собаками привели в здание, где уже были люди такие же, как мы. У всех с левой стороны груди прикреплены кружочки разных цветов: красные, синие, зеленые, желтые. Нам нацепили желтые кружочки. Это был распределительный лагерь».

Распределительных лагерей не хватало, и многих остовцев принимали во временных распределительных пунктах, которые могли быть созданы в любом большом здании. Здесь проходили первые дни восточных рабочих на немецкой земле. Тут их регистрировали, фотографировали с номерами, снимали отпечатки пальцев.

Раису Первину поместили в лагерь, где содержались советские военнопленные, попавшие в Германию раньше остарбайтеров. Условия там были ужасные: «Мы вначале попали в лагерь под Верденом, по-моему. <...> Нет, Золтау, Золтау. Это большие

были лагеря для военнопленных с колючей проволокой, как показывали в [кинофильме] «Профессор Мамлок»³ – с бараками, где были целые стога шинелей погибших наших военнопленных. <...> Уборной не было, была под вышкой яма, и вы, пожалуйста, пользуйтесь этой ямой на глазах у конвоира, который может шутя стрелкнуть, чтоб вас обрызгало. <...> А питание в основном – варили шелуху от картошки. Но там мы были недолго».

³ Речь идет о советском художественном фильме «Профессор Мамлок» (реж. А. Минкин и Г. Раппапорт, 1938) по одноименной пьесе Ф. Вольфа, где показана жестокость нацистской диктатуры.

Лагерь при заводе «Боглер-Верк». Дюссельдорф, 1942

Похожими воспоминаниями делилась и Анна Одинокова: «И довели нас до Бреслау. <...> Загнали нас в лагерь, окруженный проволокой, с вышками. <...> И вот в один из барakov – там земляной пол был – нас загнали. Вот мы там месяц находились, у меня была такая железная кружка, пол-литровая, примерно. Вот в эту кружку плеснут воды, и там брюквы штуки три плавают. Вот нас чем кормили».

Некоторые из собеседников вспоминали, как уже в распределительных лагерях их регистрировали, фотографировали и брали отпечатки пальцев. Перед тем как сфотографировать, вешали на шею картонные таблички с номерами.

Варвара Крамаренкова: «Первое, что нас всех сразу же морально убило, – это то, что на шею нам повесили на картонках номера».

Анна Одинокова: «Доску дали, всех перефотографировали с доской. Девятьсот четвертый мой номер, я держала».

Виктор Жабский: «Документацию начали составлять: кто ты, откуда, фамилия, год рождения, регистрация, вероисповедование. У меня спрашивают веру. Я говорю: “Я неверующий”. – “Больше не говори так”. – “А как говорить?” – “Христианин говори”. – “Но мы ж пионеры. Ну как это, верующий?” – “Христианин”. <...> Зарегистрировали и тут же присвоили номер, и сказали: “Вот номер, помни свой лагерный номер. Если ошибешься, горе будет”. <...> Ну, запомнили, подумаешь, было цифр семь или восемь, не помню уже. У меня и фотография была с номером».

«Я в первый день с торгов не пошла»

Как распределяли на работу, наши собеседники рассказывали подробно: это запомнилось очень хорошо. И понятно почему: начиналась новая жизнь. Как правило, все происходило прямо на распределительных пунктах, где организовывались биржи труда. Здесь остовцев отбирали на работу: кого – на завод, на стройку, в шахту; кого – к бауэрам, в сельское хозяйство; кого – в домашнюю прислугу. Отбор происходил в соответствии с заявками, поступавшими в региональные и местные арбайтсамты.

Чаще всего чиновники из арбайтсамтов назначали день, когда представители фирм или отдельные хозяева, подавшие заявки, приезжали и отбирали рабочую силу, за что платили определенный взнос. При отборе принимались во внимание рабочая квалификация прибывших, уровень образования, но главным образом – физическое состояние, поскольку юные остовцы, как правило, не имели рабочих специальностей, да и уровень образования многих из них был невысок.

Анна Кириленко: «Отбирали нас так: смотрели, чтобы были здоровые, проверяли, в порядке ли руки, ноги, в общем, чтобы могли работать. Для ткацкой фабрики, куда меня взяли, отобрали молодых, негромоздких, подвижных. <...> А больших, крупных, здоровых они отправляли на тяжелые работы».

Антонина Сердюкова: «Во Франкфурте-на-Одере, в лесу, был колоссальный распределительный лагерь. Туда приезжали

Работник (на заднем
плане) с хозяйкой.
Линц, 1942

хозяева заводов и отбирали себе кадры. Главное, их интересовало – школу кончил или не кончил. Нас, молодых, крепких здоровым, повезли в Лаутаверк на алюминиево-ванадиевый завод».

Анна Сечкина: «Привезли нас человек 50 в большое помещение, по стенам были скамейки. Нас посадили. Хозяева стали приходить, отбирать себе рабочих. Но брали не всех, оставляли стариков и детей младше 10 лет. Говорили, что они только даром будут есть хлеб».

Процесс отбора напоминал нашим собеседникам откровенную покупку рабской силы. То, что их выбирали, как выбирают на ярмарке скот, производило тяжкое впечатление. Момент своего «перехода в рабство», в состояние вещи, многие описывают поразительно точно. В рассказах повторяется глагол «купить»: «нас купил бауэр», «всех уже купили, а меня нет».

Георгий Ткачёв: «Всех раскупили, и я остался один. Заходит мужчина, лет под пятьдесят, коренастый, полненький. Оказался бауэр, хозяин поместья. Вот он меня и купил, немец этот. За сколько, сколько он уплатил, я не знаю».

Рабочая карточка.
Пёлиц, 1943

Лев Токарев: «Когда нас на биржу привезли, всех разобрали, а меня не берут никуда. Я худющий очень, один стою. Смотрю: пожилой немец и немка рядом. Смотрели, смотрели на меня, потом подходят, спрашивают: “Еврей?” Я говорю: “Нет, русский”. Потом о чем-то поговорили, поговорили, сколько-то денег кому-то отдали и меня увезли в большое, крупное садоводство».

Процедуру отбора наши собеседники восприняли как дикую и абсурдную.

Евгений Горяинов: «Кто с сельской местности, тех, значит, забирали крестьяне. <...> Посмотрели в лицо, в глаза, в уши заглянули, пробовали мышцы... Понимаете, выбирали, как скотину!»

Зинаида Валихова: «Пришел хозяин “Глазфабрик” – стеклянный фабрикант. Ему нужно двадцать девушек. Следует команда: “Выстраивайтесь!” Отсчитал двадцать. “Этих я возьму!” И увел. Как стадо. Такие моменты, никогда в жизни этого не забудешь!»

Ирина Соколова: «Выгрузили нас. Полицейский-переводчик говорит: “Сейчас будем распределяться по работам”. Стали приходить люди. <...> Осматривали, как лошадь, с ног до головы. Они там платили какие-то деньги, расписывались, и людей уводили. Я в первый день с торгов не пошла. Меня на следующий день [продали]. Все так тихо, спокойно проходило. <...> Но это надо испытать, словами это не передашь, это надо прочувствовать. Тебя покупают, как вещь».

Наши наиболее начитанные собеседники сравнивали процедуру отбора с работоторговлей, описанной в популярной среди

советских школьников 1930-х годов книге «Хижина дяди Тома». Ощупывание мускулов (достаточно ли крепки для тяжелой работы), разглядывание зубов (чтобы потом не тратиться на врача) вызывали ассоциации с невольничьим рынком и запомнились на всю жизнь.

Лаврентий Новохатько: «Привезли нас в город Эрфурт. Такой большой пустырь, построены деревянные бараки. Там проводилась купля-продажа рабочей силы. Приходили помещики, вдовы и солдаты, чиновники, набирали себе рабочих. Приходят, выстраивают нас и ощупывают руки, плечи, в рот заглядывают. Как рабовладельческий рынок, похоже было».

Чувство унижения усиливалось еще и тем, что рабочую силу выбирали сытые, хорошо одетые люди, смотревшие на прибывших из России как на дикарей, которых запросто можно купить, разлучить с семьей.

Галина Аграновская вспоминала: «Биржа была во Франкфурте, прямо на вокзале, не в пассажирской части, в товарной. Нас всех выгрузили из вагонов. Мы стояли, и нас отбирали. Мы были потрясены хорошо одетыми людьми, которые пришли нас отбирать. К отцу, он – изможденный, рваный, тощий, отнеслись очень брезгливо. Пробовали мускулатуру – мускулатуры никакой не было. А прежде он был физически здоровый, красивый человек. <...> Я помню чувство невероятного стыда от вида родителей: дома они были всегда красивые и уважаемые. А тут мама и папа такие жалкие, оборванные. Я в свои 14 лет была высокая, хоть и очень худая, девчонка. И какая-то немка, костистая, мужеподобная, в очках, выбрала меня. Мама закричала: “Доченька! Доченька!” А папа физически был в таком состоянии, что даже реагировать не мог. Не помню, как меня с ними разъединили, помню только мамин крик. <...> Они попали к бауэру, а я – на завод. Но я была рада, что я не с ними. Я бы не смогла видеть, как они унижены».

Фрида Палко чудом осталась жива, когда в Стародубе расстреляли всех евреев. В Германию она была угнана под чужим именем и все время боялась, что в ней узнают еврейку. На бирже ожили все ее страхи: «Пришли какие-то люди и давай выбирать. Выбрали меня, поставили в общую колонну. Ну, думаю, выбирают нас сейчас и на расстрел поведут. Всё. Кончено».

Спасительным казалось попасть на работу вместе с земляками, односельчанами, друзьями. Бойкой и знающей немецкий язык киевлянке Надежде Измалковой удалось попасть в одно хозяйство вместе с подругами: «В Эрфурте нас хотели разделить. Но мы не растерялись и сказали, что мы сестры. Нас не разъединили».

Но везло не всем.

Письмо из Оснабрюка в Киевскую обл. 13.04.1943

«Здравствуйте, дорогие мои родители. Родненькая мама, и братик Петя, и дочка Оля. Шлю я вам свой сердечный привет из Германии. Сообщаю вам, что я еще пока жива и здорова, а вам желаю всего наилучшего в вашей жизни. Мы доехали благополучно и сейчас живем в лагере в городе Оснабрюке. Тут все чужие девчата, только одна Бенькова попала со мною, а наших рудякивцев куда-то в другой город отправили дальше. <...> Мамочка, родненькая, не плачьте, когда-нибудь увидимся (только молитесь за меня богу)».

Анна Одинокова: «Выбирают среди нас, кого выбрали – запишут. И уходят, и уходят, и уходят. Все ушли, остались мы: только я и Паша. Я длинная, жердина, а она маленькая, мне до плеча, худющая. Она в меня вцепилась, я в нее, обнялись, стоим, две сироты. Уже никто и не идет. Вдруг заходит старуха. <...> Подошла,

смотрит на нас двоих: кого взять из нас. Что за работники такие? Ей же в село надо – и пахать, и сеять, и кормить скот, и доить, и поить, и навоз возить. Потом показывает на меня: “Пойдем, ты”. “Оформляйте ее”, – говорит. А Паша: “И меня, – говорит, – я не отстану от тебя, я не отстану!” А я говорю: “Берите нас обеих! Прощу, возьмите обеих!” Нет, не оставили. Не знаю, куда она попала».

«Это был другой мир»

Остовцев, уехавших из голодных, разрушенных войной мест, Германия поразила чистотой, ухоженностью и благополучием. Удивляло отсутствие разницы между городом и деревней.

Вот как об этом вспоминает 15-летний тогда ученик ремесленного училища из Новочеркасска **Георгий Ткачёв**, попавший на работу к бауэру в хозяйство близ города Грайфенберга: «Выбрал меня на бирже немец, повез в деревню свою. По дороге впечатлений было много. Сам город Грайфенберг – старинный, провинциальный городишко. Брусчатка там такая, мостовые выложены – камушек к камушку. И я обратил внимание: через каждые метров двадцать – небольшие люки с решетками по-над тротуаром. И весь дождь стекает туда. Дождь идет, а улицы сухие! Вдоль дороги – фруктовые деревья: яблони, груши, сливы. Дорога неасфальтированная, но засыпана мелкой щебеночкой и укатана. Впечатление – как по асфальту едешь. Ни выбоин, ничего нету».

Письмо
из Лаутереккена
в Полтавскую
обл. 03.06.1943
(на украинском
языке)

«Добрый день, мои родные!!! З/VI-43 передаю вам пылкий [...] привет и желаю вам всего наилучшего. Сообщаю, что я жива и здорова, живу в малюсеньком городке между высокими горами. Куда ни пойдешь – всё на гору. Только сёла внизу и дорога, которая идет от села до села, ровная, а так кругом горы. Если выйдешь на гору, то, сколько видит глаз, горы и горы. Но нет и малюсенького кусочка необработанной земли. У каждого есть прекрасный сад, но не дома, а в поле или здесь, под горою. Дома нет огорода и колодца. Тоже много винограда, у моего хозяина нет. Когда выйду я на гору и смотрю вокруг, а в голове встает своя родная картина, и как хочется побыть в своей родной, простой хате. Как хочется слышать ваши родные отцовские и материнские слова. Сейчас хочу хоть читать ваши слова, а их нет. Одну открытку получила, и больше нет. Или вы не пишете. Я вам пишу часто. Пишите мне свои новости. С этим до свидания. Жму всем правую руку и целую вас. Привет всем родным. Ваша дочка».

Девушка из семьи черниговских колхозников **Анна Одинокова** увидела Германию такой: «На балконах – цветы. Возле дорог – цветы, такая красота, я такую не видела никогда. У нас были цветы, но такого не было у нас изобилия. Господи, думаю, куда мы попали!»

Новочеркасского подростка **Виктора Жабского** потрясла велосипедная стоянка: «Глянул я: возле станции стоят велосипеды. Немцы приезжают на вокзал, едут, а велосипеды оставляют. И никто не сторожит, и на замки не замыкают. Нас это поразило: как же так, ведь сопрут же!»

Евгения Горяинова из Курска, из нищей многодетной семьи, поразило, как живут рабочие в пригороде Вены: «У каждого рабочего свои дачки есть. У каждого рабочего! Два-три, пять километров от производства, где они работают. У них там чистота, культура, розы цветут».

На девушек из интеллигентных семей произвел впечатление внешний вид немцев.

Альдона Вольтинская: «Уже на вокзале мне показалось, что все сошли со страниц модного журнала. Это был другой мир».

Фотография немецкой семьи. Гармиш-Партенкирхен, 1944

Галина Аграновская была удивлена одеждой баварцев: «На платформе стоят очень хорошо одетые какие-то небожители, из другого измерения люди. На мужчинах шляпы с перышком, кожаные шорты. Кино мы тогда заграничного не видели. <...> Я была шокирована».

Примерно так же описывал свои первые впечатления Николай Киреев: «Я догадался, что мы въезжаем в Европу. Хотя я не знал и не видел Европу. Но я угадал по чистеньким детям в красивых пиджачках и штанишках. Это новый другой мир. Это была, очевидно, уже Германия. <...> Сгружают нас, и, помню, нас выстроили и впереди стоят несколько людей почтенных в плащах, такие благоприятные внешне».

Неудивительно, что увиденную Германию Виктор Жабский назвал райским уголком: «Германия, скажу, наверно, сделана для рая. Не рай, а райский уголок. Всё красиво, всё чисто, всё прибрано».

На фоне такого благополучия еще сильнее ощущалось собственное убожество.

Евгения Савранская хорошо запомнила реакцию женщины-регистратора в рабочем лагере: «Она с таким презрением, даже с какой-то брезгливостью к нам относилась. Господи, я так

была одета, что на меня, наверное, иначе и смотреть было нельзя. И потом я была стриженная. Страшная, в общем, была!»

Запомнились не только презрение, но и злоба, агрессия, особенно со стороны немецких подростков. Приведем короткий рассказ **Николая Богославца**, угнанного с Полтавщины: «Когда нас с работы вели, немцы стояли на улицах, каждый у своей калитки, а [дети] с рогатками по нас стреляли камушками. Немцы смеялись, когда попадет в кого-нибудь. Идешь и смотришь: ага, сейчас маленький выскочил, кто его знает. Вот и ждешь, попадет в тебя – не попадет?»

Но не все немцы видели в прибывших из России рабов, не достойных жалости и сочувствия. Есть свидетельство **Марии Пудяковой**, угнанной из Псковской области: «В мае 1942 года меня вместе с другими отправили в Германию. Привезли нас,

Фотография, присланная из Линца в Волынскую обл. 05.04.1943

Текст на обороте: «Это мы, все свои девчата, а то пан наш. Я в том платье, что мне дали в лагере»

Фотография на память. Одна из семей, в которой работали остарбайтеры. Альбертштадт, 1943

Фотографии на регистрационные документы. Слева направо: Биркенхоф, 1943; Дрезден, 1943; Делич, 1943

я не помню, то ли в Дрезден, то ли в Лейпциг. Помню только, что когда нас вели по центру улицы, то на обочине стояли немецкие женщины, они плакали, глядя на нас, и бросали нам одежду».

Варвара Гриценко вспоминала, как сразу после приезда немецкая хозяйка накормила ее картофельными блинчиками: «Посадили кушать. <...> И сколько она жарила – я все ела и ела. Проголодалась, шесть дней везли нас. И вот она поставит сковородку: “Noch?” Я-то не поняла, что это “Еще?”, и киваю».

На шахтах, на военных заводах, на больших фабриках, где прибывших размещали в рабочих лагерях, остовцев встречали совершенно иначе. Уже в распределителях их ждали и грубость охраны, и конвоирование с собаками, и бесчеловечное отношение при отборе на работу.

Любовь Шкулёва успела до угона в Германию окончить девять классов ленинградской школы. Рассказывая о своих тогдашних чувствах, она искренне недоумевала: «Остановились в Вуппертале. Там вообще бараки были, наверное, тюремные, за колючей проволокой. Но мы же не пленные и не узники какие, все-таки везут рабочую силу, а не каких-нибудь преступников, правильно?»

А вот фрагмент интервью с **Аркадием Кожяевым**: «Вы ожидали лучшего, когда ехали в Германию?» – «Конечно, лучшего...

Была пропаганда, разные обещания. Я не ожидал, что меня привезут в барак, у которого три ряда проволочных заграждений. Это совершенно неожиданно было».

Отбор остарбайтеров, проходивший в распределительных пунктах и лагерях, имел для каждого из них очень важное, подчас жизненно важное значение. Большинство оказывалось перед тремя вариантами: попасть в рабочий лагерь при промышленном (большом или малом) предприятии; работать у помещика или владельца менее крупного крестьянского хозяйства (остовцы их в своих рассказах называли бауэрами); стать домашней прислугой в немецкой семье. В зависимости от того, какой из перечисленных «вариантов» выпадал остарбайтеру, условия его труда, быта, питания, лечения, словом, условия его выживания в чужой, враждебной стране существенно различались.

В рассказах остарбайтеров о довоенной жизни много историй о несправедливости, голоде, репрессиях, которые пришлось пережить их семьям и во время коллективизации, и в период Большого террора. В начале войны до прихода немцев их самих мобилизовывали на тяжелые работы по строительству укреплений, рытью окопов и т. п. Но, несмотря на все тяготы и лишения, на родине они ощущали себя свободными людьми. Оказавшись в Германии, они с самого начала остро почувствовали, что попали в неволю, что теперь их ждет рабский труд.

Со знаком «OST»

Показать нам свой нагрудный знак «OST»⁴ смогли очень немногие бывшие остарбайтеры. Небольшой матерчатый прямоугольник с белыми буквами «OST» на синем фоне (стандартные размеры – 80×77 мм) требовалось носить на верхней одежде на груди справа. Это был в прямом смысле знак случившейся с ними беды, свидетельство их второсортности и бесправия. А после возвращения на родину от таких свидетельств избавлялись уже по другой причине. Хранить вещественную память о пребывании в Германии было тяжело и небезопасно. Не случайно в беседах с нами остовцы называли его не знаком, а нашивкой, тряпочкой, лоскутом, заплаткой, биркой.

⁴ Для восточных рабочих был введен специальный знак. Отказ от ношения карался штрафом и даже тюремным заключением. С лета 1943 года в качестве поощрения за хорошую работу нашивку позволялось носить на левом рукаве. В конце апреля 1944-го, в связи с некоторым смягчением режима, было принято решение о замене знака «OST» на традиционные национальные символы. Для русских предполагалось использовать нашивку с крестом Святого Георгия. Для украинцев была разработана форма в виде овала с венком из подсолнухов и в центре – сине-желтый трезубец. Белорусская нашивка должна была выглядеть как шестеренка с колосом бело-красного цвета. Это решение реализовано не было.

Мария Артемьева (работала у помещика в окрестностях Мангейма): «Очень угнетало, что мы должны были носить эти заплатки с “OST”, чтобы было видно, кто мы».

Анна Одинокова (работала у бауэра в Нижней Силезии): «Дали нашивку – такой вот ключочек ткани, голубой, тоненький, и на нем белым написано – “OST”. Велено было нашить на грудь, носить и ни в коем случае не снимать, а то будем наказаны».

Часто об этом и вовсе не упоминали. Вспоминали только, когда мы задавали прямой вопрос, как это было, например, в разговоре с **Таиссой Толкачёвой** (работала на военной фабрике в Зеебахе): «А на вашей одежде был знак “OST”?» – «А, да, забыла я вам сказать. Как только мы приехали, вот выдали нам робу и выдали нам “OST”, сфотографировали и выдали несколько синих тряпочек с белыми буквами “OST”. Велели нашить на верхнюю одежду и никогда не появляться на работе без этой бирки».

Зоя Елисеева (работала на ткацкой фабрике во Франкфурте-на-Майне): «Мы должны были носить значок: маленькая тряпочка на белом фоне, голубая окантовочка – написано “OST”. Мы обязаны были ее пришивать к верхней одежде. Это было так унижительно, мы же не привыкли, чтобы нас так отличали».

Буквы «OST» вскоре вошли в остовский фольклор, где расшифровывались отнюдь не как «восток». Знак унижения превращался в насмешку и даже угрозу.

Татьяна Теплова (работала на железной дороге): «Нам выдали брюки и курточку. И дали нашивку: “OST”. Знаете, как мы ее называли? Остерегайся Советской Твари».

Екатерина Крикливец (работала на заводе «Фольксваген» в Фаллерслебене): «Нам давали такие жакеты, такого зеленоватого цвета, вроде в крапинку черную. И эту, значит, “OST”. – “Остерегайся Советского Товарища”».

Человек, вышедший из лагеря с таким знаком, сразу оказывался под пристальным взглядом немецкого обывателя – не нарушает ли он наложенных на остарбайтеров запретов.

Рабочая карта с пометкой «Ношение знака обязательно» и штампом «Владелец не имеет права покидать Мерфельд без разрешения местной полиции». Мерфельд, 1943

Георгий Ткачёв (работал на судоремонтном заводе в Штеттине): «Ну был у нас в город свободный выход. И носили тряпочку тут. Синяя такая тряпочка, на ней было написано “OST”. Чтоб пришита она сверху была, что с востока, русские. В трамваях разрешали, но иногда выгоняли. Был у меня случай один раз. Едем трамваем, а один немец нас выгнал: “Вон отсюда!” <...> Не стали дожидаться второго приглашения, повыскакивали».

Знак также постоянно напоминал остовцам, что представители других национальностей пользуются существенно большими привилегиями.

Фотография на рабочий пропуск. Дрезден, 1942

Работницы фабрики. Вупперталь, 1943. Текст на обороте: «На долгую добрую память дарю свою фотографию в час проживания в Германии. И прошу тебя, храни, а если не нравится, то прошу тебя, спали»

Раиса Первина (работала на авиационном заводе в Дельменхорсте): «Там чехи были тоже на трудовой повинности, но ходили свободные. Поляки ходили свободно, но носили букву “Р”. А мы под конвоем ходили. [И знак] – на голубом фоне написано белыми буквами “OST”».

Знак прятали, снимали, когда хотели чувствовать себя свободно, старались избавиться, несмотря на угрозы штрафов и наказаний.

Антонина Максина: «Если я в кино пробиралась, я “OST” снимала».

Анна Кириленко рассказывала, как хозяйка ездила с ней в город: «Немка, когда меня брала, так она говорит: “Чтобы полицаи к нам не приставали, ты, – говорит, – отворачивай свой «OST», закрывай!”»

С весны 1944-го, когда немцы сделали попытку несколько смягчить режим для остарбайтеров, за ношением знака следили уже не так строго.

В режиме неволи

Свою жизнь в Германии наши собеседники описывали с большими или меньшими бытовыми подробностями. Многое зависело от наблюдательности, любознательности, уровня образования и хотя бы минимального знания немецкого языка. Не все могли спустя десятилетия вспомнить названия мест, фирм, заводов и фабрик, имена хозяев и многое другое. К тому же мало кто из наших рассказчиков всё время пребывания в Германии провел на одном месте. Например, оstarбайтер из крестьянского хозяйства или с мелкого частного предприятия мог попасть на завод, а с завода за побеги и другие провинности – в штрафной лагерь или даже в концлагерь. А последние недели войны у некоторых остовцев вообще превратились в настоящую одиссею скитаний по Германии. Из рассказов наших собеседников, порой очень путаных, мы можем лишь попытаться выстроить некоторую весьма общую и неизбежно схематичную картину их жизни в чужой стране.

«Вот такая жизнь была»

Условия жизни в Рейхе зависели прежде всего от тех работ, на которые попали наши рассказчики. У большинства эти условия резко контрастировали с первыми впечатлениями о немецких городках, которые поразили их своей красотой и ухоженностью. После распределительных лагерей, всеми описываемых в черных красках, в самых тяжелых условиях оказались те, кого определили на работу в угольные шахты или на большие

Лагерь при металлургическом заводе. Зиген, 1943

военные заводы. В этих случаях остарбайтеров размещали поблизости, в рабочих лагерях. Нам рассказывали о лагерях мужских и женских. Гораздо реже упоминались смешанные, семейные лагеря.

Для остарбайтеров, попавших в рабочие лагеря, подневольная жизнь за пределами производства проходила в бараках. Во многих интервью содержатся описания типичного устройства барака в большом рабочем лагере.

По воспоминаниям **Антонины Сердюковой** (алюминиево-ванадиевый завод в Лаутаверке), жилище остовцев выглядело так: «Каждый барак разделен на комнаты. <...> В комнате было 30 человек. Двухэтажные деревянные нары. На нарах – мешок, набитый стружкой, и два одеяльца фланелевых: одно одеяльце вместо простыни, вторым укрывайся. Стены барака [толщиной] в одну сосновую доску, дождь барабанит по крыше, и у нас протекает. Посреди комнаты – железная печурка. <...> В день нам выдавали зимой брикетированный бурый уголь, брикетиками, 9–10 штук. Он же сгорит в пять минут».

Очень подробно описывала свои первые впечатления **Таисса Толкачёва** (рабочий лагерь в Зеебахе): «В лесу стоят бараки, огражденные высоким забором, вышка, на этой вышке стоит полицейский с собакой. <...> В бараке комнаты по десять человек.

И в этих комнатах койки двухэтажные: внизу коечка и вверх коечка, деревянные такие».

Похоже описывает свой барак в лагере в Дюссельдорфе Лариса Швыдченко: «Барак на комнатки делился, по 20 человек в комнате. Умывальники и туалет – на улице. Нары двухэтажные. Тумбочка на четырех человек. А чего нам там в тумбочку класть?»

«Обстановка» в бараках больших лагерей отличалась незначительно. Галина Аграновская (Франкфурт-на-Майне), например, находилась в лагере при большой кожевенной фабрике, где в бараках были не двух-, а трехэтажные нары. Остальное то же самое.

Валентину Гридчину с бабушкой и мамой поместили в лагерь в Цвикау, в здание бывшего театра: «Большой театр, огромный! Там женщины и мужчины все вместе были. Вот такой зал огромный. Вот оттуда вход был. Здесь – туалеты и умывальники. Под стенкой – кровати. На двухэтажных разместили семейных: мама, бабушка, я. В середине половину зала занимали женщины, а половину зала возле сцены – мужчины. Между кроватями был проход широкий. Кровати были интересно так расставлены, как шахматы. Лагерфюрер⁵ войдет в дверь, встанет наискось – всё хорошо просматривается. Занавески на кроватях и между кроватями не разрешалось никакие повесить.

⁵ Lagerführer (нем.) – начальник лагеря.

Внутри барака. Лагерь при военном заводе.
Кенигсберг, 1942

«Веселые песни и игры сокращают время ожидания в распределительном лагере». Фотография немецкого бюро пропаганды «О положении восточных рабочих в Германии». 1942–1944 / ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 128. Д. 268. Л. 2

И нельзя было сидеть на чужой кровати. Пришли с работы – лезь на свою койку и там сиди, лежи. На кроватях вдвоем-втроем собираться нельзя было. Окна были большие, и под окнами был большой стол и скамейки длинные. Там можно было сесть покушать и кофе попить».

Гигиенические условия были разными. Много рассказов, как досаждали полчища клопов и вшей.

Павел Михайлов (металлургический комбинат в Саксонии): «Вшей было полно. Мы стриглись, нас гоняли на вошепарку, специально в комнату запускали газ – всё равно через неделю вшей полно было! Да и не только! Люди были ослабевшие, ночью некоторые в туалет не вставали, мочились прямо под себя, даже черви заводились в матрасе. Вот такая жизнь была».

Николай Зубков, оказавшийся в штрафном лагере, описывал бытовые и санитарные условия как очень скверные: «Мы когда спали, нам давали на двоих одно одеяло. И нас воши съедали. Воши съедали! <...> Так мы делали так вот: брали за разные концы одеяло, кто еще в силе. И о печку вошей жгли. Вот так вот было».

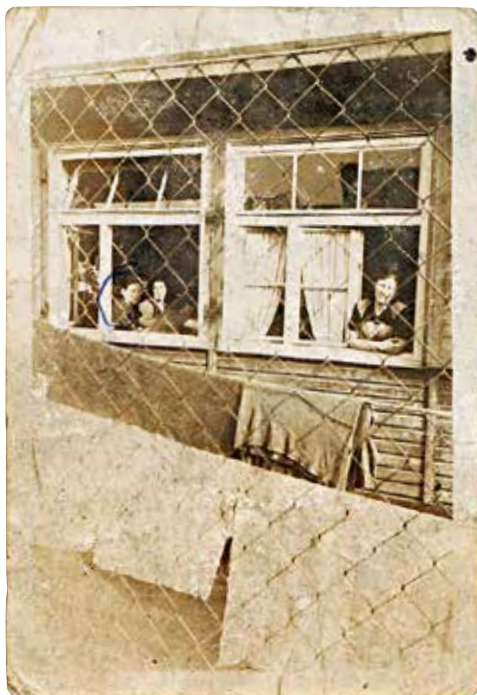
Вера Федорченко (военный завод в Ниндорфе) рассказывала, что в бараках ее лагеря «от клопов места живого не было». **Таисса Толкачёва** подтверждала: «Зимой мерзнешь под этим

одеяльцем, но нас одолевали клопы. И мыши, мыши, мыши! В каждой тумбочке».

Однако есть свидетельства и иного рода. **Надежда Кепеть** (лагерь при чулочной фабрике в Дюссельдорфе): «В наших комнатах жили 24 человека, но была стерильная чистота. Потому что была лагерша, она никого ни разу не стукнула, но ее боялись. Каждый выходной она сама проверяла нас на вшивость. Не дай бог, у кого обнаружит вошку! Байковое белое одеяло должно быть застлано, как у солдат, под линейчку. Окна – чтобы блестели. И мылись каждый день под душем».

Наши собеседники рассказывали, как немцы в страхе перед эпидемией тифа и другими болезнями следили за элементарной гигиеной остарбайтеров. За нарушение правил гигиены наказывали. Подчас эти наказания были сродни издевательствам.

Павел Михайлов (лагерь при металлургическом комбинате в Саксонии) вспоминал: «Однажды лагерфюрер ходил по комнатам, проверял гигиену. И увидел, что лежит Гришка Клименко – он токарем работал – в одежде лежит, и непомытое лицо. Он его

Лагерь завода Лоренца.
Берлин, 1943

Лагерь при военном заводе. Зёммерда, 1943

поднял, повел мыться в душ. В душевой положил его на пол и заставил двух парней намылить его мылом, а потом тереть швабрами. Сам стоял, смотрел».

Режим в рабочих лагерях определялся циклами производства. Вот два типичных описания утра в лагере.

Аркадий Кожаев (лагерь при шахте в Хертене): «Подъем в 5 утра. Все выходили и строились в ряд. Дальше идет счет: айн, цвай, драй. <...> Часто были случаи, что кто-то заболел или не смог встать, тогда счет не сходится. Считают снова, еще раза два-три. Наконец все есть. Тогда строимся по четыре человека и дается команда: “Шагом марш!” <...> Рабочий день начинается в восемь, за два часа пешком дойдешь. <...> В 2 часа придет следующая смена. <...> Ты весь грязный, ты должен пойти раздеться, потом пойти помыться, одеться, выйти, там опять айн-цвай-драй, прийти. В 3 часа дня ведут в лагерь, и процедура с построением и счетом повторяется. Где-то в 4 часа мы наконец-то входим в лагерь и бежим, бежим что есть мочи в пищеблок, где нам наливают миску похлебки».

Варвара Крамаренкова (лагерь при заводе BMW в Эйзенахе): «Нас в 4 часа утра поднимали, ставили по три, по бокам хорошо

дрессированные овчарки, и гнали с лагеря на завод. <...> Вечером мы возвращались; дождь, иногда снег, приходили мокрые – сушиться было негде; во влажном ложились, во влажном вставали».

Письмо из Потсдама в Житомирскую обл. 15.11.1942 (на украинском языке)

«...Письмо маме и сестричкам, и шурина, и маленьким деткам их. Добрый день, мои дорогие родные. Я до сего времени жива и здорова, чего и вам желаю. <...> Я даже на работу и с работы хожу с полицаем, я ведь подневольная. Люба, я даже не знаю, есть ли люди, которые ходят на свободе, а ты пишешь, чтобы я выслала заказное письмо. <...> Люба, напиши мне, по какой причине забрали у вас корову. А то написано: забрали корову. А разве я могу догадаться, как и что. <...>

Мамочка, теперь напишу, что нам гораздо стало трудней. Мы уже работаем не 8 часов, а 10 часов. Уходим в 6 утра, приходим в 4 вечера. Работаем от темна до темна. Работа такая же. А если Текля дома, пусть она вам расскажет точно, какая работа. Мамочка и Люба, очень-очень благодарна вам за карточку. Как посмотрю и вспомню, что уже скоро полгода, то обольюсь горькими слезами, выплачусь хорошо, пока сердцу легче станет, и снова возвращаюсь в страшную жизнь. <...>

На этом до свидания. Ваша дочка».

Лагерь при целлюлозной фабрике. Дармштадт, 1944

За соблюдением лагерного режима в бараках следили специально назначенные старосты. Чаще – из поляков и западных украинцев, но могли быть и из русских. Мало кто из остовцев вспоминал их добрым словом. Вызывали неприязнь и те, кто брал на себя обязанности переводчика.

Таисса Толкачёва: «Вышли строиться. Среди нас оказалась из Киева переводчица. Она знает немецкий, как и мы – учила в школе кое-что, как-нибудь. Но она тут около коменданта. <...> Главное, что она как бы помощница коменданта. Слушать ее нужно, потому что все распоряжения через нее, и вы выполняйте. Предупредила: “Даже и мысли нет о побеге, потому что тут полиция с собакой, вас всё равно поймают... и расстреляют сразу. Если вы хотите жить, слушайте и делайте то, что вам велют. Вы – нация поработанная, наши уже заняли Москву, наши там, уже в Союзе. Вы теперь у нас будете работать”. Ну, что нам остается делать? Куда нам бежать?! Лес кругом, и вообще в чужой стране».

Григорий Кульбака (лагерь «Велендорф» на окраине Килия): «В лагере полиция – наши, с западных украинцев. Они полностью следили за порядком в лагере. Ох, и жестокие были ребята. Мы их боялись».

Раиса Первина (лагерь авиационного завода под Бременом): «Надзирательницы с капризами были. Иногда вроде ничего,

а иногда могут кошку в лицо спящему бросить. Одна была более жесткая, а вторая была несчастная, из украинских немцев».

И все-таки условия содержания даже в самом тяжелом рабочем лагере для остарбайтеров существенно отличались от штрафных и от концентрационных лагерей. Рабочие лагеря не столь строго охранялись. Выбраться тайком за их пределы часто не составляло особого труда. С осени 1942 года остарбайтерам разрешалось в свободное время выходить за пределы лагеря.

Иван Краснов (рабочий лагерь в Данциге): «Лагерь есть лагерь, понимаете? Там находишь своих, там спекуляция, там в карты выигрывают, идет ход своей, понимаете, лагерной жизни. <...> Лазейки есть, дырку находят, можно ночью выйти через дырку. Выходит в порт, достанет денатурата, понимаете, принесет, продаст его тут, заработает на нем. Тот где-то найдет булку хлеба, там купит, перепродает ее, [сменяет на] курево. Свободно можно войти и выйти, дырки были кругом, а охрана не запрещала выход: они знали, что никуда не уйдешь всё равно».

Положение советских военнопленных разительно отличалось от условий, в которых находились остарбайтеры. В тех же рабочих лагерях военнопленных охраняли гораздо строже и кормили хуже, чем остарбайтеров.

Выход на работу. Лагерь при фабрике по изготовлению тары. Хиршберг, 1943

Об этом рассказывали многие. В частности, работавший на заводе под Берлином Михаил Черненко вспоминал, что в их лагере в отдельном бараке за колючей проволокой жили военнопленные: «Жили в совершенно ужасных условиях. <...> И отдельное кормление, которое привозили из шталага⁶, в термосах, гораздо хуже нашего».

⁶ Stammlager (нем.) – стационарный лагерь для военнопленных (рядовых и нижних чинов).

Открытка из лагеря военнопленных в Тессине в Киевскую обл. 1944

Postkarte, Stalag VIII, April 1, Nr. 1

Michael Sitnik

Thessin

Vor- und Zuname: Nikolai Sitnik

Gefangenennummer: 44/35186/40

Kreis: R. Cammin i/Pom.

«Здравствуй, дорогая дочь Надя. Письмо от твоего папы. Сообщаю, что я жив, здоров, чего и тебе желаю. <...> Надя, нахожусь на старом месте, работаю тоже на старом месте. Надя, я живу неплохо, но нет той минуты, чтоб я не думал про тебя, а также про семью дома и про Ваню, есть он жив или нет. Целую, привет всем».

Николай Киреев (военный завод в Берлине, Шпандау): «Временно нас поселили с военнопленными. Военнопленные там умирали. <...> Я смотрел на них, вижу: там понесли второго, третьего. Потом привыкаешь к этому».

Большая часть оstarбайтеров по прибытии в Германию оказывалась не на заводах, а в сельском хозяйстве, в частных домах и на фермах.

Для тех, кто попадал на работу к крупным землевладельцам, тоже устраивали специальные помещения.

Николай Гуляев: «Типа барака был дом. Длинный такой. Нас был двадцать один человек. В одной половине мы жили, в другой половине – немцы».

Владимир Шебетюк: «Ночью полицейский в будке дежурил. <...> А мы под замком спали. Днем выпускали нас на работу. А на ночь закрывали нас в помещении».

«У наших хозяев, – говорила в интервью **Лидия Бекетова**, – на поле чистом стоял полуторaeтажный сарай, железобетонный. И вот они на втором этаже поставили нам нары, дали соломенные матрасы и подушки, два одеяла страшных, серых таких. Не знаю, где они их и вырыли. Вот мы жили. <...> Хозяин жил недалеко. Я полкилометра ходила в его усадьбу работать».

Но чаще всего рабочие у бауэров жили в сараях, в коровниках, рядом со скотиной.

Франц Мармураш: «Спал я рядом с коровами в сарайчике. Правда, там было тепло».

Иногда остовцев помещали, как обычно было принято в Германии, в отдельных комнатенках. Запомнилось, что в этих помещениях не топили и зимой.

Иван Краснов: «Спал я там же – конурка такая, без отопления. Зимой мне хозяйка грела кирпич. Я приду с гульни ночью, – она мне кирпич [в постель] положит».

Анна Одинокова: «Показали мне комнатку, отдельная комнатка небольшая, там печка железная. Но ее зимой не топили ни разу! Не давали дров топить. Правда, была у них такая мода – я там только увидела – периной укрываться. На матрасе обыкновенном спишь, а периной укрываешься».

Для остовцев было непривычно, что в немецких деревнях не было бань.

Георгий Ткачёв: «Насчет бани – не купались. Не было. Негде. Протекал небольшой ручеек, так я там купался. Разденуся, голяком туда прыгну, в ручейке купаюсь».

Остовцам, взятым прислугой в немецкие дома, жилось неизмеримо лучше.

Галина Аграновская: «Нас было двое домработниц – я и девушка из Польши. Жили мы в полуподвале, там же стирка,

там же котельная, которая отапливала весь дом; две узенькие коечки и маленький столик. А на стенах висели наши платья».

Лидия Дадзис: «У меня была отдельная комната, постель покрывалась пуховым одеялом, пуховая подушка. Шкаф стоял, умывальник мраморный. Всё было».

«Туфли на деревянном ходу»

Очень немногие из наших собеседников смогли взять с собой в Германию что-либо существенное из одежды. Большинству и брать было нечего. Вот как говорила об этом Мария Аушева: «У меня была одна блузка [из] вафельного полотенца – единственная, ни рубашки, ни лифчика не было. Ничего не было! Ну, лифчик там и держать еще особенно нечего было, но всё равно, оно ж потеплей бы было. Я постираю эту блузку, повешу на лопухах, она высохнет, а сама сижу в лопухах, голая. Это было до войны так еще. А потом я их помну в руках и одеваю, мама там юбочночку какую-то мне сделала на резиночку». В этом она и приехала в Германию.

Фотография на память из Майнца в Черкасскую обл. 1942

Текст на обороте: *«Высылаю я вам на долгую память от вашей дочки Марийки, которая пребывает в Германии. Выслала я вам фото, мои дорогесеньки батъки и жду быстро ответа от вас. Вспомни меня, мама, на синем пороге, а я тебя вспомню в далекой дороге. Вспомни меня, мама, вечером присевши, а я тебя вспомню не пивши, не евши. И что я ни делаю, где я ни хожу, про вас я, родные, забыть не могу».*

Анна Одинокова, которая попала в большое хозяйство к бауэру, вспоминала: «Я приехала туда, считай, босиком почти. <...> И без чулок, без штанов, без всего. У нас и штанов не было, жили без штанов. <...> И полураздетая, в своем этом костюмчике. Потом она [хозяйка] дала мне какое-то платье старое, там своей сноси, что ли».

Тем из остарбайтеров, кто оказывался в рабочих лагерях при заводах, обычно выдавалось нечто вроде спецодежды. В зависимости от характера работы: куртка и брюки (лагерь при заводе «Зингер»), серый штапельный халат (ткацкая фабрика), комбинезон (продуктовая фабрика), спецовка или бушлат (в заводских цехах). Работающим у бауэров иногда выдавали хлопчатобумажные брюки и куртку.

Домработница с хозяйкой.
Франкфурт-на-Майне, 1943

Открытка с видом города
Бюттельборн. 1943

Текст на обороте: *«На память сестрице. Это мой дом и это моя комната, первое окно с белой занавескою»*

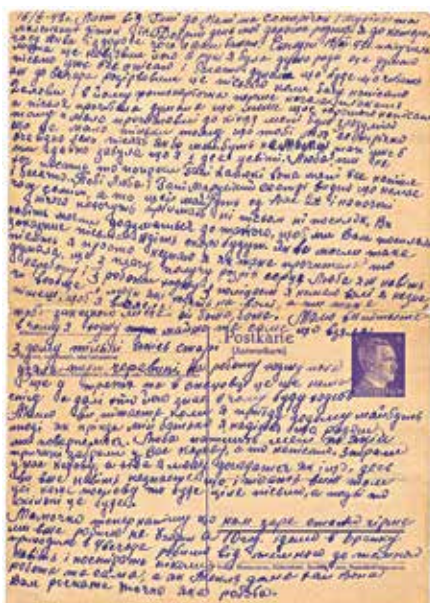
Работницы фабрики «Триумф».
Нюрнберг, 1942

Остарбайтеры на железнодорожных
работах. Гамбург, 1943

Как происходила выдача одежды, подробно описывала **Таиса Толкачёва**: «Дали нам мыло, а мыло такое – как губка. Оно не мылится, а из чего-то – из песка, что ли, сделано? Кое-как мы постирали свое бельишко. Нам объясняют: “Сейчас надеваете эти платья”. В общем, на голое тело. Выдали в бане робу. Что она из себя представляла? Зеленое платье с какими-то рисунками. <...> Обувь состояла из колодок, деревянные и переплетенные. <...> Когда мы идем, мы стучим и все думаем: “Отправляют нас, как в Сибирь арестантов”».

Похоже описывала превращение в остарбайтера и **Галина Аграновская**: «Меня повели, я не поняла куда. Что-то типа санчасти: проверяли, видимо, на вшивость. Постригли очень коротко волосы, смазали голову дегтярным мылом. Примитивный душ, такая металлическая подставка. И дали – у меня ничего не было абсолютно! – дали из бумажной ткани такое полосатое платье грубого бумажного полотна. Так называемые опорки, такие нитяные носки. Косынку. <...> Причем не было трусиков, [белья] не было».

Письмо из Потсдама
в Житомирскую обл. 1943
(на украинском языке)

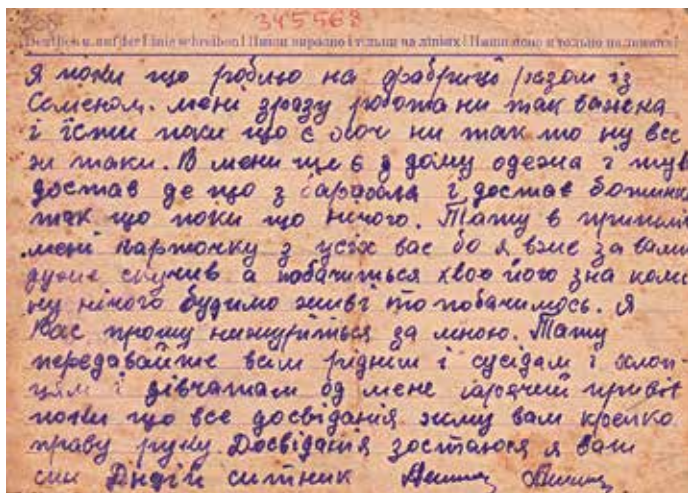
«...Мама, Вы пишете, в чем я хожу. В том же самом, что взяла из дому, только какие-то старые взяла здесь туфли. На работу хожу пока еще в тряпах да в спецовке. Это еще нет снега, а потом не знаю, в чем буду ходить. Мама, Вы спрашиваете, когда я вернусь домой, может быть, тогда, когда придет и мой батько, я надеюсь, что вместе мы вернемся. <...> Так, погода у нас еще не очень холодная. 14 ноября пролетел первый снежок, но до обеда растаял. Конечно, по утрам холодно тому, кто голый, а одетому, конечно, тепло. Мама, сестрички, нам в декабре месяце нельзя будет писать вам письмо, пишу вас, пишите мне, не забывайте...»

Михаил Черненко был угнан в Германию подростком. Таким мальчишкам, если они попадали на военные заводы, приходилось очень туго. Никакой одежды кроме производственной у него вообще не было: «Промасленная спецовка на голое тело. Ничего больше нет, кроме этой спецовки – куртка и брюки, ни белья – ничего. <...> Из какой-то мешковины нечто на ноги, которые суются в эти самые деревянные... хольцпантафель⁷, которые сбивают тебе ноги в кровь. И больше ничего нет. Если на тебя набрасываются эти самые паразиты [насекомые], изжить

⁷ Holzpantoffeln
(нем.) – деревянные
башмаки.

их не можешь, одежду же сменить ты не можешь. Состояние полной подавленности».

Письмо из Нордхаузена в Полтавскую обл. 08.06.1943
(на украинском языке)

«...Добрый день, мои родные папа, мама и брат Антошка. Прежде чем писать, я вам спешу передать свой горячий и сердечный привет. Я вам сообщаю, что я жив и здоров и вам желаю всего наилучшего в жизни. Я ваше письмо получил 7/VI-43 г. Я пока что работаю на фабрике вместе с Семеном. Мне сразу работа не такая тяжелая, и еда пока что есть, хоть не так-то, ну все ж таки. У меня еще есть из дому одежда, и тут достал кое-что из барахла и достал ботинки, так что пока еще ничего. Папа, пришлите мне карточку вас всех, потому что я уже за вами очень соскучился, а увидеться кто его знает когда. Ну ничего, будем живы, то увидимся. Я вас прошу не печалиться обо мне. Папа, передавайте всем родным и соседям и хлопцам и девочкам от меня горячий привет. Пока что все, до свидания. Жму вам крепко правую руку. До свидания, остаюсь я ваш сын Андрей».

Почти все проклинали обувь, в которой их заставляли ходить на работу. «Это были колодки, выдолбленные из куска дерева. Мы в них не могли ходить» (Зоя Елисеева). «Пантофли выдали

<...> Ботинки мои поправили, другие туфли уже затесали на деревянном ходу. Вы мне и Вите все, родненькие, снитесь каждую ночь, и мы тут не страдаем уже. <...> Мы купили Вам дримби⁸ и гармошку, привезем домой...»

⁸ Дримби (дримба, варган) – украинский народный музыкальный щипковый инструмент.

Вадим Новгородов считал, что им привезли старую одежду от немцев. Однако некоторые из наших собеседников подозревали иное происхождение привозимых в лагерь поношенных вещей.

Вера Дергачёва: «Привозили барахло, нас запускали: первый барак, второй, третий. <...>. Когда я брала это барахло, там были бурые пятна. Как-то мы не думали, что это такое. Мозги не в ту сторону смотрели, что ли? Уже потом [поняли], это снималось с тех, кого сжигали в печах. Их раздевали донага, и вот эту одежду... или с раненых или убитых. <...> Вот, выбираешь... У меня была кофточка черненькая».

В некоторых лагерях поношенные вещи продавались. Приведем отрывок из интервью **Антонины Сердюковой** (содержалась в лагере при алюминиево-ванадиевом заводе): «Нас одели. Я теперь понимаю, что это одежда, которую снимали с евреев,

Работницы рыбо-консервной фабрики. Куксхафен, 1942

сожженных в [лагерях]. Они ее прожаривали, дезинфицировали, стирали и нам выдавали. По первому разу выдали задаром, а потом за денежки. Можно было раз в месяц идти, покупать. Я помню, купила стиранный свитерочек шерстяной, с какого-то еврея снятый. Как я теперь понимаю, когда евреев жгли, с них одежду снимали всю, и хорошую одежду. Вон видите (показывает фотографию), в каком я пальто одета. Хорошее. Воротничок у меня беличий был».

Эпизод с одеждой, снятой с убитых евреев, нуждается в комментариях. Обе рассказчицы упоминали об этом с подчеркнуто будничной интонацией, а Антонина Сердюкова даже вспоминает хорошенькое пальто с беличьим воротничком. Слова «с какого-то еврея сняли» рассказчица повторяет еще раз. Это равнодушие могло бы показаться неестественным, если бы по ходу разговора не выяснилось, какой постоянный страх разоблачения испытывала в Германии Антонина Сердюкова, по мате-

Остарбайтеры у лагерного барака. Шварц (Заале), 1943

Текст на обороте: «На долгую добрую память дорогому братику Ване от Сени во время работы в Германии. Если видется нам не придется, если горькая наша судьба, так на память пускай остается мое имя и подпись моя»

ри – еврейка. В какой-то момент на нее донесли, и ей лишь чудом удалось избежать отправки в концлагерь. Отсутствие эмпатии в рассказе о снятой с убитых людей одежды – это форма защиты, которая часто встречается, когда люди рассказывают о самом страшном, что им пришлось пережить.

Как это «страшное» было пережито, свидетельствует рассказ **Альдоны Волинской**, которая уверяла нас, что уже тогда всё поняла и ужаснулась: «Мне дают какой-то талон, я прихожу: сумрачная комната и кипы вещей. Я роюсь, роюсь, роюсь. Мне показали, каким-то крючком надо разрывать, какая-то грязная одежда и вдруг, смотрю, одно платице, детское, всё в крови. И вдруг меня осенило: я бросила этот крючок, выскочила, иду, и у меня даже не плач, а какой-то вой: “У-у-у!”, – вот я, вы знаете, просто рыдала, и это меня потрясло, я вдруг поняла, что это убитые, расстрелянные, понимаете? Это кошмарнейшее что было».

Молодые девушки болезненно относились к тому, какими оборванными они выглядели на фоне нарядных, как им казалось, немок, и старались даже спецодежду как-то перешить и приспособить.

Антонина Максина: «Мы когда приехали, нам повывадали х/б, спецовка, ну, синие костюмы: широкие брюки, мужской покрой. А мы их по себе [перешили], я клинья себе вставила. А что эти дудочки? Картошку украдешь – здесь хоть завяжешь, есть куда поместить, а в эту дудочку – две картошки. Вообще я любила шить: чтоб всё по мне было, а не балахон. Ну и все девчонки давай шить. <...> Потом что мы сделали? Выдали нам по два одеяла. Новые, такие байковые. И одноцветные, и каймовые. Мы взяли себе, покроили теплые халаты. Чего они, гады, не давали нам таких халатов теплых? Холодно ж!»

Девушки приспособливались к обстоятельствам, и нередко вызывали симпатию и сочувствие у немцев, с которыми вместе работали.

Анна Гуляева: «Шеф – такой добрый дядька был. Он похож на нашего Ленина немножко. И жена у него такая хорошая. Приносили нам обноски свои. Что-то мы перешивали. Мы уже могли шарфики себе вязать и береточки».

Письмо из Ремшайда в Мариуполь. 01.06.1943

«Здравствуй, дорогая мамусенька и братишка Игоречек. Милая мамочка, я жива и здорова, живу по-прежнему, только скучаю за тобой. Но ничего, все пройдет, и мы снова будем жить хорошо и счастливо, только бы скорей кончилась война. Мама, получаешь ли ты от меня открытки или нет? Я тебе посылаю каждый месяц две открытки. Мамусенька, пиши мне почаще письма. Мамочка, не жалея, барахло продавай все, поддерживай свое здоровье, чтобы я приехала и ты была бы полная и здоровая, как и прежде. Мамусенька, как здоровье Игоречка? Слушается он тебя или нет? Мне дали платье, оно было большое, я его перешила и теперь хожу. Мамочка, из парусиновой сумки я пошила себе юбку, шила я все сама, так что приеду домой, буду модисткой. Мы все живем по-прежнему, Катя больше всех из нас получает из дома писем. Не горюй, не плачь, скоро увидимся. Смотри за Игоречком, чтобы он не был распушенным мальчиком. Оставайтесь живы и здоровы. Пока до свидания, передавай привет Клаве, Люсеньке, бабушкам, дяде Васе, Лорочке и всем-всем. Остаюсь твоя дочь».

Столь естественное желание выглядеть по-человечески могло закончиться плачевно.

Раиса Первина оказалась в карцере за то, что отправилась в другой лагерь, чтобы перешить пальто, не прикрепив знак

«OST»: «Мне нужно было пальто шить, шинель дали мне, и в другом лагере был портной. Надо было поездом ехать, и я поехала. <...> Меня принимали за немку внешне. По поезду ходили проверяли документы, а у меня документов нет. Меня сразу взяли: “Почему без знака!” Всё, и сразу направили в лагерь, в карцер».

На свою небольшую зарплату девушки покупали дешевое мыло, заколки, бусы, даже помаду и духи. Они брались выполнять любую работу, чтобы за нее получить и сразу перешить для себя старую одежду. Очень важно было отправить домой фотографию, где ты выглядишь нарядной и благополучной. В архиве «Мемориала» хранится много таких снимков. По сути, это «парадные портреты», сделанные специально для родных.

Фотография на память.
Лобург, 1942

Текст на обороте: «На долгую и добрую память дорогой сестрице
Зое от дорогой сестрицы Нюси в дни пребывания в Германии.
Люблю я пиво, люблю я квас, а больше всех люблю я, Зоя, Вас.
Фотографировалась в Лобурге».

Как бы ни хотелось им выглядеть получше, всё равно они оставались оstarбайтерами, бесправными восточными рабочими, в массе своей полуголодными и нищенски одетыми.

Работницы лагеря № 20 по укладке железной дороги. Австрия, 1943

«Щи-полощи»

Если у кого-то и были надежды, что в Германии их ждет сытая жизнь и уж во всяком случае не будет голода, то у большинства они почти сразу же исчезли.

Из письма **Марии Волобуевой**: «Я ни о чем не думала кроме еды. Перед глазами была наша домашняя лоханка, где мать замешивала для свиньи помои. Вот я и думала: как останусь жива, доеду домой, наемся с этой лоханки, а потом буду искать родных».

О постоянном чувстве голода вспоминали практически все, кто находился в рабочих лагерях.

Приведем отрывок из интервью **Любови Шкулёвой**: «Надо понять, что такое голод. Голод – это не тогда, что хочется кушать. Голод – это когда постоянно нечего есть. Постоянно! Уже у тебя позвоночник прилип к животу, тебя тошнит, голова кружится, и ты только и думаешь, где взять еду. За кусочек хлеба я могла отдать всё. Я делала, я делала норму! Я должна была норму свою выполнить, иначе не получишь талона на еду. Я хоть из кожи вылезаю, я делаю эту норму. <...> Работала за то, чтобы выжить».

Лагерная
столовая.
Бавария, 1942

Особенно плохо было тем, кто оказался в рабочих лагерях при заводах и шахтах.

Таисса Толкачёва описывала первый завтрак в лагере: «Станьте в очередь!» – Стали мы в очередь, в кухню прошли и нам выдали по три кусочка хлеба, таких тоненьких-тоненьких, и сверху кусочек как будто бы масла, но это маргарин был, кусочек маргарина. Когда мы уезжали, нам сказали кружки с собой взять, посуду. По-моему, это наша была посуда. В кружку –

Обед в лагере. Барт, 1942

черный кофе, и три кусочка хлеба. “Идите позавтракайте и потом вы постройтесь и пойдете на работу”».

За супом надо было идти со своей миской и ложкой. Этот суп, который остоуцы иначе как баландой не называли, готовился, как правило, из перемороженных и полустгнивших овощей – чаще всего из брюквы и капусты.

Работавшая в Геттингене **Мария Аушева** вспоминала о лагерной баланде: «Там и очистки картофельные, брюква в основном, иногда попадались макароны или вермишель, они были испорченные. <...> Воняет на три километра, когда идешь в столовую есть эту еду».

Иногда пища была настолько скверной, что, несмотря на голод, остоуцы не могли ее есть.

Евгения Савранская рассказала о случае в рабочем лагере: «Свекла начала закисать, и когда нам дали, мы никто есть не могли. И нашлась среди нас одна, она сказала: “Девочки, кто есть не может, давайте мне, я всё поем”. Она поела и в благодарность за это вымыла в бараке пол, в нашей камере».

Формировщик литейного цеха на заводе в Лейпциге **Виктор Шульдешов**, получив миску баланды, обнаружил в ней червей («Сразу вспомнил фильм “Броненосец Потемкин”»). Увидев его брезгливую реакцию, товарищ по лагерю только усмехнулся: «Ты закрой глаза и ешь – иначе скоро эти черви тебя будут есть».

Николай Киреев рассказывал о хлебе, который давали остоуцам в рабочем лагере в Берлине: «В 5 часов подъем, и потом кава, как поляки говорили. Кава – это кофе значит. Миска всегда с собой, это основное оружие было, в случае чего где-то тебе нальют что-то. Буханка хлеба. Она в основном состояла из... там я не знаю, чего больше было. Но берешь ее, впечатление такое, что она сделана из опилок, спрессована. Одни опилки. Ну ешь, вроде было вкусно. <...> Буханка хлеба – [на] пять человек».

Рацион питания в восточных рабочих лагерях был настолько скуден, что люди очень скоро заболели, от недоедания и непосильной работы становились нетрудоспособными.

Галина Аграновская: «У меня к концу пребывания на заводе начался фурункулез. Меня отвели в санчасть, смазали

чем-то, обстригли, всё слипалось, гноилось. <...> Классическое недоедание».

Павел Михайлов: «Мы представляли собой одни кости, не люди, а мумии. Как только мы держались на ногах? Спасло только то, что был молодой».

Наши собеседники рассказывали, что в воскресные или в праздничные дни еда могла оказаться немного лучше.

«В воскресенье, – вспоминала **Антонина Максина**, – у нас царство было – нам в мундирах картошку дадут, кусочек мяса. Это только в воскресный, а в такой [будний] день – там щиповости: то кольраби эта, то брюква».

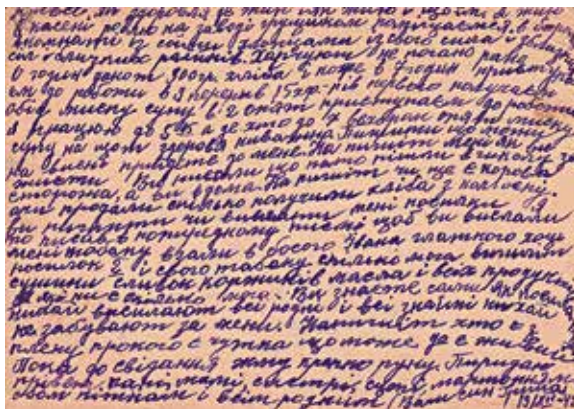
Как вспоминает **Николай Киреев**, в день рождения Гитлера давали «по кусочку маргарина величиной со спичечную коробку. Очевидно, много было лягушек, лягушки шли превосходно. Лягушек давали часто по праздникам. <...> Задние [лапки] обрезаны по туловище. Они с маринадом с каким-то. Но это было превосходное блюдо. Я всегда старался получить вторую и третью порцию, потому что они мне нравились. Потом давали еще красный тростник. Вот толщиной иногда в руку был. Что это за тростник был, я не знаю. Но был сладкий, с такими с длинными нитями вообще. <...> Чувство голода было постоянно».

Обед в лагере при строительной фирме. Гамбург, 1943

В отличие от рабочих из оккупированных стран Западной Европы, которые получали питание по нормам немецких рабочих и помощь Международного Красного Креста, остарбайтеры могли надеяться лишь на продуктовые посылки из дома (что случалось крайне редко и было возможно лишь до 1944 года).

Письмо из Касселя в Каменец-Подольскую обл. 13.12.1942
(на украинском языке)

«Здравствуйте, родные, передаю вам привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Я получил от вас письмо, за которое очень благодарен. <...> Вы пишете, чтоб вам написал про все, про здоровье, где живу, как живу и другое. Я живу в Касселе, работаю на заводе грузчиком, помещаемся в бараке в комнате с хлопцами из своего села и близких сёл и близких районов. Кормят неплохо. Утром в 6 часов дают 300 грамм хлеба и кофе, в 7 часов приступаем к работе, в 9 – перерыв 15 минут. В полпервого получаем обед – миску супу. В 2 опять приступаем к работе. Я работаю до 5 ч. 45 м., а кто-то и до 7. Вечером опять миску супу. Пишете, что, может, весной приедете ко мне. Напишите мне, как вы живете. Вы писали, что тато пошли в школу сторожем, а вы дома. Напишите, есть ли еще корова или продали, сколько получили хлеба в колхозе. Вы пишете, выслать ли мне посылку. Я писал в прошлом письме, чтоб вы послали мне табак. <...> Сколько можно, вышлите [сушеных] сливок, коржииков, масла

и всех продуктов сколько можно. Вы сами знаете, как посылать. Пускай высылают все родные, и все знакомые пускай не забывают обо мне. Напишите, кто в плену, про кого есть известия, что, может, где есть живой. Пока до свидания, жму крепко руку, передаю привет папе, маме и всем родным. Ваш сын Гриша».

Небольшая добавка выдавалась за тяжелые работы.

Татьяна Веселовская: «Нам давали – такая вот буханочка хлеба небольшая, вот. А так как я – шверарбайтен⁹, значит, еще половинку выдавали – полторы буханки. <...> Значит, мы еще жили очень хорошо».

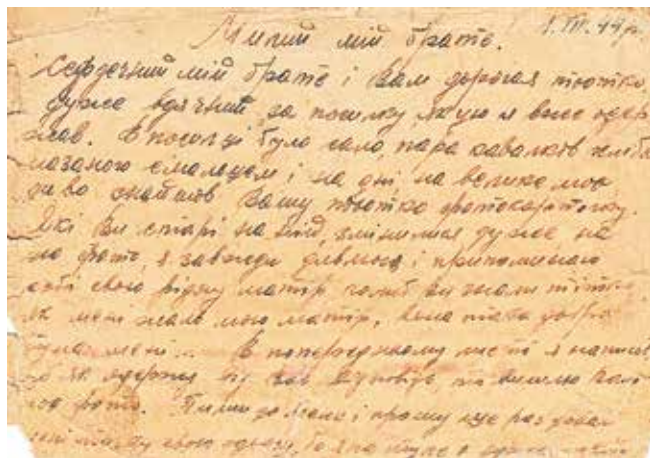
⁹ Schwerarbeiten (нем.) – на тяжелой работе.

Михаил Черненко: «Постоянное чувство голода присутствовало, но это совсем не то, что вот ты погибаешь с голодухи, совсем не то. Тем, кто на тяжелой работе, [давали] этот самый “швер”¹⁰, дополнительный, и на горячей – “шверст”¹¹. То есть, [швер] – не помню, то ли раз, то ли два в неделю еще плюс здоровый кусок хлеба. А те, которые “шверст” – буханка хлеба плюс какой-то кусок то ли маргарина, то ли колбасы».

¹⁰ Schwer (нем.) – тяжелый.

¹¹ Schwerst (нем.) – самый тяжелый.

Письмо из Ноймаркта в Волынскую обл. 01.08.1944
(на украинском языке)

«...Сердечный мой брат и Вам, дорогая тетка, очень благодарен за посылку, которую я уже получил. В посылке было сало, пара кусков хлеба, помазанного смальцем, и на дне, к большому моему

удивлению, нашел Вашу, тетка, фотокарточку. Какая Вы старая на ней, изменились очень. Я на эту фотографию всегда смотрю и припоминаю свою родную мать. Если бы Вы знали, тетка, как мне жаль мою мать, она была так добра ко мне...»

Добыть дополнительное пропитание было главной заботой оstarбайтеров. Если можно было что-то украсть, крали.

Сергей Богданов рассказывал: «Помогали себе помимо скудного рациона так. Наш лагерь был на окраине города. До штолен [идти] километра полтора. Дорога рядом с картофельными полями. И если полицай, который нас вел, был, скажем, человеческим человеком, то он смотрел сквозь пальцы, как кто-нибудь из колонны кидался, выдирал куст картошки, хватал несколько картофелин и рассовывал их по карманам».

Надежда Измалкова вспоминала, как ей удавалось принести из столовой не по две картофелины на человека, как полагалось, а двойную порцию: «Я приходила в столовую, там немка Шеффин, такая крикливая: “Иди выбирай, сколько положено. Цель аба лаут! Их мусс хёрен!”¹². И я начинаю считать. “Айн!

¹² Zähle aber laut! Ich muss hören! (нем.) – Считай вслух, чтобы я слышала!

Раздача хлеба в лагере при сталелитейном заводе.
Дюссельдорф, 1943

Цвай!" Я должна была принести две картошки, а приносила в два раза больше».

Воровали, если подворачивался случай, очень многие, не смотря на риск быть пойманным, избитым охраной, оказаться в тюрьме и даже попасть в концлагерь.

Таисса Толкачёва: «Полицаи дежурили день и ночь. <...> Наши девчонки узнали, что немцы прятали свеклу в ямах. И некоторые девчонки – посмелее – ямы разрывали и брали там несколько свеколок. И, ну, может быть, не зарывали. В общем, немцы узнали, что наши разрывают ямы и воруют свеклу. Ну тут нас всех собрали – ой! "Расстреляем всех!"»

Голодные, доведенные до отчаянья люди готовы были и на воровство ради сырой картофелины, которую можно будет сварить вечером в бараке. Наказания, подчас весьма суровые, не помогали.

Виктор Шульдешов вспоминал: «Была там столовая для рабочих. Как-то я украл очистки свеклы и картофельные шкурки. У меня банка такая была, где я эти шкурки варил. Есть как хочется! Не знаю что бы съел! И попался я. Меня прямо с работы потащили в полицейский участок, дали мне полтора месяца тюрьмы. Кстати, в тюрьме кормили лучше, чем в лагере!»

В маленьких, менее строго охраняемых лагерях добывать еду было проще. Работавший путевым обходчиком **Лаврентий Новохатько** вспоминал: «Нашим дополнительным продуктом

Празднование нового года в лагерной столовой при заводе. Хаген, 1944

были придорожные посадки и огороды. Ночью мы выходили скрытно через туалетное окно и яблоки, овощи добывали».

Однако здесь остовцев подстерегала другая опасность. «Поля были частные и охранялись. Одного нашего парня ранили – хозяин пулю засадил в ногу». Это свидетельство **Павла Михайлова**.

Конечно, никто из наших рассказчиков не стал бы заниматься воровством в нормальных условиях. В Германии почти все остовцы относились к воровству по-другому, тем более, когда речь шла о краже вроде бы никому конкретно не принадлежавших продуктов: картошки с полей, яблок из сада. Но даже если крали у людей – это была кража у врагов. Как бы немцы к остарбайтерам ни относились, они помнили, как немецкие солдаты грабили местное население во время оккупации. Они и сами тогда воровали у оккупантов, а потом продолжили добывать себе таким способом еду в Германии. И рассказывали об этом как о чем-то само собой разумеющемся.

Из интервью **Павла Марунчака**: «Мотался по Вене, за Веной. Лазил по карманам...» – «А что можно было стащить?» – «Деньги и карточки. Не я один. Тогда у нас была такая компания. Ну, сегодня было пять [человек], завтра семь, послезавтра двух изловили, осталось пять».

Лаврентий Новохатько вспоминал, как действовали те, кто работал на железной дороге: «Некоторые ребята работали на железной дороге “башмачниками”. <...> И они, работая в ночную смену, доставали настоящие продукты. Если пульман, скажем, с яблоками, они башмак¹³ ставят ближе к вагону, чтобы он стукнулся, и тогда [всё] рассыпается».

Некоторым нашим собеседникам удавалось подрабатывать «на стороне» частным образом. Это было большой удачей.

Вадим Новгородов вспоминал: «Меня до войны мой товарищ школьный обучил ремонту часов, будильников. И я у себя в лагере ремонтировал часы и немцам ремонтировал. <...> Я крестьянину такие настенные часы отремонтировал, он мне картошки давал несколько раз, молоко такое неснятое, цельное молоко».

Антонина Максина: «Мы имели возможность ходить на дом работать. <...> Только днем ходила я, после работы. Приду. Бабка,

¹³ Тормозной башмак используется для торможения и закрепления вагонов.

уже старуха, мастером работала: “Фрюше, фрюше!”¹⁴ Завтракать. Поела я. “Сегодня мы будем стирать”. <...> Я ухожу домой, она с собой мне чего-то дает еще: то ли яблок, то ли фрукт какой».

¹⁴ Завтрак (искаж. нем. от Frühstück).

Георгий Ткачёв рассказывал, как они продавали сделанные советскими военнопленными игрушки немцам: «У них была проблема с детскими игрушками. Товара было всякого много, но детских игрушек в магазинах не было, их немцы очень ценили. <...> Раньше были до войны у нас [игрушки] на палочке: два колесика катишь, а петушок или бабочка крылышками машут, или карусельки крутятся. <...> Через проволоку перебрасывали военнопленные. Они эти игрушки делали, мы продавали. А доход делили пополам. Ну, им подкормка была. И мы выживали».

Письмо из Хемница в Барановичи. 23.10.1942

«Здравствуйте, мои дорогие родители! В первых словах моего письма сообщаю, что я жив и здоров, того и вам желаю. Мы живем хорошо, живу со своими хлопцами. <...> Живу в городе Хемнице, работаю на фабрике. Еще прошу, дорогие родители, прошу вас, пришлите табаку и сухарей, чем поскорей. Посылки сейчас нам можно слать не больше чем 200 грамм. Но таких посылок можно слать хоть десять, только на другую фамилию. Дорогие родители, прошу вас, напишите, что там у вас делается. Все ли

живы и здоровы и все ли дома. Дорогие родители, пока до свидания, сильно не скучайте и пишите чем поскорее письма и посылки. Шлю поклоны всем родным и близким. Здравствуй, дорогой отец! Желаю тебе доброго здоровья. Я тебя не могу забыть. Затем до свидания, напиши, как там тебе работается.

Но мало было добыть еду. Надо было суметь ее спрятать, принести в барак, приготовить.

Антонина Максина: «Мы готовить ничего не могли, а картошку печь могли [зимой] – в бараках стояли буржуйки. А в летнее время емкость была для нагрева воды. Мы картошку добыли, помыли, сумочки у нас с веревочками, опустили, вода закипела, картошка наша варится».

Анна Гуляева (работала на картофельной базе недалеко от Шверина) также подробно описывала, как готовили припрятанную картошку: «Мы когда разгружаем вагоны, так еще по три картошины в кармане принесем себе домой. А у нас печка такая, круглая. Мы попросили ребят – сделали они нам терку. И вот мы в ведро натрем эту картошку, вымоем, отождем, отцедим. И мы – шлеп! – всю печку обложим, облепим. Она раз – поджарилась. <...> Делим на всех – двадцать четыре девочки».

Но на всех делили отнюдь не все. Распространенный в советское время миф о бескорыстной взаимопомощи товарищей по несчастью опровергается рассказами многих остовцев.

Приведем отрывок из интервью **Георгия Ткачёва** (рабочий лагерь «Организации Тодта» на окраине Берлина): «Отношения какие были между собой?» – «Отношения были у нас хорошие. Но закон джунглей, как вам сказать. Воровства у нас между нами в бараке [не было]. Делиться – не делился никто. Хочешь жить, доставай, промышляй. Но если я сходил, достал, то принес себе. У каждого свое отделение, тумбочка, не запиралось ничего. Никто не залезет, ни кусочка не возьмет».

Однако часто нам рассказывали, какую роль играла поддержка друзей, помогавших, чем могли, несмотря на большой риск. **Надежда Измалкова** вспоминала, как после отправки из деревни на работу при аэродроме, где кормили очень плохо, ее выручила подруга: «У них такие талончики, в магазине можно

Лагерная кухня на военном заводе. Берлин, 1943

было за эти талончики [купить] колбасу кровяную. Колбасные талоны она украла у хозяйки и в письме мне прислала».

Счастьем считалось хотя бы на один день попасть с завода на сельскохозяйственные работы – там можно было подкормиться. Работавший на авиационном заводе **Леонид Осипов** рассказывал: «Иногда в летний период в лагерь приезжали сельские хозяйки и брали несколько человек на работу – на посадку помидоров, на поливку капусты и тому подобное. Там кормили хорошо, такие миски здоровые. <...> Но брали только на выходной день. Утром взяли – вечером вернули».

В деревнях отношения между хозяевами и работниками были совсем иными, чем на фабриках. Это сказывалось и на рационе – в целом ситуация с едой была намного лучше. Однако и здесь всё зависело от конкретного хозяина.

Владимир Вишневский (работал в селении Кронсторф под Энсом, Австрия) рассказывал, что побывал у разных хозяев. У одного он получал кусочек хлеба, а другой «давал хлеба, сколько хочешь, фактически пять раз на день кормили».

Условия жизни в разных крестьянских семьях сравнивала и **Надежда Измалкова** (работала на фермах под Веймаром): «Мы все вместе за одним столом кушали. <...> Хозяйка очень вкусно

¹⁵ Biersuppe (нем.) – пивной суп.

¹⁶ Erbsensuppe, Bohnensuppe, Tmínsuppe, Kohlsuppe (нем.) – гороховый суп, фасолевый суп, тминный суп, суп из капусты.

готовила. У нее было консервированное мясо, куры, даже бир-зуппе¹⁵ она делала, ну и всякие зуппе. А первая хозяйка, фрау Шенке, та тоже варила всякие супы. И когда меня встречали немки, спрашивали, что готовит фрау Шенке, я говорю: “эрбсен-зуппе, бонензуппе, тминзуппе, кользуппе”¹⁶. И сплетни ходили по селу, я все рассказывала, что она готовит».

Еда работавших у бауэров зависела от отношения хозяев, от семейных традиций. Часто случалось так, что семья хозяина и оstarбайтер работали в поле бок о бок и делили обед между собой. В иной крестьянской семье остовца сажали вместе со всеми за общий стол, как это было принято издавна. Хотя нацистской инструкцией это запрещалось.

Виктор Смирнов: «Кормили за одним столом, но я не наедался. Хозяева и сами ели мало – очень были скупые».

Вера Дергачёва: «Мы ели то, что и они. Различий не было. Но вместе сидеть – боже упаси! Никого ж нет вокруг, но, боже упаси, сидеть рядом нельзя. Они сидят отдельно, мы сидим шагов на десять отдельно. Такой приказ: не имеют права».

Что касается домашних работниц, то они не голодали. Для многих из них еда была, скорее, статусным фактором – не чем их кормят хозяева, а как это происходит – едят они вместе с хозяевами или отдельно.

Кто-то относился к такому отделению безразлично, а для других это было еще одним унижительным напоминанием об их подневольном положении.

Из интервью с **Фридой Палко** (работала в семье хозяина склада): «“Вы говорите, что вас кормили отдельно. За свой стол никогда не сажали?” – “Вы знаете, иногда, на праздники, садили в конец стола. <...> Я с хозяином никогда в жизни не разговаривала”».

Не страдала от голода и **Ирина Соколова**, работавшая у врача: «Всё, что они ели, то ела я. <...> Только я ела на кухне, а тут – холодильник, если мне бы понадобилось, я бы могла кусочек там какой-то, я могла взять пиво, выпить, и мне никто ничего не говорил».

Галина Аграновская работала прислугой в немецкой семье (Франкфурт-на-Майне): «Нас кормили отдельно. Это были сплошные так называемые “гемюзы”¹⁷. В основном та же брюква,

¹⁷ Gemüse (нем.) – овощи.

Чистка овощей в хозяйстве у бауэра. Винсен-на-Люе, 1944

почему-то я эту брюкву запомнила, кольраби. <...> Какой-то хлеб, ну в Германии, ты знаешь, хлеб – это не первое блюдо. Какие-то крупы, ну, во всяком случае, я в обморок от голода я не падала».

Кроме того что еда была скудная и плохого качества, она была еще и совершенно непривычной – эти «гемюзы», как говорила Галина Аграновская, до приезда в Германию никто никогда не ел.

Анна Одинокова (работала в Загане, Нижняя Силезия): «Шпинат я есть не могла: я его в рот, а меня на рвоту тянет. Он скользкий такой, мягкий, свинья есть не будет».

Вспоминали, что чувство голода усугублялось и продуктовым изобилием в немецких домах и магазинах.

Георгий Ткачёв: «У них же было всё. Буквально магазины от продуктов ломились. Хлеб и черный, и белый, и булочки всякие, и слоечки, и пряники, и печенье, и конфеты, и... даже шоколадные были, и варенье, и мед. <...> Все крупы были: и перловка, и овсянка, и рис, и гречка. Макаронные изделия разнообразные были. Ну всё буквально, вплоть до мармелада. Но всё выдавалось им по граммушке. Допустим, крупа перловая – там пять грамм на человека. Колбаса разная – то же самое, по десять, по пятнадцать, по двадцать грамм. <...> Набиралась довольно-таки порядочная

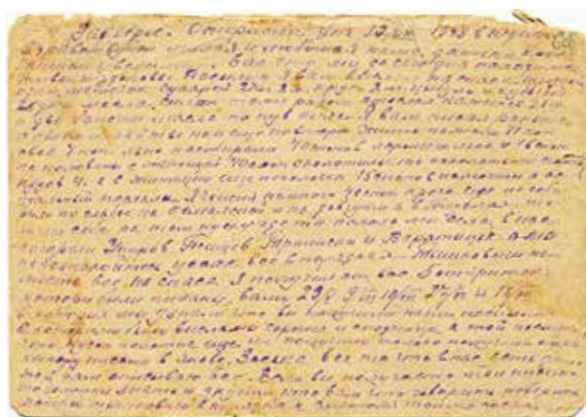
такая корзинка. И немцам хватало по горло. Говорили, что там голод был. Неправда! Голода они не знали».

На этом фоне «счет», который наши рассказчики предъявляли немцам за их равнодушие и жестокость, выглядит очень сдержанно, без обвинений и проклятий. Оскорбляли главным образом несправедливость и унижительное положение.

Галина Аграновская вспоминала слова, сказанные польской девушкой, с которой она вместе работала в немецкой семье: «Хозяйка наша считает, что мы с тобой у нее живем в раю».

Таисса Толкачёва рассказывала, как обидно ей было видеть насмешки над голодными остовами: «Девчонки бывали такие голодные: немцы прямо в ряд стоят и наблюдают, как мы едим. Если кто из нас бежит к котлу и кричит: “Дай мне еще, еще!”, – они начинают хохотать».

Письмо из Киевской области в Нехайм-Хюстен. 12.08.1943
(на украинском языке)

«Открытка дня 12/VIII-43 г. в воскресенье. Здравствуй, милая и любимая наша доченька Зося. Прежде всего сообщаем вам, что мы до сего дня находимся живы и здоровы. Посылку я вам выслал на Спаса. Присушил один мешочек сухарей да 8 м. круп, 2 м. цибули и кубик масла. Семен тоже отослал, кажется, 2 баночки масла по полкило. <...> Не беспокойтесь, у нас все в порядке. На Спаса я получил от вас 5 открыток, которые были писаны вами 29/V, 9/VII, 10/VII, 27/VII и 18/VII. В которых мы узнали, что вы

получили наши посылки, в которых были высланы сорочка и рубаха. А той посылки, где кусок полотна, еще не получили, а только получили открыточку, которую писали в Янове. Зоська, все то, что у нас есть в доме, то я вам описываю все. Если вы получаете мои письма, то должны знать, и другим, кто вам что говорит, не верить. <...> За тем прощайте».

С тем большей благодарностью наши собеседники вспоминали каждый жест сочувствия и каждый протянутый им тайком кусочек хлеба. Наибольшую жалость у немцев вызывали молодые девушки, почти подростки.

Татьяна Веселовская: «Я когда приходила – открываю я свой стол – всегда у меня в столе лежал бутерброд какой-нибудь и еще что-нибудь. Кто мне клал, я не знала, потому что немцы боялись друг друга».

Домашняя прислуга за обедом. Либау, 1943

Текст на обороте: «Фото во время пребывания в Германии. Фото во время обеда во дворе.

На память мамусе и сестрицам от Кати. На фото: Это мы все работаем в этом доме.

Вита – кухарка, 32 года. Катарина – домработница, 19 лет. Дора – официантка, 20 лет.

Аня – портниха, 50 лет. Аня и я стим в одной комнате. Она мне как мама тут»

Подневольный труд

Где и как они работали, наши собеседники рассказывали по-разному. Тем более что из двух-трех лет жизни в Германии редко кто-нибудь из них оставался на одном заводе или у одних и тех же хозяев. Немецкий арбайтсамт тасовал остовцев как колоду карт, перекидывая с одного места на другое. Побег, эвакуация из-за бомбежек и наступления Красной армии и союзников в конце войны – все это приводило к тому, что на од-

Лагерь при металлургической фабрике. Зальцведель, 1943

ном месте многие остарбайтеры оставались лишь по несколько месяцев.

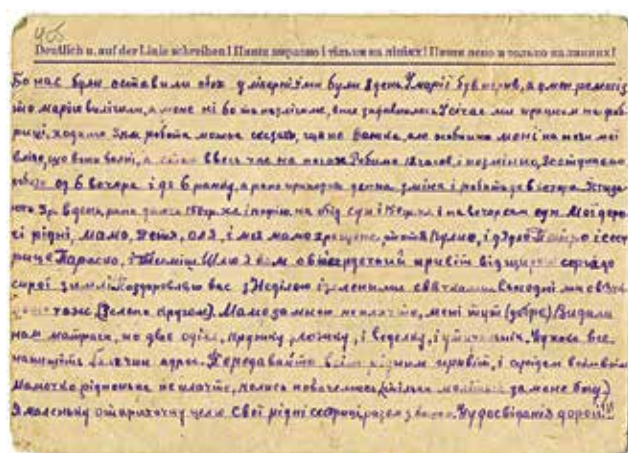
«Работаю в шахте руды»

Остарбайтеры постепенно начали догадываться, на какое производство они попали.

Вера Дергачёва: «Направили нас в Виттенберг. Называют – фабрика. Фабрика – это когда трикотаж там, пищевые продукты. А это – части для самолетов – завод. <...> По цеху проходили военные с погонами летчиков, поэтому я думаю, чего летчикам ходить, если это не авиационный завод? Я работала на станках фрезерных, токарных».

Письмо из Оснабрюка в Киевскую обл. 13.04.1943
(на украинском языке)

«Сейчас мы работаем на фабрике, ходим 3 км. Работа, можно сказать, что не тяжелая, но особенно мне на ноги мои влияет, что они больные, а стою все время на ногах. Работаем 12 часов и посменно. Заступаем работать с 6 часов вечера и до 6 утра. А утром приходит дневная смена и работает до 6 вечера. Есть дают 3 раза в день. Утром дают 150 гр. хлеба и кофею, на обед суп и 150 грамм хлеба, вечером только суп. Мои дорогие родные мама, Петя, Оля и крестная, тетя Кулина, и дядя Петро, и сестрица

Параска, шлю я вам свой сердечный привет от всего сердца до сырой земли. <..> Мама, за мною не плачьте, мне тут (хорошо). Выдали нам матрасы, по два одеяла, кружку, ложку, вилку и полотенце. Ну, пока все. Передавайте всем родным привет и соседям всем-всем...»

Галина Аграновская сменила во время жизни в Германии несколько мест работы: «Во Франкфурте-на-Майне это оказался военный завод. Закрытый, с колючей проволокой. Я точила такие

Пропуск на оружейную фабрику. Берлин, 1942

Работницы обогатительной фабрики.
Визен, 1942

Работницы металлообрабатывающего завода
«Гербрудер Шусс». Зиген, 1943

«Здравствуй, моя дорогая сестра. В первых строчках своей короткой открытки хочу тебе сообщить, что я жив и здоров, чего желаю тебе всего наилучшего в твоей молодой жизни и твоей счастливости, в том, что ты осталась в своем родном селе. Работай ты так, чтобы ты осталась и дальше в своем родном селе и проживала ты в нем до своей родной смерти.

[Напишу] я тебе про свою работу. Моя работа в настоящее время очень плохая. Я работаю на стройке бараков. Сейчас осень, дожди, глубокая осень, дожди, морозы, у нас нет зимней одежды. Работаю по десять часов в сутки, харчи неважные, и сами мы не знаем, сколько мы будем тут работать. На этом я свое коротенькое письмо буду заканчивать. Передай привет от меня братьям Михаилу, Ивану и своей родной матери и еще Якову. Не забывай обо мне, прошу тебя, напиши мне ответ. Другой раз напишу тебе побольше, а сейчас не обижайся, что так мало. Еще тут работают много девочек, которые тоже живут неважно, женщин, старых дедов, много и других. До свидания, писал твой двоюродный брат Иван».

Железнодорожные работы. Дрезден, 1942

Пропуск на завод. Рурская область, 1942

Пропуск на завод «Сименс». Нюрнберг, 1943

Валерия Федорова (рабочий лагерь в поселке Тарау): «Я работала на прессе, делали кирпичи. Безумно уставала, руки опухали. <...> Это был конвейер, и если что-то приспичило, я орала благим матом, звала мастера, он выключал рубильник, и я бежала в туалет. Но при этом он материл меня незнамо как, потому что останавливался пресс и снижалась выработка».

Галина Аграновская описывала усталость от бессмысленных автоматических движений: «Ночь, монотонный гул... идет эта фреза, которую ты делаешь, и еще надо не забыть периодически эмульсией смягчать трение. За этим надо было следить. Никакого мастерства, квалификации, чистый автоматизм бесконечный».

За малейшую провинность, непослушание, невыполненную норму могли заставить работать две смены. За допущенный брак (а многие из наших собеседников были подростками, впер- вые вставшими к станку) мастер мог ударить, наказать.

Евгений Горяинов (Вена): «Завод – раньше говорили, что он выпускал мотоциклы, а он стал выпускать во время войны тяга- чи. Я ездил на каре, меня поставили на станок, а я поломал ста- нок. Там старые станки, там на 900 надо было. Я взял впопыхах переключил на 1400, и он полетел. <...> Меня побили, поддержа- ли трое суток на воде и корке хлеба. И опять на завод. Привели под расписку, чтоб я не шкодничал».

От усталости, отсутствия навыка, плохих условий труда ча- стым явлением были разного рода травмы.

Мария Аушева (завод Винкеля в Геттингене): «Поначалу меня поставили мыть детали ацетоновым бензином, солидолом. У меня руки пухлые от ацетона... Ничего не давали, всё голыми руками. Мало того, что я нюхала, так еще ж оно всасывается через кожу. И потом я свалилась совсем: отравление от ацетона. Ну, лагерный врач сжалился надо мной, все меры принял и вылечил меня».

Николай Киреев (Берлин, Шпандау): «Это завод вооружения был. Я помню, грузили оружие, пистолеты, автоматы, гранаты...

Sorgfältig aufbewahren
und auf Verlangen vorzeigen
anlässlich i. pr. trübungsaktu Prüfung!

Personalkarte
litšnaja kartotschka

3

angeordnet in Dienstgehöriger des
Arbeitsamtes Göttingen am
1.1.43.

Name *Dawidenko* Nationalität *ukr.*
Vorname *Nikolai* (Witzke)

geb. am *3.1.24.* Familienstand *L.*
geb. in *Ukr. Moskau-Rus. Krasnodar*
letzter Wohnort *Ukr. Krasnodar*
Beruf *Landwirt*

Spezialkenntnisse - special'nije poznanija

Landwirtschaft — po sel'skemu chozjstvu

Hilfen *dalet*
Vollkorn *volnochnak*
Rübenarbeiten *krupnitsa zapadit*
Gegenschützen *pramit' linstschut*
Maschinenbedienen *schod na sel'sk. chos. masch.*

Metallberufe — po metalle

Schlosser *slowert*
Motorenklimmer *slowert-motornist*
Schweißer *swarok*
Werkzeugmacher *slowert' dlya instr.*
Klempner *Schulzmann*
Elektriker *Elektrischnik*
(Schlichter) *schod' i gosupravnitschik*

Bauberufe — po stroitel'stvo

Maurer *murarik*
Zimmerer *platelik*
Dachdecker *krumtschichnik*
Maler *maljer*
Betonfacharbeiter *apok. po betonu*

Haushalt — po dom. chos.

Kochen *gotowit*
Waschen *stirat*
Plätten *gladit*

Sonstige — protschije

Учетная карточка со словариком рабочих профессий. Готенхафен, 1943

Грузчицы лакокрасочной фабрики. Крефельд, 1942

Вооружение шло на руссиф фронт. Ну, конечно, здесь никакой поблажки нам не было. Травмы постоянно были».

Михаил Черненко (военный завод в Фюрстенберге): «Попала мне от станка стружка. Мне в медпункте завязали глаз, я продолжал работать. Я шел по центральному проходу и, поскольку у меня один глаз завязан, наткнулся на железную тягу между двумя вагонетками и поранил ногу. И дрянь эта гнить начала, поехала, поехала и образовалась дырка, видна кость. Ужас! Шестнадцатилетний парень ходит с дыркой в ноге».

Было бы неверно говорить, что все рассказчики описывали свой труд в Германии лишь как мучительный и лишенный для них всякого смысла. Те, кто попадал в хорошо налаженный производственный процесс, кто старался научиться каким-то полезным навыкам и смог проявить свои способности, – этого не скрывали. Впрочем, такое везение сопровождало, как правило, тем, кто уже имел какие-то профессиональные навыки и освоил немецкий язык.

Евгения Горяинова, как и многих мальчишек-остовцев, интересовала новая техника: «Я молодой, всё интересно, всё смотрю. Любопытство, понимаете? Я ж как дикарь был. <...> На электрокаре меня научил немец один, пожилой, лет 50 или больше. Он говорил половину по-русски, половину по-польски.

Он был мастером. Сперва он мне показал, как управлять карой. Она ручная, но хорошая кара. Скорость хорошая была. Правда, я гонял первое время на третьей скорости, мне выключили третью скорость. Говорят: “Руссиш гоняет. Чуть мастера не сбил”. Я возил детали в цеха. Сперва с ним возил, потом он мне дает кару, я детали грузу и сам вожу».

У многих оstarбайтеров вызывали уважение немецкие порядок и дисциплина.

Георгий Ткачѳв (работал на судоремонтном заводе в Штеттине): «Сколько я в Германии был, в отношении дисциплины – идеальнейший порядок. Чтобы кто-то оставил, а [другой] пришел, взял или попользовался – не было случая».

Письмо из Меца в Проскуров. 10.02.1943
(на украинском языке)

«Добрый день вам, дорогая семья моя и тоже все родные, передаю вам свой привет и также жена Ефимия Ивановна, дорогие дети мои Гапя, и Дунька, и Ванька. <...> Желаю вам всем хороших успехов в вашей жизни. Я пока нахожусь жив и здоров. Здоровье мое стало немножко лучше, но хожу до доктора часто, но ничего мне не помогает. Работаю в шахте руды 9 часов. Работа тяжелая, но то хорошо, что тепло, работаю в одной рубаше вместе с теми же самыми хлопцами Макеем и Яковом. Кормят неважно: капуста, картошка и брюква, больше ничего. 600 грамм хлеба. Зимы тут нет. Лагерь наш от города Мец 20 километров. <...> Это бывшая станция. Писем не разрешают посылать. Я было подал на почту письмо, через несколько дней вернулось.

Не знаю, как с Украиной, дойдут ли письма. <...> Пишите все новости, что в селе и как в доме. Денег платят нам очень мало. Я вашу открытку получил. Очень вам благодарен. Затем до свидания, жду ответа».

В некоторых рассказах звучала гордость, что удалось чему-то научиться.

Вадим Новгородов (работал на шахтах в Бохуме) вспоминал, как постепенно приобретал доверие немецких рабочих: «Коксохимический завод при шахте был. Мы на коксохиме работали. <...> Вскоре нам стали доверять работать, не просто так ходить, носить кирпичи, мусор убирать. Нас стали прикреплять то к слесарям, то к кузнецу. Через несколько месяцев меня прикрепили к изготовлению удобрения, сульфат аммония делать – следить за установкой. Потому что тот, кто там работал, был малограмотный специалист. А я-то все-таки со средним образованием, химию знал. Мне доверяли следить, как установка работает, я ему говорил, он соответствующим образом поступал».

Антонина Сердюкова описывала, как она стала в Германии опытной лаборанткой: «Меня определили в цех, где выплавляли ванадий, то есть в литейный цех. Это же стратегический металл, его выплавляли в такие гранулки, как орешки, паковали

Рабочий отряд оstarбайтеров по очистке реки Трайзен. 1944

Пропуск на завод. Нордлинген, 1944

в железные консервные банки и запечатывали. Строго по весу сдавали. Так вот, когда сунули меня туда, в этот огнедышащий цех и дали метелку, мне расхотелось там метлой мотать. Ну, я там с немцами пыталась поговорить – что да как. Подошел обермайстер, старший мастер: «Können Sie Deutsch sprechen?»¹⁸ Я говорю: “В школе учила хорошо”. <...> Он меня свел в лабораторию определять процентное содержание ванадия. Меня учили, конечно. Прежде всего я выучила названия по-немецки всех химикатов. Процесс был такой: как в 6 часов пришла, так сразу проба и так – каждый час. “Штихпробен”¹⁹. Вот я иду, взвешиваю грамм, насыпаю в колбу, вливаю туда соответственно кислоты, ставлю на печку, она полчаса там кипит, потом я охлаждаю пару минут и титрую. Расчет делаю и запись – в тетрадку».

Аркадий Кожаев встретил войну молодым инженером и прилично знал немецкий язык. Проработав в очень тяжелых условиях на шахте, через какое-то время попал на завод, изготовлявший ракеты ФАУ-2. Он рассказывал об эпизоде, когда ему удалось обнаружить брак: «Однажды даже был такой случай. [Говорят]: “Аркадий, ты где-то ошибку сделал”. – “Найн, найн, дас ист унмёглих, унмёглих”²⁰. Ищу. Я, значит, прибором – здесь есть напряжение, здесь есть, а вот – нет. Ага, это причина! Вызывают фирму-поставщика. Приезжает поставщик, извиняется. Они меня все благодарят».

Многие испытывали чувство уважения к немецким мастерам и инженерам, которые их обучали.

¹⁸ Können Sie Deutsch sprechen? (нем.) – Говорите ли Вы по-немецки?

¹⁹ Stichproben (нем.) – пробы на выбор.

²⁰ Nein, nein das ist unmöglich (нем.) – Нет, нет, это невозможно.

Вадим Новгородов: «В 43-м нас прикрепили к монтажнику. Участились бомбежки и часто разрушали оборудование на коксохиме. Разбомбят, а мы восстанавливаем, русских четыре-пять человек, а он один – Лео Лисс такой был, молчаливый, спокойный человек. Он этот, как он выражался, “дьявольский режим” терпеть не мог! Я вынес от него добросовестно относиться к работе. Он не спешил, но делал добросовестно, и начальство с ним считалось, потому что он был очень хороший специалист».

Из письма из Нюрнберга в Полтаву. 03.08.1943
(на украинском языке)

«Письмо писала 3/VIII-43 г. Добрый день, папа, мама, братья, сестра и племянница Нина. Прежде всего сообщаю, что я пока жива и передаю всем по низкому поклону. Я работаю на заводе в ночную и дневную смену по неделе, по 12 часов. Есть дают 2 р. и 300 гр. хлеба. Живем в лагере, в каждой комнате по 16 душ. Я вам писала это 2-е письмо, а от вас не получала ни одного, хоть бы получить одно словечко...»

Штамп на почтовой открытке:
«Лагерь остарбайтеров Штайерберг на Везере»

Из письма из Зенфтенберга в Каменец-Подольскую обл. 11.02.1943
(на украинском языке)

«Добрый день или вечер, мои дорогие товарищи. Передаю вам пылкий, горячий привет. Первым долгом моего письма я вам, дорогие мои друзья Федя и Ванюша, напишу, что я ваше письмо получил, за которое я вас душевно благодарю, что вы меня не забыли. Еще я вам напишу, какая в Германии погода. Погода тут для нас хорошая. Тепло, один раз было 16 градусов мороз, а сейчас тепло,

только что плохо, что часто идут дожди. А тут дождь не дождь – все равно работаем. Еще вам напишу то, что работа не очень тяжелая. Работаем 8 часов, а есть нам дадут 300 гр. хлеба и 2 раза супу. Еще вы мне, дорогие друзья, пишите, что у вас приближается тридцать третий год, а у нас почти уже тридцать третий год».

Антонина Сердюкова говорила, как она была благодарна немецкому мастеру: «Он меня свел к начальнику цеха, был интеллигентнейший мужик – Оскар Мених, инженер. Он посадил

Рабочие лесоразработок фирмы Генриха Нимана. Ганновер, 1943

Рабочие прачечной фабрики с мастером. Магдебург, 1943

Железнодорожные
работы. 1943

меня, начал расспрашивать, что да как... После войны я хотела поблагодарить. Он мне много хорошего сделал. Он меня спросил перед Новым годом, в коридоре встретил: “Что вам подарить к Новому году?” Так, якобы в шутку. А я говорю: “Словарь и кусок хлеба”. Вот он мне этот словарик подарил, я его храню до сих пор. Он меня выручил, можно сказать, на всю жизнь».

Аркадий Кожяев стал в СССР в 1960-е годы крупным инженером-электриком и свою послевоенную карьеру связывал с теми знаниями и умениями, которые получил в Германии: «То есть приучили меня, понимаете... Это только в Германии. Потому что у нас этому не научишься. Там надо делать один раз! Если ты второй раз делаешь, то плохо сделал и второй раз. Ты один раз сделай, и всё! Я получил практику в Германии. Уж если я что-то на заводе сказал, что оно должно быть так сделано, я обязательно проверю, что оно будет так сделано. Я – беспартийный, а поставили на такую должность. И считались со мной. Я вернул всё, что привез, всё сюда отдал. Всё отдал».

«Будешь плохо работать – в концлагерь пойдешь!»

Нелегким был труд и тех, кто работал у бауэров. Особенно тяжело было молодым горожанам, незнакомым с крестьянским трудом.

Работники пекарни.
Клоппенбург, 1943

Варвара Хабарова вспоминала: «Нас сначала учили доить. Ходили на учебу в село, мастера показывали, как доить, как специально выдаивать. У моих хозяев было пять коров. Подою – у меня уже и ноги трясутся, и руки отнимаются. Это же сила нужна! А потом в коровнике уберись, в свиарнике уберись, скотину накорми».

Евгения Савранская, попавшая к бауэру после завода, описывает это время как худшее, а хозяйку как жестокую: «Сколько зла она мне причинила! У меня нарывает палец, я не сплю ночи, страшное, конечно, дело. Я говорю: “Я не могу доить, у меня болит, нарывает палец”. Она говорит: “Нет, будешь доить!” В общем, издевалась надо мной, как хотела».

О режиме труда у бауэра есть подробный рассказ Анны Одиновой: «Утром, в три часа ночи мне стучат. Я встаю, беру тачку с одним колесом, тяжелую, деревянную. Косу беру и иду косить клевер. Косить клевер надо для трех коров и быка. И я должна утром задать корм. Привезти за один раз! Потом задаю корм скоту и чищу хлев. Причем надо сложить навоз так, чтобы он перегнивал, настелить солому на пол. Потом дою коров. Я дою, а хозяйка стоит, наблюдает. Я думаю: хоть бы она отошла, я бы молока глотнула. Нет, ни разу не отошла! Подоила – теперь надо приготовить корм свиньям. Потом в огороде полоть. И так без

конца. А зимой – в лесу ветки рубить, дрова пилить, колоть, складывать. Я там надорвалась так, что у меня опущение желудка было. <...> А хозяйка грозит: “Будешь плохо работать – в концлагерь пойдешь!”»

Письмо из Зёльдена в Киевскую обл. 29.06.1943
(на украинском языке)

«Дорогие родители! Наконец получила от вас открытку 26/VI 43 года. Это огромная для меня радость, пишите почаще, потому что нам позволено писать лишь 2 открытки на один месяц. Я очень похудела. Сейчас я такая, как была в 10 классе во время экзаменов. Не знаю, почему так, то ли от работы, то ли от тоски по дому. Работа у нас сейчас не слишком тяжелая (полев свеклу, картошку, сажаем брюкву, гребем сено), но для меня и это очень тяжело. Осенью плохо работать (много дождей, холодно и сейчас уже, очень паршивый, холодный климат). А зимой еще хуже (целую зиму на морозе будем молотить весь хлеб). Про питание и общежитие у Шуриной мамы вы можете узнать. Она про это пишет. Вы пишите мне все, все. Пишите про коз, рыжего кота, про сад, огород. Целую вас.
Ваша Нина».

Иногда нагрузка оказывалась настолько невыносимой, что остовцы отваживались жаловаться на хозяина.

Вот характерное свидетельство **Ивана Краснова** (пригород Данцига): «Поехали резать торф, килограмм по десять штука, на тачку наложили, я их поднять не могу. А надо везти еще,

Сельскохозяйственные работы.
Пригород Фрайбурга, 1944

понимаете? Говорю хозяину: “Я не могу”. – “Ты ж приехал работать, ты должен работать”. Я говорю: “А я не могу. Я уйду от вас”. – “Куда?” – “В полицейское отделение”. Иду к полицая и говорю: “У хозяина не могу работать! Такой тяжелый труд, а я слабый”».

Письмо из Ангервизе в Каменец-Подольскую обл.
27.09.1942

Во первых строках спешу уведомить вас, что я
жив и здоров. Во первых, подходит зима,
нет у меня, в чем ходить. Вот прошу я
вас, чтобы вы мне выслали: свитер, рукавицы
и две пары носков, до я совсем голый. Я
ваше письмо получил 24/IX числа, за которое
спасибо благодарю. Я сейчас на своем письме две
листки. Мы тоже тоже посетили, выслали куртку
и шапку. А сейчас будем ждать за куртку.
А пошлите Бурки, и спонсы все. А также не
забудьте письмо, а вы пишете письмо по почте
вашею почтой. Я пишу вам все подробности.
Я вам пишу письмо и до конца этого
письма, одного дня. Писал в воскресенье 24/IX 42 г.
Василий Зайца

«Во первых строках спешу уведомить вас, что я жив и здоров.
Во-первых, подходит зима, нет у меня, в чем ходить. Вот прошу
я вас, чтобы Вы мне выслали: свитер, рукавицы и две пары носок,
потому что я совсем голый. Я ваше письмо получил 24/IX числа,

за которое сердечно благодарю. Я от вас не имел письма две недели. Мы уже рожь посеяли, высеяли 33 пуда. А сейчас будем [браться] за картошку. А потом свеклу и с поля все. А больше нет такого чего писать, а вы пишите письма почаще, у вас новостей больше, пишите все подробно. <...> Писал в воскресенье 27/IX-42 г. Василий».

Случалось, что такие жалобы даже увенчивались успехом.

Евдокия Верхоланцева: «Когда открыли арбазанг²¹, я пошла туда. Женщина сидит там: “Что случилось с вами?” Я объясняю: “Видите, у меня вши завелись, мне даже волоса не давали чесать, работа непосильная. Я голодная, истощала, вся мужская работа на меня, я еще мала”. Она говорит: “Ладно, мы сейчас позвоним, тебе мы другое село найдем, в другом месте”. А хозяйка уже послала Антона, он побежал. Такая контора, а по-ихнему – арбазанг. Он смотрит на меня. Я такая вся расплаканная. Она говорит, все по-немецки, что там она говорила, я не знаю, говорит – мы ее в другое село. А Антон сказал, что [хозяйка] “хочет вас вернуть, она хочет вас, вы добрая, вы хорошая.... Сейчас она будет все вам давать делать, и волоса чесать, и мыть, и выходной”. Вот, я поехала с ним. <...> С тех пор она стала лучше относиться ко мне, не стала на меня орать. Когда немцы проходили, так она меня хвалила, говорила – о, гут, гут!»

Некоторые из наших собеседников вспоминали, как хорошо была организована работа у немецких бауэров, как хозяева трудились вместе с работниками.

²¹ Искаженное произношение слова «арбайтсамт».

В хозяйстве у бауэра.
Оффенбург, 1942

Сбор картофеля.
Пригород Оффенбурга, 1943

Георгий Ткачёв (ферма в Грайфенберге): «Фамилия, помню, Шмелинх. Лина, дочка, Фриц, а старший сын Ганс был в армии: Вот это ихняя семья. Все работали, доили коров. И я помогал, меня заставляли. Лина доила, и хозяйка выдаивала коров. Коров было штук двадцать. Два поля у него было. Пшеница, картофельное поле у него было экспериментальное. Картофель, была... такая небольшая, но вся ровная, мелочи не было. Куст когда выкапываешь, там ведро картошки. Там до сотни штук бывает. Брюква, сахарная свекла была.

Брюкву он расходовал для корма свиней и скоту. Сахарную свеклу всю сдавал на завод. Из техники у него была типа лобогрейки: она косит, снопы вяжет и выбрасывает. Наше дело было подбирать снопы и связать».

На уборке картофеля вместе с хозяевами.
Пригород Рохлица, 1944

В памяти у остовцев сохранялись не только драматичные, но и комичные эпизоды, связанные с работой в деревне.

Надежда Измалкова (ферма под Веймаром): «Мы должны были садить капусту. Ну и позвали меня. А у меня характеристика в селе была, что я ленивая. Мы с итальянцем, какая-то немка, Вера, нас – человек восемь работаем. А я всегда любила петь. Вот я, помню, пою: “Никто в нашем крае Чилиты не знает, она так умна и прекрасна”. А он поет на итальянском! Оказывается, эта песня – “Чилита” – была известна во всем мире. И мы с ним поем! Немцы себе работают, трудятся, а мы поем. <...> Через некоторое время Вера говорит: “Слушай, хозяин поехал в поле смотреть на капусту, она не вся принялась. Он не понимает, что такое и говорит: «Швайне хунде альзо!»²² А я поняла: «Там, где ты с Гино работала, ничего не принялось. Вы пели песни, некогда было работать». Хозяин ничего не понял, конечно, а мы хохотали».

²² Schweinehunde also! (нем.) – Вот сукины дети!

Труд домашних работниц был легче. Для него в немецкие семьи отбирали молодых девушек, чаще всего блондинок, достаточно образованных, быстро схватывавших разговорный немецкий язык. Работали они в основном в многодетных бургерских семьях – у врачей, юристов, чиновников, банковских служащих и т. п. Хозяева к ним привыкали, кого-то даже пригласили, жалели, неплохо кормили. Бывали случаи, когда девушки-остовки становились почти членами семьи. Очень часто их брали для ухода за маленькими детьми. Дети привязывались к няням, любили их, и это не могло не сказываться на отношении хозяев. Но основной работой была уборка дома.

Татьяна Желамская (Данциг) вспоминала: «В доме было 14 комнат. <...> Хозяин был генерал-директор Райзенбанка. Нужно было подмести, вытереть мокрой тряпкой, начистить металлические ручки железной щеткой, чтоб блестели. Дети у них были хорошие, относились ко мне прекрасно. Анна-Лаура, старшая, я ее очень уважала, кончала гимназию. А поменьше – Клаус и Гита – просто замечательные. Однажды, когда я была в доме одна, запела песню. Клаус услышал и после этого часто говорил по-немецки: “Татьяна – так они выговаривали мое имя – спой”. <...> Мне у них было неплохо. “OST” я там не носила».

С детьми хозяина. Инсбрук, 1944

Домработницы с детьми хозяев.
Эльтвиль, 1943

Тамара Селиванова работала прислугой у директора предприятия «Торпедоверке» во Франкфурте-на-Майне. Она рассказывала: «Работала я с половины шестого утра до половины первого ночи, очень уставала. Один раз я даже уснула, сидя на кухне. Хозяин увидел и, слышу, разгон хозяйке дает. Она стала после обеда на час отсылать меня в мою комнату отдохнуть».

Но каким бы щадящим ни был труд домашних работниц (по сравнению с трудом на заводе и у работавших у бауэров), все равно он был подневольным. Живя в немецких семьях, девушки-остовки особенно остро ощущали себя людьми второго сорта. Это угнетало и унижало. Ситуация осложнялось еще и тем, что здесь обиды и ссоры носили более конкретный и личный характер.

Вот две истории.

Ирина Соколова, работавшая прислугой в семье врача во Фрайзинге, навсегда запомнила конфликт с хозяйкой. Стычка произошла из-за того, что она, выйдя из дома, забыла оставить ключи, и хозяевам пришлось ее ждать. «Хозяйка, как мегера, кричит: “Ты! Ты! Ты – русская собака!” Я отвечаю: “Какая жизнь, такие и люди. Дали нам собачью жизнь, так чего спрашивать”. Она: “Вон в свою комнату! Видеть не хочу!” А я ей говорю: “А я вас уже два года видеть не хочу”. <...>

Немецко-русский словарь в картинках для домашних работников.
Издательство «Франкес Ферлаг», Бреслау, 1943

Бросила в нее ключи и нырк в свою комнату. <...> Хозяйка из спальни кричит: “Не забывай: в одиннадцати километрах – Дахау!”»

Галина Аграновская, отданная в прислуги к предпринимателю во Франкфурте-на-Майне, обрадовалась, когда увидела в его доме большую библиотеку, где была русская классика и висел портрет Льва Толстого. «Я подумала: господа, я ж, наконец, смогу рассказать, что у меня папа писатель, мама учительница. Но однажды замечательная эта женщина, которая

Уборочная. Пригород Ортельсбурга, 1943

Фотография на память. Клеве, 1943

Текст на обороте: «Это наш хозяин, мы у него работаем. Сбоку его сидит прислуга, работала у него, варила обед»

нарожала таких прекрасных детей, читавшая Толстого, ударила меня по лицу за абсолютный пустяк: по ее мнению, я слишком толсто срезала с картошки кожуру. Она сказала: “Сейчас война, надо экономить. Германия тратит большие деньги, чтобы победить вашего монстра”. <...> И я поняла, что я для нее нуль, руссифе швайн».

«Иголки можно было купить»

Как же вознаграждался подневольный труд?

Официально, в соответствии с директивой Геринга от 7 ноября 1941 года, предприниматели должны были выплачивать восточным рабочим заработную плату. На промышленных и крупных сельскохозяйственных предприятиях – еженедельно. В этой же директиве указывалось, что она должна быть минимальной, только на карманные расходы. Система оплаты труда постоянно колебалась в зависимости от вида занятости, выполнения нормы, политики использования иностранной рабочей силы. Как рассказывали оловцы, существовали регу-

лярные вычеты за питание и проживание, а также периодические вычеты за одежду, обувь и даже расходы на транспортировку на работу. В итоге оловбайтеру, как правило, оставалось от трех до пяти рейхсмарок в неделю.

К тому же в лагерях зарплата часто выплачивалась лагерными марками, на которые можно было делать покупки только в лагерных ларьках. Работавшим в небольших крестьянских хозяйствах и в немецких семьях зарплата выплачивалась нерегулярно, а иногда не выплачивалась вообще. Считалось, что заработанные деньги уходят на их содержание.

Работники в хозяйстве у бауэра. 1942

Фрида Палко (химическая фабрика в Людвигсдорфе): «Денег мне не давали ни копейки».

Лидия Бекетова (фабрика оптических приборов в Веделе): «Нам платили. Каждую неделю платили. Марку с чем-то».

Федор Хмара (работал у бауэра в Цвикау): «Десять марок хозяева платили в месяц».

Ольга Смирнова (завод «Сименс» в Штутгарте): «Вместо денег талончики выдавали».

Как тратились эти деньги и что на них можно было купить?

Георгий Ткачёв: «Деньги? Нам платили. <...> Мы их никуда не расходовали. В карман клали, они лежали у нас мертвым капиталом».

Зинаида Валихова: «Был на фабрике киоск, я там мыло покупала».

Вера Дергачёва: «Деньги нам давали раз в неделю. Сумма небольшая. Нитки, иголки можно было купить в магазине, стиральный порошок, женские прокладки, помню, купила».

Письмо из Потсдама
в Житомирскую
обл. 30.11.1942
(на украинском языке)

«...Мамочка, может у вас не из чего выслать посылку, то не высылайте, проживу и так, только одно прошу – пишите писем больше. Вы пишите, что выслали посылку 1 кг., я еще не получила, но могу вас заверить, что получу, она никуда не денется. Мама, напишите мне, получаете ли за меня деньги. Если нет, то добивайтесь. Вы должны получать в месяц 130 карб. или 13 марок. Я тут в месяц получаю марок 15–20, как какой месяц. <...>»

На сельхозработах. Район Гослар, 1943

Федор Хмара: «Да ничего я не мог купить. Я их и не видел, магазинов, в деревне нашей».

²³ От Kantine (нем.) – лагерный магазин-столовая.

Антонина Сердюкова: «Покупали мы в кантине²³ – нам потом начали деньги выдавать, марки. Чтобы купить шерстяной постиранный свитерочек, надо было три зарплаты. <...> Кто в горячем цехе работал, получали намного больше. Могла пойти в кантину раз в месяц и купить себе, что нужно. На территории лагеря барак такой и там комнатка одна была. Сидел там немец в определенные часы, не каждый день».

Зарплатная карточка и удостоверение личности рабочего шахты.
Нижняя Силезия, 1945

Текст на обороте карточки: «Выплата зарплаты происходит только при предъявлении этой карточки и удостоверения личности. <...> Деньги следует пересчитывать сразу же при получении, последующие претензии не принимаются»

Фотография немецкого бюро пропаганды «О положении восточных рабочих в Германии». 1942–1944 / ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389. Л. 74

«Чтоб им, сволочам, навредить»

Вспоминая о своей жизни в Германии, почти никто из наших собеседников не рассказывал о собственной причастности к какому-либо подпольным организациям. Это и понятно – оstarбайтеры, которые трудились на заводах и фабриках, находились в закрытых рабочих лагерях под строгой охраной и постоянным наблюдением, а те, кто работал на бауэров или в прислугах, были разобщены и не имели возможностей для каких-либо совместных акций. К тому же наши рассказчики во время работы в Германии были людьми очень молодыми, опыта коллективного сопротивления у них не было. Но слухи, что подпольные организации в лагерях существуют, до них доходили, и упоминания об этом в рассказах оstarбайтеров есть.

Михаил Черненко: «Меня сразу взял под опеку взрослый человек, Сергей. Он был признанным авторитетом в лагере, его слушали, он был нечто вроде “пахана”. <...> Он налаживал связи с БСВ²⁴, он привозил совершенно явного связника, прямо как Штирлиц пришел».

Таисса Толкачёва: «У нас медсестра была, русская медсестра. И вдруг пришли и ее забрали. И потом начали говорить, что якобы она имеет связь с партизанами. В общем, организуется какое-то партизанское движение из наших рабочих, русских, группа, которая специально вредит, подрывает. <...> И она входит, медсестра, в эту группу».

²⁴ БСВ – Братский союз военнопленных – подпольная антифашистская организация советских военнопленных, существовавшая в 1943–1944, в нее входили и оstarбайтеры.

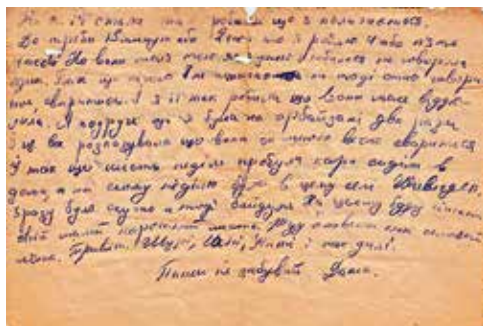
О попытке создать подпольную организацию, закончившуюся трагически из-за предательства, вспоминала **Раиса Первина**: «Был случай, когда один [человек] из другого [лагеря] смог убедить наших ребят создать вроде организацию. Он предлагал мне тоже вступить. Но он мне не понравился, я ему не поверила. <...> Не знаю, кто их заложил, но ночью забрали у нас несколько человек, мужчин в основном. <...> А что с ними случилось, с этими ребятами, мы не знаем».

Реальные протесты, о которых рассказывали наши собеседники, выглядели по-другому, например, помощь советским военнопленным, которые находились в гораздо худших условиях, чем остовцы.

Татьяна Веселовская: «Я запомнила, что мы нашим пленным (было там ужасно!) свеклу сырую даже бросали. Вот как-то бросишь, чтобы никто не видел».

Кроме такого рода помощи, были и попытки дать хотя бы словесный отпор в ответ на ругань и оскорбление, на обращение как с рабами.

Мария Аушева: «Эсэсовец там был, длинный такой, все немцы его очень боялись. <...> Когда была битва под Сталинградом, он говорит: “Мария, мы займем вашу Россию, вы будете рабы, мы вам тогда покажем!” А кулак вот так, длинный такой. Я недолго думала, свой маленький кулачок, худенький, сжимаю и говорю: “А если мы вас займем, то мой маленький кулак, но тяжелый, мы вам тоже покажем!” <...> Он ушел, мастер этот, [немцы] все перепугались: “Мария, это эсэс, мы его боимся, ему ничего не стоило тебя бах и – всё!”»

Письмо из Бремена
в Вайнберген. 1944
(на украинском языке)

«...Подруга, я твою открытку получила, за которую сердечно благодарю, что ты меня не забываешь в этот несчастливый печальный день. <...> А один раз я сказала, что пойду к доктору, а она не пускает меня, говорит, как кончится жнива и тогда пойдешь к доктору со всеми. А я спорила, что все равно пойду к доктору в 10 часов утра. И дошло до того, что я с нею подралась. Она говорит, что сегодня пойдет за полицаем. А я сговорю: "Иди!" Я пошла за дровами, а она пошла позвонила в полицию. Я пошла, колю дрова, пою, уже сию полчасу. Вот она прибегает, говорит: "Что ты целый час одну корзину дров берешь!" Но я ей стала так работать, что [...] где надо 15 минут или 2 часа, то я работаю четыре или пять часов. Но она того, как я с нею дралась, не говорила, но стала ругаться. Но я стала ей так работать, что она меня отослала. Подруга, я была на арбайтзане два раза. И все рассказала, что она со мною вечно ссорится...»

Работники с мастерами. Военный завод.
Дуйсбург, 1944
Надпись на обороте: «Друзья по лагерю.
Сфотографирован 14.3.44 в Германии, в стране
рабства и угнетения народов. Дуйсбург»

Протест выражался и в том, что в ответ на оскорбления в адрес России остовцы бросались защищать советскую жизнь, иногда даже приукаривая ее.

Татьяна Веселовская рассказывала о своем разговоре с немецким мастером на фабрике: «Как-то он сказал: “Зачем тебе Россия? В России все в лаптях ходят”. А я: “Ничего подобного”. Я заступалась за Россию, мне было обидно. [Хотя] в Москве мы жили в деревянном доме, печку топили, коридор был темный, мы умывались там. Туалет был на улице. Плохо мы жили, чего

говорить. А в Германии в туалете даже туалетная бумага была. <...> Он говорит: “Ты хоть в туалет ходила, как у нас, или на улицу?” Конечно, я ходила на улицу, но я говорила: “Так, как у вас”. И ванная такая же, и постель, всё, как у вас”.

Протест выражался и в демонстративном презрении к тем, кто пошел на службу в РОА²⁵.

Анастасия Архипенко вспомнила даже сочиненную в лагере девушками-остовками песенку, высмеивавшую власовцев, на мотив популярной в Германии «Лили-Марлен». «Смотрим: [офицер] в немецкой форме, эмблема РОА – Русская освободительная армия. И уже на второй день: “В большой казарме, где раньше был сортир / стоял в немецкой форме русский командир. / А мы все спросили его: он продал родину за что? / За ложку мармелада, за вонючий сыр? / Ах, какой дешевый ты, русский командир!”»

Это отнюдь не единичная история. Примеров, когда остовцы выражали свой протест в песнях и стихах, описывавших их тяжелую жизнь в Германии, много.

«А теперь расскажу, дорогая, как живется в плену, в лагерях, / Как нас немцы собаками травят, полицаи душили в дверях...»²⁶

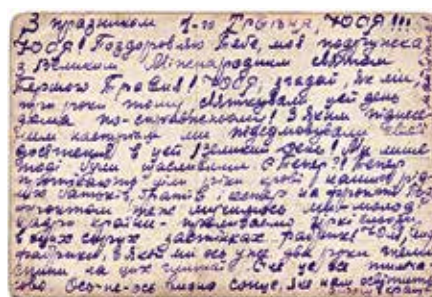
Чаще всего протесты возникали спонтанно – в ответ на притеснение, несправедливость, жестокое обращение.

Иногда они оказывались успешными. Михаил Черненко: «До весны 43-го наступило резкое ухудшение качества хлеба, который быстро-быстро скислился до буквально какой-то глины. Возникло что-то среднее между голодным бунтом и голодной забастовкой. “Давайте лагерфюрера, будет есть?” Кидают ему: “Попробуй!” Он сказал: “Так ведь форменная глина. Есть нельзя”. В какое-то короткое время, три-четыре дня, опять перешли на плохонький, но нормальный хлеб».

Удивительную историю солидарности рассказала Надежда Кепеть. На минном заводе, где она работала, мастер ударил старика – итальянского рабочего. Тот упал и потерял сознание. «Тогда мы все выступили из-за станков, встали и стояли. Русские и разные национальности. Начальник цеха видел это из своей стеклянной кабинки». Результатом такой спонтанной «забастовки» стало увольнение мастера.

²⁵ Русская освободительная армия – название вооруженных сил Комитета освобождения народов России, воевавших на стороне Третьего рейха против СССР.

²⁶ Из песенного сборника остарбайтеров. Архив Международного общества «Мемориал».

Поздравление подруге-остовке. Гамбург, 1944 (на украинском языке)

«С праздником 1 мая, Юся!!!

Поздравляю тебя, моя подружка с Великим Международным праздником Первого Мая! Юся, вспомни, как мы три года назад праздновали этот день дома по-настоящему. С каким воодушевлением мы подытоживали свои достижения в этот Великий День! Мы лишь тогда были счастливы. А теперь? Теперь льются целые реки крови наших родных отцов, братьев, сестер на фронте. За фронтом тоже мучаемся мы – молодые кадры страны – проливаем горькие слезы в этих сырых застенках фабрик. Юля, вид фабрики, в которой мы вот уже два года гнем спины на этих кулаков. Но все это временно. Вот-вот выглянет солнце, которое нам осветит дорогу в лучшее будущее!»

Протест выливался и в отдельные случаи мелкого вредительства и саботажа.

Татьяна Желамская: «Чтоб им, сволочам, навредить – дадут нам сажать капусту или свеклу, а мы выкапываем яму и закапываем туда».

В рассказах остарбайтеров о случаях саботажа трудно бывает разделить попытки сознательной помощи своей стране в войне с врагом и естественное стремление хоть ненадолго облегчить собственный тяжелый труд.

Валерия Федорова, работавшая на кирпичном заводе в Таурау, рассказала: «Когда нам было невмоготу, мы в глиняную смесь для кирпичей подкидывали камни. Эти камни ломали лопасти машины, их ремонтировали, у нас была остановка и передышка. Но часто это делать нельзя было: если кто попадался,

мастер бил, чем попадая, и грозился сообщить в полицию. А это – арест и концлагерь».

Она же вспоминала, как заключенные умышленно наносили себе увечья: «Чем-то острым, ножом, шпилькой, иголкой, расковыряешь маленькую ранку, и приложишь... лютик. Сок лютиковый с листочком, он разъедал эту ранку. Это было больно, но когда устаешь до потери сознания, то терпимо. За ночь сильно разъедало, утром приходишь на работу, показываешь мастеру. А немцы панически боятся всякой заразы».

Страшную историю рассказала о себе **Галина Шаланкова**: «Я два пальца себе [отрубила нарочно]. Если б немцы узнали, что я это сделала из-за того, что не хотела работать на станке, меня бы сразу в гестапо. <...> Положила два пальчика, нажала... Я сознание не потеряла, но я притворилась, что я сознание потеряла. Сразу же взяли – и в больницу. В больнице две недели лежала, а потом перевели в лабораторию уборщицей».

У самоувечий могли быть самые разные скрытые причины, о которых остовцы предпочитали не говорить. Например, стремление сменить тяжелую работу на более легкую, оказаться в больнице и получить временный отдых. Возможно, идя на членовредительство, девушки надеялись, что их отправят домой.

Лишь в некоторых рассказах, правдивость которых не вызывает сомнений, причиной членовредительства прямо называется нежелание работать на немцев.

Альдона Волынская: «Лёня (фамилию не помню) приходит. В бараке мы были, приходит и руку так держит, кровь идет. Вот так себе разрубил между большим и указательным пальцем глубоко топором. Говорит: “Да ну их, на них работать не хочется”».

Трудно бывает разобраться с рассказами остовцев о травмах, полученных на производстве.

Таисса Толкачёва: «Мы делали вот эти колесики. Некоторые даже лишались пальца, полпальца. А у них какие-то были машины: чуть-чуть зазеваешься и пальцы попадают в эту машину. Как мясорубка».

Эти случайные травмы (а подобных случаев из-за неподготовленности остовцев к работе на заводах было немало) неред-

ко трансформировались в памяти наших рассказчиков в сознательные акции протеста.

В большинстве случаев это было реакцией на непереносимые условия работы и жизни. Но после освобождения, при допросах в фильтрационных пунктах, оловцы старались в первую очередь подчеркнуть «идейные», патриотические мотивы своих поступков. Это повторялось так часто, что стало частью личного мифа, который они создали и в который сами уверовали. Лишь после того, как в 1990-е годы в стране стало меняться отношение к бывшим остарбайтерам, некоторые из них признавались, что работая в неволе, думали главным образом о том, как выжить.

Лидия Бекетова (фабрика оптических приборов в Веделе): «В общем, работали мы против наших – протирали линзы, очевидно, для каких-то военных целей. Но мы об этом не задумывались, как-то не соображали».

Конечно же, то, что своей работой они так или иначе помогают врагу, угнетало наших собеседников. У многих возникало чувство

Пропуск для работ на железной дороге.
Хильдесхайм, 1943

Рабочая карточка. Оружейный завод.
Шонхольц, 1942
Надпечатка на карточке: «Владелец
сего разрешается выход из помещения
единственно ради работы»

бессилия и даже собственной вины, как у **Анны Одиноквой** – перед отцом, воюющим на фронте: «Я плачу, боже мой, мой отец там теперь, я против своего отца. <...> А я помогаю немцам...».

Анна Басараб, отправленная в тюрьму после неудачного побега, говорила своим сокамерницам, что лучше быть в тюрьме, чем делать снаряды на военном заводе: «Девчата плачут, а я: “Чего вы плачете? Господи, что будет, то и будет! Ну, не лучше ж там, – говорю, – погибать? На свои братья снаряды робить!” Ну, мы ж бачили всё».

Подчас протест мог приобретать яркие и неожиданные формы. Работавшая на ткацкой фабрике в Дюринге **Анна Кириленко** вспоминала, как они решили отметить 1-е мая: «Нашлась у кого-то красная кофточка маленькая, повесили ее на палку вместо флага. Колонной маршируем и поем: “Утро красит нежным светом / Стены древнего Кремля, / Просыпается с рассветом / Вся советская земля”. Были 20 человек. Обер-мастеру доложили, он

Открытка с видами Драммена. 1943

Текст на обороте: «На память дорогой любимой сестричке Зиночке от Вали.

Дорогая Зиночка, это фотоснимки села, где я живу. Вверху – общий вид, слева – центральная улица. Справа – бывший монастырь и теперь русский лагерь. Вот и я живу в этом доме.

Снаружи он очень красивый, но внутри его наша жизнь неважна»

Работницы военных складов. Хальберштадт, 1944

Текст на обороте: «Была зима, теперь вот лето. А нам все смены нету... Считали, правда есть и мы ее искали. Как тяжело нам это перенести. Ведь мы теперь узнали...»

на записочку себе взял. <...> И нас арестовали потом». После ареста Анна Кириленко оказалась в концлагере Равенсбрюк.

«Куда он уйдёт, если морда русская»

Самой распространенной формой протеста остарбайтеров против каторжного труда и унижений были побег.

Бежать пытались многие. Но в большинстве случаев побег завершался успешно лишь в самом конце войны, когда Германия лежала в руинах и была полна беженцев. До этого практически всех беглецов ловили, хотя некоторым из них удавалось добираться даже до восточных границ Польши. О попытках бежать рассказывали Галина Аграновская, Федор Апёнкин, Анастасия Архипенко, Вера Бобровская, Николай Богославец, Василий Демчук, Григорий Дмитраш, Иван Запирин, Николай Зубков, Валентин Карватовский, Николай Киреев, Иван Краснов, Григорий Кульбака, Игорь Малицкий, Мария Мудрак, Нелли Рожкова и другие наши собеседники.

Наши рассказчики были в ту пору очень молоды, и, как это часто бывает у подростков, многие решались на побег спонтанно,

Рабочие на лесозаготовках. Дитцхаузен, 1944

особенно не готовясь и не думая о последствиях. Проникнуть за колючую проволоку или за ворота лагеря было нетрудно. Живших у бауэров или в прислугах вообще никто не охранял. Но они толком не представляли себе, куда бежать, не знали местности, языка, голод заставлял их обращаться за помощью к местному населению.

Николай Киреев (работал на заводе в Берлине): «Жить стало невмочь. А накануне сбежали двое, взрослые с опытом. <...> Во мне поселилась мысль сбежать. Потому что на работе было невмочь. “OST” я спрятал, зашпилил, чтобы незаметно. И я решил быстро сговорить Петьку, который лежал рядом. Надо бежать, пока есть возможность. И мы делаем побег с ним».

После побега Киреев с приятелем ночевали на другом конце города в бомбоубежище, голод заставлял их воровать, какое-то время они слонялись по предместьям Берлина, но в результате их схватили, и они оказались в концлагере.

Николаю Богославцу после побега из лагеря во Франкфурте-на-Одере удалось целых три недели оставаться на свободе: «Мы втроем под Троицу сбежали. Прежде чем бежать, набрали у хозяина хлеба, тушенки, взяли соль, чтоб хватило. И пошли пешком по Германии. Сейчас бы я придумал, что взять. <...> Пока у нас был хлеб и тушенка, бежать было хорошо, ночью шли, днем спали.

В роще в какой-нибудь, чаще; в хлебах хоронились. Поля маленькие, там сильно не разгонишься; если запрятался, лежи спокойненько, чтоб тебя не обнаружили ни собаки, ни проходящие люди. На себя наклоняли колосья и впродоль поля ложились, потому что если б легли поперек, то можно было с дорожки заметить».

Но вскоре запасы кончились, и их тотчас поймали: «Через три недели у нас кончились харчи, и Митя мой заплакал, ему хотелось есть. Дня через два, может, и мы б заплакали. Митя не выдержал, пошел к пастухам попросить поесть. Вечером они нас забрали к себе, накормили, положили в сарай спать, а утром мы проснулись в наручниках».

Из письма **Марии Фурсевич** в Международный «Мемориал»: «Попала я к хозяину, мне было очень плохо. И я утекла от него. Хозяйка поехала на похороны, умерла ее сестра. Я сумела утечь вечером, выкинула свои вещи. Мы договорились, и девочки вынесли мне хлеба, провели меня до леса. Я шла две ночи, а днем отдыхала. Утром вышла на дорогу, меня забрал полицейский».

Известны случаи, когда бежали, чтобы примкнуть к партизанам в соседних с Германией странах. Про такой неудавшийся побег из лагеря в Вуппертале рассказывал **Иван Косаревский**: «Ну мы ночью решили: надо тикать. Слухи пошли, что во Франции партизанские отряды в горах действуют. <...> Мы ночью, шесть человек, вышли. Проволока, она, правда, была не под током, мы там пролезли и ушли за город».

Задумывая побег, многие остовцы понимали, что вырваться из Германии им не удастся. Бежали они, стремясь избавиться от тяжелых условий работы на заводах или от жестоких хозяев. Надеялись пристроиться в другом месте, где им было бы полегче.

Именно такая цель была у **Александры Михайловой**, бежавшей с военного завода: «Ну мы для чего побег-то делали? Мы побег делали, думали к хозяину хоть попасть. Работы-то мы не боялись. Хоть бы ели, чтоб мы не голодные были».

Скитаясь по Германии, они с подругой искали русских, которые работали у бауэров: «Заходим в какую-то деревню, спрашиваем наших. Девочка идет, я говорю: “Во ист руссиш?”²⁷ <...>

²⁷ Где русские?
(Иск. нем.).

Сельскохозяйственные работники. Эшвеге, 1942
Текст на обороте: «Русские и украинцы, которые
меня проводили в побег. Я в черном платье»

Лагерь при фабрике.
Берлин, Лихтенберг, 1943

Проработали там месяца два. Утром просыпаюсь, прихожу на кухню – там жандарм. По мою душу: “У вас нет документов, вы должны проехать вместе со мной в Люнебург”. Приезжаем, идем. Смотрю: гестапо».

В деревню из лагеря при военном заводе в Виттенберге бежала и Вера Дергачёва с подружкой чуть ли не у всех на глазах: «Мы с ней сбежали. Господи, пол-лагеря нас подсаживали, следили: куда пошел жандарм, где он стоит. На другой стороне был какой-то сарай. Притащили – кто стол, кто стул. На стол встали, потом на стул, а потом на этот сарай, и перепрыгнули с Марией. <...> Пошли на вокзал, сели в поезд и поехали».

История Веры Дергачёвой – нечастый пример удачного побега. После долгих перипетий ей все-таки удалось попасть к неплохим хозяевам и у них дожидаться освобождения.

Письмо из Хоф (Заале)
в Нордхаузен. 13.05.1943
(на украинском языке)

«Добрый день, Шура Васильевна! Жму тебе правую руку и целую в уста в тот день, когда получишь мое коротенькое письмо. Шурочка, я желаю всем вам здоровья и счастья и вернуться домой здоровой и зажить по-новому счастливой жизнью. И забыть это великое горе, которое будет у каждого в печенках. До гроба не выйдет из души и из памяти картошка в мундирах и шпинат, которые вытягли последние соки и жилы из нас и забрали остаток здоровья от нас эти заборы, замок и значок ост тяжелый наш...»

Альдона Волынская бежала от хозяев с подругами «за компанию»: «Я до сих пор не могу понять, почему мы убежали. Пришли ко мне: “Мы убегаем”. Я говорю: “А я?” – “Ну, давай собирайся”».

Письмо из Касселя
в Винницкую обл. 18.04.1943
(на украинском языке)

«На родную Украину. Добрый день, мои родители тато, мама, Степа, Ганя, Петя, Таня. Передаю вам с великой Германии свой любезный привет. Сообщаю вам, что мы вшестером (как я уже вам писал) на старом месте. Как живы – живы также и здоровы. Но сообщая, что из тех, которые поехали на шахту, осталось лишь три. Иван Т. [умер] 30/III. <...> Прошу вас, напишите (потому что очень интересно) как вы сейчас работаете, коллективно или дома засадили. Сколько ягнят, разводит ли Степа свою скотину. <...> Я вам в одной открытке писал, чтобы вы мне ничего не писали, я думал пойти по дороге трех девчат, но план сорвался, да и хорошо, что мы не вышли, потому что сейчас не то. Прошу, чтобы вы мне написали про свою жизнь лучше вам сейчас или

хуже. <...> Поздравляю вас с Пасхой. Напишите мне про подати, может еще кто вернулся домой...»

Для побега надо было одеться так, чтобы не бросаться в глаза, а это было для остовцев очень трудно.

У **Альдоны Волынской** было только старое хозяйское платье: «Оно всё было источено молью, я его штопала, наверно, две недели. Оно было с какими-то фижмами, наверно, XVIII века, и ботинки под колено на шнурках. В общем, мне не в чем, юбку мне [подружка] дала. <...> Элька у своей хозяйки взяла испанский чемодан, предмет ее гордости, маленький лаковый чемоданчик. А я тоже в воровстве повинна, я взяла на ноги такие ботиночки “прощай, молодость”».

История побега Альдоны Волынской и ее подруг поражает своей наивностью, но удивительным образом им даже удалось добраться до Польши. «Мы купили билеты до Берлина. Сидели на перроне и рвали наши документы, аусвайс, всё порвали. Пошли, взяли билеты в Польшу. <...> Проехали польскую границу. На одном полустанке поезд останавливается, и мы видим, что идет команда полицейских. Мы с последнего вагона выпрыгиваем. Пошли по шпалам, они разветвляются, в какую сторону идти, не знаем, [спрашиваем]: “Дорога какая в Россию?” – “Вот там комендатура, там спросите”».

Лагерь при фабрике «Саламандер».

Корнвестхайм, 1942.

Текст на обороте: «Девушки по несчастью, я вас не забуду. Дуся»

Лагерь при судоверфи. Вильгельмсхафен, 1943

Все герои неудавшихся побегов вспоминали, как их выдавали полиции. Очень опасными были встречи с немецкими подростками, которых в гитлерюгенде воспитывали в духе бдительности.

Так был схвачен искавший французских партизан **Иван Косаревский**: «Неожиданно проскочили три мальчика на велосипедах и, видно, заметили нас и сообщили в гестапо. Прошло, наверно, с часу, а может, больше. Мотоциклы с одной, с другой стороны, кричат: “А! Русиш! Давай, шнель сюда, швайне!” Бух! – стрелять начали с автоматов. Ну, а шо, нам делать нечего. Раз уже обнаружили, все равно свое дело сделают. <...> Вышли, нас забрали, и – в гестапо».

Николай Киреев: «Куда уйдешь, если каждый мальчик – немец. Платили им наградные, если поймают русского! И ловили. Ну куда он уйдет, если морда у тебя русская».

Николай Богославец объяснял неудачу своего побега так: «Это потом мы узнали, что каждый поляк, поймавший беглеца, получал вознаграждение. Нас просто сдали немцам в участок полиции, и мы попали в штрафной лагерь».

Что грозило пойманным беглецам? Их жестоко избивали. Иногда до смерти. В особенности это касалось военнопленных.

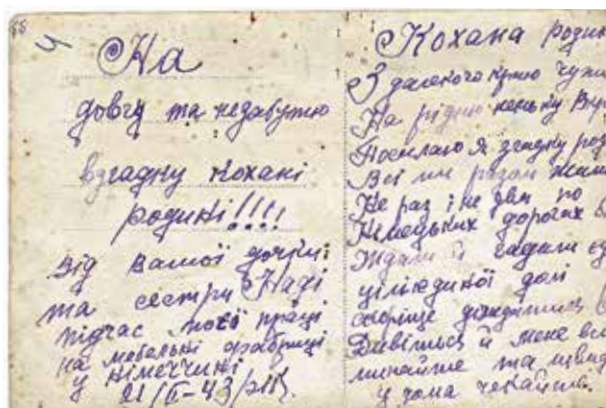
Михаил Черненко: «В первые дни после того, как нас привезли в наш лагерь, два человека из военнопленного барака

бежали. Их поймали, застрелили, привезли сюда трупы, всем демонстрировали».

Вера Федорченко: «Из нашего лагеря убежали двое парней. <...> Их поймали на третий день, забили до смерти, кровь летела кругом».

По мнению **Вадима Новгородова**, наказание за побег часто зависело от лагерного начальства. «Я пришел с ночной смены, – вспоминал он. – Вдруг начальник лагеря приходит: “Собирайся, поедem со мной”. <...> Он меня взял в качестве переводчика. Приезжаем в какой-то лагерь. Там был паренек из нашего лагеря. Он бежал, его поймали. Лагерфюрер ударил этого мальчишку, забрал и больше и не тронул. Всю дорогу ругал. Он ни одного бежавшего в концлагерь не отправил. Были случаи, когда ребята убегали, их возвращали, и они оставались работать в нашем лагере».

Письмо из Оснабрюка в Житомирскую обл. 1943
(на украинском языке)

«На долгую память любимым родственникам от Вашей дочки и сестры Нади во время моей работы на мебельной фабрике в Германии. С далекого края чужого на родную неньку Украину посылаю привет родным.

Все мы вместе жили, не раз и не два по немецким дорогам бродили. Ждали и гадали единственной доли скорее дожидаться воли. Смотрите и меня вспоминайте, и скорее домой ожидайте».

Лагерь при военном заводе. Рабочие с охранником. Шпельдорф, 1942

Обычными наказаниями были лагерный карцер, перевод на тяжелые работы, помещение на месяц в тюрьму или в штрафной лагерь. И как «высшая мера» – отправка беглецов в концлагерь.

Такая судьба ждала и двух подруг-землячек, бежавших из лагеря, Веру Бобровскую и Неонилу Рожкову. Их поймали на третий день. «Как и многие бежавшие, мы врали, что отстали от поезда. Нас бросили на пол и били чем попало – палками, плетками. А потом отправили в Маутхаузен».

«Апели длились бесконечно»

Почти все бывшие оstarбайтеры рассказывают о наказаниях, которым они подвергались. Степень их тяжести была очень разной – от пощечины, полученной от хозяина, до отправки в концлагерь.

На заводах оstarбайтеров часто избивали мастера – за промахи и ошибки на работе, за дерзкое поведение. В рабочих лагерях – охрана и лагерфюрер за нарушение режима и другие проступки. Пойманных беглецов или заподозренных в воровстве и саботаже отправляли в гестапо, где били на допросах. Из гестапо доставляли в тюрьму, а оттуда – или в штрафной лагерь, или в концлагерь.

Владимиру Щебетюку было 15 лет, когда его угнали в Германию и отдали бауэру. Он бежал, добрался до Словакии, попал

Рабочие шахты. Шёнеберг, 1944

Рабочие шахты. Хольцвикеде, 1942

к партизанам, но позже вместе с несколькими бойцами был схвачен и отправлен в гестапо: «Там нас били, неделю держали. После проверки отправили в Вену – в тюрьму центральную. То была страшная тюрьма. В этой тюрьме одних на месте пристреливали, а одних отправляли в концлагерь».

Лаврентий Новохатько (работал на железнодорожной станции в Нойдитендорфе) был арестован за саботаж: «Полицейский участок и там камера предварительного заключения. Ну вроде как тюрьма, потому что стены исписаны разными проклятьями, заклинаниями. Я помню, одно четверостишие написано было на русском языке: “Не унывай, народ России, / За всё, что переносишь ты, / Когда-нибудь твои родные / Сведут и с немцами счеты”. 46 суток был в тюрьме. Все сидели в камерах-одиночках».

Николая Киреева за воровство и неоднократные попытки побегов много раз избивали в гестапо и отправляли в штрафные лагеря. Итогом стал Маутхаузен: «Первый лагерь был Гроссберен. Это штрафлагерь, под Берлином. Там такая система: два месяца, затем энтлассен²⁸, как они говорят. Дескать, ты отсидел достойно,

²⁸ Entlassen (нем.) – выпускать.

значит, идешь на свободу. А на самом деле это была игра. У них все фальшь была и ложь. Некоторые действительно искренне думали, и я тоже думал – свобода. Оказывается, у них такие передвижки. Из лагеря везут обратно в гестапо, повторяется тур истязаний. Некоторое время находишься в гестапо. И затем в другой лагерь направляют».

Фотография на память для подружки-остовки из Бремена в Вайнберген. 1944
(на украинском языке)

«Здравствуй, дорогая
и многоуважаемая подруга Даша. Прежде чем начинать свое
маленькое короткое письмо, сообщаю, что я жива и здорова
и того тебе желаю в твоей молодой цветущей жизни. <...>
Живу я по-старому и на старом месте. Хлопца пока нет, пока
одна. Даша, у меня пять коров, чтоб они сгорели, потому что
очень пальцы болят. А у нас корова в доме, только утром
выгоняем. Уже, Даша, не сердися, с теми хлопцами не иди туда.
А я Даша, хотела поехать поездом в Фильзен, но вместо этого
сидела 7 недель наказанная, что я поздно домой пришла. <...>
И сразу было тоскливо, а тогда еще больше. На этом буду
кончать свое короткое письмо. Жду ответа, как соловей лета.
Пиши, не забывай».

Жизнь в штрафных лагерях, по рассказам наших собеседников, была близкой к концлагерной.

Häftlings-Personal-Karte		Häftlings-Nr. 1	
Fam.-Name: Barickij Vorname: Ivan Geb. am: 26.10.22 Kollonka Stand: verh. Kinder: 1 Wohnort: St. Petersburg, 1917-1922 Straße: Prov. Shitomir Religion: Orth. Staatsang.: 1925-1928 Wohnort d. Angehörigen: Lithauen Berna 2., Kollonka W.O. 2.3 Eingewiesen am: 2.3.1944 durch: Stapo. Chernits in KL: Buchensold Grund: Russ. Zivilarbeiter Vorstrafen: keine		Überstelt an KL: _____ an KL: _____ an KL: _____ an KL: _____ an KL: _____ an KL: _____ an KL: _____ Entlassung: _____ durch KL: _____ mit Verfügung v. _____	
Strafen im Lage Grund: _____ Art: _____		Personen-Beschreibung: Größe: 172 cm Gestalt: schl. Gesicht: oval Augen: graugraun Nase: ger. Mund: gew. Ohren: absteh. Zähne: 2 fehlen Haare: dkibraun Sprache: ukr., russ. Bes. Kennzeichen: re. o. Bein große Narbe mit Feuer- verletzung Charakt.-Eigenschaften: _____ Sicherheit b. Einsatz: _____ Körperliche Verfassung: _____	

200446

EL 6XL 43-500000

4512

Персональная карточка узника Бухенвальда. 1944

Николай Зубков: «Штрафлагерь Ланцендорф. Я там был два месяца. А было так, что когда нас везут на работу, были некоторые накануне смерти, с них уже никакого толку нет. Он прямо в машине уже закачурился, помер. Когда с работы везут, то же самое – человека два-три уже умершие. <...> Куда их увозили, там крематория не было. После двух месяцев кто выживает – отправляли в концлагерь».

Николай Киреев описывал избиения в штрафном лагере: «Там была удобная цифра – двѐльф, двенадцать ударов проводами по этому самому месту. Скамейка, ложишься. Ну, двенадцать ударов эти были настолько емкими, что человек сам уже встать не мог на ноги. А просто со скамейки скатывался, потом кое-как надевал штаны, ну и шагал, значит. Там были провода тяжелые, со свинцовой жилой. Так что этот удар всё равно, что МОЛОТКОМ».

Но какой бы тяжелой ни была жизнь остарбайтеров в рабочих или даже в штрафных лагерях, попав в концлагеря – Освенцим, Маутхаузен или Равенсбрюк, они оказывались в несравнимо более страшных условиях.

Наказанная за побег **Ольга Смирнова** была отправлена в Равенсбрюк. Она рассказывала: «В пять часов утра поднимали нас, был цельапель²⁹, то есть считали. <...> Каждый день люди умирали, в туалетах вешались, бросались на электричество, поэтому сосчитать было очень сложно, апели³⁰ длились бесконечно. Были там такие заключенные, библейки, бибельфорш³¹, они там находились только потому, что они были против войны. Как только [сигнал] звучал, как военная труба, они все закрывали лицо руками и садились на землю. Где были, там и садились. Мы должны были тащить и сажать их в ряд, их считали. В воде, в снегу они все равно сидели, закрыв лицо руками».

²⁹ Zählapell (нем.) – проверка.

³⁰ Apell (нем.) – построение.

³¹ Свидетель Иеговы (иск. нем. Bibelforscher).

Домникия Скиба оказалась в концлагере Равенсбрюк только за то, что в рабочем лагере вместе с подругами по бараку пела советские песни. Сначала их избили, а потом отвезли в концлагерь. «Я увидела, что вроде попала в ад, на тот свет. Тьма людей – ходят как будто покойники, тощие, одни кости».

Узница Освенцима **Дина Стефаненко** вспоминала: «Мертвых из барака каждый день выносили и штабелями складывали. Аузерка³² пересчитывает [живых] и мертвых считает. Не удрал ли, не спрятался ли кто».

³² Надзирательница (иск. нем. Aufseherin).

Владимир Щебетюк из тюрьмы в Вене был привезен в Маутхаузен. Вот его первые впечатления: «Когда начали мы спускаться из вагона, каждый получил если не нагайку, то дубинку или собака укусила. Они с собаками, автоматами, нагайками встречали нас. Тут мы уже почувствовали, что попали еще в худшее положение. <...> “Раздевайтесь!” – И в баню. Одежду забрали. Получили форму – полосатую, деревянные колодки. У кого волос был – машинкой вот так: через всю голову простригли дорожку. И – в семнадцатый барак. И я помню, шо я пришел до одного военнопленного и кажу до него: “Дядя, а колы це выйдемо на волю?” А вин на мене подывился, военнопленный, це вин же старше меня. А там, где шестнадцатый блок, там рядом – крематория. Вин каже: “Через ту трубу мы все выйдем на волю”. Тамо-то крематория, ти шо помирают, там палят всех. До сегодняшнего дня я не можу чують запах, когда горить кожа».

И в рабочих лагерях нашим рассказчикам приходилось терпеть несправедливость от других остарбайтеров, поставленных

Регистрационная фотография узницы Освенцима. 1944

немцами на должности старост и бригадиров. Но в концлагерях предательства и жестокости «от своих» было несравнимо больше.

Об этом говорила **Валентина Сехина**: «Первый раз я зашла, воды там или умылась. А эта аузерка, она ж сама заключенная, представляете, из заключенных выбирали их. Они так преданно над нами издевались. И она по голове – как стукнула! Я не упала, но искры посыпались из глаз. Я не могла опомниться – за что, не пойму, шо я сделала? А потом, оказывается, что набрызгала я, не знаю, сколько капель. Ну ни за что».

В концлагере даже прежняя жизнь в рабочем лагере казалась почти нормальной.

Александра Михайлова: «Я когда попала в концлагерь, совсем отключилась от всего, ни о чем не думала. В гражданском лагере я как-то вспоминала отца, мать, брата, а тут я ни о чем, ни о ком не думала. О себе не думала... Мне казалось, что я провалилася куда-то, всё, меня нет на свете. <...> Может быть, вот это меня спасло. Там я плакала, все время переживала. Здесь и не плакала, и не смеялася. У меня уже все вылетело из головы, как будто бы я не живу на свете».

«Ревир – это около крематория»

Вспоминая свою жизнь в Германии, оstarбайтеры рассказывали о болезнях, травмах, о смертях. Для тех, кто оказался в концлагере, болезнь была равносильна смертному приговору.

Выписка из больницы о прохождении лечения по поводу ампутации левой руки.
Миттельвальд, 1943

Василий Доморацкий (Маутхаузен): «Ходили мы на работу, потом появилась болезнь – флегмона. Нога вся вздулась, и я не мог уже идти, упал. Меня сразу специальная команда – в ревир³². Ревир – это около крематория, там пару барakov было, лежали мы, двухэтажные нары, по два человека, валетом. <...> Со мной поляк один был, я немножко полежал – смотрю, он уже остыл. Выволокли его».

³² Revier (нем.) – больничный барак в концлагере.

О том, как они болели в концлагере, наши собеседники рассказывали, удивляясь, что сумели выжить.

Михаил Дараган (Маутхаузен): «Зима, помню, холодно было. <...> Ну и заболел, температура до сорока. А там такие, видно, распоряжения были: если человек болеет, если болезнь неизлечимая, его сразу же здесь и расстреливали. Мне повезло, потому что осматривал русский военнопленный врач. Он сказал, что болезнь не опасная, а мне шепнул, что у меня плеврит. Направили меня в ревир. Я там пролежал две или три недели. Но поправился, немножко лучше было питание. Фактически ничем не лечили».

Выжить удавалось лишь благодаря чьей-нибудь помощи.

Анна Басараб (Освенцим): «Я попала в больницу, воспаление легких было. <...> Но хорошая полячка была, надзирательница по бараку. Поляки ей привезут таблетки, она принесет мне. <...> Я даже на ноги не вставала, так сильно болела. Спасибо, организм был еще здоровый. Она ходила, носила мне таблеточки

Фотография на память. Ведель, 1944
Текст на обороте (на украинском языке):
*«Такою была в конце сентября 1943 в далекой
стране Австрии. Работала в городе Ведель
на фабрике. Там в середине декабря 43 года
разбила навеки свою левую ручку.
Теперь я без ручки»*

тихесенько, чтоб никто не знал. Даст – я выпью тихенько, и стала поправляться. Месяц отлежала, еле поднялась, правда. Она ж пришла, забрала в свой барак. Хорошая женщина попалася, Стася».

Условия жизни оstarбайтеров в рабочих лагерях при заводах и шахтах, несмотря на всю их тяжесть, все же не были такими невыносимыми, как в концлагерях. В рабочих лагерях болели и умирали существенно реже. Большинство оstarбайтеров в те годы были физически крепкими – на работу в Германию (особенно вначале) старались вывозить здоровых молодых людей. К тому же тем, кто заболел в рабочих лагерях или у бауэров, оказывали какую-то медицинскую помощь.

Наиболее частыми случаями заболеваний среди оstarбцев были разного рода травмы, полученные на работе, или заразные болезни – тиф, туберкулез, дизентерия, чесотка и т. п. Упоминали фурункулез, плевриты, воспаления легких.

Виктор Шульдешов: «В лагере объявился брюшной тиф. Это ж вши развелись. И – карантин. Все начальство сбежало, и нас никого не пускали, окружили, как не знаю кого, за сто метров – не подходит никто».

Как он заболел тифом, вспоминал **Михаил Черненко**: «Зиму 42-го меня хватанул брюшной тиф. Свезли в [лагерное] отделение инфекционной больницы, где я пролежал восемь дней без сознания, но каким-то образом оклемался. <...> Через пару месяцев меня вернули в этот лагерь, где считалось, что я помер. Я как сейчас помню, иду мимо первого барака, открытое окно, [один] западник трет стекло, раскрыл рот, страшно заорал и упал. Я не понял, чего он заорал. Оказывается, он решил, что явился Миша с того света».

Вадим Новгородов: «Там очень много было больных туберкулезом желез шейных, и даже ребята умирали, особенно украинские, вот винницкая, житомирская область. То ли климат очень сырой, питания недостаточно».

Письмо из Хермсдорфа в Бремен. 02.03.1944 (на украинском языке)

«Добрый день, дорогая, многоуважаемая сестричка Маруся Ивановна! Передаю я тебе свой печальный, чистосердечный, от глубины своего сердца сестринский привет. Маруся! Я пока жива и здорова, чего и тебе желаю. И еще желаю скоро вернуться на свою родину Украину и счастливой встречи с родителями старенькими, а также с братиками, сестрами, а также всеми знакомыми. Жизнь моя тебе известна. Стираю, работа тяжелая. Осталась одна, потому что мой первый друг по работе Галя лежит больная третью неделю в сенитете³³ и не легче. Подозревают Т.Б.Ц. Опасная болезнь. Тина легла с зубами в сенитет. Растут – мудрости. Катя вышла вчера. А так пока все живы и здоровы.

³³ Санитарный (иск. нем. Sanität). Имеется в виду пункт медпомощи.

Твою открытку, Маруся, я получила, за которую сердечно благодарю, что ты меня не забываешь в этой чужой стороне. Пока до свидания, целую твои алые губки 1000 раз. Галя».

Анна Басараб: «И вдруг у меня чесотка, плачу сию, вся красная. А Христия говорит: “Не плачь! Я, – говорит, – мази такой принесу, что всё исчезнет”. Серная мазь. Правда, я три раза смазалась, всё, исчезла эта короста. А то короста – это страшное дело».

Остовки (Альдона Волынская, Анна Мифтахутдинова), которые жили у хозяев, вспоминали, что ездили к зубным врачам. Оплата входила в страховку, за которую вносил деньги работодатель. Именно поэтому на бирже, выбирая себе работников, хозяева заглядывали им в рот, проверяя, здоровы ли зубы. Удаление аппендицита также входило в страховку. Такая операция была у **Анны Мифтахутдиновой**. «В больницу повезли меня. У меня аппендицит был, отвозили и наркоз давали».

Письмо из Меца
в Проскуров. 30.07.1943
(на украинском языке)

«Добрый день или вечер вам, дорогая моя семья! Тебе, Ефимия, и также детям Гане, и Дуньке, и Ваньке. Посылаю вам свой горячий привет и желаю вам хороших успехов в вашей жизни. Дай бог счастья и здоровья вам. Я пока жив и здоров, нахожусь в лагере на старом месте и с 8 июня после моей операции два месяца не работал. А сейчас уже послали на работу, 28 июля. Работаю на поверхности шахты, тоже работа тяжелая. Здоровье немножко лучше, как будет дальше, то не знаю. Выдали мне такой пояс, подвязывать операцию. Писем я от вас не получаю. Лишь получил

25 мая, а вам слал 4 открытки. <...> Одно плохо: не стало ниток, чем латать свою одежду, тут не достанешь. Пишите свои все новости, какой урожай. Затем до свидания, здоровья вам всем. С.А.».

Медицинская страховка.
Фёренбах, 1944

Но были болезни и другого свойства. Фрида Палко чудом избежала гибели в родном Стародубе и жила в Германии по подложным документам. От постоянного страха, что в ней распознают еврейку, она заболела нервным расстройством: «Я заболела отчего? Вы знаете, я всех боялась. Вот я посмотрю, если кто-то похож на наших стародубских, всё, я думаю, сейчас меня убьют. Я заболела там, у меня сделался приступ. Как эпилепсия, три дня трясло меня, немецкого вызвали врача, какую-то таблетку он мне дал. Я даже поразилась, что дали таблетку. Это на нервной почве был у меня приступ такой. Ну, я думаю, ладно, хоть бы убили скорей, что ли, чтобы уже не мучиться».

Фриде Палко удалось справиться с болезнью. Трагичнее закончилась история с новочеркасским подростком, который не выдержал жизни в Германии: «Николай Ефимов, – рассказывал Виктор Жабский, которому самому тогда было четырнадцать лет, – начал плакать, сперва тайком. Уже ж взрослый, четырнадцать лет, ну, позор, начал хныкать, плакать. Он такой не был ни в пионерских лагерях, нигде, от родителей далеко не ездил. <...> И когда в Ростов шли, по дороге плакал, и когда ехали в поезде, тоже плакал, и в лагере плакал, и тут хнычет. “Ну, чего ты, Николай?” А он, видно, помешался. И его забрали в лазарет. <...>

Я после работы вечером к нему ходил. Ребята никто не ходили, а я ходил. Вот он дня три полежал, потом я пошел на четвертый, а мне сказали: “Та его забрали”. Я говорю: “Как забрали? Куда?” – “Та он скончался”. Вот это первая наша жертва.

С благодарностью вспоминали осто́вцы тех немецких врачей и медсестер, которые им помогли. **Виктору Шульдешову** доктор в лагере сделал прививку от столбняка: «Была у коменданта овчарка. Эта овчарка кусала нашего брата. Она и меня хватанула. Вот шрам. <...> Был у нас австриец, я не знаю, врач он, то ли санитар, он относился очень хорошо к русским. Прихожу к нему, показываю – собака укусила. Сейчас я тебе, – говорит, – такой сделаю укол, что ты в России не достанешь. На всю жизнь. Пускай тебя собаки кусают. После этого меня собаки кусали – никуда не хожу. Характерно то, что один укол на всю жизнь».

Письмо из Хоф (Заале) в Нордхаузен.
13.05.1943 (на украинском языке)

«Шурочка моя сестричка! Зозулечка нашего украинского парка. Опишу я свою жизнь. <...> Живу, но должно, моя сестричка, недолго я уже так жить буду. Приходит уже край. Я никому не писала, и домой молчок, пусть не знают моего горя, пока умру. А тогда девчата напишут. Шурочка, сколько я пострадала. Нет такой больницы в городе, где я не была. Но ничего не помогает. <...>

Сначала я сама лечилась, парилась, а потом доктор давал уколы и пилюли. А сейчас уже доктор отказал уколы, говорит, должен директор написать домой и освободил меня от работы. Уже я не работаю неделю. Сегодня обермайстер говорил, что отправит меня домой. Но отправят, не знаю когда и куда. Шурочка, бог знает, идет ли транспорт на Украину. Или, может, куда в лагерь. То быстрее умру с голоду. <...> Шурочка, вот такое мое горе и жизнь коротенько описала. Вышли свои карточки, коли есть. <...> Сестричка, до свидания. Пишите скорее и вышлите, потому что, может быть, я скоро покину свою жизнь несчастную. Соня».

Немецкий доктор, у которого работала **Ирина Соколова**, тоже помог, вылечил одного из ее друзей и дал лекарства: «Когда Миша заболел, мне говорят ребята: “Миша гибнет”. Я встала на колени и просила [врача], чтобы он пошел, посмотрел. А он говорит: “Не могу я это сделать, если я пойду, то у него будут неприятности. Ты расскажи”. Ну там, по-видимому, частичная непроходимость была. Я ему это рассказала, и мне дали лекарства. Ну, сама туда, на завод не пройду, ребятам передала, сказала, как надо сделать. Рассифонили они его, спасли, я благодарна доктору, он не отказал».

Помощь иногда приходила от немцев, с кем вместе работали. **Лариса Швыдченко** вспоминала: «Болели, так немки нам давали лекарства, если у кого температура там или кто поранит руку. Немки, аптечки были у них, а у нас в цеху не было. Токарный цех, стружка горячая летит».

Среди оstarбайтеров в рабочих лагерях, а тем более в частных хозяйствах смертность была сравнительно невелика.

Михаил Черненко: «Большой смертности не было. Я всех умерших первого лагеря могу вспомнить. К сожалению, не всех по именам. Значит, раз, два, три, четыре... Был ли пятый – не знаю».

Раиса Первина: «Было несколько случаев от простуды, но не было такой большой смертности. Первый год особенно был трудный, тогда очень много заболеваний было».

Случай гибели в результате взрыва на заводе запомнила **Галина Шаланкова**: «Нас волной выбросило всех на улицу. Никто не пострадал, а девочка, Калабухова Аня, погибла, мы ее хоронили. Там, на кладбище хоронили».

Лагерь при фабрике «Телефункен». Берлин, 1944

В конце войны, под бомбежками, гибнуть стали чаще. Особенно те, кто работал на военных заводах, их бомбили больше всего.

Георгий Ткачѳв: «На заводе у нас несколько бомб упало. <...> Все сгорели. Лежат среди лагеря, среди поля обгоревшие. Всех этих погоревших отвезли. Я на кладбище не ездил, ребята ездили. <...> Рассказывали, что очень культурное кладбище. Там где-то и могила в этом Штеттине. Их всех отдельно, не в братскую. Не знаю, там, может быть, номера просто на могилах были или фамилии написаны на трафаретке».

Антонина Сердюкова: «Потом начались бомбежки в Германии. Бомбила Англия. Бомбить она хотела завод, но бомбы летели на наш лагерь. Прицельности-то не было. На наш лагерь однажды был такой налет! Погибло больше двухсот человек сразу. Мы хоронили их в общей могиле. Прямо там, за забором лагеря, вырыли ров громадный, и вот так укладывали их сами, рядочком. Это был 44-й год уже».

Дожившие до преклонных лет наши собеседники все свои нынешние недомогания объясняли войной, принудительным трудом в Германии.

Татьяна Теплова: «Но я еще не сказала, что самое тяжелое для меня, когда меня послали на железную дорогу, чистить

В госпитале после ранения во время бомбежки.
Франкфурт-на-Одере, 1945

паровоз, бросать уголь в топку. <...> Я так заболела, я так надорвалась».

Надежда Булава: «А голова? Сколько она, бедная, потерпела. И ноги, ноги, совсем не могу, и голова. Вот такие дела, всё вот это война сделала».

После работы

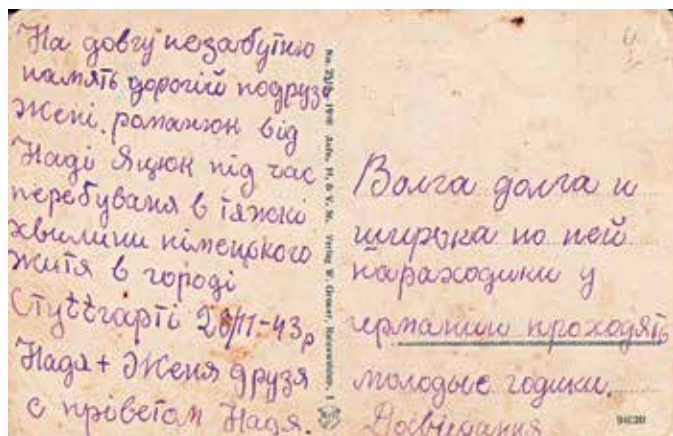

«А в Германии проходят молодые годы»

Как бы мало ни было известно о жизни остовцев в Германии, определенный стереотип, хотя и весьма упрощенный, сложился: каторжный труд, побои, знак «OST» на груди. Но что они делали в свободное время, было ли оно вообще? Долгие годы остовцы старательно обходили эту тему: боялись создать впечатление, будто в Германии им жилось слишком хорошо.

Письмо подруге по лагерю. Штутгарт. 28.11.1943 (на украинском языке)

«На долгую незабываемую память дорогой подруге Жене Романюк... во время пребывания в тяжелые минуты немецкой жизни в городе Штутгарте 28/11-43 г. Надя + Женя друзья. С приветом, Надя.

*Волга долга и широка,
По ней пароходики.
А в Германии проходят
Молодые годики.*

Формально остарбайтеры должны были работать шесть дней в неделю, кроме воскресенья. Но в рабочих лагерях многое зависело от начальства, в частном секторе – от хозяев. На военных заводах, на шахтах после 10–12-часовой смены свободного времени оставалось очень мало, и хотелось главным образом есть и спать. Иногда не хватало сил даже на разговоры.

«Как ни странно, – пишет в своих воспоминаниях **Лев Мищенко**, – с некоторыми из моих товарищей мне случалось больше говорить на фабрике, чем в бараке. В бараке вообще разговоров было мало. Рабочий день длинный, а “дома” – “хозяйство”: починить одежду, постирать... Недолгие общие разговоры велись после отбоя, когда мы укладывались на нары и в помещении гасился свет. Рассказывались случаи из жизни, народные сказки и небылицы. Возникали споры на темы быта и обычаев, особенно деревенских. Обсуждалось происходящее на фабрике и в команде. Говорили и о тех, кто начинал работать лучше

Лагерь при металлообрабатывающем заводе. Берлин, 1943

Лагерь при жестяной фабрике. Гамбург, 1944

дня и май два дня весело. Погода у нас теплая, работаю там же, но получаю денег уже больше, чем получала, – 9 марок, а раньше получала 4 марки, так что сейчас уже лучше. Купить я ничего не могу кроме открыток и марок, но у нас в лагере можно у хлопцев купить хлеба 10 марок буханка, то я покупаю. Дорогие мои, родненькие, я уже сфотографировалась три раза, но карточек-то еще не получила, как получу, то вышлю вам на память. <...> Ну буду кончать писать, потому что не на чем. С приветом, ваша родная Анна...»

Шел обмен и с немцами. Любовь Шкулёва: «Нам выдавали стиральный порошок, вашпультвер, комбинезоны стирать. <...> Мы идем, стучимся к немцам, спрашиваем немку: “Воллен зи хабен вашпультвер?” – “О, йа, йа!”³⁴ Кто-то даст талончик на хлеб. Один раз нам дали кусочек колбасы, ливерная такая, кровяная. Скопим этот порошок, пойдем поменяем. Вот такие наши радости».

Не выходя за ворота лагеря, можно было купить разную мелочь в ларьке. Для этого использовали специальные талоны – боны, которые получали остовцы в виде зарплат.

Надежда Булава: «Давали эти бумажки, боны называли. Открывали в воскресенье окошко в бараке. В этом окошке продавали губную помаду, всякие красила».

Елизавета Крестьянцева: «Хотелось быть красивыми хотя бы друг перед другом. Брали сажу с мылом, красили себе реснички, глазки и брови. Сидели, песни пели».

Лариса Швыдченко: «В воскресенье не работали, сидели в бараке, просто отдыхали. Во двор, пожалуйста, выходи. Ну а чего там делать, во дворе?»

Лагерь при военном заводе.
Штайерберг, 1943

³⁴ Wollen Sie haben Waschpulver? – Oh, ja, ja! (иск. нем.) – Вам нужен стиральный порошок? – О, да, да!

«Здесь и солнце не так светит»

В свободные часы становилось особенно тоскливо, хотелось домой, к родным.

Антонина Максина: «Ну, чужая родина, чужой язык, чужие обычаи. Были ж девчонки, которым по тринадцать, четырнадцать лет. То вообще дети. Тем очень тяжело было».

Тяжело было не только подросткам.

Ирина Соколова: «Вы знаете, ночь, снится, что ты пришла домой, видишь маму, всех видишь. Они как будто на тебя внимания не обращают, тебе это тяжело, больно. И я просыпалась – у меня вся подушка залита была слезами. Я очень скучала».

Письмо с цензурскими вымарками
из Виттена в Мариуполь. 06.12.1942

«Как вам уже известно, что я живу на чужбине, где немилым становится свет, шлю я вам свой германский чистосердечный привет. Я здесь очень скучаю за вами, и мне кажется, что здесь и солнце не так светит, как на любимой Родине возле мамы и папы. Родные мои, я теперь вспоминаю не раз ваши старанья и укладывание всех сил для воспитания своей дочери. [Вымарано несколько строк.]

И где я не встану, и куда не пойду, я родного уголочка для себя не найду. Что ни возьму латать или стирать, вспоминаю любимую и родную маму.

[Вымарано несколько строк.]

Но все же, мне не кажется что я где-то от родных далеко. Но когда я гляну в окно и вижу незнакомую мне местность, везде горы, леса, а дома моего не видно. <...> Мама, папа, вы за меня не беспокойтесь, все хорошо, лишь бы вам было хорошо, но только одно плохо, как я вам писала, уже холодает, а одеться не во что ходить на работу...»

К этой тоске по дому, особенно вначале, добавлялось и чувство безысходности.

Вадим Новгородов: «Мы, ну, не совсем верили, что вернемся домой. Хотелось вернуться, скучали по своим. И потом трудно было осознавать вот такое свое безвольное положение, понимаете?»

Любовь Ерохова, работавшая у бауэра, вспоминала, что даже песни у них были со слезами: «Мы отработаем в поле, придем усталые, голодные, и Тоня, моя подруга, говорит: “Пойдем, девки, в рожь, поголосим”. Тонька голосит, а мы плачем».

Письмо из Вальдхайма в Черниговскую обл. 1943 (на украинском языке)

«На память моим родителям папе,
маме, Оле, Степе, Шуре и Толечке.
Шумят вербы и тополи,
Ветер их колышет.
Вспомните, мои родные,
Кто это вам пишет.
Пишет ваша дочка, та, что сильно за вами скучает.
На чужой стороне

Солнышко не греет,
Без родной матери
Никто не пожалеет.
На этой открытке сфотографирован город, в котором
я сейчас живу».

Переделывали популярные советские песни: «Раскинулось море широко», «Чайка смело пролетела», «Синий платочек». О них, как о лекарстве от тоски, вспоминали многие – главным образом, женщины.

Зинаида Валихова: «Кажется, перед войной, был фильм³⁵, где пели. И я на эту мелодию написала слова, мы их пели:

В далекий край я, мама, улетела
И, может, больше не вернусь назад.
И, может быть, я больше не увижу
Знакомый дом, зеленый сад и мамин взгляд».

³⁵ В кинофильме «Истребители» (1939; режиссер Э. Пенцлин) звучала песня «В далекий край товарищ улетаёт» (композитор Н. Богословский, слова Евг. Долматовский).

Письмо из Каменец-Подольска в Шторков. 22.07.1943
(на украинском языке)

«Письмо от Гани до своей дорогой дочечки. Добрый день или вечер, дорогая наша дочечка. Теперь я вам напишу, что мы живы и здоровы и того вам желаем, чтобы были живы и здоровы. Дочечка, пташечка, зозулечка наша, мы вас не можем никогда забыть. Нам очень скучно за вами, нам кажется, что мы никогда с вами не были. Нам очень досадно и скучно, вы нам слышитесь, видите, снитесь. Дочечка, зозулечка, не плачьте, не печальтесь. Может, бог

даст прийти до дому. <...> Тато уже дома, отработал 6 месяцев
принудительно. До свидания. Жду ответа, как соловей лета.

Пели на мотив старых жестоких романсов.

Анастасия Архипенко: «Пели такую песню, а кто там сочинил,
я не помню. Гуртом, наверное:

Колодки ноги нам сдавили,
ОСты на грудь нам налегли,
Ключи и тюрьмы полицейав
У нас свободу отняли.
Зачем ты, мать, меня родила?
Зачем на свет ты создала?
Судьбой несчастной наградила,
В страну культуры отдала.
В стране культуры презирают
И нам прохода не дают,
И нами тюрьмы наполняют,
И русских свиньями зовут».

Тексты песен переписывали и заучивали, запоминали на всю
жизнь.

Работница фабрики. Гентин, 1942
Текст на обороте: «...Через год меня
забудете и вдвойне через два. Пусть
на глаза вам попадетя фотокарточка
моя. Если не забыли, то храните, если
забыли, то порвите...»

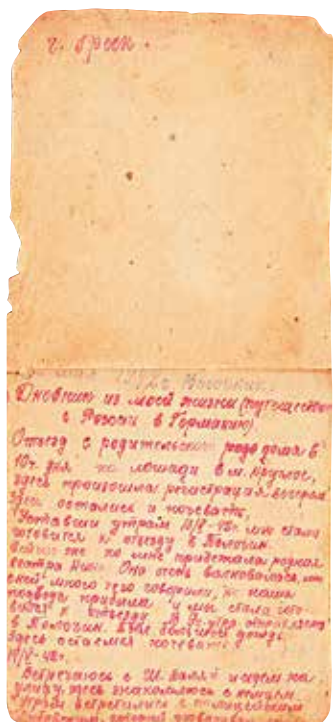

Письмо из Лейпцига
в Сумскую обл. 02.03.1943
(на украинском языке)

«...Дожди частенько идут, когда и пасмурно, а когда и солнце есть. А вы говорили, что нет тут солнца. Когда сижу на работе, то так солнышко в окошко светит, что аж плакать хочется. Так досадно, вот, думаю на Украине только так хорошо и весело, потому весело, что вы все свои вместе, родненькие, а я тут одна. И девочки, и хлопцы гуляют, хоть и тут девочки и хлопцы гуляют, но то не так весело тут гулять. У нас и гитара есть, ну хоть развеселяет нас. Бывало, с работы придем, поужинаем и ну играть, петь. Друг друга развеселяем, духом не падаем, ведь это не поможет, только сам себя угробишь. Бог даст, вернемся и будем жить вместе все. Новостей у нас никаких. Пишите вы свои новости. Что там наши делают, как живут, кто дома находится у вас и у нас, кто куда уехал, кто приехал, кто женился, кто замуж вышел и кто в мир родился...»

Евдокия Верхоланцева вспоминала свою подругу-остовку, девушку из интеллигентной семьи, с которой в Германии они писали стихи: «Майя писала стихи, и я писала, я ей читала. Она говорит – ты хорошо, Дуся, пишешь. Такое складное, такое хорошее! <...> Это Майя меня научила. Вот думать и писать в это время – что же мне еще оставалось?»

Вадим Новгородов в интервью старался объяснить, что значили для него строчки про Таганрог, написанные его другом: «Один таганрогский паренек, Олег Фролов <...> проявил музыкальные способности и поэтические и сочинил песню о Таганроге, которая стала для нас гимном там. Она нас объединяла.

Лагерь при заводе Круппа. Берлин,
25 апреля 1943
Текст на обороте: «Барак № 3, комната № 9»

Дневник Жени Кисельковой. 1942–1943.
Толочин – Шпек
«Дневник моей жизни. Путешествие
с России в Германию»

Но он сочинил только два куплета, о том, как мы скучаем по Таганрогу, какой Таганрог, что мать скучает по нас, и вот мы вернемся или нет, не знает ни она, ни мы. С этим мы приехали в Таганрог, кто жив остался».

Некоторые из наших собеседников упоминали, что записывали песни, стихи в тетрадоочки или блокноты, взятые с собой или добытые в Германии, но этих записей по разным причинам сохранилось немного. Совсем мало сохранилось и дневников, хотя до войны дневник вели многие подростки. В архиве «Мемориала» есть лишь один такой дневник. Его вела Женя Киселькова с 1942 по 1943 год, оставляя каждый день короткие, однообразные записи о том, что с ней происходило.

«Мама, Вы пишете, плачу ли я»

Нам рассказывали о письмах и посылках, которые получали из дома, о том, что сами писали родным. Такую переписку

советские органы могли посчитать доказательством коллаборационизма. Поэтому после войны подобные свидетельства часто уничтожали.

Мария Аушева: «Мама всё сожгла. «Хватит, – говорит мне, – хватит того, что ты попала!» И всё уничтожила, все записки мои. <...> Всё мама уничтожила. Я так плакала, мне так было обидно. Письма, переписка такая была хорошая. И она – всё-всё-всё».

Письмо из Ангермюнде в Каменец-Подольскую обл. 1943
(на украинском языке)

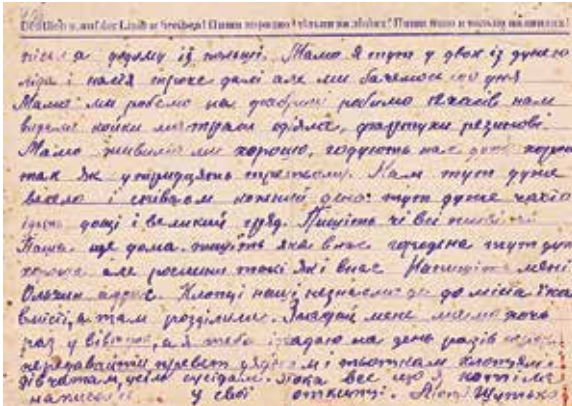

«19 февраля, в пятницу. Добрый день, моя дорогая мамуля и Вася. Я вам сообщаю, что я живой и здоровый, чего и вам желаю как можно лучше прожить дома. Мамуля! Я от вас получил уже много писем. То письмо получил, что написано красными чернилами. Как получил, то очень гордился, что ты, мамуля, хорошо пишешь. Пиши мне письма часто, потому что я очень скучаю по дому и за родными».

Тем не менее писем из Германии и в Германию сохранилось довольно много. Есть они и в архиве «Мемориала». Отправлять письма домой оstarбайтерам разрешили с июля 1942 года – два письма в месяц. С ноября 1942-го писать можно было только на открытках. Все письма проверялись цензурой, ничего плохого писать о своей жизни было нельзя, поэтому особенных подробностей в них не сообщали или прибегали к иносказаниям. Например, в письме на Украину, писали, что живут так же сытно,

как в 1933 году, надеясь, что дома поймут. Многие говорили, что их письма не доходили до адресатов.

Письмо из Ремшайда в Сумскую обл. 05.06.1943
(на украинском языке)

«...Мама, мы работаем на фабрике, работаем 12 часов, нам выдали койки, матрасы, фартуки резиновые. Мама, живем мы хорошо, кормят нас очень хорошо, так как в тридцать третьем. Нам тут очень весело и поем каждый день. Тут очень часто идут дожди и сильный град. Пишите, все ли живы и дома ли еще Паша, пишите, какой у нас огород...»

Открытка с вымарками и штампом цензуры из Берлина в Днепропетровскую обл. 01.02.1943 (на украинском языке)

«Пущено письмо 1/II-43 г. Письмо от Вашей дочки Вали к своим родным папе, маме и Коле. Во первых строках моего коротенького письма я сообщаю, что я жива и здорова, чего и вам желаю в вашей жизни. И передаю от всего сердца низкий поклон от зари до сырой земли и целую вас бессчётно раз папу и маму и братика Колю. Сообщаю вам, что я получила ваше письмо 21/I месяца, за которое очень благодарю, что вы мне написали письмо, и я узнала, что вы живы, и мне стало веселее. Только вы обижаетесь, что от меня не получаете писем. Мама, родненькая, я шлю бессчётно, но не знаю, почему вы не получаете. Я сама не знаю, наверное, где-то пропадают. Мама, я от вас получила 9 писем. Если столько выслали, то я получила все от вас. От вас письма ходят, а от меня не знаю, чего не ходят. Хоть не письма, а открытки, потому что письма возвращаются назад. Написала и отправила, то ходило 2 недели и вернулось назад. Говорят, чтобы писали открытки, то я написала уже 4 или 5. Не знаю, дойдут или нет. Мама, я вас очень прошу, чтобы вы сфотографировались, папа и Коля, уже давно прошу вас очень, пришлите, потому что я очень соскучилась, то хоть гляну на карточку, да увижу, какие вы есть. Мама, вы пишете, плачу ли я, мама, я думаю, что ничего не поможет и то, что я тут писала, отбуду год и приеду. А насчет того, что плакать, правда, как подумаю про вас, мама, как вы там живете, так и не знаю, что бы сделала. Если бы крылья, то полетела бы и взяла к себе. Мама, снится каждую ночь и Коля. Так часто снится, что его в Германию взяли, то я как встану, так сама не знаю, что делать. <...> Мама, за мной не печальтесь, я живу хорошо, еще раз прошу, не плачьте. <...> На этом до свиданья, жду ответа, как соловей лета. С приветом. Валя».

Лидия Бекетова: «Я писала, [сестра] говорила, что приходили письма почти все замаранные. А я ни одного письма от нее не получила».

Ганна Музалёва: «Я всегда старалась писать, что мне хорошо, чтобы дома не беспокоились. На самом-то деле – чего хорошего? Поначалу я скучала, год плакала, не могла привыкнуть, а потом привыкла... Ну как привыкла? Умирать не хотелось. <...> Наде-ялись на что-то».

Письма из дома.
Фельдкирх, 1943

Таисса Толкачёва вспоминала, что получила только одно письмо, но небольшие продуктовые посылки от родных какое-то время доходили: «Не знаю, почему, но писем мы не получали, хотя писали, хотелось написать и писали. <...> Потом мама мне рассказывала, что нет, не получали они от нас ничего. Родители наши ходили в комендатуру, узнавали: “Можно послать посылки?” – “Ну, посылки можно послать. Вот давайте, пшено посылайте, двести грамм и несколько штукеч вот таких наволочек”».

Письмо из Янова
в Нехайм-Хюстен.
23.06.1943

«Здравствуйте любимые наши дети, Зоська и Настя! Пишем мы вам, что мы по милости Божьей находимся живы и здоровы до сего времени все ваши родители и родные, чего и вам желаем от Господа Бога доброго здоровья в вашей жизни. Долгое время мы ожидали и тосковали по вам. Долго от вас не имели никакого известия, но благодаря Бога мы получили письма и узнали про вас,

и успокоились. Посылку от Троицы высылаем, это – четвертая. Я Зоське сдал 21 м[ешочек] сух[арей]. А Симон 28 м[ешочков]. Эти 21 м[ешочек] приготовила тетя Анна, поблагодари ее за это. Вы, Зоська, пишите, что не получаете от нас писем. Я пишу их много, но не знаю, почему это нет от нас тебе, а нам от вас. Мы очень бы хотели узнать, как вы получаете наши посылки и наши письма. Высылать – высылаем, а не знаем, получаете ли вы их. Старайтесь как-нибудь сообщить, хоть через кого-нибудь. <...> Затем шлем низкий поклон. Все вообще родители и родные и желаем всего наилучшего в жизни вашей».

Любовь Шкулёва: «Немцы разрешали присылать посылки. <...> Такие маленькие мешочки, в которых помещалось 200 грамм. Из дома кусочек сала могли послать. Но если такой мешочек будет весить больше, его не возьмут в отправление. Мамочки, бабушки испекут печение, положат в мешочек, семечки грамм двести положат. Некоторые девочки получали, кто-то 15 штукеч получил, кто-то пять только получил».

Михаил Клинцов рассказывал, как письмо, отправленное им брату с жалобами на немцев, могло кончиться для него арестом: «Письмо мое, наверно, не дошло, я там написал сильно много. <...> Приезжали эсэсовцы ко мне разбираться. Спрашивали: “А если мы тебя возьмем с собой?” Но они меня не взяли, малолетка такой, ну я ж пацан».

Письмо из Винницкой области в Хаген. 26.02.1943

«Здравствуй, дорогая сестрица Марусенька, шлем мы тебе свой пламенный привет и желаем всего наилучшего в твоей жизни.

Марусенька, сегодня, 26/II мы получили от тебя второе письмо, которое ты нам написала 6/I. Оно шло до нас пятьдесят шесть суток (56), за что мы тебя, Марусенька, очень благодарим. Очень долго нам пришлось ждать это письмо, что предало нам больших скук. Марусенька, хоть и радостно нам было получить твое письмо, но в нем не было написано таких слов, которые могли бы нас порадовать. На твою молодую жизнь, Марусенька, выпала доля сплошного несчастья. Я очень часто про тебя думаю и никак себе не могу точно представить, отчего у тебя такое счастье. Если бы было возможно, так мы б тебе помогли, больше, чем когда-либо. Но беда в том, что сейчас война и нам приходится подчиняться военному времени. Жаль только, что нам приходится быть в разлуке и нам приходится переживать из-за тебя большую скуку, а тебе голод. Очень хотим много про тебя знать, и я хотел бы много писать, но беда в том, что нельзя писать писем. На том я свое письмо заканчиваю, бывай здорова и счастлива. Целуем тебя».

Письмо на родину.
Фельдкирх, 1943

Переписка с родными, которые оставались в оккупации, могла продолжаться самое большее до 1944 года, а у некоторых прервалась уже с 1943-го, по мере освобождения оккупированных районов. Внутри Германии остоуцы имели возможность переписываться вплоть до конца войны. Галина Аграновская списывалась со своими родителями, которые работали у бауэра, Николая Киреева нашла сестра, тоже угнанная в Германию, Надежда

Измалкова получала письма от своей подруги. Конечно, и в них ничего крамольного писать было нельзя.

Галину Аграновскую учила работавшая вместе с ней девушка-полька: «Когда я стала получать почту от родителей, Регина мне объяснила, что писать надо так: “У меня все очень хорошо. Спасибо большое моим хозяевам”».

Вере Дергачёвой и ее подруге помог переводчик в их лагере: «У моей напарницы, Марии, тетка была в Берлине. И они переписывались. Та тетка прямо писала: “Этих немцев, я их в ночном горшке бы потопила”. Вот такие письма писала. <...> Переводчик говорит: “Ну, напишите вы своей тетке. Письма же ваши я читаю, что не так, я должен доложить начальству. А она пишет за ночной горшок. Напишите ей, чтобы она такие не писала больше”».

«Вспоминали синусы и косинусы»

Условия жизни остовцев не способствовали чтению, хотя в некоторых рабочих лагерях были библиотеки. Тем, кто работал в частном секторе, русские книги взять было негде. Но потребность в чтении у более образованных остовцев была.

Письмо из Лейпцига
в Сумскую обл. 02.03.1943
(на украинском языке)

«Здравствуй дорогой дядя Коля и дорогая моя мамочка, и дорогой братик Коля. Во первых строках своего коротенького письма я вам сообщаю, что я жива и здорова, того и вам желаю. Передаю я вам всем низенький германский поклон. Нахожуся я в городе Лейпциг, работаю на фабрике, работа моя хорошая, чистая, легкая. Есть нам дают хорошо: хлеб, масло, кофе утром, обед суп и вечером суп.

Ну хорошо все. Ходим в город в кино в выходной день и в церковь, куда кому хочется. Ну как не хорошо тут, а домой хочется и никак не дождемся того дня, той минутки, когда нам домой. Если бы вы знали, как скучно на чужбине и далекой стороне, да еще нет никого, ни родного, ни знакомого. <...> Как моей мамочки здоровье, пусть за меня не беспокоятся, пусть бережет здоровье, как папочки здоровье. Я хорошо знаю, какое ваше всех здоровье неважное. Прошу, берегите себя и ждите меня, а то вы там горюете за мною, то еще и помрете, не дожидаетесь меня. Я приеду, а вас не будет. Передавайте привет родным моим».

Открытка подруге-остовке из Берлина в Фельберт. 1943

Музей, театр и собор Св. Петра на главной площади Хемница. 1943

Остарбайтеры после работы.
Фотография немецкого бюро
пропаганды «О положении восточных
рабочих в Германии». 1942–1944 /
ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 128. Д. 268. Л. 27

Галина Аграновская рассказывала, что обрадовалась, увидев в библиотеке своих хозяев книги русских классиков, но они были, конечно, в немецком переводе.

Похожую ситуацию описывала Надежда Измалкова: «Потом, у новых [хозяев] дали мне такую комнату, там книги! Библиотека. Достоевский, Толстой и “Граф Монте-Кристо” на немецком языке. Как увидела “Граф Монте-Кристо”, у меня задрожали руки».

Вера Дергачёва с подругой пытались вспоминать школьную программу: «Анна кончила тоже десять классов. <...> Книг же нету, ничего. И вот мы сядем с нею и вспоминаем алгебраические выражения или геометрические. Там синусы, косинусы. Разбирали с ней, думали».

Михаил Черненко вспоминал, как по просьбе друзей пересказывал роман «Золотой телёнок», который помнил почти наизусть.

Надежда Измалкова успела к началу войны окончить десятилетку в Киеве и очень переживала, что не может учиться, и раздобыла словари: «Я всегда страдала, что идет война, я не учусь нигде, я никто и ничто, какая-то там путсфрау»³⁶.

В результате на нее донесли в гестапо: «Откуда у тебя словари и учебник английского языка? Ты что, американцев ждешь?»

³⁶ Putzfrau (нем.) – уборщица.

Я говорю: “Как я могу ждать, если вы – всепобеждающая сила! Но я же теряю время, я учу английский язык, я в школе его учила”. – “Как ты книги выписала из наших магазинов?” Я говорю: “Почтой. Заплатила несколько марок и взяла эти словари и учебники”. – “Откуда по-немецки говоришь?” Я говорю: “Я имею среднее образование. Я закончила гимназию”. Они мне: “Вон, видишь Бухенвальд, мы тебя туда отправим!” Они целую неделю приезжали на мотоцикле и меня допрашивали».

Иногда в рабочих лагерях распространялись газеты на русском и украинском языках: «Голос», еженедельник «Новое слово», другие пропагандистские издания. Но и из них остовам иногда удавалось узнать о положении на фронте.

Николай Гуляев: «Газета “Русское слово”³⁷ писала, как русские [в Германии] хорошо живут, ну, в общем, агитационная такая газета. Они писали в “Русском слове”, что победоносная немецкая армия захватила такой-такой город. Что бои идут за Сталинград, под

³⁷ Скорее всего, имеется в виду газета «Новое слово», выходившая в Берлине до 1944 года.

Пасхальная открытка. Из округа Берент, Западная Пруссия, в Черниговскую обл. 1943

С Пасхальным приветом. Из Мекленбурга в Запорожскую обл. 1944
«Здравствуй Лена!! Привет тебе и всем девочкам!! Ты меня уже, наверно, забыла. Я о тебе часто вспоминаю. Передай всей вашей семье привет. Напиши все новости. Лена, гуляй за меня!!! Таня»

Курском. А однажды прислали траурную газету, обрамленную в рамке. Но не написали [о поражении] в Сталинграде. Мы узнали от немцев».

«Молились на всех языках»

Воспитанные в советской школе в духе атеизма, большинство молодых остовцев до угона в Германию были неверующими. Но тяжелый труд, голод, тоска по дому, страх за свою жизнь, особенно когда начались массированные бомбежки, кого-то подтолкнули к вере, а кто-то просто вспомнил молитвы, слышанные дома.

Лидия Бекетова признавалась: «Нас учили не верить. Я была пионерка, комсомолка. <...> [В лагере была] подруга украинка Мотя. Я ее никогда не забуду, до чего милый человек. Она меня научила молитве “Отче наш”. Сказала: “Когда тебе трудно – читай эту молитвочку”. Мне кажется, только это мне в жизни и помогло».

Надежда Булава: «Я [до Германии] не молилась, ни одной молитвы не знала. Несмотря на то, что мама [верила] и в церковь ходила. Мы же все были пионеры, комсомольцы – как можно! А там так трудно было, [что молилась]: “Господи, помоги! Господи, помоги!”»

Мария Аушева : «Господь меня хранил, потому что мама все время молилась, а так бы, наверно, не выжить, не выжить».

Письмо из Полтавской области в Айленбург.
10.04.1943

«Добрый день, моя доченька, посылаю тебе свое родительское благословение и привет и желаю счастливо пережить это время и до дому возвратиться. Дорогая моя доченька, молись богу, бог

поможет твоему горю, и я буду неустанно, чтоб господь удостоил увидеться с тобою. Доченька моя дорогая, рад я тебя поддержать посылкою, так не принимают. Пусть тебя бог поддержит силою своею. Пусть тебя бог укрепляет. Если будут посылки принимать, то ожидай. До свидания. Даст бог, увидимся».

Можно было пойти в церковь. И наши собеседники ходили.

Работавшая у бауэра Варвара Хабарова рассказывала: «Там церковь была. [Хозяева] мне разрешали ходить молиться богу. Ходили, и если есть кто там наши, русские, встретиться можно в воскресенье».

Из письма Ядвиги Шпаковой: «Работали мы на железной дороге в Бад-Раппенау. В воскресенье днем собирались за лагерем на лугу. Приходили к нам эмигранты – бывшие офицеры белой армии – и мы пели “Вечерний звон”. Плакали и молились о быстрейшем освобождении и конце войны».

Евдокия Верхоланцева вспоминала, как она молилась вместе со своей хозяйкой – каждая за свою победу: «Хозяйка мне все в начале говорила, как за стол садись: “Давайте будем молиться Богу, чтоб русские погибли”. А я – русская. Вот она молится за немцев, я молюсь за Россию <...> Главное, на одном столе немцы свое, а я за свое молюсь. Что я буду, чтобы Россия наша пропала?»

Неотправленное письмо из Зальцведела. 1944

Текст на обороте: «На память папе, маме, братьям и сестре с чужого далекого скучного края Германии. Родные, стремитесь

*и вы к той горе святой, где вечный наш дом и Отец наш благой,
дорогой Спаситель. И будем там вечно вместе. Я молюсь об этом
и верю, что Господь это сделает, и мы увидимся вскоре.*

Из интервью с Верой Бобровской: «Вы в лагере молились?» –
«В лагере все молились, на всех языках».

«Достали мандолину»

Память наших собеседников сохранила о Германии разные впечатления – их опыт был пестрым и противоречивым. Многие вспоминали о встречах с ровесниками, где пели песни, устраивали танцы, где завязывались дружеские, а бывало, что и любовные отношения.

Работавший у бауэра Федор Хмара рассказывал, как по воскресеньям собирались и играли на гармошке. «Хозяева разрешали».

Альдона Волынская (работала на аэродроме в Кельне) на танцы вместе с подругами бегала в соседний лагерь. «Надо было через проволоку проникать туда. Там был у них какой-то оркестрик из остовцев. Из Харькова девочки, ребята [создали]. Танцевали фокстроты, танго. Предвоенные. Пели “У меня есть тайна, тайна – это ты”»³⁸.

³⁸ Романс «Тайна».
Музыка В. Сидорова,
слова А. Д'Актиля.

Лагерь при текстильной фабрике. Вупперталь, 1944

Лагерь при ткацкой фабрике. Дорнбирн, 1944

Остарбайтеры создавали даже подобию концертных бригад, которые выступали не только в своих, но и в соседних лагерях.

Анна Кириленко (работала на ткацкой фабрике в Дюссельдорфе): «Часто поляки приезжали с [музыкальными] инструментами. Потом все собирались, организовывали большой оркестр: и поляки, и русские, и голландцы, и украинцы. И немцы приходили. Играли танго, фокстроты – тогда же это модно было».

Работавшая на ткацкой фабрике в Касселе **Зоя Елисеева** рассказала о «межлагерном» самодеятельном театре: «Наши девчонки познакомились с нашими же ребятами на другом заводе. <...> И они вместе поставили оперу “Наталка-Полтавка”. Сделали прекрасные декорации, костюмы украинские сшили; мы ходили смотреть. На первых рядах сидели немцы, а мы дальше».

С концертами выступал **Вадим Новгородов** и его таганрогская компания: «Достали инструмент, гитару, мандолину. <...> Организовали поездку в другой лагерь, в этом же городе, мы с концертом там выступали, пели песни наши. Ну, конечно, “Катюша” была, Козин был, и “Маша” была, и “Осень, прохладное утро, небо как будто в тумане” было, и стихи читали».

Новгородов рассказал эпизод в духе советского фильма, на который прямо и сослался: «Я помню, какой-то концерт у нас в лагере был. <...> Выступали мы с песнями, а я читал Лермон-

Лагерь при шахте. Камен, 1943

това “На смерть поэта”. И когда дошел до слов “а вы, надменные потомки”, я повернулся в сторону [портрета Гитлера], ну совершенно, как в “Молодой гвардии” получилось: к Гитлеру обращаюсь. Когда закончил, у меня мороз по спине пробежал, а вдруг немцы поняли? Но нет, обошлось, обошлось».

«В город вшестером»

Выйти за колючую проволоку и вообще за пределы надзора – будь то хозяйство бауэра или немецкая семья – мечтал каждый оstarбайтер. Но получить такую возможность могли не все и не всегда. Труднее было тем, кто находился в рабочих лагерях. Первые месяцы после помещения в лагерь выход за его пределы был запрещен всем вновь прибывшим. Потом – только строем и под охраной. Позже – только группами и только в качестве поощрения. На строго определенное время.

Любовь Шкулёва (работала на башенном кране на заводе Круппа в Оберхаузене): «Мы могли выйти наружу, в город погулять, если не было никаких нарушений дисциплины. Тогда выпускали по шесть человек. Вшестером вышли – вшестером долж-

Работники швейной фабрики. 1943

ны прийти. Одного никого не пропускали, даже вдвоем никогда. Не находишь шестого, сидите тогда в лагере».

Анна Кириленко: «Проработали мы на ткацкой фабрике в Дюссельдорфе месяца два, и нас стали отпускать в воскресенье в город с двух часов дня до шести вечера».

Конечно, многое зависело от режима в лагере, на конкретном предприятии и даже от конкретного охранника.

Елизавета Крестьянцева, работавшая на резиновой фабрике в Берлине, вспоминала: «Иногда были такие вахтеры – попросишь его: “Слушай, я схожу, мне надо!” И пропускает. “Ну, ладно, идите, только смотрите – приходите вовремя”».

Об этом же – свидетельство **Зинаиды Валиховой** (работала на фабрике в Гладбеке): «Нас охранял инвалид, Хайнс, по-моему, его звали. Он не был старый, у него что-то было с ногой, на войну не послали. Так вот, наши девчонки [подойдут] к нему: “Хайнс, слушай, ты когда пойдешь за угол, постой там минут десять”. Он отойдет, а они – через проволоку (она была невысокая) и удирали!»

Павел Михайлов был помещен в рабочий лагерь в поселке Вайнштадт. «Из лагеря мы уходили свободно, хотя он был орожен колючей проволокой, но это ничего не значило. Была там

Работницы военного завода на экскурсии в городе. Магдебург, 1944
Текст на обороте: «Немка ежедневно водила нас на работу, а в выходные дни в город на экскурсии»

и проходная, черт ее знает, для чего она была. Там сидел всегда дежурный поляк и не обращал ни на кого внимания».

Георгий Ткачёв вспоминал, что на выходе из лагеря при судоремонтном заводе в Штеттине следили, чтобы остовцы выглядели «прилично» и носили знак. «Когда в лагере мы жили, был у нас в город свободный выход. Ну чтоб мы были прилично одеты, как говорится, более-менее. <...> Не оборванцами. Носили тряпочку, синяя такая тряпочка, на ней было написано “OST”. Чтоб пришита она сверху была. Что – с востока, русские».

Работницы авиазавода
на прогулке в городе.
Рангсдорф, 1943

В хозяйстве у бауэра.
Окрестности
Лейпцига, 1944

Свободное время тех, кто работал у бауэра или служил в немецкой семье, определялось хозяевами.

Тамара Селиванова была прислугой у директора предприятия «Торпедо-верке» во Франкфурте-на-Майне. Она рассказывала: «В воскресенье после обеда меня отпускали до семи часов вечера. [Хозяева] меня очень строго держали, ни в коем случае не разрешали ни с кем встречаться».

Работавшую у бауэра Зинаиду Комиссарову, напротив, не контролировали совсем. Трудилась вместе с хозяевами, потом можно было гулять. «Утром управимся со скотом, позавтракаем, кофе попьём, садимся на телегу и вместе в поле едем. Вечером закончим – можно к своим подругам сходить или ко мне кто придет. Беру ключ от дома – [хозяевам] никакого дела до меня нет, хоть ночь всю гуляй. Только на улице мог патруль поймать»³⁹.

Вера Федорченко была наказана за то, что на прогулке в городе отстала от подруг и не пришла вместе со всеми в лагерь. «Наказали: целый месяц после работы заставили мыть туалеты».

Куда же ходили и чем занимались остарбайтеры, выйдя из-под надзора?

Возможностей было немного. Большинство, особенно вначале, не знали немецкого языка; практически никто не имел представления о месте, где им пришлось жить и работать, о городе, в который им разрешено выходить. Могли зайти в магазин, хотя денег у них было очень мало и купить разрешалось лишь мелочи – в Германии действовала карточная система.

³⁹ За проступки остарбайтеров во внерабочее время существовал целый перечень наказаний – вплоть до отправки в концлагерь и даже смертной казни. Нельзя было ходить без аусвайса, приходить в лагерь после назначенного срока и т. п.

Письмо из Рангсдорфа
в Новгород-Волынский. 31.08.1943
(на украинском языке)

«Письмо написано 31/VIII-43 г. Добрый день или вечер, мои дорогие родители. Во-первых, я вам напишу, что я еще жив и здоров. Сегодня прибыл только из госпиталя, сейчас чувствую себя неплохо. Я от вас получил 7 посылок, которые выслали 31/VII, а писем-то давно не получал, не знаю почему. То ли вы не пишете, то ли не доходят. Кормят нас так же, как и раньше, даже и писать не хочется. Гуляли раньше мы вольно, а сейчас не пускают, но говорят, что скоро будут и снова пускать. <...> Одежда у меня пока есть, а обувь, ботинки мои начинают дертись. Но, может, где куплю. Если можете слать посылки, то шлите. Потому что, когда слали, то мне была очень большая поддержка. Больше новостей никаких нет. Пишите свои новости все подробно: как живете, и все ли вы дома. Передаю привет всем родным, близким и знакомым. Высылаю фото. С приветом, сын Коля».

Многих удивляло доверие к покупателям в немецких магазинах.

Ирина Соколова: «Тыходишь в магазин, ну маленький такой магазинчик. Где-то там далеко-далеко звякнул звоночек. Тут карточки, тут деньги, тут продукты, тут всё, и никого нет. <...> И ты берешь, что тебе надо. Вот это я тоже не могла никак понять».

Кроме магазинов девушки иногда ходили в парикмахерскую.

Татьяна Веселовская: «Я ходила в парикмахерскую, мы же деньги-то получали. Я платила, я приходила в парикмахерскую, снимала "OST". Все знали, что я русская».

Ходили в фотоателье, чтобы послать домой красивые фотографии.

Работницы литейного завода. Айзенберг, 1944
Текст на обороте: «<...>
Как зори на небе взойшли, чтоб
знала дорогая подруга, где годы
цветущие прошли. Где счастье
развезало ветром, как тучи
осенней порой. И каждый день
молодость вяла в далекой
сторонке чужой»

Работницы обувной фабрики.
Шпайер, 1943

Ближе к концу войны, когда из-за бомбежек и наплыва беженцев немцы все меньше могли контролировать миллионы иностранных рабочих, привезенных в Рейх, появились места, где шла полуподпольная жизнь. В Берлине таким местом была Александерплац, центральная площадь города.

Письмо из Берлина в Каменец-Подольскую обл. 30.09.1943
(на украинском языке)

«<...> Добрый день или вечер дорогие мои родители мамо, тато, бабка и ты, мой братик, Володя. Передаю вам свой сыновний поклон и сообщаю, что я нахожусь живой и постепенно выздоравливаю и скоро вернусь к своим товарищам на работу. <...> Дорогие мои мамо и вся семья. Я получил о вас посылки (23 штуки), за которые вам очень благодарный. Но прошу, отмените с крупами, потому что их негде варить. Высылайте побольше табаку, потому что он дороже всего, что есть у нас и за него можно все купить. <...> Остаюсь живой и здоровый, и передаю вам, мамо, свой сыновний привет и всей семье. Передайте поклон всей родне и моим товарищам. С этим до свидания, жду ответ. Ваш Петя».

Художественная открытка. Буршгадт, 1943

Остарбайтеры на прогулке. Берлин, 1944

Михаил Черненко вспоминал: «Александерплац – самый центр. <...> Пивная у самой станции метро, самое значное место, где можно было найти кого угодно, продать что угодно, и купить что угодно. <...> И то, что там крутились криминалитет, гестапо – я тоже не сомневаюсь».

В памяти рассказчиков остались и прекрасные пейзажи Германии, и красивые здания, и памятники.

Интересный рассказ о воскресных выходах в город оставила в воспоминаниях **Зоя Елисеева**, работавшая на ткацкой фабрике в Касселе: «Итак, нас стали выпускать. Деньги у нас были, а купить ничего нельзя, потому что все по карточкам. В кино мы не имели права заходить, нас не пускали. Но иногда, не надевая

Художественная открытка.
Оберхаузен, 1944

[ОСты], мы ходили в плохонькие, захудалые кинотеатры; проникали туда, старались в общем потоке пройти. <...> И еще мы стали знакомиться с городом. Кассель – город красивый, очень много средневековых построек. <...> Прекрасный парк был за городом, где мы фотографировались. А на горе была лестница-фонтан (что-то вроде петергофского). На самой вершине холма – фигура Геркулеса, он опирается на палицу, а вниз спускалась лестница с фонтанами. В этом парке был средневековый замок – Лёвенбург. Так мы стали знакомиться с городом и покупать открытки, красивые, цветные открытки. У меня было много этих открыток – не только у меня, у всех нас. Денег у нас, конечно, было немного, но открытки стоили копейки».

Открытку купила и **Евгения Савранская**: «Была такая там Эдит, и вот она как-то сказала: “Теня, хочешь, я тебе покажу Берлин?” <...> И она меня водила, помню только, что я купила открытку “Юдифь с головой Олоферна”. Почему-то вот эту открытку я купила, мне она понравилась».

Открытки остарбайтеры покупали, чтобы сохранить память о местах, где они жили в Германии, чтобы привезти их домой и показать родным. Эти открытки наши собеседники хранили всю жизнь.

«Лишь бы здоровье и хорошие товарищи»

В судьбе остарбайтеров большую роль играла поддержка друзей и земляков. Всегда было важно оказаться рядом со своими – ростовскими, таганрогскими, с односельчанами, с теми, с кем

Открытка с видом Мёллерсдорфа. 1942

Текст на обороте:

«Дорогие родные папочка и мамочка,
и дорогой братик Ваня!
Шлю вам снимок села, в котором я живу.
Прошу хранить до моего приезда»

познакомились еще в эшелоне по дороге в Германию. Так было легче переживать разлуку с домом. Это подчеркивал в своем интервью работавший в шахте **Вадим Новгородов**: «Нас несколько человек таганрогских в одном месте поместили. Таганрогские держались дружно и у всех на виду были. К нам часто ребята при- мыкали из других городов или из других мест. <...> К нам начальник лагеря с уважением относился из-за того, что мы сплочены».

Так же говорила Антонина Максина про ростовских, Надежда Измалкова – про киевских. Альдона Вольтинская не расставалась с детдомовскими подругами, с которыми она была вывезена в Германию. Взаимная поддержка и выручка очень помогали.

Как страшно было остаться одной, вспоминала Евдокия **Верхоланцева**: «На телегу мои положили вещи. Я одна в это село. Одна! <...> Вот я иду, речка, иду, сама плачу, думаю, сейчас я потону, прыгну в речку и потону... Потом я мысли эти взяла в голову, думаю: ну хорошо, я потону, мама будет страдать по мне. Она говорит: “Дуська, береги себя, береги себя хоть для меня, как-нибудь старайся, чтобы ты была жива”. Думаю: в речке буду лежать, киснуть буду. Нет, этот не подходит номер».

Письмо из Запорожской области в Мекленбург. 1942 (на украинском языке)

«Добрый день или вечер наша дочка Уля Матвеевна. Прежде всего мы сообщаем тебе, что мы пока живы все и передаем тебе все низжайшее почтение, также и мама, и братик Петя и Федя, и сестра Зина и Надя, и Гриша, Поля, Варя, Павло и их дети и Параскева Агафоновна. Все мы передаем почтение тебе, Уля Матвеевна, и желаем тебе всего наилучшего в твоей жизни, и желаем тебе отслужить как можно лучше, пока это нужно будет, и благополучно опять с нами увидеться в своем доме на родине. Теперь, дочка Уля, мы сообщаем тебе, что мы твое письмо получили, за которое очень благодарим. Мы узнали, что ты доехала благополучно и жить так неплохо. То старайся, дочка, чтоб тебе не было плохо, работай как можно лучше, чтобы тебя не ругали, а уважали за твою работу и послушность. Может, мы и увидимся с тобой. Хотя, дочка, мое здоровье слабое, но может бог даст, что мы, может, увидимся. Петя пока еще дома, работает в колхозе. Письмо мы твое получили 14 февраля. Зима у нас сейчас холодная, снегу много. Живем пока помощью божьей, но только что я, дочка, часто болею и о тебе часто думаю, и ты мне часто снишься. Хотя б я пожил, пока ты приедешь домой и расскажешь про свое путешествие. Как ты там проживаешь? Теперь ты, Уля, пишешь, что все девчата вместе. У одного хозяина или только в одном городе или колонии? Ихние матери идут и спрашивают меня, а я не знаю, как ответить, говорю, что написала, что все вместе, да и все. С тем до свидания наша дочка и сестрица. Остаемся пока живы все и желаем всего наилучшего в твоей жизни. Петя целует сестрицу в правую щечку и говорит до свидания, сестрица Уля. Пока остаюсь все благополучно, также тато прощается со своей дочкой. Всего наилучшего тебе, дочка. Твой папа М. Редька».

Из Берлина в Каменец-Подольскую
обл. 14.01.1943 (на украинском языке)

«Письмо пущено 14/I-43 года. <...> Добрый день вам мама, вам тату, бабушке и братику Володе. Передаю свой низкий сердечный поклон. От всей души благодарю за поздравления с Новым годом. В первых строках своего письма спешу сообщить, что я живой, здоровый и вам желаю всего наилучшего на белом свете. И сообщаю, что я получил ваших три посылки, за которые вас благодарю. Мамо, тату и ты, братик Володя, вы пишите, в чем тут я хожу, какая одежда. Одежда есть, лишь бы здоровье, сила и хорошие товарищи, которых есть только два: Володька и Васька. <...> Высылайте побольше посылок, потому что смотрюшкие хлопцы получили уже по тридцать посылок с салом и табаком. Пиши, идут ли у вас в Германию. Напишите адрес, кто в Берлине, как с хлебом, корова, подати, идут ли в армию. Напишите все, что новое есть в селе, потому что у меня новостей нет. С тем до свидания. Передаю свой сердечный поклон всем родным. <...> Пишите все новости, что в селе и хате. Жду ответа!!!! Ваш сын Петро».

Для тех, кто оказался потом в концлагере, такая поддержка становилась условием выживания.

Лаврентий Новохатько (Маутхаузен): «Как я остался жив? Только благодаря дружбе. Однажды я начал терять зрение. Одно время почти ничего не видел. Меня друзья водили под руки при построениях, через проходную. <...> Вот если б не дружба верная. Одиночки обычно погибали сразу».

Узница Равенсбрюка **Ольга Голвина** на всю жизнь запомнила помощь девушки Саши, остовки, работавшей рядом с лагерем: «Они работали у бауэра... разгружали вагоны с какими-то продуктами. Вот эта Саша, из Курска, она очень много сделала для тех, кто заболел. Она приносила и вяленый лук, и вяленую морковку, в общем, всё, что

Лагерь при керамической фабрике. Хермсдорф, 1944

Работники шахты. Хербед, 1944

Лагерь при химическом заводе.
Биттерфельд, 1943

только можно. Причем это не просто было пронести, всё это надо было прятать на себе».

Но было бы очень наивным представлять себе эти отношения как идиллическую картину дружбы и взаимовыручки. Конечно же, возникали конфликты и обиды, о чем откровенно рассказывали наши собеседницы.

Евдокия Верхоланцева вспомнила, как присланная ей из дома посылка попала к Тосе, остовке из Ленинграда: «Я говорю, Тося, мне должна посылка быть, я платье сама шила, я такие сбоку пуговочки нашила, золотые пуговочки, крупненькие, как золото блестели, и на рукавах, когда шила платье, и на кушачке. Эта Тося одела платье – и сидит в моем платье, и сапоги мои одела. Я говорю, Тось, это ведь платье мое, Тось, как оно попало тебе? – Да ты что, Дуся? <...> Так они мне посылку не отдали, я пошла к хозяйке, рассказала, заплакала. Ну что? Так посылку Тося и не отдала мне, ленинградская сука, не отдала».

Были случаи доноительства и предательства.

Николай Киреев: «В каждом лагере были стукачи. Ты ложишься на третий этаж, а на первой койке лежит стукач. Он знал, что он завтра погибнет, но такова природа человека, очевидно, предавать всех, кого только можно предавать, если ему дали что-то, какое-то вознаграждение. Даже в виде лишней миски супу».

Фотографии на регистрационные документы. Слева направо: Апольда, 1943; Лейпциг, 1943; Десау, 1942

Надежда Булава: «Там же в лагере нас сгруппировалось пять человек, на нарах пять человек спали, так мы уже при другом – ничего не скажи. Если чуть что-то сказал, кто-то вот так ухо наставил – тебя уже завтра или выпорят хорошо, или уже совсем не появишься тут».

В постоянном страхе, что на них донесут свои, жили оstarбайтеры, скрывавшие свое еврейское происхождение, как это случилось с **Антониной Сердюковой**: «Донесли ведь на меня, что у меня мама еврейка. Донесли все-таки! Кто уж там, не знаю». Антонине Сердюковой повезло, ее спас переводчик: «Я пришла – лагерфюрер сидит. Переводчик мне переводит: “Говорят, у тебя мать еврейка, и ты еврейка”. Я говорю: “Нет”. Переводчик был из старых эмигрантов. А я немецкий-то хорошо знала. Переводчик говорит лагерфюреру: “Да чепуха это всё. В то время, когда ее отец женился, на еврейке русский не мог жениться. Конечно, она не еврейка”. Лагерфюрер так мне: “Пошла вон отсюда”».

Тяжелые условия жизни, унижительное положение порождали агрессию по отношению к тем, кто оказывался беззащитнее, приводили к обострению этнических конфликтов, усиливали зависть и злобу к тем, кто находился выше в установленной нацистами иерархии⁴⁰. Возникали и укреплялись стереотипы: поляки – «жестокие и жадные», «западенцы» – «неграмотные, грязные» и т. п.

Для советских оstarбайтеров все это усугублялось тем, что преимущество перед ними имели, по сути, все принудительные

⁴⁰ В приказе Гимmlера от 20 февраля 1942 года о правилах по трудоустройству и содержанию принудительных рабочих предлагалось различать несколько категорий. Верхнюю ступеньку занимали западные рабочие, затем польские, только потом – оstarбайтеры, и в самом низу – евреи и цыгане.

Фотографии на регистрационные документы.

Слева направо: Платковлозе, 1942; Лакенбах, 1943; Винтерлинген, 1942

рабочие – не только из европейских стран, но и жители из присоединенных перед войной к СССР польских областей. В рабочих лагерях и концлагерях их часто назначали старостами, бригадирами, ставили на более легкую работу. Расчет был на то, что волна репрессий, прокатившаяся по новым советским территориям в 1939–1941 годах вызовет у «западнцев» ненависть к советской власти, а следовательно, и к русским.

Вот как описывал это **Виктор Шульдешов**: «Поляки были. Потом эстонцы были. Латвийцы были. Но у них содержание совсем другое было. Ведь нас на работу водили строем, под охраной, в колодках. Представляете, деревянные подошвы! <...> Но факт в том, что они ходили вольно на работу, у них питание совсем другое было – и масло там, и все такое. А французы получали “Красный Крест” – наши-то ведь не получали ничего».

О конфликтах между «нашими» и «западнцами» вспоминают многие. **Антонина Максина**: «Еще были эти вот, с Украины. Донецкая область – наша Украина, а то была – Западная Украина, которая в 39-м перешла к Советскому Союзу. Ну, мы их – твою-моя не понимает. Они какие-то зачуханные были, не общались мы с ними никак. Это не наши украинцы, это западные украинцы. А они: “Босячки, – говорят, – ростовские приехали”. Ну, мы тебе покажем – босячки! <...> Я говорю: “Зачуханая, молчи, а то получишь!” Но все-таки они не унимались. Ну надавали, получили по заслугам, не трогайте нас. Босячки ростовские, да? “А ты кугутка”⁴¹, – говорю».

⁴¹ Кугут (кугутка) – жлоб, малокультурный и невежественный человек.

Фотографии на регистрационные документы.

Слева направо: Дрезден, 1943; Хаген, 1943; Габлонц, 1944

Ганна Музалёва: «Белорусы западные очень не любили нас. [Говорили] “советы приехали!” А девочки харьковские, городские, язык хорошо был подвешен – знали, что ответить».

Анна Кириленко: «С девушками из Днепропетровска мы дружили, а с западниками у нас контакта не получалось. Они нас не любили, особенно ростовчан, считали, что мы все красные».

Ольга Смирнова в интервью так объясняет неприязнь к выходцам из Западной Украины: «Хозяин нашей фабрики был очень доволен, что у него работают девушки с Западной Украины. <...> Они все приехали в Германию добровольно! Им надо было заработать, они ж бедно в Западной Украине жили. Немцы давали им пододеяльники, простыньки, а они спали на голых мешках: “Це до дому повезу”».

Работницы военного завода.
Гамбург, 1944

Остарбайтеры
встречают Рождество.
Кённоерн, 1942

Негативное отношение у многих распространялось и на поляков.

Варвара Крамаренкова вспоминала: «У нас надзирателем был старый поляк. Однажды я не встала, когда он вошел. И он залепил мне пощечину – у меня даже в глазах потемнело».

Николай Зубков: «Штрафлагерь Ланцендорф. Ламсдорф поихнему. Я там был два месяца. А форабайтеры⁴² были поляки. <...> Они у немцев служили. Я вот их признал хуже, чем чехов, югославов».

⁴² Vorarbeiter (нем.) – бригадир.

Но многие остовцы приводили и совсем другие примеры – живого естественного интереса к людям из разных стран, с которыми раньше не сталкивались.

Георгий Ткачёв: «В бараке комнаты были, примерно четыре-пять комнат. По двадцать, двадцать пять человек в комнате. Поляков у нас было немного. Одна комната у них была. <...> Были голландцы, французы, бельгийцы. Две комнаты у нас было».

Георгий Ткачёв вспоминал, что благодаря дружеским отношениям с поляками, с которыми

Самодельная поздравительная открытка. Лагерь при авиационном заводе. Дессау, 1942

вместе работал у бауэра, он выучил польский язык: «Между поляками [отношения] у нас были дружеские. Никаких ссор не было. Ничего абсолютно. <...> Да и я уже отлично разговаривал по-польски».

Особенно тепло вспоминали французов.

Виктор Шульдешов: «Нас, нашего брата, русских, они любили, уважали. Я одно время с французом работал. <...> Я говорю: “Учи меня по-французски, я тебя – по-русскому!” – “Давай!” Я начал с того: “дай закурить”, “где ты работаешь”, “гросс” – большой, “пети” – маленький, “са ва” – хорошо. А он сказал, чтоб я его учил с головы – волосы, брови и все. И вот я до пояса научил его, и нас рассоединили. Вот такие дела. Ну, до десяти я уже считал по-французски. Ну немножко уже стал разговаривать».

Письмо из Виттена в Мариуполь. 06.12.1942

«Здравствуйте дорогие родители, мама, папа, бабушка и братик Ленечка. <...> Не только я одна здесь, а вся молодежь всех захваченных стран Германией. Недавно прибыли еще 100 чел[овек]француз[ов], тоже все молодые ребята. Мама, папа, честно отработаю свой срок и вернусь домой. <...> Как я вам писала, уже холодает, а одеться не во что ходить на работу. Если можно, то пришлите и харчей что-нибудь, а если нельзя, то не нужно. Напишите как у вас все хорошо и еще идет еще вербовка или нет. Папа работает или нет. Пока до свидания, привет всем».

«В черном жакете, в синем берете...»

В некоторых мужских интервью звучало утверждение, что женская судьба была все же полегче, – по словам мужчин, девушек не использовали на самых тяжелых работах, они не вызывали такой ненависти и страха у немецкого населения. К тому же через два года жизни в Германии некоторые девушки стали одеваться и причесываться как немки.

Михаил Черненко: «Девушки наши жили в лагере в гораздо лучших условиях. <...> В общем, чувствовали себя гораздо лучше. Поначалу ни с кем из девиц по лагерю романов не было. Романы пошли, когда довели еще деревенских девчат. У каждой из этих женщин, абсолютно у каждой, был покровитель. Высшим классом всегда был или француз, или поляк».

На самом деле жизнь девушек-остовок в Германии была не легче, чем у мужчин. Тяжелый труд, наказания и побои – всё доставалось им в той же мере, что и мужчинам.

К тому же насмешки и издевательства переживались женщинами не менее остро, чем побои. О мучительном чувстве собственной униженности женщины говорили чаще, чем мужчины.

Работницы военного завода.
Кассель, 1942

Посудомойка в ресторане. Хагенштедт, 1943

Лагерь при фабрике «Зауэр и сын».
Зуль, 1942

Лагерь при фабрике «Зингер».
Виттенберг, 1944

Фрида Палко: «Плохое забывается иногда. Сейчас забывается. Но я тогда должна была все терпеть. Представляете, все терпеть. Да были, господи, всякие унижения, и дети унижали. А я ведь молчала».

Таисса Толкачёва: «Присылают девчонок деревенских, которые носили такие длинные широкие юбки, блузки такие, тоже широкие, говорили чисто на украинском языке. Их построили, и нас построили, мы строем идем. Немцы первый раз увидели вот такое чудо, хохочут. Потом подбегают к ним, поднимают юбки. Конечно, я возмутилась: “Боже мой, вы же культурный народ, немцы”. Я бы, наверно, его ударила. <...> А они так смиренно отодвинут его руку. <...> А [немцы] хохочут. Им кто-то сказал, что девочки не имеют белья нижнего. Вот они и поднимали их юбки».

Девушки-остовки воспринимались как легкая добыча. Они становились объектами сексуальных домогательств со стороны лагерного начальства, конвоиров, полицейских, хозяев, мастеров.

Татьяна Веселовская вспоминала: «Один раз этот мастер попросил, чтобы я в воскресенье пришла на работу. Я пошла, никого нет, только я и он. Я немножко, конечно, струхнула. Но я не понимала. А потом он мне говорит: “Пойди вниз”». Пятнад-

цатилетнюю девочку спасло только вмешательство хорошо относившегося к ней немецкого рабочего: «Я смотрю: под лестницей стоит Отто. Он мне сказал: “Ты не бойся, я тебя в обиду не дам”».

Угроза насилия существовала и со стороны собратьев по несчастью.

Евдокия Верховланцева чудом избежала насилия, когда на нее набросился рабочий-серб: «Выходной день, все уехали в церковь. Мы с ним поехали вдвоем на лошади, он будет косить, а я буду клевер на телегу бросать. <...> Он меня схватил, повалил. Я схватилась как-то, выскочила от него и как бешеная бежала по клеверу без дороги».

Отдельная тема – узницы, попадавшие в бордели в концлагерях. Надежда Булава (Маутхаузен) рассказывала, как ей удалось избежать этого: «В 4 часа общий подъем и сразу выходи на построение. С этого построения выбирают [девушек]. Я помню, один раз старшая по блоку, полька, говорит: «Паненка, парашу отнеси. Иди, – говорит, – сейчас будут выбирать в дом терпимости. <...> Потом выйдешь, после. Ты, – говорит, – высокая, они тебя подкормят и что хотят, то и сделают с тобой». Мы сначала не знали, а оказывается, что девчат сначала использовали, как надо, и, чтобы они не распространялись, их отправляли в крематорий, а новых набирали среди нас».

Это рассказы тех, для которых все закончилось относительно благополучно. Можно предположить, что в других случаях вспоминать об этом было бы чрезвычайно трудно. Да и вообще о сексуальных контактах наши собеседники не упоминали.

О том, что на самом деле связи между мужчинами и женщинами в рабочих лагерях были делом частым, говорил Михаил Черненко: «Несколько у нас было стариков, лет под пятьдесят, у них какие-то женщины были, которые им что-то готовили, штопали. А у нас, остальных, у одних периодически, [у других] более или менее постоянно появлялась какая-то женщина, девушка, сожительница, извините».

В результате появлялись дети. Рождение ребенка могло быть, конечно, следствием различных причин – от любви до сексуального насилия. Но были и попытки таким способом избежать тяжелого труда и даже вернуться домой. «Поначалу беременных

Лагерь при железной дороге.
Бранденбург, 1944

Лагерь при деревообрабатывающей
фабрике. Берлин, 1943

⁴³ Герберт У. Принудительные работы в Германии. Советские гражданские рабочие и военнопленные 1941–1945 гг. В кн.: Тяжелые слова. Судьбы восточных рабочих. СПб.: Мемориал, 2000. С. 20.

женщин из Польши и Советского Союза отсылали назад на родину, но вскоре трудовые учреждения заподозрили, что женщины нарочно добиваются беременности, чтобы таким образом получить возможность покинуть Германию»⁴³. С весны 1943-го отсылка на родину беременных восточных работниц была прекращена. Детей остовцев забирали у матерей и отдавали в специальные приюты, где многие из них погибали. Но от работ рожениц тем не менее освобождали. Подчас это вызывало зависть и злобу.

Антонина Сердюкова рассказывала: «В нашем лагере были 25-летние девахи-красавицы, с Западной Украины. <...> У них уже ребеночки были, от полицаев в основном. Они их подкармливали, девочек этих. Вот родит ребенка – и она уже на работу не ходит, она с ним нянчится. Специальный барак был, где жили одни мамы с детьми».

Любовь Ерохова: «Наша Маруська сблудилась с поляком, прижила от него мальчика и девочку. Она не работала, а масло получала на ребят; мы злились на нее, что она масло ест, а нам нечего».

Подневольная жизнь убивала нормальные человеческие чувства. Кусочек масла для матери с детьми становился предметом зависти и причиной конфликтов...

Лагерь при канатной
фабрике. Зинген, 1944
Текст на обороте: «Дети,
которые были в лагерных яслях.
В фартуке с двумя детьми –
ясельная няня. Все остальные
девочки – после ночной смены»

Среди наших свидетельниц не было тех, кто вернулся бы из Германии с ребенком, но о встречах и о возникавшей любви вспоминали часто.

Из интервью с Галиной Шаланковой: «А у вас был друг?» – «Был. Миша. <...> Дружили мы с ним, очень любили друг друга. Помню, как-то гуляли по берегу Эльбы, и он пристал ко мне: «Ты скажи, любишь меня или нет?» А я молчу и молчу. <...> Потом взял меня за плечи: «Говори, любишь?» Я говорю: «Люблю, люблю, люблю!» Ах, боже мой, какой хороший парень был, красавец»...

Браки между остарбайтерами были разрешены. Немецкие власти выдавали свидетельства о браке и о рождении ребенка.

Дети работниц
алюминиевой
фабрики.
Браунау, 1944

Подарочная открытка. 16.05.1943 / ГАРФ. Ф. 10014.
Оп. 1. Д. 14. Л. 2

мужчина, и, конечно, я ослепла сразу. А он весь обомлел, что я русская, и с той поры начались записочки. <...> Клод приходил к забору, просверлил дырочку, и вот так в дырочку мы с ним разговаривали. Можете себе представить, ночью? Обычно он бросал камушек через забор в наш барак. Бараки стояли вдоль забора. Раз бросит, два бросит – и я кидалась к забору. <...> А потом нас начали бомбить каждый день и каждый час. Немцы уже испугались, и забор перестали чинить. Я стала убегать из лагеря, потом мы оба стали убегать в лесок. Сами понимаете, что такое 18 лет».

Вернувшись после войны домой, девушки-остовки о своих отношениях с мужчинами не рассказывали. Молчать об этом их «научили» сразу после освобождения, когда красноармейцы нередко оскорбляли их, называя «немецкими подстилками», а фильтрационные службы настойчиво выискивали «факты непатриотического поведения».

Муж и жена оstarбайтеры. Оснабрюк, 1943

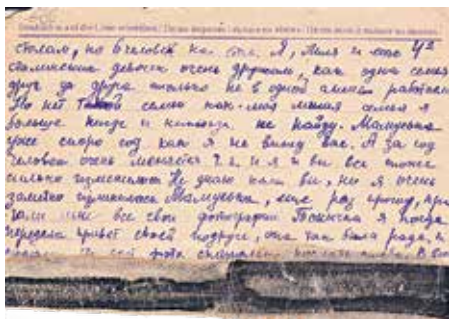
Подозрения, что они «гуляли с немцами», долгие годы преследовали девушек и на родине. Это приводило к тому, что личная жизнь многих оказывалась неустроенной.

«Немцы разные были»

Какими остались в памяти оstarбайтеров немцы? То, что мы услышали от наших собеседников, оказалось сложнее и противоречивее, чем привычная схема: «угнетатели и угнетенные», «хозяева и работники». Важно было, что спустя десятилетия оstarбцы говорили о своих отношениях с немцами без страха, не боялись признаться, что испытывали к ним не только ненависть и вражду, но порой симпатию и благодарность. Эти отношения зависели прежде всего от того, где жили и работали оstarбцы: в рабочем лагере, у бауэра, в немецкой семье.

Письмо из Ремшайда в Мариуполь. 26.05.1943

«Здравствуй, моя мамусенька и все мои милые родные! Сообщаю, что я жива, здорова, чего и вам желаю. Мамусенька, письма я от вас получаю, но очень редко. Я очень скучаю за вами всеми. Как мне хочется видеть всех вас и сидеть за одним столом. Правда, здесь у нас тоже за столом по 6 человек на стол. Я, Лиля и еще 4 сталинские⁴⁶ девочки, очень дружим, как одна семья друг за друга, только не в одной смене работаем. Но нет такой семьи, как моя милая семья, я больше никогда и нигде не найду. Мамусенька, уже скоро год, как я не вижу вас. А за год человек меняется, в т. ч. и я, и вы все тоже сильно изменились.

⁴⁶ Девушки из г. Сталино (совр. Донецк).

Мамусенька, еще раз прошу, пришли мне все свои фотографии.

[Дальше текст вымаран.]

Надежда Булава: «Я вам скажу, что приходилось встречаться с немцами с гражданскими, не все были сволочи. Были хорошие люди, которые тоже чем-то, но помогали. Но были – фашисты в первой степени».

Первые впечатления почти у всех были схожими – в Германии их встретили с ненавистью и презрением. Многие вспоминали насмешки, угрозы, издевательства. В рассказах остовцев первые увиденные ими немцы лишены индивидуальности. Особенно если речь шла о немецкой охране в штрафных лагерях, тюрьмах, концлагерях. Это, как правило, безликие фигуры, которые унижают, бьют, допрашивают.

Иосиф Абкович: «Потом они меня начали избивать. Раз я уже тут есть, начали избивать. Били все: и эсэсовцы, и капо, и помощники».

Вадим Гуменный: «Я работал на железной дороге. А они, эти эсэсовцы, ходили и смотрели. И приходили, и страшно били».

Завод Круппа. Берлин, 1942

Металлургический завод.
Пайне, 1943

Лаврентий Новохатько: «В гестапо били, а с гестапо уже привезли в тюрьму. А в гестапо били просто так, били и допрашивали».

Во многих случаях в памяти остовцев сохранился лишь коллективный образ немцев с самыми общими характеристиками: бригадиры, мастера, подростки и т. д. Главным в рассказах становились немецкая жестокость и собственная беспомощность.

Аркадий Кожаяев: «В шахте была очень трудная работа. При чем происходила она под наблюдением немецких шахтеров. Это

были еще молодые люди, около 30–35 лет. Относились они к нам очень жестоко. <...> Мы работали, не зная технологии, ну и [ошибались]. И моего соседа избили так, что он на другой день в бараке умер. Это было ужасно, все были возмущены, но ничего не сделаешь».

Запомнились немцы, выделявшиеся особой жестокостью.

Зинаида Валихова: «Однажды я стою, разговариваю с молодым парнем через проволоку, потому что нельзя подходить друг к другу. И вдруг получаю огромный удар в лицо. У меня звезды из глаз. <...> Лагерфюрер был настоящий палач. Ужасно, как он девочек бил!»

Павел Михайлов: «Ночью в цехе холодно было, я пригрелся и уснул на рабочем месте. Вдруг меня по спине как бабахнет что-то. Я вскакиваю и вижу – мастер с начальником цеха. Начальник – зверюга. Мастер мне говорит: “Что ты спишь, иди, под станком стружку подбери”. Я стал подбирать, а мастеру нужно было перед начальником себя показать, ударил меня по лицу, и я упал. И начальник стал меня лупить резиновым шлангом по спине. Бил, бил... Я не кричал, хотя другие кричали. Но я терпел. Только обмочился».

Лагерь при мебельной фабрике.
Дорфферден, 1943

Открытка с видом фабрики
«Нестле». Кемптен, 1943
Текст на обороте: «...Я вам
пошлю свою фабрику,
на которой я работаю...»

Работницы вагоностроительного
завода с мастером.
Франкфурт-на-Майне, 1944

Татьяна Желамская рассказывала: «Хозяин бил нас плеткой. <...> Вызывает на веранду или в хлев и порет. Кто заплачет – прекращает, кто не заплачет – бьет долго. Вот мне, например, ни за что было не заплакать. Стоит он напротив и через плечо свищет – на второй день не повернуться. Плачу, но потом».

Лидия Бекетова: «Вот один раз я не одела значок [“OST”] пошла на фабрику, а домой возвращалась, полицейский уже стоял и смотрел, как мы проходим. <...> Он спрашивает: “Почему значки не одела?” И он начал хлестать меня по щекам своей кожаной перчаткой. Я, конечно, заплакала: девчонка была еще совсем».

Таисса Толкачёва: «Когда мы уходили на работу и с работы, мы видели эту молодежь, видели детей, которые тоже над нами смеялись, бросали в нас камни и называли “свиньи”. <...> Мы не смеем им сказать в ответ. Что мы скажем, когда нас ждет наказание. Так что мы смиренно ждали конца, ждали нашего освобождения».

«Добрый день или вечер, мои дорогие родители, и сестрички, и все родные. Передаю вам свой сердечно любимый привет. Желаю вам как можно лучше прожить на родной Украине. Мамко и татку, сестрички мои родные, не забывайте, что был у вас сыночек Гриша, а теперь разлучили меня с вами. Я плачу тут за вами, а вы там за мною не плачьте, мои родные, потому что ничем не поможете, лишь прошу, не забудьте меня...»

Немцам было очень удобно списывать положение оstarбайтеров на военные тяготы и считать вполне естественным, что они носят знак, работают фактически бесплатно и полностью зависят от воли своих хозяев. «Идет война – сейчас всем трудно», – эту фразу запомнили многие оstarбайтеры.

Униженное и бесправное положение оstarбайтеров усугублялось незнанием языка.

Евдокия Верхоланцева, работавшая у бауэров, рассказала историю, казалось бы, бытовую и мелкую, но она запомнила ее как одну из самых больших несправедливостей. В бак замоченного для стирки белого белья кто-то бросил черные тряпки. «Белье, замоченное было, стояло там, где я оставила, а кто-то положил черное. Ну разве мама мне разрешала? Я ведь дома стирала все белье. Ведь мы стираем отдельно белое, и черное отдельно стираем. <...> Хозяйка прибежала, так орала! <...> Я по-русски объяснила бы, что я так никогда не делаю. Что вы думаете:

Хозяин пивоварни
с работницами.
Мюнхен, 1944

русские – свиньи, что черное и белое стирают? Но ведь я не умела, я только плакала. Я говорю – я не виновата, а она не понимает».

Поэтому наши собеседники так охотно рассказывали другие истории, в которых им удалось возразить, показать свои знания, одержать верх, отстоять свое человеческое достоинство. Работавшая на ткацкой фабрике **Анна Кириленко** вспоминает: «Я с нашим обер-мастером часто вступала в дебаты. Говорила ему, что мы нормальные люди, что у нас есть библиотеки, что мы ездили в пионерский лагерь. Я все это ему рассказывала, а он говорил: “Это неправда и не может быть. Ничего у вас такого нет”. Я доказывала, а ему это не нравилось. Упрямство такое».

Успевшая закончить девять классов ленинградской школы **Мария Виткевич** была домработницей в многодетной берлинской семье. Вспоминала: «Когда мы приехали, [наши хозяева] говорили, что у нас коммунизм, что мы спим по 40 человек под одним одеялом. Когда мы им стали декламировать наизусть Гёте и Шиллера, напевать [арии] из опер, они поверить не могли: “Неужели там есть школы и вас учат?!”»

Похожую историю рассказал **Михаил Черненко**, который, обнаружив, что никто из его немецких ровесников на заводе не знает алгебры, пытался объяснить им элементарные задачи.

Вера Дергачёва с удовлетворением вспоминала, что она сшила хозяйке белье, «как у них не носят»: «Моя хозяйка поехала к мужу. А я ей пошила лифчик. А у нее грудь, она такая полная женщина, и грудь висит на животе. Ну, не красивенько! Она: “А вот у вас красиво”. Я ей показала лифчик. “А ты мне не пошьешь?” Я говорю: “Пошью”. Я ей пошила лифчик, и у нее грудь поднялась, и живота нету. И она прямо такая стройная, красивая женщина».

Подобных бытовых историй множество: как солили капусту по русскому рецепту, как поразили хозяйских детей умением кататься на коньках, как указали немецкому мастеру на ошибку в расчетах и т. п. Остовцам важно было показать (это было невероятно трудно на фоне постоянной бытовой дискриминации), что они многое умеют не хуже, а то и лучше немцев.

Большое значение имело самое элементарное знание немецкого языка.

Бауэр с женой.
Альтендорф,
1942

Николай Лилеев: «Я такой для себя сделал вывод: если человек с немцами говорит по-немецки, то он для них уже человек и к нему отношение как к человеку. <...> А если он не говорит, значит, он у них как рабочая скотина».

Письмо из Берлина в Киевскую обл. 10.03.1942
(на украинском языке)

«Здравствуй, сестричка Зина, что же загордилась, неужели не напишешь. Как тяжело мне, Зина, тебе я написала письмо, всю свою проклятую жизнь описала, но от тебя ни звука. Или времени нет или может забыла, что плакала горько тогда. Я все

считаю дни, как пройдет день, как будто год прошел. Если бы не было дивчины с моего села, то я бы с ума сошла. А так, как вечер, закончу работу и сразу до нее бегу то так, как будто дома, когда я с нею сижу. В воскресенье много было девочек, украинцев, хлопцев, поляков, французов. Танцевали, музыка аж до 10 часов вечера. А меня отпустили лишь с 2 часов до 5 и вечером с 9 до 10. Такая прекрасная хозяйка, хоть бы и ее смерть такая же прекрасная была, сколько я слез у нее пролью. <...> Бывай, мое золотко, целую».

Ирина Соколова вспоминала, что, выучив немецкий язык, смогла отстаивать свое достоинство перед хозяевами: «Я стала дерзкой, резкой. Не они в этом виноваты. Я просто научилась говорить».

Как рассказывала **Евдокия Верхоланцева**, она изо всех сил старалась выучить немецкие слова, слушала и записывала русскими буквами: «И все пишу. Пишу так: “кумелика – коров доить; швай фэдра – свиней кормить; вода – вассер”⁴⁸. Все это перевожу сразу. Научилась быстро. Каждое слово я ловила, чтобы научиться».

Но не всем хотелось учить немецкий, и не только из-за языковых трудностей: зачастую все немецкое вызывало отвращение, и в языке врага слышались только приказы, окрики и ругательства.

Таисса Толкачёва: «Я сразу возненавидела немцев, и мне не хотелось. Только и слышу вот: “Швайн райне!”⁴⁹».

Многие остовцы вспоминали о жестокости со стороны подростков. Это объяснимо: в школе и в гитлерюгенде их учили, что остарбайтеры – «унтерменши», низшая раса. Для детей они были готовыми жертвами.

Среди людей немолодых бывало по-разному. Были те, кто до прихода к власти нацистов поддерживал социал-демократов или коммунистов. Они сочувствовали остовцам. Были немки, которые жалели детей и подростков. И хотя местному населению строжайше запрещались любые личные контакты с остарбайтерами (передача им продуктов, одежды и т. п.), у некоторых возникало естественное человеческое сочувствие к тем, кто работорговал.

⁴⁸ Kuh melken, Schweine füttern, Wasser (нем.).

⁴⁹ Schweinerei (нем.) – свинство.

Письмо из Ангервизе в Каменец-Подольскую обл. 30.11.1943

«Во первых строках моего письма спешу уведомить вас, что я жив и здоров, чего и вам желаю всего наилучшего в вашей домашней жизни. Сообщаю вам, что я ваше письмо получил, за которое так вам сердечно благодарю. А то я от вас не получал писем целый месяц и думал, что с вами там плохо. Я вам еще посылки не выслал. А как хозяин когда поедет на город, то там, может, на почту сдаст. Бо я-то на городе не бываю так часто. Вы пишете, что мать вже не может работать, то как возможно, то нанимайте. А как денег нет, то я вам могу выслать. Вы обо мне-то пока не заботьтесь, а только берегите сами себя. Как будем жить, то я в этом году приеду к вам на урлеп⁵⁰. А затем до свидания. Остаюсь жив и здоров».

⁵⁰ Отпуск (иск. нем. Urlaub).

Сочувствие и жалость проявлялись по-разному. Чаще всего чтобы как-то подкормить голодных остоуцев. В воспоминаниях и интервью немало рассказов, как немцы – мужчины и женщины, знакомые и совсем незнакомые, рабочие, мастера и даже некоторые полицейские и охранники – тайно, рискуя навлечь на себя наказание, «подсовывали» им (этот глагол употребляют многие) принесенные из дома «бутербродики» или кусочки хлеба. Но все эти случаи потому и запомнились, что были, как правило, единичными, из ряда вон выходящими.

Вера Дергачёва: «Помню, меня пригласил мастер. Даже сейчас помню. Надо же, такое помнится! Бергштрассе, ахцен – Горная улица, восемнадцать. Я пошла, и они там меня угостили, дали в бутылках, такие вот, как молочные – кирбис – тыкву, законсервированную тыкву».

Работницы
консервной фабрики.
Людвигсхафен, 1944

Вера Федорченко (работала на военном заводе в Ниндорфе): «Однажды я мастера искала: у меня иголка сломалась. Там немки, женщины пожилые, что-то за столом сортировали. А на полдник у них были такие бутербродики. Господи, такой тоненький бутерброд. Я зашла, немка подошла и сунула мне в карман этот кусочек хлеба. Им самим было немножко, сами они были голодные. Чтоб никто не видел – Боже упаси!»

Виктор Шульдешов (завод «Марион» в Лейпциге): «Когда я работал в литейном цехе, рядом со мной работал Амон, немец. <...> Если есть у него закурить, он сигаретку даст, нету – окурочек даст. Бутербродик даст. Когда работали в ночную смену, он давал полчасика вздремнуть. Конурка была, поспишь немножко там, он разбудит. Хороший был немец».

Любовь Шкулёва (военный завод в Остерфельде): «Нас на работу из лагеря водил Матиас, конвоир. Он очень старенький был. <...> Я все время шла последней, в конце колонны. Вдруг он мне говорит: “Вы ходите голодные, шатаетесь, как тени”. – “Кушать плохо дают”, – говорю. А он говорит: “Я придумаю, что у меня повыбивало стекла, хочу, чтобы мне помыли”. Он приходит к коменданту и просит [для уборки] узницу и показывает на меня. Привел меня в свой дом, и там, помолясь, все сели за стол и налили суп фасолевый. Матиас говорит: “Ешь, ешь!” А потом меня в лагерь отвез. Такой вот пожилой человек, ему лет 65–70 было».

Работница в семье
бауэра. Пригниц,
1943

Зоя Елисеева (работала на ткацкой фабрике в Касселе): «Немцы разные были, очень разные. Одни к нам относились враждебно, с презрением. В трамвай со значком “OST” не войдешь: тебя вытолкает кондуктор. Другие, наоборот: вот мы идем на работу по дороге строим, а они – по тротуару. И кто-то из них сунет тебе что-нибудь. <...> Но это, правда, редко было, к сожалению».

Татьяна Теплова (работала на железной дороге): «Со мной работала Марта – здоровая, высокая, голос грубый. Но какая же она была хорошая! Дежурить с ней в ночь было просто счастьем. Она с собой за стол посадит, даст булочку, кофе нальет».

Удивительную историю о неожиданном проявлении человеческих чувств рассказала **Мария Аушева**: «Работала я – завод Винкель, военный завод. Вот никогда, до самой смерти не забуду! Нас по утрам водили на работу. В шеренгу, один с автоматом впереди, другой с автоматом сзади. Мимо одного особняка проходила, там такие розы! Я таких никогда не видела! Я увидела, а потом так – становлюсь первая в шеренгу, доходим до этого особняка, я становлюсь у забора и смотрю на эти розы. И к последним примыкаю и иду. <...> И так каждый день. Туда и обратно. И вот в один день я только остановилась и смотрю – вдруг передо мной выходит немец, лицо улыбающееся такое, сияющее, сразу срезал три розы, такие только-только начинали

распускаться, красивейшие розы! И подал мне. Боже мой! У меня слезы! Мне показалось, что мне полмира подарили!».

С огромным волнением вспоминала свой последний Новый год в Германии и поздравление хозяина Ирина Соколова: «Они пригласили меня, поляка, украинца и серба за стол. Это был Новый год: с 44-го на 45-й. Ну меня хозяин до слез довел, говорит: “Я желаю, чтобы Ирины следующий год встретила в кругу своих родных и друзей”. И я, конечно, разревелася, со мной прям чуть ли не истерика была».

Письмо из Штрасфурта в Киевскую обл. 19.04.1943
(на украинском языке)

«Письмо <...> от вашей дочки и сестры Тони до своих родненьких и таких далеких таточки, мамуси, братика Павлуши, сестричек Маруси и Гали. Добрый день, мои родненькие. Прежде чем писать это коротенькое письмо, спешу передать свой низкий и чистосердечный привет с далекого чужого края и пожелать всего наилучшего в вашей жизни, всего того, что вы больше у бога просите. Дозвольте поздравить с великим днем христововым, чтоб вы провели эти праздники как можно лучше и пусть вам бог пошлет и счастья, и удачу, и долгих лет жизни, как я вернусь в свой родной край, чтобы еще с вами нажиться и наговориться. Я, родненькие, буду также праздновать великий день 25 апреля 3 дня, ну не знаю, как буду проводить этот праздник. Я сейчас пишу вам письмо во дворе, сидя под бараком, а дума моя где-то там, в родном краю рядом и вместе с вами. Потому что я сейчас, особенно в эту пору, совсем не могу спокойно жить, потому что

мне это напоминает 20 мая, тот день, как я покидала вас, мои родные, и свой край, и ехала в далекую, чужую и неведомую землю, не зная, что ждет впереди. Я не могу забыть, как мы вдвоем с тобою, сестра, шли до Павлуши, а мама стояли и плакали, и сказали: “Когда ты этой дорожкой будешь идти назад?”, а я сказала: “Не плачьте, мама, я скоро вернусь”. А тато дома не было. И дошла с тобою до большой горы, и еще раз оглянулася, обвела очами свой родной уголок, а он стоял в цвету, как в молоке. <...> До свидания, мои родненькие, целую бессчетно раз. Написала б целый рай, да бумаги вышел край. Привет всем друзьям».

Федор Хмара говорил, как его хозяева, нарушая все запреты, разрешали ему слушать радио: «У хозяев был [приемник], и они разрешали мне послушать передачи из России. Только просили, чтобы я, боже упаси, никому об этом не рассказывал: “А то, – говорили, – нас повесят”».

Понятно, что наиболее близкие и добросердечные отношения с немцами складывались у остовцев, работавших в семьях нянями или прислужгой. Строгое предписание – ни в коем случае

Домработница с ребенком.
Окрестности Мюнхена, 1944

Няня-остовка с хозяйскими
детьми-близнецами. Пирмазенс, 1942

«Дорогая Тамара!

Посылаю Вам сердечные поздравления с днём рождения.

Я надеюсь, что новое место Вам нравится и Вам там хорошо

работается. Лишь год назад все мы вместе были в Берлине.

Сегодня как раз годовщина, когда мы лишились нашей квартиры

из-за жестокого воздушного налета. От Вас давно ничего

не было слышно. <...>

Моя новая девочка работает у меня ежедневно лишь по пять

часов. Поэтому мне еще работы хватает. Вы выполняли вашу

работу очень тщательно. Если Вы выйдете замуж, Вы будете

отлично справляться с домашним хозяйством. <...> На те

деньги, которые приложены к письму, купите себе цветов

на день рождения. Я лишь желаю Вам всего хорошего и передаю

сердечный привет. Ваша Е. Надольны. Сердечные поздравления

от моего мужа».

К четырнадцатилетней **Татьяне Веселовской** очень привязались мастер, с которым она работала на заводе, и его жена. Когда завод разбомбили, они просто спрятали ее у себя: «Он и говорит мне: “Знаешь, моя жена сказала, чтобы ты к нам приехала. Только ты вот этот «OST» оторви, оторви и как-нибудь оденься”. Я поехала – они меня встретили. Значит, первое – посадили меня в ванную. Он помыл мне голову (он бывший парикмахер), подстриг, накрутили меня. А она мне тогда из своего стала перешивать. А на ночь они меня оставили. Это как вчера я помню. Вы знаете, я забыть этого не могу. <...> С тех пор стала к ним [ходить] каждое воскресенье. Она мне вязала, она мне шила».

Татьяна Веселовская вспоминала, как они уговаривали ее остаться, и, по ее признанию, иногда жалела, что не послушалась и вернулась на родину.

Были ли случаи любовных отношений между остовцами и немцами? Несмотря на все запреты, такие отношения возникали, но, по понятным причинам, рассказов об этом остовцы избегали. Поэтому среди собранных нами воспоминаний есть лишь одно такое свидетельство – история **Лидии Ерастовой** (девичья фамилия Балюта). Она работала на железной дороге в Артерне (Тюрингия), сопровождала грузы на товарных поездах

Прислуга в немецкой семье.
Бремен, 1944

и, в отличие от многих девушек-остовок, жила не в рабочем лагере, а в общежитии и могла, спрятав лоскуток «OST», свободно выходить в город. Вот ее рассказ: «Однажды я пошла в кино, прихожу, а билетов нет. Мне предлагают билет ребята – молодые немцы. Так я познакомилась с Рольфом Ютце, с которым я до конца войны дружила. Однажды он мне сказал: “Лидия, мама просит, чтобы ты пришла, она хочет с тобой познакомиться. Она, – говорит, – все знает, я все рассказал, откуда ты”. Я при-

шла. Она увидела меня и всплеснула руками: “Ой, – говорит, – какая красивая девочка”. Она приветливо приняла, угостила пирожным. Сели, поговорили. В это время Рольф начал искать Москву в приемнике. Нашел, спрашивает: “Москва?” Я говорю: “Москва”. Немного послушала. Потом он выключил: “Больше не надо, я, – говорит, – боюсь”. Когда я к ним приходила, он каждый раз находил Москву, чтобы я хоть немножко послушала. Мы дружили с ним до конца войны. С ним хорошо было. <...> Его родители меня полюбили и пригласили жить к себе в дом. Нет, мы не были мужем и женой. Я спала в комнате его младшего брата. Мы были еще несовершеннолетние – мне было 17 лет, он на год младше меня. Мы ждали, когда Рольфу исполнится 18 лет, чтобы мы могли пожениться. Но война закончилась раньше, и мне пришлось уехать...»

Через много лет я узнала, что семья Ютце долго меня искала. Писали во все инстанции. Везде им отвечали, что неизвестно, где я. А однажды ответили: “Советская гражданка Лидия Балята уехала на Родину, вышла замуж и не надо ее беспокоить”. А я в это время на лесоповале в Коми работала. Там, в лагере, мне часто снился сон, будто я иду по Артерну домой. И знаю,

Лида Балюта и Рольф Ютце. Артерн,
1945

Проходная лагеря оstarбайтеров.
Зальфельд, 1944

что если успею дойти до двери и позвонить, мне откроет Рольф, и больше мы с ним не расстанемся. Но никогда не успевала позвонить – просыпалась».

Через призму войны

О событиях, происходивших на фронте, угнанные в Германию оловцы вначале имели очень смутное представление. Слухи, которые до них доходили, не внушали надежд на скорое окончание войны и тем более на победу Красной армии.

«Мы не виноваты, это – Гитлер»

Таисса Толкачёва, которую угнали в мае 1942-го, рассказывала, какое впечатление на нее произвели слова немецкого заводского мастера о взятии Севастополя: «Там немец такой был гадкий! Все: “Швайне! Швайне!” – “Свиньи! Свиньи!” Вдруг он к нам под-

Работники авиационного завода. Вельс, 1943

бегает: “Севастополь капут! Севастополь капут! Теперь я буду господином, а вы будете работать на меня”. Мы на него смотрим, слезы в глазах».

Геннадий Грибовский: «Соберут нас полицаи и говорят: “Всё, уже России и Советского Союза нет, вы будете пожизненно здесь”».

В начальный период жизни в Германии многие оstarбайтеры не надеялись на возвращение домой.

Михаил Черненко рассказывал, что в середине 1942-го не верил в победу над Германией: «На меня действовало мое подавленное состояние, когда меня притащили сюда. К сожалению, должен сказать, что в этот период я не задавал себе вопроса, что будет дальше. Я был совершенно уверен, что они дальше пойдут побеждать Россию. Вы бы посмотрели, как наша армия разбежалась на Украине».

Ираида Жукова вспоминала: «Я уже не верила, что увижу свой дом и своего папу. Теперь здесь будем умирать».

Даже перед самым концом войны некоторым из них поражение Германии казалось невозможным. **Георгий Ткачёв** рассказывал, что даже в марте 1945-го у них в лагере нашлись желающие вступить в РОА: «Значит, выстроили нас. Офицер был русский, из Русской освободительной власовской армии. <...> Подходит этот самый офицер и девица с ним – то же самое, в военной форме. Форма у них была немецкая у всех. И с речью выступает. “Мы – представители Русской освободительной армии. Мы против коммунистов”. За возвращение старых порядков, значит. Ну, короче говоря, сводилось к тому, “кто желает вступить в наши ряды, в нашу армию, сделайте три шага вперед!” Ну нашлись человек десять, может быть, пятнадцать. Их сразу шагом марш построили и повели».

Мария Аушева говорила, что верила в победу, но скорее мистически: «Я знала все равно, что победа будет наша. Я знала. А знаете, как я знала? Когда лейтенант был у нас, сказал [матери]: “Мать, ты запаслась крестиками?” – “Нет, – говорит, – сынок”. – “Ой, надо крестики, война долго ведь будет, – говорит. – Ну не бойся, мать, победа будет наша”. Вот я вспоминала, всю Германию думала, что победа наша, что он сказал правду».

На прогулке. Драмбург, 1944

Со временем остовцы начали догадываться о реальной ситуации на фронте. Научившись немного понимать язык, ловили обрывки фраз, выискивали информацию в пропагандистских газетах, в немецкой кинохронике. Некоторым удавалось даже послушать радио из Москвы (об этом упоминали Ирина Соколова, Таисса Толкачёва, Федор Хмара).

Но догадываться, что происходит, они стали главным образом по тому, как менялось к ним отношение немцев. А менялось оно в зависимости от успехов или поражений вермахта, от содержания приходивших с фронта писем.

Первый существенный перелом в этих настроениях остарбайтеры заметили после Сталинграда. Наши собеседники вспоминали, как они узнали об окружении немцев.

Галина Аграновская: «По физиономиям хозяйки и ее сестры я видела: если мрачные физиономии у них, я знала – где-то немцам дали прикурить! Это точно.

Особенно, когда Сталинград. Я помню прекрасно. Без конца были траурные дни. Я особенно это чувствовала, потому что лично меня касалось».

Таисса Толкачёва: «Смотрим, все скопились в одну кучу немцы и мастер вместе с ними. Настроение у них ужасное. Думаю: что-то случилось. До нас ведь никаких вестей не доходило. Мы не знали, где наши, где немцы, мы только, как рабы, ходили

Работницы швейной фабрики. Берлин, 1943

на работу. Единственный немец, который говорил, что он коммунист, потом пришел и сказал: “Сталинград взят русскими”».

Михаил Черненко: «Перелом в сознании начался со Сталинграда. <...> К нам в лагерь привезли сталинградцев, город-то вначале был практически захвачен, и ребят оттуда подгребли. С их появления, с их рассказов, с последовавшего разгрома и начались перемены».

Поражения на фронте по-разному сказывались на отношении немцев к остарбайтерам.

Татьяна Теплова вспоминала работавшую с ней немку: «Была еще Фрида. У ней брата убили под Сталинградом, она нас ненавидела».

Но у многих немцев военные поражения, постоянные бомбежки, резкое ухудшение снабжения, гибель близких вызывали иную реакцию.

«Я не могу обижаться на хозяйку, – вспоминала **Раиса Первина**. – Она очень человечно [ко мне] относилась. Может, потому, что у нее сын воевал в России. Она сказала: “Может быть, и мой сын окажется в таком положении”».

Зинаида Комиссарова: «Сын моих хозяев погиб. Смотрю – вечером они плачут. Потом заказали его портрет. Они никогда не думали, что их победят. Верили в своего Гитлера. Только когда усилилась американская бомбежка, стали понимать».

Павел Михайлов рассказывал о настроениях немецких рабочих в конце войны на металлургическом комбинате: «Сведений о фронте мы никаких не получали. Но шила в мешке не утаишь. Уже все говорили откровенно, и с немцами мы разговаривали: “Гитлер капут”. Были, конечно, среди них фанатики, спорили: “Нет, нет, Гитлер еще покажет”».

Многие наши собеседники, описывая эти настроения, подмечали, что немцы, будто опомнившись, стали всю вину сваливать на Гитлера: они, мол, простые люди и ни в чем лично не виноваты. Работавшая в семье бауэра в Нижней Силезии **Анна Одинокова** вспоминала: «А потом слух пошел, что начали наши поближе подвигаться. [Хозяева] стали ко мне добрее вроде как. Не то, что лучше кормить, но не грубо так обращаться со мной. <...> Вот по радио там у них гар-гар-гар – геббельсы разные.

Лагерь при пороховой фабрике.
Франкфурт-на-Майне, 1944

Он выключит: “А! Швайнерай!”, – скажет, – свинья. Ругается. И вроде мне хочет сказать, что он не любит их: “Мы ведь не хотели Гитлера, это молодежь, дураки”».

В рассказах остовцев примечательно, что добросердечные немцы были в большинстве своем люди пожилые, и остовцы в их глазах были не врагами, а несчастными молодыми людьми.

Мария Аушева: «Идет женщина и плачет. И говорит: “Возьмите [хлеб], мой сын у вас в России. Ну мы не виноваты, это Гитлер, ваши мамы тоже плачут, возьмите, помяните моего сына”. Мы принесли этот хлеб, в бараке разделили на всех».

Виктор Шульдешов вспоминал разговоры немецких рабочих в литейном цехе завода «Марион» весной 1945-го. Смысл был в том, что виноваты Гитлер со Сталиным, а они ни при чем: «Вот так примерно говорили: зачем это Гитлер со Сталиным лоб об лоб стукнулись. [Нам] лишь бы работа была и кушать!»

Ощущение близкого конца войны появилось, когда союзники начали массированно бомбить немецкие города. Одновременно усиливался и страх немцев перед остовцами. Остарбайтеры, которые еще вчера были для большинства немцев всего лишь убогими и жалкими невольниками, стали видятся теперь представителями будущих победителей и, возможно, даже своего рода гарантами будущей защиты.

Вот рассказ **Галины Шаланковой:** «У нас в лаборатории главной была фрау Курде. Она расспрашивала меня: “Галя, расскажи, когда коммунисты придут, что они будут делать, будут вешать

нас всех?” Они старались все поладить с русскими, когда уже война кончалась, стали добрые уже».

Таисса Толкачёва: «Где-то в марте сорок пятого мы уже увидели, что немцы на нас как-то по-другому смотрят. Некоторые начали подходить и говорить: “Ну, значит, скоро поедете домой? Скоро войне капут”».

Галина Аграновская: «Хозяин так [начал] лебезить, что я поняла: война кончается. Я говорю: “Какой он стал добрый!” – “Хм, добрый, – говорят поляки, которые там работали, – у него сын в СС. Он боится, крестится, чтобы американцы пришли, а не русские”».

«Всё рушилось и горело»

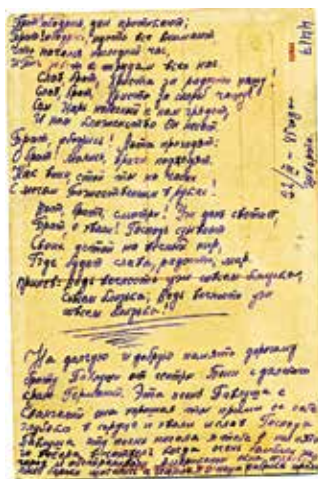
Разбор завалов после бомбежки. Берлин, 1944

Еще до конца войны остовцам вместе с немцами пришлось пережить ковровые бомбардировки союзников. Хотя бомбежки, бесспорно, укрепляли веру остовцев в скорое окончание войны, наши рассказчики вспоминали о них как о самом страшном из того, что они испытали в Германии. Ведь очень многие работали на военных заводах, которые были главными объектами бомбардировок.

Анна Ермилова: «Это был настоящий ад, все рушилось и горело».

Валентина Сехина: «Самолеты над нами стали кружить, и посыпались бомбы. Думаем, сейчас и мы. Вот это нам и капец, это наша смерть».

Зинаида Валихова: «Самое страшное, что пришлось пережить, – это бомбежки».

Неотправленное письмо
из Шверте. 22.03.1945

«...На долгую и добрую память дорогому брату Павлуше от сестры Тони с далекого края Германии. <...> Павлуша, эту песнь писала я тебе в полнятого вечера в четверг, когда очень бомбили наш город и обстреливали американцы. Окна открывались, бараки шатались, а станция и наша фабрика горели».

Вадим Новгородов: «За бугром взрывается бомба. Крик поднялся, мы с Тосей влетаем в бомбоубежище, начинаем считать: кто из наших в бомбоубежище. Лидочки нет, Лёни Батраченко нет, Николая нет, я фамилию его забыл... Лидочке – в сердце осколок, а Лёнчику в висок – наповал. Николаю – в спину, он еще не сразу умер... А одному украинцу из Западной Украины, у него все внутренности, остался только один позвоночник. <...> В 44-м году, когда уже невыносимые бомбежки стали, вера в то, что мы останемся живы, уменьшилась».

Разбор завалов после бомбежки.
Аугсбург, 1945

Бомбежки вызывали не столько ожидание скорого освобождения, сколько страх не дожить до конца войны.

Альдона Волынская откровенно говорила, что угроза погибнуть под бомбами рождала даже некое «странное чувство» солидарности с немцами: «Боже мой, в какой-то подвал я вбежала, там были немцы и немки какие-то. Как только дом начинал качаться и этот весь подвал, все садились на корточки. Вы знаете, какое-то странное чувство: мы переживали, потому что американцы нас всех, нас всех бомбили».

О сочувствии к немцам, жертвам бомбардировок, вспоминал Виктор Шульдешов. Приведем его драматический рассказ: «Расскажу про бомбежку американской авиации и английской. Англичане ночью налетали, американцы – днем. 12 часов дня – летят американцы, 12 часов ночи – англичане. Это – на часы смотри. Это ужас сколько самолетов! <...> И вдруг как начали бомбить – ни тревоги, ничего не было. Я не знаю, полгорода или больше... Горел весь город, а ночью светло – зарево вот такое. А нас водил на работу фашист, с повязкой. Его семья вся погибла. Он привел нас на работу, встал на такой небольшой козырек, выпил и сказал

нам, что дом его разбит и семья погибла, все там под развалинами. Он выпил, не знаю, 100 грамм, чего-то закашлялся, снял повязку, к носу поднес и сморкнул туда, в эту повязку. Ну, конечно же, если кто-то увидел бы из таких же, как он, доложили бы – не знаю, что б было! Ну мы-то понимали, в чем дело».

Из рассказа Виктора Шульдешова становится очевидным: чем сильнее были бомбежки, чем больше было жертв среди немецкого населения, тем меньше была вера немцев в победу. Возникали, как у сорвавшего с себя форменную повязку лагерного охранника, отчаяние и осознание приближающейся катастрофы.

Часть четвертая

МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СССР

Победители

«Охрана наша вся разбежалась»

В рассказах остовцев о последних неделях, днях, часах перед освобождением смешалось все: и ожидание освобождения, и страх не дожидаться, погибнуть буквально в последний момент. Особенно запомнились страшные слухи, что перед приходом победителей немцы будут уничтожать оstarбайтеров.

Об этом говорил **Виктор Жабский** (Лейпциг, рабочий лагерь): «У меня была мысль такая: живой я отсюда [из лагеря] не уйду. Рано или поздно нас всех все равно уничтожат. Уничтожат из страха, что мы будем мстить немцам».

Из письма **Марии Волобуевой**: «В конце войны мы находились в рабочем лагере где-то возле Берлина. <...> В один день охранявший нас немец сказал: “Русские близко. Вас всех поведут в лес и там расстреляют. Вы разбегайтесь по лесу. Если не сегодня, то завтра придут русские”. Нас стали уводить из лагеря. Дойдя до леса, мы разбежались. Немцам стрелять было некогда, они сами удирали».

Текст на обороте: «На долгую и добрую память своему земляку и другу в момент жизни в Германии в городе Гельзенкирхен».

Фотография на память.
Гельзенкирхен. 20.05.1944

Леша, быть может, время настанет,
И кто-нибудь из нас вернется домой,
То прошу, друг милый мой,
Рассказывай обо мне жене моей,
Где жил и скитался в стране чужой».

Массовое убийство нескольких миллионов восточных рабочих было заведомо невозможно. Но узникам концлагерей в конце войны реально грозило уничтожение¹.

Федор Апёнкин (концлагерь Миттельбау-Дора): «Поползли слухи, что вырезают лагеря эсэсовцы, мстят они. Что отсюда людей не выпускают, все мы от этого режима и погибнем».

Узников концлагерей, расположенных в восточной части Рейха, эсэсовцы стали спешно переправлять в глубь Германии. Такие перегоны, названные потом маршами смерти, хорошо запомнились нашим собеседникам.

Николай Богославец (концлагерь Гросс-Розен): «Нас гнали небольшими проселками. Через каждые пять-шесть метров – щуцман с собакой. Если кто буквально на [полметра] выходил за строй – стреляли без предупреждения. Так был застрелен белорус, мы с ним дружили. Он шел впереди меня, ему нужно было по-легкому. И только-только он вышел: раз – и... Был Володька и нет Володьки... Кто остается, не может идти – они просто пристреливали».

Письмо на обороте пропуска в столовую шахты.
Фойтсберг, 1945

Текст на обороте: «8/5-45 года во вторник в 8 часов утра окончилась война. 9/5-45 среда. Прорвались русские войска (танки) и дошли до Кёфлаха и, тоже уже занявши Кёфлах, вышли в Фойтсберг, а американцы в то же время встретились в Кёфлахе с русскими. С большой радостью русские шли встречать наших

¹ За период с января по апрель 1945 года в лагерях Заксенхаузен, Берген-Бельзен, Маутхаузен, Дахау и Бухенвальд было уничтожено более 130 тысяч человек. Это происходило и в других лагерях. См.: Якушевский А. С. Внутренний кризис Германии в 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 62–63.

освободителей. Из подгнетенного рабства возвращаемся снова на свою любимую Украину. <...> Мы вольные. 11/5 мы уже вышли с лагерей. Большое спасибо любимому вождю тов. Сталину».

Из воспоминаний **Анастасии Агафоновой** (Равенсбрюк): «Нас пригнали в лагерь, который находился примерно в 20–25 километрах от Ганновера. <...> Нар не было, сидели прямо на полу, прижавшись друг к другу, тут же спали. Каждое утро выносили мертвых. <...> 15 апреля слышны были орудийные выстрелы, приближался фронт. <...> Вскоре мы услышали рокот танков, потом увидели, что на территорию лагеря пришел английский танк, сверху на нем сидели солдаты и махали пилотками. У нас даже радоваться не было сил».

Свидетели описывали, как накануне освобождения из концлагерей бежала охрана.

Оксана Коссаковская: «В январе 1945 года <...> из Освенцима вывели и нас, женщин, – в Равенсбрюк. Мы там месяц отсидели закрытые, не выпускали нас из бараков, народу тьма была, кучками сидели друг на друге. Откроют двери, принесут баланду – уж кому попадет, кому не попадет. <...> И вот в один день мы заметили, что у нас нет охранников, мы вышли и пошли».

Но и те, кого в эти последние дни гнали маршами смерти, стали замечать, что охрана разбегается. Заключенные старались этим воспользоваться. Иногда сбежавших концлагерников и военнопленных прятали остовцы.

Валентина Гридчина (рабочий лагерь в Цвикау): «Лагерфюрер исчез куда-то. Все исчезли. Только лагерь остался наш пустой. А перед этим незадолго к нам пришли, спрятались узники с лагерей. Их из концлагеря выгоняли и вели через лес. Кто не мог идти дальше – расстреливали... Несколько человек смогли как-то спрятаться и убежать. Они пришли в наш лагерь. И наши их прятали под пол. Доски снимали, и там под полами они лежали».

В последние недели войны находившихся в рабочих лагерях оstarбайтеров все чаще использовали не на производстве – большинство заводов уже было разбомблено, а на расчистке завалов после бомбежек и рытье противотанковых окопов. Работы то и дело прерывались сигналами воздушной тревоги. Охранять

остовцев становилось все труднее: часто они просто разбежались. Бывало, что их отпускали сами немцы.

Свидетельство **Леонида Осипова** (рабочий лагерь на окраине Дессау): «Начали американцы бомбить и разбили завод. Немец, который руководил нами говорит: “Идите и больше не приходите. Идите, куда хотите”. А куда идти? Ну мы – человек, наверное, тридцать-сорок – ушли в лес. Там переночевали. А есть нечего. Короче говоря, почти все вернулись опять в разбитые бараки».

Из воспоминаний **Галины Яковлевой**: «Перед наступлением наших войск нас переправили в Росток. <...> Однажды утром выдали нам по буханочке хлеба и погнали в порт. Среди немцев была паника. <...> Охрана бросила нас, и комендант порта не знал, что с нами делать. В это время пришел немецкий офицер, подошел к коменданту и сказал, чтобы тот нас отпустил. Мы не знали, куда нам идти, и вернулись в Росток, в лагерь. Немецкие войска отступили, а наших еще не было. Мы нашли два брошенных вагона, один с вещами, второй с продуктами. Этих продуктов нам хватило на какое-то время».

Из письма **Михаила Зеркаля**: «Когда американцы подходили к Эссену, наш лагерь эвакуировали. Мы шли около двух суток. Охрана наша почти вся разбежалась. Загнали нас на какую-то шахту, кругом лес и горы. Там мы никому не нужны были, и мы, небольшая группа, решили вернуться в Эссен».

Зинаида Комиссарова рассказывала, как пытались собрать и куда-то вывести тех остарбайтеров, которые работали у бауэров. Старики (так она называет своих хозяев) спасли ее от подобной «эвакуации»: «Когда американцы были уже на подходе, немцы нас всех собрали, остарбайтеров, и хотели угнать. Куда – неизвестно. Но мои хозяйева, мои старики меня спрятали. И нас трое суток (со мной еще две наши девушки были) прятали в сарае с сеном. Немцы нас искали, приходили к моим старикам-хозяевам, даже в подвал лазали. “Не знаем где”, – отвечали мои старики».

В последние часы перед приходом американцев **Ирина Соколова** пряталась вместе с хозяйевами: «29 апреля освобождали. Вночь как-то беспокойно было. Там было сделано бомбоубежище.

И хозяева сказали, что надо от греха подальше в бомбоубежище. Там тесновато было, но мы кое-как».

Многие бауэры при наступлении Красной армии бежали, поручив хозяйство своим работникам.

Евгения Савранская: «Наши хозяева тоже начали собирать-ся. У них было большое хозяйство, коровы, свиньи, телята, и [хозяйка] сказала: “Теня, ты следи, пожалуйста, за хозяйством, потому что мы ненадолго уезжаем, мы скоро вернемся”».

Первое, что стали делать остовцы, оставшись в рабочих лагерях без охраны, – искать еду.

Рассказ Галины Шаланковой: «24-го апреля немцы бросили лагерь, оставили нас одних. 200 человек было в лагере. Оставили и ушли, есть нам никто ничего не дает. Утро, нас никто не будит. Пошли склад громить. Это надо было видеть – страшно даже: два дистрофика несут мешок муки, а третий ножом мешок разрезает, и все накидываются и эту муку – в рот. Мы с подружкой стояли, смотрели. Я говорю: “Что ж мы с тобой стоим, ведь нам ничего не достанется. Вон, смотри, у дядьки торчит из кармана хлеб, а он еще лезет за хлебом, давай у него заберем”. Пошли, взяли у него. А уже везде костры развели, баланду варят. Наелися и стали песни петь».

Валентина Гридчина, которой в то время не исполнилось и пятнадцати лет, вспоминала: «А потом из лагеря уже все исчезли, лагерфюрер и остальные, кто обслуживал. Лагерь остался

Художественная открытка «Привет из Хинтервайллера». 1945

Текст на обороте: «В этом селе нас освободили»

пустой. Так что мы несколько дней, пока между Хемницем и Цвикау шли бои, были уже сами себе предоставлены. Мы с Люсей побежали на железную дорогу и смотрим, немки что-то несут, тащат прямо коробки с вагонов. Люся говорит: “Давай и мы по коробке возьмем”. Ну, в общем, Люся мне положила коробку, а я не могу нагнуться, нагнусь, у меня коробка падает. <...> Немка какая-то подбежала к нам и эту коробку мне положила на плечо и “шнель вег, шнель вег”² кричит. Мы с Люсей пошли с этими коробками. Пришли, раскрыли, а там оказывается леденцы, конфеты. Ну все поделили моментально».

² Schnell weg! (нем.) – быстро уходите!

Лаврентий Новохатько рассказывал, как встретили освобождение узники концлагеря Гузен-2 (филиал Маутхаузена): «5 мая смотрим – на вышках уже никого нет. Все кричат: “Свобода, свобода!” Мы свободны! В ворота попасть невозможно – [толпа]. Так мы разные тряпки на колючую проволоку накинули и перелезли. <...> И мы в полосатом своем пошли. Худые, слабые, шли, шли. Смотрим – домик стоит. Зашли. Там, наверное, часовой мастер жил. Потому что часов было много на столе. Семья ужинала. Поднос такой, по-моему, вермишель была. А нас – пять человек. И мы в пять рук вермишель эту лопали. Чувство стыда, приличия – оно тогда отсутствовало, понимаете?»

Григорий Кульбака (концлагерь Нойенгамме) о своих первых «безнадзорных» часах рассказал так: «Идем мы по городу Нойштадт. “Где бы нам покушать?” И вдруг мы встречаем ребят, и они говорят: “Да вон там столовая, заходите туда”. <...> Заходим.

Остарбайтеры
в освобожденных кварталах
Берлина. 24 апреля 1945 /
Фотограф А. Устинов.
Агентство «ФотоСоюз»

Действительно, столовая или чайная, бог его знает что. Мы зашли, там все в белом. Я никогда не думал, чтобы [немки] в белых халатах меня обслуживали. И вдруг мне тарелку приносят рисовой каши, молочной. Я две ложки съел, а больше не могу. Мне отчего-то так неприятно стало. Или потому что я так долго пищи не кушал?»

Николай Богославец (концлагерь Гросс-Розен) так вспоминал первые минуты свободы: «Одиннадцатое апреля, это мой второй день рождения. Я свободен! И не знаю, чем заняться, я не знаю, что мне делать! Но то, что я свободен, я уже это знаю».

«Девочки, вы освобождены!»

На севере и на западе Германии, где в апреле 1945-го находилось большинство наших рассказчиков, царит хаос: какие-то города освобождены, там уже распоряжаются оккупационные власти. Рядом, в нескольких десятках километров, еще продолжают бомбежки, эсэсовцы гонят маршами смерти заключенных концлагерей, немецкие патрули ловят и расстреливают дезертиров. Оборонять немецкие города посылают подростков.

Вот как описывала свои впечатления Анна Гуляева (Шверин): «30 апреля немцы уже сдали город. У них уже не было своей армии. <...> У них только был гитлерюгенд. А этим деткам бедным, гитлерюнкам, им по пятнадцать лет. У него винтовка. Штык еще выше его в два раза. Как он ту винтовку тянул! А их заставляли. Это комсомольцев наших так не заставляли, как они вот гитлерюгенд. Они преданные были: куда хочешь – и в огонь, и в воду. И вот уже 1 мая около нашего барака прошла первая американская танкетка».

Григорий Кульбака, чудом выбравшийся из тонувшей баржи, на которой перевозили заключенных концлагеря Нойенгамме, так вспоминал первые минуты свободы: «Вот улица, много женщин в полосатой форме и с номерами. Мы видим, что узники. И они увидели, что мы вот простриженные, что и мы – узники. Обнимают нас, целуют. Мы ничего не понимаем. И вдруг по дороге мимо нас прошел танк. Не немецкий – английский.

Встреча остарбайтеров
с Красной армией. Бранденбург,
1945 / ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 47

Советские граждане после
освобождения. Копенгаген,
1945 / ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 7

И солдаты в беретах. Другой танк проходит, третий. Вот здесь нам показалось, что всё – мы уже освобождены».

Почти все наши собеседники подчеркивали, как ждали встречи со своими. А когда увидели офицеров Красной армии, удивились – не узнали форму.

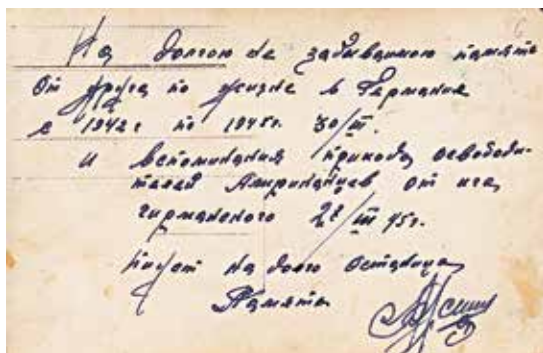
Людмила Станева: «Открываются ворота, залетают наши военные: “Девочки, вы освобождены!” Но мы же форму еще не видели новую. Видим – погоны. Думаем: “Господи, кто это?” Они: “Да это же наша новая форма”».

Первые часы освобождения запомнились очень ярко.

Николай Гуляев: «Я помню, временно трибуну деревянную сколотили. Майор вышел, Герой Советского Союза. Народу много было, кто сидел, кто стоял. И вот выступал он, речь держал, плакал. Не верите? На мужчин, может быть, он не так обращал внимание, а на женщин... Женщины были страшны-страшны. Ну, худые, постриженные, представляете, какие? Да еще в эту робу одеты».

Освобожденные
из плена советские
девушки. Одер. 1945 /
Фотограф М. Редькин.
Агентство «ФотоСоюз»

Открытка на память.
Гельзенкирхен, 1945
Текст на обороте
открытки: «На долгую
незабываемую память
от друга по жизни
в Германии с 1942 по
1945 и воспоминания
прихода освободителей
американцев от ига
германского 28/III-45.
Пусть надолго останется
память»

Сергей Дрига вспоминал, как услышал русскую речь в лагере в Вене: «И вот в лагерь врывается танк, русский экипаж. Командир танка вылез, встал на танк, одел шлем и говорит: “Товарищи!” Вы знаете, затряслось тело всё, потекли слезы. Ну, что ты. Услышать такое родное слово... А потом впереди жизнь. Какая она? Но впереди жизнь».

Въезжавшие на танках в немецкие города солдаты союзников выглядели в глазах остовцев экзотично: высокого роста, много чернокожих, которых до этого они видели разве что в кино, жуют жвачку.

Виктор Жабский: «А наутро появились американцы. Предела не было нашей радости. Они давали пайки, пакет облит парафином, его открываешь, а там питание. Там масло, сыр, галеты несладкие. Даже сигареты и спички. И еще я впервые увидел жевательную резинку. И отведал: между прочим, понравилось. А то мы смотрим, чего они чавкают, жуют, жуют и не глотают? А, оказывается, вон оно что, жевательная резинка!»

Ольга Кормакова: «7-е апреля, у меня день рождения. Я так плакала: восемнадцать лет, а я за решеткой. Мы еще бомбу притащили, когда разрядили, мы на ней сидели и все радовались, что она американская. Представляете, бомбе радовались! Вдруг: “Ой, девочки! Вы же ничего не знаете! Пошли встречать американцев!”»

Таисса Толкачёва: «Наше село уже заняли, полицаев нет, никого нет, мы одни. И ой, мы обнимаемся, целуемся, мы на свободе. Столовую заняли американцы. Такая веселая музыка, в первый раз мы слышим, американская музыка».

Эти минуты освобождения, наступившего мира, свободы, ожидания счастья запомнились на всю жизнь.

Рассказывала **Евдокия Верхоланцева:** «Там один играл на аккордеоне, наш офицер. Он так хорошо играл, так легко играл, и один лейтенант пляшет. Симпатичный лейтенант, молодой такой. Он поплясал, а я раньше, когда до войны, была плясунья. Я тут сама вышла, никто меня не вытаскивал. Вот этот лейтенант проплясал там и говорит – пожалуйста, не дайте мне подкачать, будете кто-нибудь? Я вышла. Ну, я думаю, я ему не должна подкачать! Ни за что не подкачаю, не подкачаю! То было на душе радостно, война кончилась!»

Особенно сильно освобождение потрясло узников концлагерей.

Валентина Сехина: «Когда американцы заехали в Маутхаузен <...> мы поняли, что уже освобождены. Нам надо бы смеяться, радоваться, а мы все рыдали».

Галина Сиводед: «Мы слышим – мужчины с барака выскакивают и кричат: “Ура!” Вы знаете, как скот ревет, как табун скота ревет, вот так мужчины те кричали».

Многие концлагерники до сих пор убеждены, что их спасли буквально в последнюю минуту.

Варвара Гриценко рассказывала, как хотела вместе со всеми встретить освободителей, но не смогла: «Я уже не могла выйти. Ничего не давали [есть] в последние дни, и я начинала пухнуть. Вскорости, через день, через два, приезжают на машине американцы. Начали нас фотографировать. Я хочу обнять, девчата лезут их обнимать, а у меня сил нет».

Екатерина Крикливец вспоминала, какую жалость она вызвала у американского офицера: «Я за проволоку держалась, пом-

Concentration Camp Attache

РУССКИЙ КОМИТЕТ
концлагерь Дахау
Германия
Булава, Николай
RUSSIAN COMMITTEE
con. camp Dachau
Germany

ИНФОРМАЦИЯ
Представитель лагеря: *Тамосицкий*
The leader: *Тамосицкий*
Родился: *8 января 1913 г.*
Дата, date

7 июля 1945.
117

Получен в концлагерь Дахау в заключении с *Николаем Булава*
was in imprisonment at the con. camp Dachau from the
Дата, date

до освобождения Американской Армией
until liberated by the American Army 29.4.1945.

Это заявление Комитетом удостоверено.
which is certified by the Committee of the camp.

НАЧАЛЬНИК ЛАГЕРЯ *Тамосицкий* (подпись)
CHIEF OF THE CAMP (signature)
ПОДПИСЬ НАЧАЛЬНИКА *Мини* (подпись)
SIGNATURE OF THE CHIEF OF THE CAMP (signature)
ПОДПИСЬ КОМАНДАНТА *Петров* (подпись)
SIGNATURE OF THE COMMANDANT (signature)

Справка о пребывании
в Дахау. 07.06.1945

ню хорошо. И американец, рыжий такой, высокий, тоже за проволоку держался. Я-то плачу, и он так плохо говорит, но я поняла, что говорит: “У меня дочь такая”. Я плачу, и он».

Все бывшие концлагерники рассказывали, что американцы сразу же начали раздавать еду. Те, кто набрасывался на эту еду, и те, кто торопились ее раздавать, часто не понимали, с какой осторожностью это надо было делать.

Надежда Булава (Маутхаузен): «Потом приехали американцы, начали кормить нас. Ой, сколько поумирало от ихней кормежки. Давали – свинина свежая с макаронами или с картошкой. И вот сидят мужчины возле баков этих, и уже мертвые».

Николай Зубков (Маутхаузен): «Люди голодные все были, заморённые. Они нас предупредили, американцы, что много не ешьте, иначе вы можете от этого дела сами погибнуть».

«Это была месть»

В первые часы освобождения возникало желание отомстить. Сразу же начались расправы с лагерной администрацией, надзирателями, старостами блоков.

Надежда Булава: «Наши ребята из военнопленных эсэсовцев многих побили, даже коменданта. Его били, каждый подходил, хоть ногой [да] пихнет».

Удостоверение освобожденного
из концлагеря. Будапешт, 1945

³ Аузерка – на лагерном жаргоне: надзирательница (от нем. Aufseher – надзиратель).

⁴ Капо – бригадир из заключенных; блокэльтесте (нем. Blockältester) – блоквой, старший барака; штубовой – староста штубы (комнаты в бараке; от нем. Stube – комната).

Валентина Сехина: «Потом кто-то сказал: “Давайте вытаскивать этих аузерок³, кто над нами издевался, чтоб отомстить им”. Ну, и досталось тем, кто попался, – их вилками ширяли, били».

Владимир Щebetюк: «Потом началась самая страшная трагедия, что я видел: заключенные убивали заключенных. Началась бойня. Капо, блокэльтесте, штубовых⁴ – которые остались, ловили их, избивали и оттягивали в крематорий. Это была месть за тех, убиенных. Это ужас был».

Расправлялись с наиболее жестокими мастерами, охранниками не только концлагерники, но и остовцы в рабочих лагерях.

Зоя Елисеева: «Мальчишки [на нашей фабрике] так озлобились, что когда пришли американцы, они одного мастера забили до смерти».

Какой бы справедливой ни казалась месть, почти все наши рассказчики признавали, что это было ужасно, старались вспомнить и случаи великодушия, жалости к побежденным.

Характерен рассказ Анны Басараб: «Загудели гудки, сирены. Флаги выкинули. Мы уже видим – это 3-го мая, выходят эти все анвайзерки, надзирательки, и выставили нас всех на улицу, и говорят: “Девочки, вы освобождены, а нам горе, что будет – не знаем”. И заплакали. А мы говорим: “Не плачьте.

У нас народ не такой, как ваш. Стреляли, убивали, палили. А наш народ не такой».

«Я смотрю, костюмчик висит зелененький...»

Безвластие и хаос первых дней, когда на свободе оказались сотни тысяч бывших остарбайтеров, военнопленных, узников концлагерей, повлекли за собой грабежи, о которых нашим собеседникам не хотелось вспоминать и рассказывать даже спустя многие годы.

Евгения Савранская сомневалась: «Всё вам рассказывать?»

Об этом же спрашивал **Виктор Шульдешов**: «Я не знаю, рассказывать об этом или не надо?»

О массовых грабежах, о случаях насилия, если рассказывали, то с осуждением. Но в то время голодным и оборванным людям в поисках еды и одежды было не до моральных запретов. К тому же многие дома и магазины стояли брошенные и вроде бы бесхозные.

Надежда Булава: «Люди побросали всё, как было в доме, бросили и убежали, боялись. Им же тоже говорили, что придут русские, поубивают всех. И они все убегали».

Анна Гуляева: «Те из нас, кто посильней, помоложе, бросились в город. Там начали магазины штурмовать. Брали одежду, всё брали, что могли: лекарства, продукты, и приносили сюда, в лагерь».

Григорий Кульбака: «Мы ходили человек по пять и грабили бауэров. У них же – коровы, овцы, гуси. Мы приходили,

Остарбайтеры после освобождения.
Берлин. 24 апреля 1945 / Фотограф
А. Устинов. Агентство «ФотоСоюз»

брали корову за рога, пистолетом ее “бац”. И мы начали вот этим питаться».

Рефлексия по поводу того, насколько такое поведение было допустимо, возникла у большинства наших собеседников много позже.

Михаил Черненко: «Мне было как бы и жалко немцев. Но как не взять у немцев, вот сейчас меня освободили, я хожу полуголый, полубосый. Даже не из желания нажиться. За лагерное время у меня было несколько навязчивых идей. Была навязчивая идея хороших ботинок и того, что впоследствии назвали “водолазкой”. Вот, я ее в первую ночь и хватанул, честно».

Как это часто бывает, рассказывать о чем-то неблагоприятном было легче не про себя, а про других.

Вадим Новгородов: «Когда нас освободили, ребята как с цепи сорвались – и по магазинам, и по крестьянам, и коров резали, и что угодно делали. <...> Могли разграбить немецкую квартиру, ограбить фермера, могли прямо вломиться в дом и изнасиловать – немок, русских, кто попадался».

Примечательно, что, говоря о мародерстве и насилии, **Вадим Новгородов** пытался найти объяснение: «Среди восточных рабочих всякое отребье было. Уголовники, которые за легкой жизнью поехали. Возможно, поэтому безобразия после освобождения творились ужасные».

Но дело, конечно же, не только в уголовниках. Причины лежали в выплеске агрессии и ненависти, в стремлении отомстить за перенесенные унижения и страдания. Нередко это порождало бессмысленный вандализм.

Характерно признание **Павла Михайлова:** «Когда мы были на пересыльном пункте в Магдебурге, мы ходили по городу. Свободно уже ходили. Возле лагеря дом был полупустой. И почему-то нам вздумалось полазить по комнатам. Комнаты уже были полуразграблены. <...> Рояль там стоял. И у нас дурости хватило – по роялю ногами походить».

Чтобы прекратить стихийное мародерство, администрация союзников обложила своего рода «контрибуцией» предпринимателей и хозяев.

На Родину. Нижняя Силезия. 1 марта 1945 / Фотограф А. Устинов.
Агентство «ФотоСоюз»

Лидия Дадзис: «Хозяева обеспечили нас всем, чтобы мы на родину без позора приехали. Нам и на пальто дали, и на костюм, и на платья, и кофты, и обувь».

Зинаида Комиссарова: «Американцы нас стали объединять, собирали вместе. Даже можно было занимать дома, из которых немцы уходили. Несколько дней, я помню, мы жили в таком доме, там были кровати, белье».

Лаврентий Новохатько: «Американские солдаты приказали хозяину, чтобы за нами ухаживал».

Бывших концлагерников размещала в немецких домах и советская администрация.

Анна Кириленко: «Около лагеря, рядом, находилась наша комендатура советская. И они договорились с немцами. В одном доме попросили: “Их мало, разберите этих людей”. Немцы, никто не возражал, меня забрали два старика. На самом верхнем этаже у меня была в комнате красивая кровать, постель! Я, конечно, выкупалась, всё, что у меня было, постирала, [хозяйка] мне еще дала».

По рассказам остовцев, в советской зоне в эти первые дни после освобождения жестокостей было больше, чем на территории, освобожденной союзниками.

Павел Михайлов свидетельствовал: «Если наши солдаты занимали город, они разрушали магазины, в квартиры лазили, брали драгоценности, убивали».

Нередко происходило так, как об этом рассказывала **Ираида Жукова**: «Военные нам говорят: “Что же вы с пустыми руками идете, там же прошла война, там же в России ничего нет. Вы что-нибудь отсюда возьмите”⁵. – “А где взять?” – “А вот зайдите”. За-вели они нас в какое-то владение. <...> Хозяева сбежали. Посмо-трели в комнатах, там кое-что есть, какие-то простыни, одеяла, какие-то тряпки. Набрали».

⁵ В отношении оstar-байтеров Управление по репатриации издало даже соот-ветствующий указ (№ 21 от 1 апреля 1945 г.), согласно ко-торому репатрианты могли везти домой совершенно легально любое имущество вплоть до орудий труда и скота.

Справка военного коменданта Арнсвальде. 02.06.1945

Справка-направление. Дана гр-ке Талалаевой Анне Федотьевне с ней 2 детей, освобожденной Красной армией с немецкой оккупации 4 марта 1945 г. в/комендатурой г. Арнсвальда зарегистрирована 2 июня 1945 г. и направляется на родину. Просьба оказать содействие в транспорте.
Пом. воен. коменданта Арнсвальде капитан Шендрик.

Анну Гуляеву и ее подругу наставлял знакомый военнопленный: «Приходит этот хлопец и говорит: “Ну-ка пошли. Вы что, так собрались домой ехать? Неужели вы поедете в этом, в чем стоите? Надо что-нибудь надеть”. – “А куда пойдем?” – “А вот по улице, – говорит, – по домам”. <...> Заводит нас в один дом. Посмотрели – там ничего нет. Потом во второй дом повел. <...> Открывает он один шкаф, второй: “Берите всё, что хотите”. Елки зеленые, что брать? Валя нашла чемодан и всё с вешалки – фить в чемодан. Я смотрю, чтоб мне подошло. Нашла какой-то материал, кусок.

В ожидании эшелона на Родину. 22–25 февраля 1945 /
Фотограф А. Устинов. Агентство «ФотоСоюз»

Костюмчик висит зелененький. Потом пару платьев – тоже связала их в узелок».

Анна Басараб: «Немцы куда-то едут. Я у одного чемодан забрала, он: “Ой-й!” А я думаю: что-нибудь надо ж, хоть что-нибудь, мы ж тут в одном полосатом».

Но добраться с добытым имуществом до родины удавалось далеко не всем. Судя по воспоминаниям остовцев, очень часто его забирали свои же.

Анна Гуляева рассказывала: «Разрешают нам идти туда, на русскую территорию. Ну, прошли мы туда. Смотрим, [наших] военнопленных полно. Эти уже хлопцы нагнали: у них и костюмы, у них всё есть, даже патефоны, пластинки. Как начали шарить красноармейцы. Всё поотбирали у этих пленных. Всё выгрузили на землю. Всё забрали».

В этом рассказе Анны Гуляевой важно, что спустя многие годы в нем звучит осуждение и тех, кто нагнал, и тех, кто награбленное отнял (хотя до этого она рассказывала, как сама брала немецкие вещи). И многие подобные истории о грабежах рассказывались с оттенком осуждения.

Надежда Булава, которую после освобождения взяли работать в особый отдел, вспоминала, как публично судили офицера, показывая награбленное им барахло: «Мы тоже

вместе с офицерами стояли на плацу. Судил военный трибунал. Офицер прошел всю войну. Это мародерство, и ему – расстрел. Пройти всю войну, и ты ж не рядовой, ты ж офицер. Ты ж вел их всех вперед. И ради вот этого... Показывают лифчик. Разное барахло раскрывают, показывают. И трибунал – расстрел».

При этом наши собеседники опять-таки вспоминали истории, которые демонстрировали их человеческое и справедливое отношение к тем немцам, которые им помогали. Подчеркивали тем самым, что помнят добро.

Вадим Новгородов: «Вилли, фамилию я не помню, он к ребятам относился по-отечески. Один мальчишка, ему было до 18 лет еще, заболел сильно, простудился. Вилли приносил лекарства, поил его чаем. И выходил этого паренька, и ребята все были благодарны ему. <...> Когда освободили нас, он приехал в лагерь, проведать нас, на велосипеде. Так ребята были так рады ему, и обнимали, и подарков надарили, продуктов. Ну продукты – самый главный подарок был. Он уезжал – навзрыд плакал от того внимания, которое ему оказали».

Но гораздо больше мы слышали о других случаях, хотя нашим собеседникам было трудно их рассказывать.

«Вы же не поверите...»

С чувством неловкости, с осуждением наши собеседники рассказывали о мародерстве, грабежах, вандализме. Но во много раз труднее было им вспоминать о случаях физического насилия советских солдат по отношению к мирному населению, свидетелями которых они стали.

Подобных случаев было немало. Но наши собеседники старались обходить их в своих рассказах, так как долгие годы официально о них почти не говорилось – они не вписывались в плакатную картину войны. Редкие упоминания об этом в советских кинофильмах и книгах объяснялись обычно чувствами мести и гнева, с которыми вошли в Германию солдаты Красной армии.

Вне сомнения, эти чувства были очень сильны, тем более, что советская пропаганда, печать военных лет внушали

ненависть к немцам вообще, не делая разницы между немцами и фашистами⁶.

Характерный эпизод вспоминала Галина Аграновская. После освобождения ее семью опекали два советских офицера. Однажды пригласили на ужин: «Два офицера, оба до войны филологи, как потом выяснилось, Павел и Игорь. Как я стыдилась, что нас обслуживают хозяйка дома, немка, и ее дочь: подают, угождают, и это офицеры допускают. Это – победители, а это – побежденные, теперь уже и униженные. И я сказала: “Зачем вы так?” На что Игорь сказал: “Нет! Этот народ надо только стрелять”».

Дело было, конечно, не только в пропаганде. Основной причиной выплеска насилия и агрессии стала долгая, кровавая война. Огромные потери, разрушительные следы немецкой оккупации в освобожденных районах, тяжелейшие бытовые условия, в которых приходилось воевать советским солдатам, безжалостность военачальников, не дороживших солдатскими жизнями – все это порождало жестокость к побежденным. К тому же почти все описываемые нашими собеседниками случаи насилия происходили на фоне добытого и выпитого спиртного.

Но сама эта тема так долго была под запретом, что наши собеседники и много лет спустя сомневались: можно ли об этом рассказывать?

Галина Шаланкова: «Вот я не знаю, писать [на диктофон] это или нет? Ведь это про советского солдата».

Некоторые, как Варвара Хабарова, были убеждены, что их рассказы сочтут неправдой: «Ну я про русских говорить ничего не буду. Вы же не поверите».

Тем не менее таких рассказов мы слышали немало.

Валентина Сехина упоминала о фактах насилия над немецкими женщинами: «Немки прятались, боялись русских солдат. Потому что они издевались и насиловали, и перины рвали, резали, пух летел во все стороны. Нехорошо вели себя».

Федор Хмара рассказал историю, как наши солдаты расстреляли семью бауэра – старика, старуху и их дочь за то, что, по словам работавших в этой семье остовцев, они «были вредные». «Они их рядышком положили. Сказали: как они с нашими, так

⁶ В советской пропаганде военных лет слова «немцы» и «фашисты» были синонимами. Распространенным пропагандистским лозунгом стал лозунг «Убей немца!», который использовался в плакатах и листовках с цитатами из стихотворения К. Симонова «Если дорог тебе твой дом...» (опубликовано 18.07.1942) и из статьи И. Эренбурга «Убей!» (опубликовано 24.07.1942). Лозунг был снят лишь после публикации в «Правде» иницизированной Сталиным статьи Г. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» (11.04.1945). Это перекладывание ответственности на писателей и журналистов было пропагандистским ходом Сталина. Когда стало очевидно, что насилия и грабежи разлагают армию, что немецкое население в массовом порядке бежит от советской армии к союзникам, политика стала меняться, а совершавших преступления красноармейцев начали строго наказывать. Но это не могло полностью пресечь грабежи и насилия.

и мы с ними». Заметим, что даже спустя много лет наш собеседник рассказывал об этом эпизоде как о чем-то естественном.

Лидия Ерастова, ожидая освобождения, представить не могла, что от наших солдат может исходить какая-то опасность: «Когда наши вошли в Германию, местные жители меня спрашивали: “Скажи, пожалуйста, а что будет, что они делают?” Я говорю: “Да, не бойтесь, ничего не будет, всё будет хорошо”. И что вы думаете – изнасиловали тетю моего Рольфа. <...> Я туда пришла – уже их не было. Она сидит, плачет, муж не знает, что делать. “Я в углу стоял, – говорит, – а они ее насиловали”».

Наши собеседницы рассказывали, что жертвами насилия становились не только немки, но и свои – оловки и узники, только что освобожденные из концлагерей. Нередко к ним относились не как к освобожденным из неволи соотечественницам, а как к продажным женщинам, сожительствовавшим с немцами.

Раису Первину сразу же после освобождения определили на работу в советский госпиталь, но и это не спасало от домогательств: «Конечно, самые большие трудности были от мужского населения. Причем песня одна и та же была: “Как немцам – так вы готовы, как нашим – вы сразу в позу встаете. Вот будете такими стойкими – домой не попадете”».

Мария Виткевич вспоминала: когда она пожаловалась полковнику, что капитан контрразведки склоняет ее к сожительству, то услышала в ответ: «Что ты, милая, немцам давала, а нам не хочешь давать?» И пригрозил: «Посидишь недельки две в камере – сама к нему придешь».

Обвинение в том, что девушки-оловки не только работали на врага, но и с готовностью «ложились под немцев», становилось оправданием сексуального насилия.

Вот вполне типичная история **Галины Шаланковой**, той самой, которая сомневалась – надо ли записывать ее рассказ: «Останавливается машина, берут меня два солдата под руки и – в машину. “С нами поедешь, погуляем и обратно тебя привезем”. Приехали за город, там их [часть] стояла. Такой большой зал, столы, и там человек 20 девчат сидят. Уже каждый кавалер выбрал себе “невесту”, выпивку и закуску. А я свое думаю: как же мне

убежать? Ну ладно, закончилась эта пьянка. Каждый берет свою “невесту”, и пошли. Меня взял Жорж – звали его. Завел в комнату и начал мне доказывать, что вот вы какие – ушли сами к немцам. <...> “Вот я сейчас тебя застрелю, и никто не узнает, где ты”. Я говорю: “Да ладно, ты брось пистолетом махать. Кто виноват, что мы попали в Германию? Вы виноваты – нас побросали”. Ну, в общем, пререкались, пререкались. Он: “Ну, ладно, хватит, раз-давайся”. Что делать – застрелит сейчас, и, правда, никто не узнает. Я разделася вся, до рубашки. А потом сразу говорю: “Ой, я в туалет хочу”. Он говорит: “Вон, мою шинель набрось, я тебя сейчас провожу”. Тут кто-то позвал его, а я на улицу и сразу за ворота, бегом. Солдат стоит на воротах, кричит: “Стой, стрелять буду!” Я говорю: “Дяденька, не стреляй, спаси меня!” Он, правда, остановился. Повел меня к начальнику штаба. Я ему рассказала все. Начальник говорит [бойцу]: “Поди-ка, приведи его. И захвати, – говорит, – ее одежду”. И он его начал ругать. Ой, уж как он прощение просил, мне уж его и жалко стало: “Я женюсь на ней, если согласится, не надо меня наказывать”. А я думаю: не надо мне такого мужа».

Чаще всего подобные истории в женских воспоминаниях заканчивались благополучно. В реальности так было, наверное, не всегда. Но рассказывать о перенесенном унижении даже спустя годы мешали стыд и обида.

Сложившееся презрительное отношение к остовам настолько укоренилось в армейской среде, что его не могли поколебать даже принимаемые против насильников меры. На приказы о наказаниях за сексуальное насилие многие солдаты смотрели как на необходимую формальность: главное – не попадаться. Вот какое продолжение, например, имела история Галины Шаланковой: «Начальник штаба дает мне двух солдат. Говорит: “Проведите ее до города и до госпиталя, где она работает”. И они, двое этих солдат, идут и говорят: “Слушайте, девушка, а вы нас не выручите?” Я говорю: “Это как же вас выручить?” – “Ну, вот поспимся здесь, на травке”. Я как расплакалась, как разревелась. Они: “Ну, ладно, хватит реветь, пошли”. Пришли в госпиталь. Наши позвонили туда – начальнику штаба. “Мы, – говорит, – наказали его”».

То есть, одного приструнили, но при этом остались «не замеченными» остальные два десятка «кавалеров», которые безнаказанно закончили вечер с «невестами». А молодые солдаты, которым было приказано проводить чудом избежавшую насилия девушку, тут же предлагают ей «выручить» их «на травке».

Неприязнь, а иногда и прямую злобу, вызывали девушки-остовки у женщин, служивших в Красной армии. По-другому причесанные, одетые, хоть в обноски, но немецкие, они казались им воплощением продажности и предательства.

Евдокия Верхоланцева с обидой вспоминала слова медсестры, сказанные советскому лейтенанту: «“Это ты что, ручку подал немецкой проститутке?” Это девочка сказала, медсестра. У меня сразу настроение пропало».

Из письма **Татьяны Савенко**: «Как только нас встретил наш лейтенант, он сказал, что мы изменники, продались немцам. Как нам было обидно!»

Репатрианты

Массовая репатриация – возвращение советских граждан на родину – началась после капитуляции Германии. Но готовиться к ней в СССР стали уже с перенесением военных действий Красной армии на территории зарубежных стран⁷. По Ялтинскому соглашению, все советские граждане, оказавшиеся в ходе войны за границей, должны были быть возвращены в СССР. С самого начала репатриация была не добровольной, а обязательной. Все без исключения граждане Советского Союза, оказавшиеся во время войны за его пределами, независимо от их желания или нежелания, в принудительном порядке должны были возвратиться на родину. При этом не имело значения, кто и где их освободил – советские или англо-американские войска, на территории Германии или других стран.

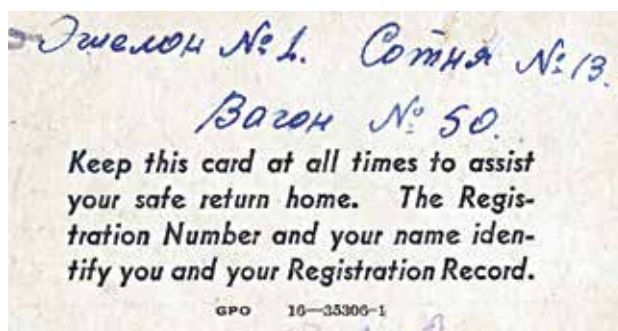
⁷ В октябре 1944 года было создано специальное ведомство – Управление Уполномоченного Совнаркома (с 1946 – Совета Министров) СССР по делам репатриации. Службы Управления стали заниматься розыском «перемещенных лиц», их содержанием в сборно-пересыльных лагерях, проверкой совместно с органами НКВД на благонадежность (так называемая фильтрация) и их доставкой на родину.

«Мне надо было только домой»

Остарбайтеров, которые были освобождены советскими войсками и оказались в советской оккупационной зоне, начали отправлять на родину уже летом 1945-го. Тех же, кто оказался в англо-американской зоне, союзники должны были в обязательном порядке передавать советским оккупационным войскам. Но делалось это постепенно, и те осто́вцы, которые хотели остаться на Западе, стремились как можно быстрее перейти к союзникам.

Именно так поступила **Антонина Сердюкова**, которая со своим любимым – французским военнопленным, ушла в американскую зону: «Мы с Клодом побежали. <...> Горел Дрезден

Регистрационная
карточка
оккупационной зоны
союзников. 1945

на наших глазах. Потом мы по этим головёшкам шли через Дрезден пешочком. Ну, и так мы дошли до Магдебурга. А в Магдебурге американцы. Там уже шли поезда, телячьи вагоны, они грузили французов, бельгийцев, все ведь бежали. И вот этим поездом мы с Клодом и уехали».

Некоторые рассказывали, что их уговаривали остаться бывшие хозяева или немцы, с которыми завязались дружеские отношения.

Работавшая прислугой в небольшом поместье **Ирина Соколова** вспоминала, как сразу после прихода американцев хозяин не просто предложил ей остаться, а пообещал заманчивое будущее: «Ирини, может, останетесь? Мы вам поможем в совершенстве овладеть языком, подготовим к поступлению в университет». Ну искренне совершенно растрогал. Я говорю: «Вы знаете, главное – домой. Я не останусь».

Зинаида Комиссарова написала в воспоминаниях: «Вот я жила у своих стариков, им тогда по 64 года было. Когда начали подходить американцы, [они] говорят мне: “Куда ты поедешь в Россию, там будет вторая война. США теперь на вас нападут; оставайся жить у нас”».

Еще одна наша собеседница – **Зоя Елисеева** – рассказывала, что приглашение остаться исходило от директора ткацкой фабрики, на которой работали во время войны девушки-остовки: «Когда американцы нас передавали нашим, директор пришел нас провожать и сказал: “Вы теперь будете равные, мы вас отличать не будем, будете получать ту же зарплату, что и немцы. <...> У вас там все разрушено; может, ваших [родных] там уже нет».

Но перспектива остаться в Германии, где было пережито столько горя и унижений, прельщала далеко не всех.

Федор Хмара: «Каждый ждал только как бы быстрее, чтоб быстрее пришли, чтоб освободили. Чтобы попасть на свою родину. А там [в Германии] чего? Чего там хорошего? <...> Даже птицы не водятся».

Елена Веселовская, которую взяла к себе немецкая семья, вдруг услышала русскую речь и ушла, несмотря на все уговоры, в сборный лагерь, чтобы ехать домой. «И потом вдруг встретила – две русские девочки. Когда я услышала русскую речь, я к ним бежала, я плакала, и я сказала, что поеду с ними».

Большинство остовцев стремилось домой. Наши собеседники рассказывали, как раздобывали какой-нибудь транспорт или просто пешком отправлялись на восток.

Анна Гуляева: «Ну, мы посовещались, потом решили – поедем. Может, скорее домой попадем. Поляки уже сами поехали себе, кто куда хотел. И все разбежались, а русские-то остались. Две тысячи человек. Нам надо было двадцать шесть километров пройти. И вот мы все бригадой с красным знаменем. Где-то достали знамя. Впереди тринадцать повозок, немощные, больные и старые, те на повозках все. А кто покрепче, те будут идти. Вот – нейтральная зона, и разрешают нам идти туда – на русскую территорию».

Те, кто работал у бауэров, тоже старались объединяться в группы или отправлялись самостоятельно в сборные лагеря для перехода в советскую зону.

Раиса Первина рассказывала о первых днях после освобождения: «Мы перешли к англичанам, но англичане нас встретили

FICHE DE DÉCLARATION du titulaire (Anmeldungschein des Inhabers)

Nom de l'occupant		Prénoms		Date de naissance		Lieu de naissance		Profession		Nationalité	
H. H. H. H.		H. H. H. H.		1. 1. 1915		H. H. H. H.		H. H. H. H.		H. H. H. H.	
Adresse de l'occupant		Adresse de l'occupant		Adresse de l'occupant		Adresse de l'occupant		Adresse de l'occupant		Adresse de l'occupant	
H. H. H. H.		H. H. H. H.		H. H. H. H.		H. H. H. H.		H. H. H. H.		H. H. H. H.	
Date de la carte		Date de la carte		Date de la carte		Date de la carte		Date de la carte		Date de la carte	
1. 1. 1945		1. 1. 1945		1. 1. 1945		1. 1. 1945		1. 1. 1945		1. 1. 1945	

ALLIED EXPEDITIONARY FORCE

D. P. INDEX CARD

G 02404693

1. (Registration number) 19-38308-1

2. (Family name) (Other given name)

3. (Signature of holder) D. P. 1

Регистрационная карточка оккупационной зоны союзников. 1945

Пункт сбора советских граждан
для отправки на родину /
Из фонда РГАКФД, г. Красногорск.
Оп. 3. Д. 902. Сн. 94

очень сухо. Вежливо, но сухо. Мы решили двигаться по направлению к нашим. Один раз нас заперли, и мы подумали, что теперь нас в Англию повезут, тоже работать. И мы тогда бежали».

Спустя короткое время союзники стали отправлять практически всех советских граждан в сборные лагеря для передачи советским властям, в том числе чтобы навести порядок, прекратить грабежи.

Именно это иллюстрирует рассказ **Николая Киреева**. Освободившись из Маутхаузена, он фактически бродяжничал, с такими же, как он: «Через пять дней пришли мы до Линца, заходим в дом, вила такая огромнейшая. Подвал, там находим две бочки рома, находим двух битюгов, лошадей бельгийских. Грузим все на повозку. И решили ехать на родину, дорога-то дальняя, пьем ром, едим шоколад. Мы едем к Дунаю на русскую сторону. А потом я вижу какое-то заведение, оттуда все выходят, качаются. Думаю, надо бы зайти. Оказалось, что винный склад и каждая бочка с эту комнату. Я только думаю попробовать и в это время вижу, входят два американца с автоматами. И я со страху падаю вниз, и я плаваю в этом холодном вине. И здесь меня холодного мокрого ловят американцы. А на заборах уже были развешены плакаты на русском языке: должны зарегистрироваться там-то и там-то».

О своих тогдашних настроениях наши собеседники вспоминали по-разному. У многих потом сложилось ощущение, что едва ли не впервые в жизни у них была возможность свободного выбора. Степень этой свободы задним числом преувеличивалась, но сознание того, что жизнь могла сложиться по-другому, заставляло порой сожалеть об упущенных возможностях.

Среди рассказчиков были и сомневающиеся: стоит ли возвращаться в СССР? Многие вспоминали выступления представителей советской администрации, которые, чтобы преодолеть эти сомнения, ездили по сборным лагерям в других оккупационных зонах и агитировали за возвращение – обещали остарбайтерам радужную встречу на родине и прощение за все «прегрешения» в Германии.

Павел Михайлов, чей лагерь находился в американской зоне, вспоминал: «В лагерь приехали два русских гражданина – специально направленные для работы в лагерях, чтобы освобожденным людям объяснить ситуацию. <...> Они рассказывали о Родине – как мы будем дальше жить. Плохого нам ничего не говорили, но все-таки у нас было сомнение».

Виктор Жабский рассказывал: «Приехал к нам в лагерь наш русский офицер. “Сейчас, – говорит, – в России жизнь – ой!” И он

На сборном пункте: чтение газеты
«Счастливый путь», выпускаемой для
советских граждан. Германия. 1945 /
ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 4

Советские граждане
на сборном пункте / ГАРФ.
Ф. 9526. Оп. 4. Д. 43. Л. 8

Художники на сборном пункте советских граждан. Германия. 1945 / ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 11

расписал такую жизнь! Для чего? Для того чтобы мы все вернулись на Родину».

Раиса Нефёдова: «Приезжал к нам, по-моему, генерал-майор Драгунов, беседу вел: мол, скоро мы вас будем отправлять домой. Если кто прогрешный, не сомневайтесь, а вертайтесь на Родину, всё будет хорошо».

Виктор Шульдешов: «Приехал к нам представитель СССР. Выстроили нас всех и прочитал лекцию: езжайте домой. “Вас будет, – говорит, – Америка приглашать, не вздумайте – это пропаганда. Вас Родина ждет, вас не забудут”».

Вспоминая этих агитаторов, некоторые наши собеседники жалели, что поддались обещаниям и были обмануты.

Николай Киреев: «Ходят наши сталинские соколы, рассказывают: родина прекрасна, вы немного одичали здесь, родина сделала огромный скачок вперед, нас ждет светлое будущее. И в таком все духе. Думаю, мы едем. Я только домой, у меня даже мыслей не было. Они появились потом, уже здесь, когда я увидел, что мне подножки на каждом шагу. Потом, конечно, я думал – эх, это бывает всего лишь один раз. И я мог бы убежать куда угодно. В Австралию наши ехали и в Канаду, в Америку. Кто куда – никаких препятствий».

Реальные шансы избежать отправки в СССР у оstarбайтеров, оказавшихся в англо-американской зоне, появились только

в сентябре-октябре 1945 года, когда решением правительств Англии и США им стало предоставляться право добровольной репатриации⁸. Как в лагерях союзников их уговаривали не возвращаться, вспоминали многие. Главных аргументов было два: вы подвергнетесь преследованиям на родине и вас ждет там трудная жизнь, нищета.

Попавшая в Германию вместе с матерью **Валентина Гридчина** рассказывала: «Когда американцы уже освободили, мама нарисовала портрет Сталина и портрет Ленина на простынях. Пришел американский офицер, он сразу Сталина взял, положил вниз лицом и говорит: “Сталин вас всех в Сибирь, когда вы приедете в Россию, домой. А мы вам предлагаем ехать к нам в Канаду, и будете прекрасно жить”».

Те, кто до войны уже сталкивался с политическими репрессиями, делая выбор, конечно, сомневались.

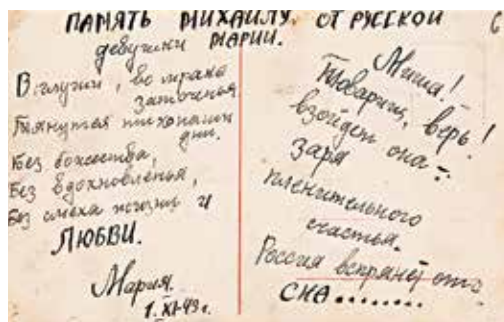
Валентина Гридчина: «С нашего большого лагеря очень многие завербовались [в Канаду], действительно, люди забоялись. Что было в 37-м году, что было вообще, вот люди действительно забоялись и завербовались. Их сразу они забирали и отвозили в другой лагерь. Мама сказала: “Нет, я не поеду в Канаду. Я поеду только в Россию, домой”».

Галина Аграновская вспоминала, как спорили ее отец и мать – возвращаться им или нет: «Американцы сказали, мы составляем списки, кто куда хочет. Мама очень сомневалась и сказала: “Федя, что нас ждет? За нами такой хвост с 37-го года”. Отец (в 1937 году был арестован и отсидел два года) сказал, что только домой, никуда больше. В Кенигсберге, где нас выгрузили американцы, шофер, очень такой симпатичный, покрутил вот так [пальцем] у виска, прощаясь с нами».

На решение о возвращении зачастую не могли повлиять ни уговоры союзников, ни предупреждения о возможных репрессиях. В них, как правило, не верили, и стремление вернуться домой, к близким, пересиливало все сомнения.

Дина Стефаненко, решила вернуться, несмотря на все предупреждения: «Ты – дура, приедешь домой, на Соловки сошлют сразу, узнаешь, что такое родина». Угроза не подействовала. «Я рассудила так: если родина зовет и ждет нас, я должна ехать

⁸ По данным Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, после войны из-за границы было репатрировано 2 654 100 советских гражданских лиц. Согласно этому же источнику, на 1 января 1952 года за границей продолжали находиться в общей сложности немногим более 450 тысяч советских перемещенных лиц, включая военнопленных и оstarбайтеров. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 3, 4, 6.

Подарочная открытка. 01.11.1943 / ГАРФ. Ф. 10014.

Оп. 1. Д. 14. Л. 6

Некоторых остовцев звали уехать с собой соллагерники-европейцы.

Виктор Жабский: «В лагере француз один – я его Гаврилой звал: “Поехали, – говорит, – ко мне, во Францию. Будешь не работником, а как брат. Мы богато живем”. Я не согласился».

Рассказы наших собеседников не дают возможности представить реальную картину возвращения на родину – было оно добровольным или вынужденным. Нам рассказывали, что не возвращались на родину те девушки-остовки, которые после освобождения вышли замуж за вывезенных в Германию французов, голландцев, поляков и других.

Зинаида Комиссарова: «Многие тогда не вернулись в Россию. Девушки выходили замуж. <...> Парни их потащили за собой: и во Францию, и в Австралию был большой поток».

Зинаида Валихова вспоминала, как познакомилась с будущим мужем и решила съехать вместе с ним: «Он говорит: “Поедемте со мной в Голландию”. Вы знаете, я так стремилась домой, так хотела к своим. И вот, когда человека по-настоящему, как природа подразумевает, полюбишь, поедешь с ним. Когда он меня спросил, мне так было стыдно, что я отвернулась к стенке и говорю: “Да”. А американский комендант говорит: “Если ты берешь девушку с собой, ты дай подтверждение, что ты действительно на ней женишься, а то позабираете, возьмете с собой, потом поиграетесь, да и...” Комендант был разумный.

Сборный пункт советских граждан во Франции / ГАРФ.
Ф. 9526. Оп. 4. Д. 16

Это подтверждение он написал по-немецки, по-голландски, по-французски, по-английски. И поставил штамп».

Но бывало, что никакие штампы и даже оформленные документы не могли помешать насильственному возвращению на родину. Представители Управления по делам репатриации искали невозвращенцев повсюду.

Антонина Сердюкова вышла замуж за французского военнопленного Клода Стрета. В ноябре 1945-го у них родился сын Михаил. Молодая семья жила в Париже. Но вскоре их совместная жизнь была прервана. «И вдруг, я слышу – внизу подъехала машина, я выглянула – виллис. И вижу [людей в] советской форме, ничего понять не могу. Они с хозяйкой там разговаривают, поднимаются ко мне и говорят: “Собирайтесь, поехали”. Ничего я не могла взять, кроме Мишки в охапку, ничего понять не могла. Поехали в лагерь Барегар под Парижем, куда собирали всех русских»⁹. Только в 1960-х годах Антонина Михайловна рассказала сыну, кто его отец. До этого она говорила, что он умер, называя вымышленные имя и фамилию.

Зинаиде Валиховой удалось избежать явки в советское консульство благодаря решительному поведению ее мужа: «Они присылали сообщение, письменное, что туда и туда надо. Очень старались советские военные, все возможное делали, чтобы мы снова вернулись. Это был еще 45-й год. Но муж взял эту бумажку, порвал и говорит: “У тебя сейчас голландская подданность”».

У **Лидии Ерастовой**, которая познакомилась с немецким юношей, влюбилась в него, стала жить в его семье и не собиралась никуда уезжать, никаких шансов остаться не было: она находилась в советской оккупационной зоне. «Ночью 18 июля, –

⁹ Антонину Сердюкову, как и других женщин-остарбайтеров, вывозили в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 15.02.1947 «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами».

Сборный пункт советских граждан. Зиген, 1945

рассказывала она, – стук в дверь. Сапогами, видно. Такой был стук, что мы все поднялись. <....> Кричат: “Открывайте двери!” Открыли, я в одной рубашке спустилась вниз, они меня за шкирку взяли, выкинули под ливень и – в комендатуру».

Надежда Булава некоторое время после освобождения работала в особом отделе пересыльного пункта, где оформляли документы принудительных репатриантов. Она рассказывала: «В особом отделе там так – ночью работаешь, а утром отправка вот этих, кого половили. Их вылавливали и отправляли в Среднюю Азию и в Сибирь. В лагеря. А мы ночью [справки] все от руки писали; надо, чтоб 5 экземпляров одной рукой были написаны. <...> А начальник, полковник, говорит: “Девочки, идите под кран головы свои [подставьте], работать еще много”. Не понимаю, почему надо было писать от руки – машинок что ли не было?»

Так или иначе, большинство остовцев вернулись в Советский Союз. Но перед этим они должны были пройти проверку на благонадежность, называемую фильтрацией. Из остарбайтеров они окончательно превратились в репатриантов.

Виктор Жабский: «Присвоили нам это неизвестное доселе слово – “репатриант”. Так оно на слуху и было».

«Вот вас просеем через сито!»

Чтобы вернуться на родину, все наши собеседники – теперь уже не остарбайтеры, а репатрианты – должны были пройти через проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) или проверочно-фильтрационные пункты (ПФП)¹⁰. Но до фильтрационного лагеря еще

¹⁰ За пределами СССР было создано около 200 проверочных пунктов и лагерей. Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны и проверочно-фильтрационных пунктах НКВД.

Фотографии из альбома о жизни
сборного пункта советских граждан,
освобожденных из фашистского
плена. Медпункт на фильтрационном
пункте. Зенне, 1945 / ГАРФ. Ф. 9526.
Оп. 4. Д. 12. Л. 25

Зенне, 1945 / ГАРФ. Ф. 9526.
Оп. 14. Д. 47. Л. 12

¹¹ Из записки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову 26 июля 1945 г.: «Многие проверочно-фильтрационные пункты оказались неподготовленными к приему большого количества репатрируемых. <...> На проверочно-фильтрационном пункте в Кибартай (Литовская ССР) репатрированные расположились табором под открытым небом; те же, кому удалось получить место в помещении, вынуждены спать вповалку на грязном полу». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 533. Л. 10–23.

надо было добраться. Порой уже после перехода в советскую зону оккупации приходилось идти еще многие километры пешком.

Евдокия Верхоланцева: «Потом нас гнали пешком наши. По сто человек отряды шли. У меня ноги так болели, распухли от работы от германской. Ведь идти надо в ряд, шагать рядами. Потом в город нас привели, и там нам документ получить».

Надежда Измалкова вспоминала, что фильтровать вновь прибывших начали сразу: «Они нас привезли в Хемниц. Боже, что творилось в Хемнице! Наших людей привозили, мужчин тут же забирали, под конвоем уводили. Женщины криком кричали, потому что некоторые уже сошлись с этими хлопцами, уже детей родили. Забирали на проверку мужиков и отправляли и на Донбасс, и в Сибирь, и в армию, а кому давали десять лет».

Условия, в которых осто́вцы находились во время фильтрации, порой мало отличались от рабочих лагерей в Германии¹¹.

ЛагереЙ не хватало, многие были перегружены, другие создавались наспех.

Об одном из таких лагереЙ рассказал **Николай Богославец**: «В Хальберштадте был организован сборный лагерь. Располагался он на территории разбитой станции железнодорожной. <...> Нам отвели теплушку в отброшенных вагонах. <...> На станции нашли восемнадцать цистерн со спиртом. У нас не было воды. И мы этот спирт употребляли и для умывания, и для стирки, и для попойки». В результате, по его словам, «семьдесят человек остались слепые, около пятидесяти человек умерли совсем».

Но вскоре в большинстве фильтрационных лагереЙ был установлен строгий режим – запрет свободного выхода из зоны, ограждение лагереЙ колючей проволокой, строгий распорядок дня и т. п.

Ольга Головина, освободившаяся из Равенсбрюка, вспоминала: «Нас направили в часть особого назначения. То ли СМЕРШ¹² это называлось, то ли как. То есть нас привезли опять за проволоку, за забор. В туалет на улице ходили под конвоем первое время. Но а потом, когда проверили, нас, конечно, освободили. Но проверили, проверили. Долго, мы месяц были на проверке. И вот дали добро приехать на родину».

Остовцы, освобожденные союзниками, сравнивали условия пребывания в сборных пунктах у американцев с советскими фильтрационными лагерьями, и эти сравнения были не в пользу последних.

¹² Сокращение от «Смерть шпионам!» – название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

Ансамбль песни и пляски советских граждан на сборном пункте в Дании /
ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 7

Из письма **Михаила Зеркаля**: «Обращение американцев к нам, русским, было очень хорошее. Нас хорошо кормили, угощали сигаретами, конфетами, галетами. <...> В июле месяце 1945 года мы прибыли в наш сборный лагерь № 219. Здесь уже было все по-другому. Строгая дисциплина, ходили только строем, кормили плохо».

Раиса Нефёдова: «В лагере советских граждан мы стали как военные – подъем, физзарядка, в столовую и из столовой – строем».

Некоторые вспоминали, как в ожидании отправки на родину участвовали в организованной в фильтрационных лагерях «культмассовой» работе, рисовали лозунги и портреты Сталина, выпускали стенгазеты, организовывали концерты.

Анна Кириленко рассказывала: «Лагерь большой, людей много. Нашлись активисты. Организовали самодеятельность, выступали, концерты ставили. К нам даже воинские части приезжали. <...> Концерты мы ставили на высоком уровне, и певицы у нас были, и танцоры, и, как сейчас помню, пирамиды мы всякие делали. На фоне красного знамени я читаю мелодекламацию, играет музыка, а в это время пирамиды делают. Нас человек, наверно, двадцать пять было, тридцать. Коллектив большой, и такие, знаете, были люди умеющие, и даже фокусник среди нас был».

Справка о работе в клубе фильтрационного лагеря.
25.10.1945

Справка дана т. Белых Александре Яковлевне в том, что она действительно работала в клубе лагеря № 25 с 17 июля по

25 сентября 1945 года на должности солистки хора и актера драмкружка. К работе относилась честно и добросовестно. Все приказания старших начальников выполняла аккуратно. За период работы при клубе лагеря № 25 имела благодарность от старших начальников.

Нач. клуба ст. лейтенант Ермишин

Выписка из приказа сборно-пересыльного пункта № 86

Альтенграбов. 30 августа 1945: «...За обеспечение культурного отдыха личного состава репатрируемых совграждан при СПП № 86 и проявленные при этом инициативу и организованность, от лица службы объявляю благодарность участнику Еньшину Николаю Николаевичу.

Начальник СПП № 86 ст. лейтенант Студенков. <...>»

Но главным, что осталось в памяти от пребывания в фильтрационных лагерях, было не участие в самодеятельности, а долгие и унижительные проверки на благонадежность.

Фильтрацией занимались комиссии из представителей НКВД, НКГБ и СМЕРШ¹³. Многое зависело от того, войска какой страны освобождали остарбайтеров. К освобожденным союзниками (а их было большинство), отношение было подозрительное.

Зинаида Комиссарова: «Называлось – просеивание: “Вот вас просеем через сито”».

¹³ См.: Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 6.

Удостоверение о прохождении проверочно-фильтрационного пункта НКВД СССР. Франкфурт-на-Одере. 10.10.1945

Вера Дергачёва вспоминала: «Привезли нас в какой-то город. Там долго мы были. Наверное, недели две. Писали мы, господа, где был, что делал, не давал ли обещание американцам сотрудничать с ними. <...> Я не видела ни одного лица доброжелательного. <...> Нам сразу сказали, что Сталин даже своему сыну не поверил. Но, в общем, так получилось, что мы – без вины виноватые».

Больше всего обижало и оскорбляло подозрение в измене.

Деревенские девушки, вывезенные в Германию в 16–17 лет, во время допросов с трудом понимали, чего от них хотят.

Евдокия Верхоланцева: «Нас стали вызывать по одному человеку. Вот – стол, где наши военные сидят. Заходишь, они: “Как твоя фамилия?” Я говорю: “Я – Петрова Евдокия Пантелеевна”. Там уже на меня есть документы. “Немцам помогала?” Я говорю: “Да». – “И старалась, работала? Все силы отдавала? А если немцы убивали наших солдат?” – “А я боялась, – говорю, – они меня будут бить. А то, если не буду работать, они меня убьют”. Они: “Почему ты не ушла в партизаны?” Я говорю: “А какие партизаны? У нас никаких партизанов не было, только немцы пришли в сорок первом. А в сорок втором, в марте, в первых числах, меня увезли”. Я там долго потела, я вся красная вышла. Какие только мне вопросы не задавали».

Справка
о пребывании
в проверочно-
фильтрационном
пункте НКВД
СССР. Шпремберг.
30.10.1945

Справка о прохождении фильтрации и работе в воинской части. 02.10.1945

К тем, кто освобожден из концлагерей, относились с еще большей подозрительностью, руководствуясь принципом: раз уж там сумел выжить, значит, сотрудничал с немцами.

Вот рассказ Николая Богославца: «Тринадцатого мая был первый допрос, в тот же день, что привезли. <...> Ну и, конечно, вопрос: “Ты, гад такой, служил немцам?” И первое прикосновение – это в зубы. Ну, думаю, с концлагеря – еще раз в концлагерь. Я начинаю объяснять, что я такой-то и такой-то. Один сидит, пишет, другой ведет допрос. Думаю, еще будет бить. Нет, один раз – это достаточно. Это такой паек – на затравку. Каждый раз, когда вызывают, в зубы получишь. Вот такой переплет».

Особое подозрение у СМЕРШевцев вызывали те, кто до войны подвергался репрессиям, скрывавшиеся в Германии под чужой фамилией евреи. Так было с подругой Надежды Измаковой Дорой: «Как это она в Германии была! Хотела с немцами сотрудничать, что ли?»

Страх – сначала перед немцами, потом перед своими – заставлял называться чужим именем, менять национальность, убавлять себе годы.

Николай Киреев был угнан в Германию, когда ему было 16 лет. В фильтрационном лагере он уменьшил свой возраст, рассчитывая, что к мальчишке придираются не станут: «СМЕРШ, или кто там, заявление мне дали: гражданин такой-то, родился там-то и там-то. Правда, я украл два года и только перед пенсией решил восстановить».

Альдона Волинская вспоминала, как несколько раз изменяла себе имя: «Мы поменяли фамилии, я до сих пор не знаю, когда и где какую я фамилию брала, но я всё время меняла: Волинская, Лиходиевская, потом Нона, Альдона».

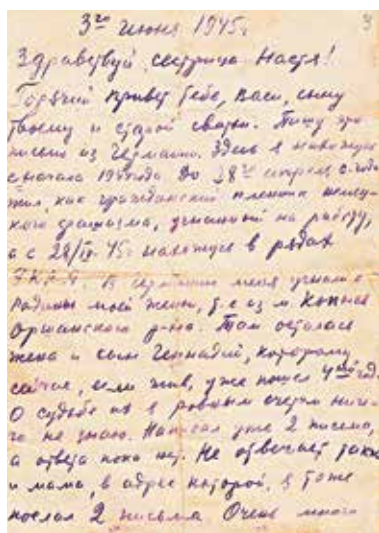
В поисках компромата на репатриантов сотрудники СМЕРШа вербовали осведомителей. Узник концлагеря **Гузен Лаврентий Новохатько** вспоминал, как офицер СМЕРШа предложил ему доносить на сокамерников: «Говорит: “Что вы заметите, нам докладывайте. Они советские люди, как они оказались в плену?” Я говорю: “Хорошо”. – “Но вы им не говорите”. Я говорю: “Хорошо”. Ну я пришел, сразу им сказал. Говорю: “Я не буду за вами смотреть”. Они говорят: “Лаврик, – так они меня звали, – смотри за нами, а то кто-то другой будет смотреть”. А они ж хорошие люди, прекрасные были».

Легче было «малолеткам» – тем, кого угнали в Германию до совершеннолетия (поэтому Николай Киреев и убавил себе два года). Но и здесь многое зависело от конкретного человека, проводящего фильтрацию.

Лев Токарев, угнанный в Германию в 14-летнем возрасте, рассказывал: «Фильтрацию проходили в запасном полку, там была опергруппа СМЕРШа. [Начальником] был подполковник, ленинградец наш. Хороший мужик, между прочим. Все ругают СМЕРШ, а хороший мужик был, отличный мужик. <...> Он нас “сынки” называл. “Ну что, сынки?” – говорит. Ну, опросил: как попали, где были, что делали, вот и все. Мы говорим: “Ну что – забирай в армию нас”. – “Нет, в армию я вас не возьму, ребята. Хватит, вы три года побыли здесь, давайте,

говорит, домой: может, там кто жив еще у вас остался. Давайте домой»».

Льва Токарева тогда не взяли в армию – ему не было восемнадцати лет. Мужчины же призывного возраста после фильтрации, как правило, направлялись в призывные пункты фронтов или округов. Призыв в армию для многих репатриантов был, наверное, самым надежным знаком «доверия».

Письмо красноармейца,
бывшего остарбайтера. Рюген.
03.06.1945

«Здравствуй, сестрица Настя!

Горячий привет тебе, Васе, сыну твоему и старой свекрови. Пишу это письмо из Германии. Здесь я нахожусь с начала 1944 года.

До 28 апреля сего года жил как гражданский пленник немецкого фашизма, угнанный на работу, а с 28/IV-45 нахожусь в рядах РККА. В Германию меня угнали из г. Копысь Оршанского района. Там осталась жена и сын Геннадий, которому сейчас, если жив, уже пошел 4-й год. О судьбе их я ровным счетом ничего не знаю. Написал уже 2 письма, а ответа пока нет. Не отвечает, разве и мама, в адрес которой, 5-го числа написал 2 письма. Очень много пришлось пережить мне здесь, в Германии. <...>

Пришлось и голодать, и терпеть всевозможные издевательства со стороны лагерного начальства и мастеров фирмы, где я работал. 8 раз был под ужаснейшими бомбежками англо-американцев. Видел не раз груды человеческих трупов и изуродованных фугасными

бомбами самолетов, два раза разносило в щепки барак, где жили мы, но я из всего этого пекла выходил живым и здоровым.

Такова судьба человека!

Сейчас жить мне и в моральном, и в материальном отношении это хорошо. Сейчас я не раб, как это было раньше, а полноправный член советского общества, сын своей Родины. Сейчас я не нищий, как это было раньше, а одет, обут и накормлен не какой-либо "баландой" и свиной нечищеной картошкой, а ем вкусно и сытно в достаточной мере.

Командиры у нас хорошие. Относятся к солдатам просто, сердечно, хотя и строго. Сейчас находимся на одном из островов Германии.

Места кругом курортные, очень красивые своей природной естественной красотой.

На этом до свиданья. Твой брат.

Письма пишите без марок и сколько угодно. Мой адрес: полевая почта № 97668-Р. Мне».

Проводы отъезжающих советских граждан на родину. Гемер, 1945 / ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 30

Павел Михайлов: «После того как нас военные допросили и записали все данные, нас рассортировали: одних – в один сарай, а других – в другой. <...> Кто был в другом сарае, отправили – мы потом через письма узнали – добровольно-принудительно в Караганду, на рудники, на шахты, на нефтепромыслы в Баку. <...> Я же попал в армию».

Сергей Богданов: «Меня призвали на службу в армию, и это спасло меня от передвижения далеко-далеко за Уральский

Справка о работе
в воинской части. 1947

хребет. <...> Советская армия в этот раз меня спасла в полном смысле этого слова».

Но и тем, кого призвали, было нелегко. Обмундирование поначалу было плохое и обучать не успевали, и служить многим пришлось по четыре года.

Франц Мармураш: «Призвали в армию. Я попал в Венгрию. Одели нас, была шинель немецкая, брюки советские, ботинки там, обмотки два метра».

Федор Апёнкин оказался в Югославии без всякой военной подготовки: «Никто, ничего. Иди и всё. И получилось так, что я и не знал даже, как стрелять, как обращаться с оружием. Я автомат-то не держал в руках. Ни в школе мне не показали, ни у партизанов я его не видел. Вот ружье – это я знал. Там часть действующая была. Ходили на прочесывание ихних лесов».

Те, кому повезло меньше, после фильтрации оказались в трудармии, куда попадали и многие военнопленные, и репатрианты-остарбайтеры из западных областей Украины и из Прибалтийских республик. Чтобы избежать этого, некоторые объявляли себя женатыми.

Вера Дергачёва рассказала, что на фильтрационном пункте к ней подошел незнакомый мужчина: «Я помню, он попросил: “Скажи, что я твой муж. Мужчин отбирают от женщин”. Я говорю: “Ты хоть скажи свои имя и фамилию. Я скажу – муж, а не знаю, как тебя зовут”. Но не спрашивали ни имени, ни фамилии. “Ты с женой?” Он говорит: “Да”. Я говорю: “Да, муж”. И все. И его оставили, так как он – мой муж. Я его спасла».

Репатриантов посылали в трудармию на восстановление разрушенных шахт и взорванных электростанций.

Николай Зубков проработал в Донбассе около двух лет: «В трудовую армию меня, значит, забрали. В Донбасс, шахты восстанавливать. Шахты были там страшные, затопленные».

Некоторых остоуцев советская военная администрация оставляла для работы переводчиками, служащими оккупационных учреждений, поварами, прачками и т. д.

Валентина Гридчина, угнанная в Германию вместе с мамой и бабушкой, рассказывала: «Подходит наш советский офицер и спрашивает: как, кто, что умеет делать. Мама говорит: “Я шью, я рисую, печатаю на машинке. Мама моя кухаркой может работать”. – “А в поле она может работать?” Бабушка: “А как же! Косить, – говорит, – и жать, и готовить, и стирать – всё могу”. – “Значит, идете к нам, в воинское подсобное наше хозяйство”. И забрали нас к себе в воинскую часть вольнонаемными работниками».

Анну Гуляеву после освобождения ждала тяжелая работа в армейском подсобном хозяйстве: «Мы говорим: “Мы домой хотим”. – “А, – говорит [офицер] – б...! Как на немцев-то работали. А для своей родины не хотите”. А там столько скота ходит. Две тысячи голов скота собрали. Там же многие побросали все и уехали... И эти коровы ходят. Му-у-у. Вымя вот такие распухшие. Он говорит: “Сейчас вы пойдете доить коров. Умеете вы, не умеете. За сиськи тягать умеете. Сможете”. На родину ее отпустили только в декабре 1945-го.

Справка о работе
в воинской части.
17.06.1945

Справка выдана Крисяк Лидии Ивановне в том, что она взята воинской частью 03102 из концлагеря Дрезден 11 мая 1945 года для ухода за скотом, следовавшим за воинской частью. Справка выдана на предмет следования на Родину в СССР в Винницкую область. <...>

Альдона Волынская оказалась среди служащих в том подразделении НКВД, которое занималось поиском нацистских преступников в оккупированной Германии. Ее рассказ – свидетельство того, как советский «опыт» репрессивных органов применялся в послевоенной Германии. «Задача была такая: пополнить лагеря. Он (допрашивающий офицер НКВД) задавал такие вопросы: “Нацист?” Немец говорил: “Нет”. – “Радио слушал, нацистскую пропаганду слушал?” – “Слушал”. – “Газеты читал?” – “Читал”. Пишем: занимался нацистской пропагандой. <...> Мы видели, что они никакие не фашисты, я даже к какому-то начальнику полезла со своим вопросом. Он на меня посмотрел, говорит: “Не лезь не в свое дело”. Ну и я поняла, что не моего ума дело. Там такая была атмосфера, что очень хорошо и быстро понимаешь».

Справка о работе регистратором на сборно-пересыльном пункте для приема и отправки репатрируемых граждан СССР. 25.08.1945

Справка дана настоящая гр-ке Мамченко В. И. <...> в том, что она 28 февраля 1945 г. в районе Шлохау (Германия) была

освобождена частями Красной армии как советская гражданка, насильно угнанная немцами. После этого Мамченко В. И. прошла соответствующую проверку в органах Контрразведки СМЕРШ и <...> работала в качестве регистратора на сборно-пересыльном пункте № 115. 25-го августа 1945 года Мамченко В. И. направляется по месту жительства в Полтавскую область. <...>

Фотография из альбома
«Домой, на Родину».
Бранденбург 1945–1947 /
ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 47

Она же рассказывала, как происходила вербовка осведомителей: «Учительница приходит – белая, напуганная до ужаса. [Таким, как она] немножко платили, десять марок в месяц, наверное. Трясущейся рукой брала». – «Что она должна была делать за это?» – «Доносить. Ей говорили: «Вы должны нам помогать»».

Внушавших подозрения репатриантов, остовцев и военнопленных арестовывали и отправляли в исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа. Такая судьба ждала бывшего узника Бухенвальда Льва Мищенко и некоторых других наших собеседников. Прошедших фильтрацию благополучно отправляли на родину.

Анна Кириленко: «Подгоняются вагоны, формируется состав по определенному направлению – кого куда. Кого в Ростовскую область, кому на Белоруссию. Ну пробыли мы до начала декабря или конца ноября, наверное. Потом нас погрузили в вагоны и отправили. И поехали мы домой».

В жизни бывших остарбайтеров наступил новый этап.

Часть пятая

НА РОДИНЕ

«Жить было нечем»

Ехавшие домой репатрианты плохо представляли, что их ждет. Агитаторы, призывавшие к возвращению, расписывали хорошую жизнь на родине, но умалчивали обо всем, что могло вызывать сомнения – о голоде и разрухе. «Как было в Союзе – никто ж не знал, – вспоминал **Вадим Новгородов**. – Офицеры ничего не говорили об этом. Им настрого приказывали не распространяться, как здесь тяжело было».

Но большинство наших собеседников об этом не задумывались – им хотелось поскорее добраться домой. Тоска по родным вытесняла воспоминания о прежней трудной жизни. Лишь те, кто успел еще в Германии получить вести с родины, уже понимали, куда едут.

Удостоверение проверочно-фильтрационного пункта. Галле, 1946

Анна Гуляева: «Первое письмо мне привезли, такой треугольничек. Ой, как я плакала. Мама рассказала домашнее положение. Что дом сожгли немцы. Корову забрали. Живут в землянке. Папа четыре раза ранен был».

Вера Федорченко: «Домой приехали, а там ад. Хата сгорела, а она и была-то бедняшка. Господи! Отец израненный. Стоит в подштанниках этих домотканых. Мать тоже измученная такая. Ни есть, ничего нету. Господи, какое страдание!»

Зинаида Комиссарова: «Во время войны мама в окопах скрывалась с ребятишками – всё было сожжено, всё разграблено. <...> Когда я приехала, дома ничего не было, даже картошки. Не было даже лошадей, на себе пахали женщины, чтобы посеять хлеба или картошки посадить. <...> Один трактор был, они его в МТС без конца чинили».

Федор Хмара приехал в родное село Буйское на Полтавщине в отпуск из армии лишь спустя пять лет после войны, в 1950-м, но жизнь легче не стала. Рассказывает: «Заехал в свою деревню – бог ты мой! Считаю: клуба нет, школы нет, где церковь была, там всё снесено. <...> Там, где лошади были, – там всё разбито».

Момент возвращения домой и встречи с родными, у кого они были живы, запомнили все.

Владимира Щебетюка родные не надеялись увидеть живым. «До Каменеца-Подольска километров 25–30. И всё. Поезда дальше не едут. Идем по шпалам. Дошли. В Жванце у меня родственники были. Я пришел до них. Они кажут: “Мы только были в Исаковцах”. А в Исаковцах знает мать и все, что я погибший. Что меня нету вообще. Ни слуху, ни духу. Мне родственники кажут: “Мы сейчас быстро пойдем в Исаковцы, отец придет, заберет”. Я истощенный был такой. Я в Жванце у этих родственников, не посрамлюсь сказать, так плакал, рыдал, как маленький ребенок. Я никогда не плакал. Это всё у меня вышло в том, что я так плакал».

У Виктора Жабского и Зинаиды Комиссаровой навсегда остались в памяти первые эпизоды после приезда в родные края.

Зинаида Комиссарова: «Приехали мы на станцию Дно, там я и вышла. Ночь, нигде никакого света. Села у сарайчика и сижу. Проходят мимо: “Вы что, с Германии? У вас чулок капроновых нет?”»

Вопрос о капроновых чулках был не случаен. От приехавших из Германии ждали, что они привезут с собой вещи, которые можно было выгодно продать или обменять. Однако мало кому из наших собеседников удалось привезти с собой из Германии какие-то ценные вещи. Везли трофеи главным образом военные.

Характерно признание **Анны Штепы**: «Наши офицеры ехали – столько они везли! Чемоданов столько выгружали, боже мой, а мы вышли, у нас ничего не было. <...> Приехала я домой. Папа дома был, мама дома была. И, как вам сказать, недовольные лица были у родителей, что я приехала, как говорится, с голыми руками».

То, что удавалось взять с собой, нередко становилось добычей грабителей.

Виктор Жабский: «Приехали в Новочеркасск. Домой не пошел, поздно было, вещей у меня немного. <...> Вышел за вокзал – вокзал разбитый. Присел там на порожках, ну и задремал. А у меня через плечо были ботинки. Не мои, а запасные. Ну, очухался, рассвет. Смотрю – ботинок уже нет. Сперли! Думаю: во куда я попал!»

Виктор Жабский был не единственный из остовцев, кого обворовали в дороге.

Галина Аграновская: «Вот так мы с пересадками, с какими-то узлами доехали до Можайска. Мы, обессиленные, дошли до вокзальчика, уснули всей семьей. И нас полностью обокрали. Из-под нас взрезали зашитые мешки, все повытаскивали».

У некоторых репатриантов вещи просто отнимали.

Анна Мифтахутдинова: «Поезд остановился и давай спрашивать. “Вот, чемодан открывайте, посмотрим, что есть”. Всё выберут хорошее, а остальное – твое».

Константин Цибульский: «У нас-то всё отобрали. Чемоданы, что было, все позабирали. Всё это офицерам, солдатам пошло, нам ничего, пустые мы пришли, да».

Лидия Бекетова: «В общем, приехала я сюда вшивая, меня раздели мои родные, сделали костер посреди двора и спалили всю эту мою одежду».

Анастасия Архипенко: «Вот приехала, мне тут перешили шинель, и я в шинели в клуб ходила».

Хлебная карточка. Декабрь 1947 / Из собрания М. Пойзнера

Редко кому удалось, как **Марии Аушевой**, привезти что-либо существенное. Она привезла из Германии швейную машинку, которая ей потом очень помогла: «Я ее разобрала, сложила, как столик, всё раскрутила, связала, и вот эту я машинку повезла домой. Шить умею, а дома ж достать негде».

Вернувшихся на родину ждала тяжелая жизнь и голод 1946–1947 годов, охвативший прежде всего юг.

Угнанная из Геническа, маленького городка на Азовском море, **Таисса Толкачёва** рассказывала: «Голодовка была страшная в 46-м году. Когда я приехала домой, увидела страшную картину: во-первых, папа, опухший от голода; мама – тоже; брат ее, Степан, приходил к нам, тоже весь опухший, мама не знала, чем его покормить; сестра моя младшая лежала больная. <...> Давали кукурузную муку – один килограмм в месяц. Хлеба совсем не давали никому. Кто что где мог, то и доставал. Но наши в основном питались рыбой. Рыба мало ловилась, и запрещали ее ловить. Зарплата тоже была маленькой. В магазинах ничего не было. В общем, жуткая была картина».

Вернувшийся в Днепропетровск **Павел Косушко** вспоминал: «Всё шло по талонам, всё по талонам. В розничной продаже – ничего, продукты по карточкам. Ничего. Голод. <...> И у меня оклад был шестьсот рублей. На рынке буханка хлеба стоила шестьсот рублей. То есть, вся моя заработная плата укладывалась в одну буханку хлеба».

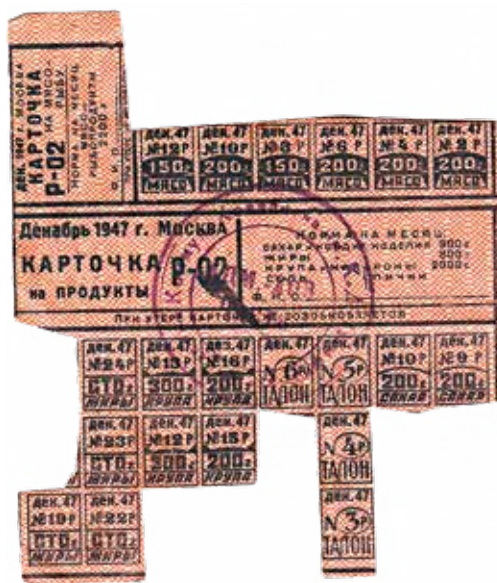
Валентина Гридчина в 1946 году вместе с матерью и бабушкой возвратилась из Германии в Таганрог. Она вспоминала: «В Таганроге жуткий был голод. Хлеб по карточкам, а карточек не было. Мама не работала. Никуда не могла устроиться. Карточку кто ж ей даст? Значит, купишь карточку на базаре, и всё».

И вот сколько-то там грамм хлеба по одной карточке на всю семью делишь. Мы рисовали ковры и на базаре продавали. Торгуешь и [молишься]: «Господи, хоть бы на баночку пшеницы продать, хоть бы на баночку пшеницы продать!» Продашь – каши наварим».

Из-за тяжелых условий послевоенной жизни многие наши собеседники, вернувшись домой, не смогли продолжить учебу. «Жить было нечем, – объясняла Татьяна Теплова. – Я сразу сказала: “Мама, можно я пойду учиться?” Она говорит: “Доченька, куда ты пойдешь учиться? Я тебе тетради купить не могу. У нас же нет ничего”».

Но главное – после возвращения бывшим остовцам предстояли новые мытарства. Они сразу же столкнулись с подозрительностью и открытым недоброжелательством.

Екатерина Крикливец: «Нас, концлагерников, подлечили немножко, и все равно ноги были пухлые, и мы сами пухлые еще. А мы приехали, когда нас уже сгрузили, мы идем, а бабки сидят, семечками торгуют да говорят: “О, видно им было неплохо в Германии, вон они какие толстющие!” А мы ж пораспухали все, пухлые все. Ну потом еще дома лечилась. Ну ничего, выжила».

Продовольственная карточка на мясо, крупу, жиры и сахар. 1947

Татьяна Веселовская: «Когда я на родину [приехала], первое слово, как меня встретили – б... Вы понимаете, я не знала, что это такое, и вдруг меня первым словом. И я подошла и спрашиваю: “Тётенка, а что это такое?” А она говорит: “Молчи, еще не это услышишь”».

«В биографии не все в порядке»

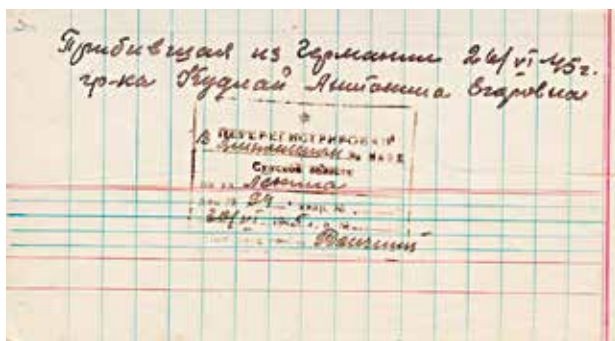
Судя по рассказам наших собеседников, мало кому удалось быстро и без проволочек получить паспорт. Прошедших через фильтрацию и вернувшихся домой репатриантов ставили на учет в НКВД (МГБ, КГБ). Несмотря на то, что все они прошли фильтрацию на сборных пунктах и в ПФЛ, к ним продолжали относиться с подозрением, проверять и допрашивать¹.

¹ Фильтрация, начавшаяся за рубежом, продолжалась дома. При проверке в ПФЛ на каждого репатрианта заводилось дело, которое направлялось по месту жительства, в отдел НКВД. До середины 1950-х годов большинство бывших оstarбайтеров находилось под надзором органов госбезопасности.

Справка о регистрации по месту жительства. Одесская область.
23.08.1945

Справка дана Голованевским паспортным столом 2-ке Кисель Евдокии Григорьевне, 1924 года рождения, уроженке с. Роскошное Голованевского р-на, Одесской обл. Прибывшей из Германии разрешается проживать на территории Роскошанского с/совета. Без права выезда в другие районы и области.

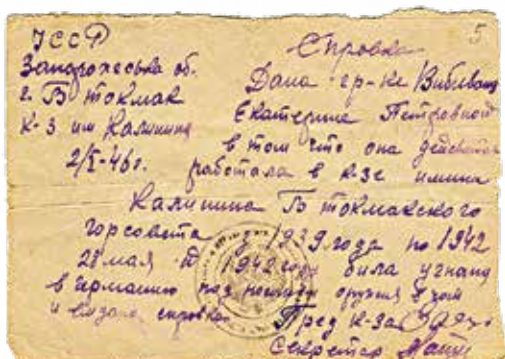
Справка о перерегистрации, выданная Управлением НКВД по Сумской области. 30.06.1945

«Вот я к себе в поселок приехала, – вспоминала Вера Дергачёва. – <...> Дали справку на три месяца – бумажку. Через три месяца – опять в паспортный стол: [дают справку] на полгода. Потом опять на полгода справку. И никуда не поедешь учиться, потому что нужен паспорт, у меня паспорта нет. А тут еще милиционер вызывает посещать его, повестки присылает – “явиться”. Получилось, что уезжала – жандарм с правой стороны, а приехала – милиционер с левой стороны».

Зоя Елисеева: «Мы сразу поняли: мы чужие, неполноценные, доверять нам нельзя. Нас надо только проверять, проверять и проверять. И вот нас начали всех проверять: когда уехали, откуда, с кем, кто еще с вами уехал, где там были, чем занимались, когда вернулись, кто освобождал?»

Неонила Рожкова: «В НКВД бесконечно, и днем, и ночью [вызывали]. Машина приехала – и забрали. И главное – когда немцы пытаются, то чувствуешь: это немец, это фашист. Но наш! Когда он тебе в глаза говорит: “Ты продалась немцам!” Я говорю: “Почему я продалась немцам?! Мне, – говорю, – было 16 лет. Кто виноват, что меня немцы забрали, мы добровольно туда не поехали!”»

Анна Гуляева: «НКВД допрашивал еще в лагере. А потом уже дома тоже допрашивали, кулаком постукивали, что добровольно, мол, поехали? Мы говорим: “Вы же знаете, что мы не добровольно. У меня же справка есть, что мы угнаны в Германию”».

Справка об уgone в Германию.
Запорожская область, колхоз
им. Калинина. 02.10.1946

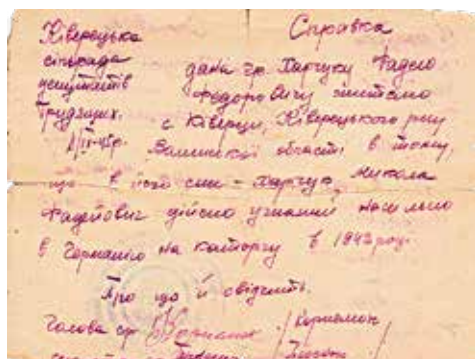
Справка. Дана гр-ке Вибиван Екатерине Петровне в том, что она действительно работала в колхозе имени Калинина Токмаковского горсовета с 1939 по 1942 год. 28 мая 1942 года была угнана в Германию под насилием оружия, в чем и выдана эта справка.

Справка об уgone на принудительные работы в Германию.
Сумская область. 14.08.1948

Справка. Выдана настоящая гр-ну Заец Александру Ивановичу в том, что он действительно житель с. Новая Рябина Ахтырского района, Сумской области. При немецкой оккупации с 1941 по 1943 год находился в с. Новая Рябина, работал на разных работах. В 1943 г. был угнан в Германию как рабочая сила. В чем удостоверяется.

Справка об уgone в Германию. 08.09.1945
(на украинском языке)

Справка дана гр-ну Харчуку Фаддею Федоровичу, жителю с. Киверцы, Киверцовского района Волынской области в том, что его сын Харчук Николай Фадеевич действительно угнан насильно в Германию на каторгу. Про что и свидетельствует.

Атмосфера недоверия и подозрительности, которая исходила от проверяющих, передавалась окружающим. Подозрение вызывало уже само слово «репатрианты», не объясняющее, как и почему эти люди оказались в Германии.

В обыденном сознании большинства населения сформировалось представление, что за словом «репатрианты» скрываются люди, не заслуживающие доверия, едва ли не изменники и предатели.

Формируя такое отношение к оstarбайтерам, власть снимала с себя ответственность за их трагическую судьбу: за то, что миллионы людей остались в годы войны сначала на территории, оккупированной врагом, а затем были насильственно вывезены с родины на работы в Германию.

С подозрительным и враждебным отношением к себе многие наши собеседники столкнулись еще на пути к дому.

Галина Аграновская рассказывала, как ее вместе с родителями вышвырнул из вагона пьяный офицер со словами: «Пособникам фашистов нет места рядом с защитниками Родины!»

У Зинаиды Комиссаровой пьяные солдаты, сопровождавшие поезд, отняли деньги и все вещи, которые она везла с собой.

Справка
репатрированного
о следовании к месту
жительства. Сталинград,
1945

«Они на нас смотрели как на врагов. Они же защищали Родину, воевали, а мы, выходит, предали Родину, в Германии жили».

Николай Киреев: «Меня хорошо убедили, что у Сталина существует одна категория людей: кто был за границей, тот видел другой мир, в независимости, где он сидел: в тюрьме, в концлагере. А остался жив – почему жив остался? Что я мог ответить... Чуть ли не до Урала доперли немцы, а потом спрашивают, а как ты попал?»

Василий Воронин: «Смотрели презрительно. Вроде мы виноваты, что нас бросили – детей четырнадцати лет, стариков, а сами бежали под Сталинград».

В воспоминаниях бывших остовцев много описаний послевоенных мытарств, рассказов, сколько надо было приложить усилий, чтобы получить документы, устроиться на работу, восстановиться в техникуме или вузе.

Начавшаяся холодная война вызвала новую волну подозрительности и шпиономании. Особое недоверие вызывали репатрианты, освобожденные войсками союзников.

Узница Освенцима и Равенсбрюка **Оксана Коссаковская** вспоминала, как после фильтрации вернулась в родной Львов («Такая радость!»), поступила на филфак университета и в консерваторию, а через год ее арестовали, обвинили в пособничестве фашистам («Спрашивали: почему меня немцы

не расстреляли, как я осталась жива?») и осудили на 10 лет колымских лагерей.

В числе репрессированных оказалась и **Елизавета Крестьянцева**. После освобождения ей пришлось на полгода задержаться в Германии: она была оставлена в каптерке армейской части для починки солдатской одежды. Это и стало причиной ее ареста после возвращения в родной Кировоград. «Мне говорят: “А почему вы сразу не приехали? Вам не хотелось видеть своих родных? Почему вы остались в пятой ударной армии?”» Ее обвинили в том, что она «пристроилась» в армию, чтобы «шпионить за нашими солдатами». Угрожали («Вот мы тебя сейчас поставим к стенке»; «Вот нажмем на глаза – и будешь слепая») и в конце концов заставили подписать признательные показания. Заседавший десять минут суд дал ей 10 лет «за измену Родине».

Такая же судьба ждала **Раису Первину**. После возвращения она два года отучилась в Московском строительном институте, когда за ней пришли. Но до этого несколько раз вызывали на допросы, спрашивали, почему она не вернулась со всеми репатрированными, а осталась в действующей армии. Ожидание этих вызовов «было страшнее самого ареста». 1 июня 1947 года ночью ее увезли на Лубянку. «А потом просто начались допросы, причем это ночные были допросы, мне не давали спать совершенно. <...> Вначале обвинили меня, что я хотела быть агентом [гестапо], быть доносчиком на своих, потом это отпало. Осталось: «добровольный выезд в Германию». Приговор – восемь лет лагерей.

Лидия Ерастова: «Мне дали шесть лет. Меня обвиняли, что я работала в гестапо агентом, что я предавала советских граждан,

Направление в районное отделение НКВД. 27.07.1945

что я была связана с американской контрразведкой, что я дала им расписку, что буду на них работать. Меня обвиняли, что я сожительствовала с немцами, с эсесовцами и так далее».

Большинство вернувшихся в Советский Союз оstarбайтеров избежали прямых репрессий. Но мало кто из них сумел избежать притеснений и ущемлений в гражданских правах.

Еще при фильтрации на каждого репатрианта заполнялась анкета. 10 из 29 вопросов этой анкеты требовали ответов о жизни в оккупации и за границей. Кроме того, пункты о нахождении гражданина или его родственников на оккупированной территории и за границей (вплоть до 1992 года!) содержались во множестве анкет и личных листках по учету кадров, которые обязательно должны были заполняться при самых разных обстоятельствах.

По крайней мере до середины 1950-х годов «плохая» анкета часто служила основанием для отказа в приеме на работу или учебу.

Фрида Палко: «Меня даже уборщицей на работу не принимали, когда я приехала. Как напишу, что была в Германии, так всё: “Нет-нет-нет, нам не надо, мы уже взяли”».

Галина Сиводед: «Относились плохо. “А-а-а, в Германии была!” Я год не работала. На базаре торговала на толкучке. Старое трико брала, перешивала рейтузы, трусы шила, красила. И вот на это я жила».

Из письма **Валентины Яновской:** «Когда приходила поступать на работу, то сразу спрашивали, где была во время войны: в оккупации или в эвакуации? И вот тут приходилось выслушивать такое, что не хотелось жить. Сколько раз жалела, что вообще вернулась на родину!»

Особенно трудно было поступить на учебу в вуз. **Сергей Богданов** после освобождения служил в армии, окончил вечернюю школу и решил поступать в Ленинградский электротехнический институт. «Когда я принес документы, что я золотой медалист и награжден золотой медалью, то спустя несколько минут меня отозвали в сторону и попросили зайти к секретарю приемной комиссии. Там очень деликатно мне объяснили: “Молодой человек, мы вам не советуем оставлять документы. Вы не

Справка о пребывании на принудительных работах в Германии. Ростовская область, 1992

поступите, все ж таки у вас в биографии не все в порядке”. <...> Несмотря на то, что у меня было шесть благодарностей от командующего армией, мне дали понять, что я не гожусь».

Галина Шаланкова: «Когда уже приехали сюда, я ходила поступать учиться в техникум педагогический. Не приняли. Потому что я за границей была».

Некоторые пытались скрыть пребывание в Германии. Это иногда удавалось.

Виктор Жабский рассказал, как столкнувшись в 1947 году в Новочеркасске с отрицательным отношением к репатриантам, сумел подменить ранее написанную анкету в отделе кадров и в новой анкете «пребывание на территории Германии» заменил «пребыванием на оккупированной территории». Так всю жизнь и прожил с поддельной биографией. И о работе в Германии никому не рассказывал. Даже собственная семья – жена и дети – узнали об этом только в начале 1990-х.

Вера Шеренкова: «Я устроилась в “Союзпушнину”. И если бы я сказала, что я была [в Германии], меня бы и на ступеньку не пустили. Первый раз в жизни мне пришлось наврать. Мне дали анкету: “Была ли за границей?” – Нет, нет, нет, нет – и все прошло. И я там проработала 14 лет».

Николай Киреев: «Я понял, что высовываться мне нельзя. Во-первых, я в техникум поступил и нигде не написал в биографии,

что я был в концлагере Маутхаузен. Этот отрезок времени я вообще выбросил. Я благополучно окончил, но дамоклов меч все время висел. В то время проверяли всех».

Среди наших собеседников немногие сумели достичь заметных успехов, защитить диссертацию, занять высокую должность. Бывших остовцев редко и неохотно выдвигали на руководящие посты. К тому же многим из них долгое время была закрыта возможность вступления в КПСС.

Николай Богославец подал заявление в партию, будучи студентом Харьковского института культуры. На собрании, где его принимали, нужно было рассказать автобиографию. «Когда я дошел до места, что я был в концлагере, поднимается наш марксист институтский, Дудкин Иван Андреевич, который через три года после этого от запоя умер под забором, и говорит: “Он в Германии был, в концлагере, а мы его в партию!” Я крутанул и как грякнул дверьми. И больше я поступать в партию желания не имел».

В 1960-е годы отношение к бывшим остарбайтерам несколько смягчилось. Но въевшийся страх долго не отпускал.

Михаил Дараган: «Мне уже начали предлагать, чтоб я вступил в партию. Ну, а я всё время опасался и думал, что если я начну вступать в партию и меня не примут, потому что был в Германии, у меня на всю жизнь отложится в душе горький осадок. Ну я не вступил в партию».

Вадим Новгородов: «Мне кололи в глаза, что я вот неполноценный, я вот прокаженный. Поэтому я никогда на руководящие роли не рвался».

Ощущение себя «неполноценным», «прокаженным» разрушало дружеские и родственные отношения, мешало создать нормальную семью. Об этом с горечью говорили наши собеседники. Больше всего обижало отношение не официальных лиц, а обычного окружения – сослуживцев, соседей, знакомых, родственников.

Николай Богославец рассказывал, что с десятого класса вечерней школы до третьего курса института дружил с девушкой. Первая любовь, собирались пожениться. И вдруг все разладилось. «Как я потом узнал <...> ее дядя был вторым

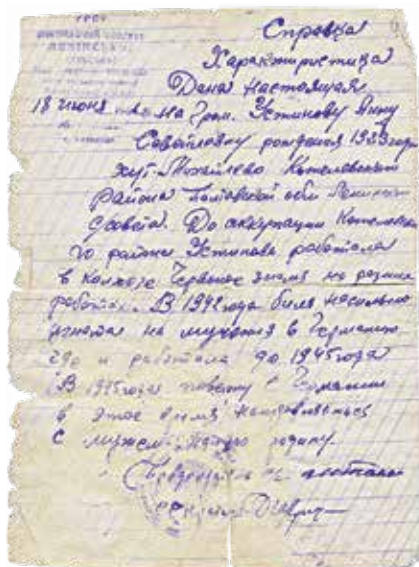
секретарем горкома. И он настроил ее мать: пусть она с Николаем не водится. Потому что он концлагерник, ему в жизни пути не будет».

Как вспоминала **Александра Михайлова**, ее будущий муж, работавший в милиции, прежде чем жениться на ней, пошел к начальству: «Я на ней собираюсь жениться, это можно или нет? Она в концлагере была».

Надежда Измалкова: «Перед тем, как ты женишься, ты должен идти кое-куда и сказать, кто твоя жена. Я знаю такие случаи, когда была женщина в оккупации, он был в армии, преподавателем в военном училище. Его выгнали с армии, с партии. У меня был такой человек, директор юго-западной железной дороги. <...> Думала, что выйду за него замуж, а он на мне не женился. И потом, когда мы позже встречались, он говорил: “Ну что ж, Наденька, идеология”».

Из воспоминаний **Марии Пудяковой**: «Я сошлась с солдатом-армянином и вскоре забеременела. Когда я сказала ему об этом, то он ответил, что жениться на мне не может, так как я была в Германии. Было очень горько, я собрала свои вещи и потихоньку ушла. <...> Я родила девочку. Дома у меня не было, на работу я устроиться не могла. Я ходила, просила милостыню, ночевала, где придется. <...> В полном отчаянии я пошла в исполком. Меня направили на работу няней в детский сад. Моей девочке в то время было полтора года. Она была очень истощена, не могла даже ползать, она только сидя тянула ко мне ручки и плакала. Спасти ее было трудно, вскоре она умерла. Невозможно описать мое горе и отчаяние. <...> Меня несколько раз вызывали в милицию и допрашивали, что я делала в Германии. Один раз подняли даже ночью. В этих случаях я как-то каменела, уходила в себя и не могла ничего ответить».

Из письма **Валентины Яновской**: «Муж, с которым я прожила с 1954 по 1988 год, не давал мне покоя, все время ставил мне на вид, что я изменница, предательница, что я работала в Германии на военном заводе, грозил, что посадит за решетку, доложит куда следует. <...> Не проходило и дня, чтобы он мне не напомнил: “Ты знаешь, где ты была, ты знаешь, кто ты”».

Справка об уgone на принудительные
 работы в Германию. Полтавская
 область. 18.06.1946

<...> До оккупации <...> работала в колхозе Червоное знамя
 на разных работах. В 1942 году была насильно угнана на мучения
 в Германию, где и работала до 1945 г. <...>

Справка об уgone на принудительные работы в Германию
 Сталинская область. 08.12.1945

Справка дана гр-ке Соснило Марии Евдокимовне в том, что
 она в мае месяце 1942 г. угнана в немецкое рабство немецкими
 захватчиками.

Любовь Шкулёва вспоминала, что когда она просила соседей по коммуналке не устраивать по ночам пьяные дебоши или даже просто «сделать потише радио», то в ответ слышала крики: «Сука ты германская, это тебе не Германия, фашистка».

Анна Штепа: «Приятельница мне говорила: “А мой муж сказал, ты немецкая овчарка”».

С особым презрением относились окружающие к вернувшимся из Германии девушкам. Обвинение в том, что остовки там «гуляли с немцами», преследовало их буквально на каждом шагу.

Любовь Ерохова: «Приехали мы сюда – всех нас презирают: ах вы, немецкие б..., в оккупацию поехали добровольно. Я туда, я сюда – никто меня на работу не берет: была в Германии».

Марию Аушеву соседи просто затравили: «В деревню-то приехала к маме. “А, немецкая подстилка!” Стали меня обзывать, боже мой, это ж надо, я пошла к врачу и взяла справку, что я девушка. И я хотела в суд подать, а мама говорит: “Брось, мы уедем отсюда, не надо, – говорит, – пусть им, Господь их осудит”».

Естественно, что многие остовцы, вернувшись на родину, стали скрывать от окружающих, нередко даже от самых близких родственников, свое пребывание в Германии.

Анна Ермилова: «Я никогда никому ничего не говорила».

Валентина Гридчина: «Никому ничего не рассказывала. И мужу не рассказывала».

Ганна Музалёва: «У меня даже муж не знал».

Варвара Хабарова рассказывала, что страх поселился в ней сразу, как только она приехала домой. В Германии она нянчила детей в немецкой семье, где к ней очень хорошо относились. Провожая ее на родину, хозяин попросил сообщить, что она доехала благополучно. Варвара Хабарова так и сделала – написала письмо. После этого пришла повестка из «органов».

Из интервью с **Варварой Хабаровой:** «Написала: жива, здорова, спасибо, все благополучно у меня. То, что [хозяин] просил, то и написала. – Испугались, когда повестка пришла? – Ну, конечно. Думаю, ну, вот теперь еще одно горе... – А вам сейчас не интересно узнать об этих детях в Германии? – Интересно, но уже боюсь, чтобы с этим интересом меня куда-то еще не отправили. Я уже сижу и боюсь».

Узница Освенцима **Дина Стефаненко** вспоминала, как она получила письмо из Польши от солагерницы, которая приглашала ее в гости. «А мне муж сказал: “Ни в коем случае, даже никому не говори”. <...> Он и за себя боялся».

Страх, особенно в первые послевоенные годы, заставлял уничтожать письма, фотографии, открытки из Германии из опасения, что они могут послужить «компроматом».

Из письма **Валентины Яновской**: «Сохранять письма, фотографии для меня было небезопасно, поскольку мог кто-то узнать и донести, что я болею за немцами, держу вещи, которые напоминают мне о Германии».

Вернувшись из Германии, **Анна Кириленко** решила писать воспоминания. Связалась с подругами по концлагерю, накопилась переписка. Но случилось так, что ее задержало МГБ, и она пробыла месяц в тюрьме (от нее хотели добиться показаний на другую девушку, тоже бывшую узницу Равенсбрюка). «Когда я пришла [домой] – ничего не обнаружила. Мама всё сожгла».

Некоторые наши собеседники с горечью говорили, что так и не смогли избавиться от чувства вины, оно преследовало их всю жизнь.

Евгения Савранская: «Господи, Боже мой! Всё равно, я чувствовала за собой вину. Почему я не могла найти этих партизан? Если бы я их нашла, я бы осталась в России, а я вот их не нашла. Конечно, я чувствовала на себе вину».

Из письма **Александра Фоменко**: «Эти три года, что я провел там [в Германии], мне показались целой вечностью. Нам, советским чернорабочим, наверное, было пережить тяжелее, чем фронт. Ведь на фронте солдаты воевали и погибали за свою Родину, за свободу, за победу. И нам было стыдно и страшно осознать, что мы, хоть и не по своей воле, но все-таки работали на врага».

С этим не соглашался **Сергей Богданов**: «Я понимал свое положение человека, который работал на Германию, которая воевала с моей Родиной. Но я не находил в этом ничего стыдного. Меня бросила наша армия под предводительством нашего генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина. На нас было наплевать всем».

Такие слова в свою защиту мог бы повторить каждый из наших собеседников. У многих на всю жизнь осталась горькая незаживающая обида.

Об этом написала **Татьяна Савенко**: «В Германии нас считали врагами, а в России – изменниками».

ГРУЗ МОЛЧАНИЯ

Послесловие

Воспоминания бывших оstarбайтеров мы записывали с начала 1990-х годов повсюду: в России, Украине, Белоруссии. Не все, к кому мы обращались, быстро и охотно соглашались на разговор. Иногда бывало трудно убедить человека, что его рассказ может представлять интерес для других людей. Доверие к нам возникало, когда наш собеседник видел, что для нас важна *вся* его биография, *вся* жизнь, а не только те два-три года, которые он провел в Германии, хотя они во многом и определили его дальнейшую судьбу. Для большинства бывших остовцев – это был первый откровенный разговор о прошлом.

Из интервью с **Виктором Жабским** (после войны отслужил в армии, окончил вечерний политехнический институт, работал мастером): «Вы кому-нибудь рассказывали вот так, всю эту историю, как мне? – Не. Никому. Не, не, не, никому. Это впервые я открылся вам».

Судьбы оstarбайтеров после возвращения на родину сложились по-разному, но почти у всех, по меньшей мере до 1960-х годов, жизнь была очень трудной даже по меркам советского тяжелого послевоенного бытия.

Фрида Палко (образования получить не удалось, разнорабочая): «Кухня была чуть ли не на улице, совсем покосившаяся хибара. Была дальше комната, а здесь как коридорчик. Вот в этом коридорчике мы жили».

Анна Одинакова (работала бригадиром на часовом заводе): «Вы представляете, как мы жили? Вот так: трое детей, три

кровати, а мы вот тут вот. В одной комнате... И отгородиться ведь нельзя! И что была за жизнь?»

Антонина Владимирова (работала продавцом): «Была тяжелая жизнь, понятно. Мы только стали жить вот при Брежнев более-менее; ну, при Хрущеве уже как-то ...»

Типично для бывшей остовки сложилась жизнь у **Веры Федорченко**. В 1945 году вышла замуж за своего соллагерника. Через несколько месяцев его забрали в армию, и он там снова женился. А у Веры в 1946 году родилась от него дочь. Осталась жить в деревне с матерью. Веру посылали в колхозе только на самые тяжелые работы, председатель постоянно угрожал «написать в органы», чтобы ее хорошенько проверили. Учиться возможности не было. Уехав из села, где все знали о ее прошлом, она больше никогда не упоминала о своем пребывании в Германии.

Даже спустя годы бывшие остарбайтеры свои жизненные беды и тяготы часто связывали с тем, что пережили в Германии. Многие рассказывали о рано начавшихся болезнях.

Людмила Станева (работала на заводе, затем кассиром в банке): «Потом я тяжело заболела и мне дали вторую группу. Связано всё это с пережитым. Я начала болеть сильно, я без конца-краю по больницам лежала. Мне часто «скорая» приезжала на работу. Они говорят: “Ей нельзя работать, у ней очень плохое сердце”. Но я работала».

Некоторые из наших собеседников вспоминали мучавшие их всю жизнь кошмары, жаловались на многолетнюю бессонницу.

Николай Зубков (после освобождения из Маутхаузена не удалось вернуться домой, его отправили в трудовую армию на восстановление Донбасса, за побег оттуда был приговорен к исправительным работам на Чукотке. Потом работал плотником, кочегаром, слесарем): «Сколько раз снились сны такие, вот даже я вскакивал. Жена даже: “Что с тобой, ты чего? Ты чего кричишь?” Я вот кричу по-страшному».

Надежда Булава (вернувшись на родину, окончила техникум, работала товароведом): «После войны было часто [так]: казалось, просыпаешься, что ты должен на апель бежать. Другой раз и сейчас схватываешься... Всё вот это война сделала».

Вспоминая прожитую жизнь, некоторые из наших собеседников сожалели, что после войны вернулись на родину, не воспользовались шансом остаться на Западе.

Валентина Сехина (образования не получила, работала учетчицей на химзаводе): «Многие уезжали, и меня приглашали, а я сильно домой хотела, сильно хотела домой. <...> А домой приехала – потом жалела и сейчас жалею, что не уехала. Так бы не жила».

Зинаида Валихова как раз принадлежала к тем, кто домой не вернулся. После освобождения она вышла замуж за голландца, уехала вместе с ним в Голландию и хотя жила очень благополучно, несравнимо лучше, чем наши собеседники, очень тяжело переживала разлуку с родными. Вплоть до хрущевской оттепели у нее не было никакой надежды с ними увидеться: «Если садилась и начинала думать, то в мыслях ехала домой. И каждый раз я встречаю маму по-разному. То ее дома нет, а я ее ищу... И когда доходит момент, когда я ее встречаю, мне плакать хочется. Когда в первый раз в 1958 году я получила визу и поехала, вернулась оттуда душевно и духовно здоровая. Конечно, я жила надеждой, но я боялась, что это никогда не осуществится».

Среди наших собеседников было немало людей, которые сумели преодолеть жизненные невзгоды, сумели использовать приобретенный в Германии жизненный и профессиональный опыт, и их жизнь сложилась сравнительно благополучно. Но и в их рассказах звучало чувство обиды за свою «второсортность».

Михаил Черненко (окончил университет, стал журналистом и писателем): «Когда стала какая-то мирная жизнь, появился поезд, ходящий по Белорусской дороге – “Москва – Берлин”, я помню, я твердо знал, что это всё не для меня. Кто-то поехал за границу, поехал на конференцию, но ясно и понятно было, что для меня это исключается».

Антонина Сердюкова (окончила политехнический институт, преподавала в вузе): «Мы ведь каждые пять лет проходили переаттестацию, и мне вдруг шеф заявляет, что он меня больше не будет на кафедру брать. Ему моя биография не нравится. Не нравится! “Вы со своей биографией не имеете право воспитывать молодежь”. Эта такая фраза была, которую я на всю жизнь запомнила».

Но вот наступило время, когда бывшие остарбайтеры смогли без страха говорить о своем прошлом. И оказалось, что их прошлое мало кого интересует, даже близких родственников.

Анна Кириленко (окончила институт сельскохозяйственно-го машиностроения, работала в конструкторском бюро): «Внук только недавно [узнал], мельком что-то я сказала. А он: “А ты что, была в концлагере?” Он даже не знал. Дочка даже и не говорила. Мне кажется, что они никаких эмоций как-то не высказывают».

В глазах окружающих осто́вцы не были ни участниками, ни жертвами войны.

Николай Богославец (окончил художественный институт, много лет был директором художественной школы): «Когда внук пошел в первый класс, то на День Победы мне прислали приглашение, чтобы я выступил перед учениками как участник и ветеран войны. Когда я сказал учительнице, что я вот такой – “Не надо, не надо, не надо!”»

Бывших остарбайтеров и на старости лет – в 1990-е годы – ожидали новые беды: из-за дефолтов пропали денежные накопления; обесценились пенсии; с распадом СССР произошли перемены, к которым им трудно было приспособиться, а нередко и трудно понять. Денежную компенсацию за принудительный труд, которую дал «восточным рабочим» немецкий фонд «Память, ответственность и будущее», многие осто́вцы, к сожалению, не успели получить. Как об этом сказала **Надежда Булава**: «Уже людей сколько поумирало, порадовались бы...»

Но, несмотря на все трудности этих лет, многие говорили, что испытали облегчение – облегчение благодаря тому, что они наконец смогли заговорить открыто о своем прошлом.

Много лет назад, когда мы начинали беседы с бывшими остарбайтерами, мы знали их историю лишь в общих чертах, мы сами были во власти стереотипов и не могли себе представить, какой трудной и, возможно, неосуществимой окажется эта попытка закрыть одно из последних белых пятен в истории Второй мировой войны. Мы не представляли себе масштабов этого пятна и последствий многолетнего молчания сотен тысяч человек, у которых так и не сложилась коллективная память о том, что они пережили; не осознавали глубины травмы тех, кого

фактически в подростковом возрасте насильно оторвали от дома, привезли во вражескую страну, обрекли на рабский труд, голод и унижение. Их воспоминания о том, что они пережили, не вписывались в привычные рассказы о войне и военных судьбах.

Мы убедились, как трудно нашим собеседникам было разделить немцев, а часто своих солагерников и даже освободителей, на плохих и хороших, потому что реальная жизнь порой опровергала все привычные представления. А самое главное, как трудно было им в течение всех последующих лет жить под знаком этого прошлого и постоянно его вытеснять.

Мы поняли, что записанные нами рассказы сотен людей, сбросивших наконец с себя груз многолетнего молчания, не могут раскрыть эту огромную тему. Но нам было важно услышать и записать эти рассказы, а нашим собеседникам, несмотря на все их сомнения, было важно быть услышанными.

**Биографические справки
остарбайтеров, чьи воспоминания,
интервью, письма и дневники были
использованы при подготовке
этой книги**

АБКОВИЧ Иосиф Иванович, 1922 г. р., узник гетто в Гродно, вывезен в июне 1942 в концлагерь Аушвиц. (Интервью, Москва, 2005.)

АГАФОНОВА Анастасия Алексеевна, 1922 г. р., вывезена в марте 1944 из дер. Пуловщина (Витебская обл.). Узница концлагеря Равенсбрюк. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1990.)

АГРАНОВСКАЯ (дев. Каманина) Галина Федоровна, 1928 г. р., вывезена вместе с родителями в августе 1942 из Дятькова (Брянская обл.) во Франкфурт-на-Майне. Работала в разных местах: на кожевенной фабрике, прислужой, на военном заводе. (Интервью. Москва, 2005.)

АПЁНКИН Федор Евсеевич, 1929 г. р., вывезен в августе 1943 из Толочина (Витебская обл.). Работал у бауэра, за побег отправлен в концлагерь. Узник концлагерей Миттельбау-Дора, Нацвейлер-Штрутгоф и Маутхаузен. (Интервью. Котовск, Тамбовская обл., 2002.)

АРТЕМЬЕВА Мария Павловна, 1923 г. р., вывезена в апреле 1942 из Луги (Ленинградская обл.) в Мангейм. Работала на заводе фирмы «Даймлер-Бенц». (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1995.)

АРХИПЕНКО Анастасия Ивановна, 1925 г. р., вывезена в мае 1943 из с. Марьевка (Днепропетровская обл.) в Нойштадт-ам-Рюбенберг. Работала прислужой в гостинице. По обвинению в антигитлеровской пропаганде заключена в концлагерь Равенсбрюк, позже – в Маутхаузен. (Интервью. Село Марьевка, Днепропетровская обл., 2002.)

АУШЕВА Мария Максимовна, 1927 г. р., вывезена весной 1942 из Великомихайловского района (Белгородская обл.) в Геттинген. Работала на военном заводе. (Интервью. Москва, 1991.)

БАСАРАБ (дев. Палашченко) Анна Арсентьевна, 1924 г. р., вывезена в мае 1942 из с. Николаевка (Ровенская обл.) в Примкенау (совр. Пшемкув, Польша). Работала на военном заводе. За побег отправлена в концлагерь. Узница концлагерей Аушвиц и Маутхаузен. (Интервью. Поселок Дачное, Крым, 2002.)

БЕКЕТОВА Лидия Николаевна, 1928 г. р., вывезена в мае 1942 из Таганрога. Работала у бауэра в Зосте, на фабрике оптических приборов в Веделе. (Интервью. Таганрог, 2005.)

БОБРОВСКАЯ (дев. Ткач) Вера Ивановна, 1926 г. р., вывезена в августе 1943 из Александрии (Кировоградская обл.) в Гуттенберг. Работала на военном заводе. Обвинена в диверсии. Узница концлагерей Аушвиц и Маутхаузен. (Интервью. Александрия, 2002.)

БОГДАНОВ Сергей Николаевич, 1926 г. р., вывезен в июне 1942 из Ржева в Хальбертштадт, работал на авиационном заводе «Юнкерс». (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

БОГОСЛАВЕЦ Николай Иванович, 1925 г. р., вывезен в июле 1943 из Зенькова (Полтавская обл.) во Франкфурт-на-Одере. За побег отправлен в концлагерь. Узник концлагерей Гросс-Розен и Миттельбау-Дора. (Интервью. Таганрог, 2005.)

БУЛАВА (дев. Кислая) Надежда Филипповна, 1923 г. р., вывезена в мае 1942 из г. Сталино (совр. Донецк) в Трир. Работала у бауэра. За нарушение дисциплины заключена в концлагерь. Узница концлагерей Аушвиц и Маутхаузен. (Интервью. Донецк, 2002.)

БУЛАВИН Александр Павлович, 1924 г. р., вывезен в марте 1942 из с. Спасское (Днепропетровская обл.) в Нюрнберг. Работал на заводе. За побег заключен в концлагерь. Узник концлагерей Дахау и Маутхаузен. (Интервью. Запорожье, 2002.)

ВАЙНДЕЛЬ Альберт Александрович, 1927 г. р., вывезен в конце 1943 из Керчи в Вайц. Работал на электротехническом заводе. (Интервью. Керчь, 2012.)

ВАЛИХОВА Зинаида, 1924 г. р., вывезена в сентябре 1942 из Сак (Крым) в Гладбек. Работала на стекольной фабрике. (Интервью. Амстердам, 1990.)

ВАСИЛЬКОВСКАЯ Людмила Дмитриевна, 1923 г. р., пережила оккупацию в Полтаве. С 1948 по 1954 – узница Минлага, Инта. (Интервью. Одесса, 2011.)

ВАТМАН Ирина Яковлевна, 1934 г. р., узница Одесского гетто. (Интервью. Москва, 2005.)

ВЕРХОЛАНЦЕВА (дев. Петрова) Евдокия Пантелеевна, 1926 г. р., вывезена в марте 1942 из дер. Кужаево (Псковская обл.) в окрестности Штутгарта. Работала у бауэра. (Интервью. Пермь, 2005.)

ВЕСЕЛОВСКАЯ Татьяна, 1928 г. р., вывезена летом 1942 из с. Ново-Троицкое (Запорожская обл.). Работала на резиновом заводе и фотофабрике в Дюссельдорфе и Леверкузене. (Интервью. Москва, 1990.)

ВЛАДИМИРОВА (дев. Ильячѣва) Антонина Николаевна, 1921 г. р., вывезена в декабре 1942 из Черкесска в Мюнхен. Работала на складе и танковом заводе. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 2000. Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ВИТКЕВИЧ (дев. Дроздова) Мария Ивановна, 1924 г. р., вывезена в январе 1944 из Красного Села (Ленинградская обл.) в Берлин. Работала прислугой. С 1945 по 1955 – заключенная Норильлага. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005, 2012.)

ВИШНЕВСКИЙ Владимир Григорьевич, 1924 г. р., вывезен из с. Петлювка (Каменец-Подольская, совр. Хмельницкая обл.) в Энс, Австрия. Работал у бауэра. За побег заключен в концлагерь Линц. (Интервью. Каменец-Подольский, 2002.)

ВОЛОБУЕВА Мария Ивановна, 1924 г. р., вывезена в июне 1943 из Днепропетровска в Ротензее. Работала на железной дороге. (Письмо. Днепропетровск, 1991.)

ВОЛЫНСКАЯ Альдона Владимировна, 1926 г. р., вывезена осенью 1942 из с. Новоукраинка (Кировоградская обл.). Работала на аэродроме в Кёльне, прислугой в Вернигероде и Магдебурге. Арестована органами СМЕРШ, с мая по август 1947 находилась в заключении. (Воспоминания. Москва, 1990.)

ВОРОНИН Василий Гаврилович, 1927 г. р., вывезен в декабре 1942 из г. Каменка (Воронежская обл.) в Бремен. Работал на авиационном заводе Фокке-Вольф. (Интервью. Синельниково, Днепропетровская обл., 2002.)

ГОЛОВИНА Ольга Васильевна, 1923 г. р., военнопленная, узница концлагеря Равенсбрюк. (Интервью. Москва, 2005.)

ГОРЯИНОВ Евгений Романович, 1925 г. р., вывезен весной 1942 из Курска в Вену. Работал на машиностроительном заводе. За побег заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Курск, 2002.)

ГРИБОВСКИЙ Геннадий Николаевич, 1931 г.р. вывезен летом 1943 из дер. Смольное (Гомельская обл.) в рабочий лагерь в Десау. (Интервью. Пенза, 2005.)

ГРИДЧИНА Валентина Павловна, 1930 г. р., вывезена с матерью и бабушкой летом 1943 из Таганрога в Цвикау. Работала на авиационном заводе. (Интервью. Ростов-на-Дону, 2005.)

ГРИЦЕНКО Варвара Калистратовна, 1923 г. р., вывезена из пос. Буды (Харьковская обл.) весной 1942 в район Зольдау (совр.

Дзялдово, Польша). Работала у баўэра. За побег заключена в концлагерь. Узница концлагерей Равенсбрюк и Маутхаузен. (Интервью, поселок Буды, Харьковская обл., 2003.)

ГУЛЯЕВ Николай Александрович, 1928 г. р., вывезен в июне 1942 из Таганрога. Работал на фабриках в Магдебурге, Кляйн-Ванцлебене, Регенсбурге. В 1945–1946 – мобилизован в трудовую армию. (Интервью. Таганрог, 2005.)

ГУЛЯЕВА Анна Константиновна, 1926 г. р., вывезена в феврале 1943 со ст. Новодугинская (Смоленская обл.) в Шверин. Работала на картофельной фабрике. (Интервью. Минск, 2011.)

ГУМЕННЫЙ Вадим Ильич, 1923 г. р., вывезен осенью 1941 из с. Дунаевцы (Каменец-Подольская, совр. Хмельницкая обл.) в Вену. Работал на автофабрике. За нарушение дисциплины заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Львов, 2003.)

ДАДЗИС Лидия Яновна, 1924 г. р., вывезена вместе с матерью в декабре 1943 из Гатчины (Ленинградская обл.) в Вельцхайм. Работала у баўэра. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ДАРАГАН Михаил Петрович, 1924 г. р., вывезен в июне 1924 из Харькова в Ганновер. Работал токарем на заводе. За побег заключен в концлагерь. Узник концлагерей Дахау и Маутхаузен. (Интервью. Харьков, 2002.)

ДЕРГАЧЁВА Вера Семеновна, 1923 г. р., вывезена в августе 1942 из пос. Скотоватая, (Сталинская, совр. Донецкая обл.) в Виттенберг. Работала на заводе «Зингер» и у баўэра. (Интервью. Астрахань, 2006.)

ДОМОРАЦКИЙ Василий Максимович, 1927 г. р., вывезен в феврале 1944 из Шкловского района (Могилевская обл.). За связь с партизанами заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Минск, 2002.)

ДРИГА Сергей Васильевич, 1916 г. р., военнопленный. Узник концлагеря Маутхаузен. (Интервью. Донецк, 2003.)

ЕЛИСЕЕВА (дев. Цигурова) Зоя Петровна, 1926 г. р., вывезена в июне 1942 из Джанкоя (Крым). Работала на ткацких фабриках в городах Кассель и Нечкау. (Воспоминания. Алушка, 1990.)

ЕРАСТОВА (дев. Балюта) Лидия Ивановна, 1927 г. р., вывезена летом 1943 со станции Мерефа (Харьковская обл.) в Артерн. Работала на железной дороге. В 1947–1952 – узница Севжелдорлага. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 2000. Интервью. Санкт-Петербург, 2012.)

ЕРМИЛОВА (дев. Морозова) Анна Матвеевна, 1927 г. р., вывезена в ноябре 1943 из Минской области в Гамбург. Работала в лагере «Амфункутур». (Интервью. Астрахань, 2006.)

ЕРОХОВА (дев. Поливодова) **Любовь Николаевна**, 1924 г. р., вывезена в 1941 из с. Пустошки (Псковская обл.). Работала у бауэра в дер. Гарнзее, Восточная Пруссия. (Воспоминания. Село Пустошки, Псковская обл., 1990.)

ЖАБСКИЙ **Виктор Степанович**, 1928 г. р., вывезен в октябре 1942 из Новочеркасска в Аллендорф. Работал на военном заводе, на табачной фабрике в Кобленце, на саперных работах в Триере и Лейпциге. (Интервью. Новочеркасск, 2005.)

ЖЕЛАМСКАЯ (дев. Скарина) **Татьяна Андреевна**, 1922 г. р., вывезена в марте 1942 из дер. Руда (Псковская обл.) в Данциг (совр. Гданьск, Польша). Работала у бауэра и прислугой. (Воспоминания. Село Пустошки, Псковская обл., 1990.)

ЖУКОВА **Ираида Федоровна**, 1932 г. р., вывезена с матерью в августе 1942 из Красного Села (Ленинградская обл.) в Литву, Германию и Австрию. Работала у бауэра. (Интервью. Красное Село, 2003.)

ЗАПИРИН **Иван Дмитриевич**, 1924 г. р., вывезен в августе 1942 из Новозлатопольского района (Запорожская обл.) в Магдебург. Работал на фабрике вторичного сырья. За побег заключен в концлагерь. Узник концлагерей Заксенхаузен и Маутхаузен. (Интервью. Волгоград, 2002.)

ЗЕРКАЛЬ **Михаил Алексеевич**, 1925 г. р., вывезен в июне 1943 со ст. Межевая (Днепропетровская обл.) в Эссен. Работал на шахтах. (Письмо. Село Веселое, Днепропетровская обл., 1991.)

ЗИМНИЦКАЯ (дев. Худобкина) **Ольга Тимофеевна**, 1932 г. р., вывезена в 1942 с матерью и братом из Смоленской области. Узники концлагеря Аушвиц. В 1944 отправлена в детский лагерь в район Лодзи. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ЗУБКОВ **Николай Иванович**, 1925 г. р., вывезен летом 1942 из Сталинграда в Линц (Австрия). За побег заключен в концлагерь. Узник концлагерей Гузен, Линц, Маутхаузен. После освобождения мобилизован в трудармию. (Интервью. Волжский, Волгоградская обл., 2002.)

ИЗМАЛКОВА **Надежда Ивановна**, 1923 г. р., вывезена в мае 1942 из Киева в Эрфурт. Работала у бауэра. (Интервью. Киев, 1989.)

КАРВАТОВСКИЙ **Валентин Павлович**, 1924 г. р., вывезен летом 1942 из с. Мукша-Боришковецкая (Каменец-Подольская, совр. Хмельницкая обл.) в Винер-Нойдорф. Работал на кирпичном и авиационном заводах. За побег заключен в концлагерь. Узник концлагерей – Гузен-I, Гузен-II. (Интервью. Каменка, Хмельницкая обл., 2002.)

КЕПЕТЬ **Надежда Викторовна**, 1927 г. р., вывезена в марте 1944 из с. Пуховичи (Гомельская обл.) в Дюссельдорф. Работала на чулочной фабрике и военном заводе. (Интервью. Минск, 2011.)

КИРЕЕВ Николай Павлович, 1926 г. р., вывезен в мае 1942 из Болховского района (Орловская обл.) в Берлин. Работал на военном заводе. За побег заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Москва, 2002 и 2005.)

КИРИЛЕНКО Анна Ивановна, 1926 г. р., вывезена в сентябре 1942 из Ростова-на-Дону в Дюссельдорф. Работала на ткацкой фабрике. За участие в подпольной организации заключена в концлагерь. Узница концлагерей Равенсбрюк и Бухенвальд. (Интервью. Ростов-на-Дону, 2005.)

КЛИНЦОВ Михаил Сергеевич, 1925 г. р., вывезен в мае 1942 из Николаева в Баден, Австрия. Работал на военном заводе. За побег заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Никополь, 2002.)

КОЖАЕВ Аркадий Филиппович, вывезен в январе 1942 из г. Сталино (совр. Донецк) в Хертен. Работал на шахте. (Интервью. Москва, 1990.)

КОМИССАРОВА Зинаида Дмитриевна, 1924 г. р., вывезена в апреле 1942 из дер. Вяжище (Псковская обл.) в окрестности Меттенхайма. Работала у бауэра. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1990.)

КОНОНЕНКО Василий Антонович, 1926 г. р., вывезен в марте 1943 из Нежина (Черниговская обл.). Арестован за связь с партизанами, узник концлагеря Маутхаузен. (Интервью. Москва, 2002.)

КОРМАКОВА (дев. Дихтяреева) Ольга Михайловна, 1926 г. р., вывезена в мае 1943 из с. Марковка (Сумская обл.) в Ремшайд. Работала на скобяной фабрике. (Интервью. Киев, 1990.)

КОСАРЕВСКИЙ Иван Терентьевич, 1924 г. р., вывезен в сентябре 1942 из Ростова-на-Дону в Вупперталь. Работал у бауэра. За побег заключен в концлагерь Бухенвальд. (Интервью. Ростов-на-Дону, 2005.)

КОССАКОВСКАЯ Оксана Романовна, 1923 г. р., по обвинению в убийстве немецкого офицера арестована и в 1943 вывезена из Львова. Узница концлагерей Аушвиц и Равенсбрюк. (Интервью. Санкт-Петербург, 2006.)

КОСУШКО Павел Андреевич, 1925 г. р., вывезен в августе 1943 из Днепропетровска в Больцано. (Интервью. Тула, 2011.)

КРАМАРЕНКОВА Варвара Григорьевна, 1923 г. р., вывезена в сентябре 1942 из Севастополя в Эйзенах. Работала на заводе BMW. (Воспоминания. Симферополь, 1990.)

КРАСНОВ Иван Федорович, 1924 г. р., вывезен в марте 1942 из с. Кмитов (Житомирская обл.) в Данциг (совр. Гданьск). Работал у бауэра. За побег заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Житомир, 2002.)

КРЕСТЬЯНЦЕВА (дев. **Гусева**) **Елизавета Афанасьевна**, 1926 г. р., вывезена из Кировограда в Берлин. Работала на резиновой фабрике. С 1946 по 1954 – узница Карлага. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 2000.)

КРИКЛИВЕЦ (дев. **Куценко**) **Екатерина Васильевна**, 1926 г. р., вывезена летом 1943 из с. Юльевка (Запорожская обл.) в Фаллерслебен (совр. Вольсбург). Работала на заводе «Фольксваген». За побег заключена в концлагерь. Узница концлагерей Аушвиц и Хиртенберг. (Интервью. Запорожье, 2002.)

КУЛЬБАКА Григорий Никонович, 1925 г. р., вывезен в октябре 1942 из с. Кислечеватое (Днепропетровская обл.) в Киль. Работал в трудовом лагере Веллендорф. За побег заключен в концлагерь Нойенгамме. (Интервью. Москва, 2006.)

ЛАВРОВИЧ (дев. **Молокович**) **Регина Александровна**, 1932 г. р., вывезена в июне 1944 из дер. Осовец (Гомельская обл.) в Шербур и Штутгарт. Работала в гипсовой шахте. (Интервью. Минск, 2011.)

ЛИЛЕЕВ Николай Иванович, 1921 г. р., военнопленный. Работал у бауэра в Эстонии, на шахтах и металлургическом заводе в Нойнкирхене и Бильдштоке, Саарланд. С 1945 по 1954 – узник Печорлага. (Интервью. Санкт-Петербург, 2006.)

МАКСИНА (дев. **Болотина**) **Антонина Прохоровна**, 1923 г. р., вывезена в сентябре 1943 из Ростова-на-Дону в окрестности Кёльна. Работала на фабрике «Вальцверк». (Интервью. Новочеркасск, 2005.)

МАЛИЦКИЙ Игорь Федорович, 1925 г. р., вывезен в марте 1942 из Харькова. После многочисленных побегов – узник концлагерей Терезин, Аушвиц, Маутхаузен. (Интервью. Харьков, 2003.)

МАРКОВА (дев. **Иванова**) **Елена Владимировна**, 1923 г. р., пережила оккупацию в Красноармейске (Сталинская, совр. Донецкая обл.). С 1943 по 1953 – узница Воркутлага и Речлага. (Интервью. Москва, 2008.)

МАРМУРАШ Франц Казимирович, 1926 г. р., вывезен в июле 1942 из Каменца-Подольского в Винер-Нойштадт. Работал у бауэра. Обвинен в саботаже и заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Каменец-Подольский, 2002.)

МИФТАХУТДИНОВА (дев. **Багаутдинова**) **Анна**, 1926 г. р., вывезена в феврале 1943 из Запорожья. Работала у бауэра в окрестностях города Любец. (Интервью. Пермь, 2005.)

МИХАЙЛОВ Павел Михайлович, 1926 г. р., вывезен в сентябре 1943 из хутора Лозовой (Запорожская обл.) в Зальцгиттер.

Работал на металлургическом комбинате. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1990.)

МИХАЙЛОВА Александра Ивановна, 1924 г. р., вывезена летом 1942 из дер. Белая (Московская обл.) в Бельциг. Работала на военном заводе. За побег заключена в концлагерь. Узница концлагерей Аушвиц и Маутхаузен. (Интервью. Московская обл., 2002.)

МИЩЕНКО Лев Глебович, 1917 г. р., военнопленный. Работал на военном заводе в Лейпциге. За побег заключен в концлагерь Бухенвальд. С 1945 по 1954 – узник Печорлага. (Интервью. Москва, 2006.)

МУДРАК (дев. Москаленко) Мария Серафимовна, 1925 г. р., вывезена весной 1942 из с. Марьевка (Запорожская обл.) в Шёнебек. Работала на заводе пороховых деталей. За побег заключена в концлагерь. Узница концлагерей Аушвиц и Маутхаузен. (Интервью. Запорожье, 2002.)

МУЗАЛЁВА (дев. Педько) Ганна Никитична, 1924 г. р., вывезена в августе 1943 из с. Новоселки (Харьковская обл.) в Бад-Тельц. Подсобная работница на кухне. (Воспоминания. Алупка, 1990.)

НЕФЁДОВА Раиса Александровна, 1928 г. р., вывезена в июне 1943 из с. Украинка (Кировоградская обл.) в Страсбург. Работала на продуктовой фабрике. (Интервью. Астрахань, 2006.)

НОВГОРОДОВ Вадим Леонидович, 1923 г. р., вывезен в октябре 1942 из Таганрога в Бохум. Работал в шахтах и на коксохимическом комбинате. (Интервью. Таганрог, 2005.)

НОВОХАТЬКО Лаврентий Афанасьевич, 1925 г. р., вывезен в июне 1942 из с. Селецкое (Днепропетровская обл.) в Нойдитендорф. Работал на железной дороге. Обвинен в саботаже и заключен в концлагерь. Узник концлагеря Маутхаузена и его филиалов Линц, Гузен-I и Гузен-II. (Интервью. Никополь, 2002.)

ОДИНОКОВА (дев. Противень) Анна Ефимовна, 1925 г. р., вывезена в июне 1943 из с. Дубовичи (Черниговская, совр. Сумская обл.) в Заган. Работала у бауэра. (Интервью. Пенза, 2006.)

ОДОЛИНСКАЯ Нина Фоминична, 1920 г. р., вывезена в апреле 1942 из Одессы. Жила в городах Тёпхин, Потсдам, Фихтенгрунд. Работала на химическом заводе, в парикмахерской, была домработницей. С 1945 по 1955 – узница Норильлага, Речлага и Горлага. (Воспоминания. Одесса, 1989.)

ОСИПОВ Леонид Павлович, 1930 г. р., вывезен в апреле 1944 из с. Хуралево (Гомельская обл.) в Дессау. Работал на военном заводе. (Интервью. Астрахань, 2006.)

ПАЛКО (дев. Берлина) Фрида Лейбовна, 1927 г. р., узница гетто в Стародубе, бежала, в апреле 1942 вывезена под другой фа-

милией из Клинцов (Брянская обл.) в Людвигсдорф. Работала на химической фабрике, прислужой и у бауэра. (Интервью. Пермь, 2005.)

ПЕРВИНА РАИСА ИОСИФОВНА, 1921 г. р., вывезена весной 1942 из Барановичей (Брестская обл.) в окрестности Бремена. Работала у бауэра, на авиационном заводе в Дельменхорсте. С 1947 по 1951 – узница лагерей в Коми АССР. (Интервью. Москва, 1989.)

РОЖКОВА (ДЕВ. ВАНГЛИНСКАЯ) НЕОНИЛА КОНСТАНТИНОВНА, 1926 г. р., вывезена в 1943 из с. Корвиновка (Житомирская обл.) в Гуттенберг. Работала на картофельной фабрике и военном заводе. Обвинена в диверсии и заключена в концлагерь. Узница концлагерей Аушвиц и Маутхаузен. (Интервью. Александрия, Кировоградская обл., 2002.)

САВЕНКО (ДЕВ. ПРОЦЕНКО) ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА, 1924 г. р., вывезена из с. Башмачка (Днепропетровская обл.) в Готенхафен (совр. Гдыня). Работала на железной дороге, у бауэра и на кирпичном заводе. (Письмо. Село Башмачка, Днепропетровская обл., 1991.)

САВРАНСКАЯ ЕВГЕНИЯ ЛЕОНИДОВНА, 1920 г. р., вывезена летом 1942 из Кролевца (Сумская обл.). Работала на заводах в Фалькензее и Берлине, у бауэра в Швибусе. (Интервью. Москва, 1991.)

СВЕРДЛОВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ, 1930 г.р. Бежал, когда в дер. Крынка, Осиповичского р-на Могилевской обл. группу еврейских детей везли на расстрел. (Интервью. Минск, 2011.)

СЕЛИВАНОВА (ДЕВ. СОКЛОКОВА) ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА, 1925 г. р., вывезена в 1942 из Симферополя во Франкфурт-на-Майне. Работала прислужой у директора предприятия «Торпедоверке». (Воспоминания. Алушка, 1990.)

СЕРДЮКОВА АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА, 1925 г. р., вывезена в сентябре 1942 из Сталинграда (совр. Волгоград) в Лаутаверк. Работала на алюминиево-ванадиевом заводе. (Интервью. Пермь, 2005.)

СЕХИНА (ДЕВ. СВИНУХОВА) ВАЛЕНТИНА РОМАНОВНА, 1925 г. р., вывезена в августе 1942 из г. Сталино (совр. Донецк) в окрестности Бреслау. Работала у бауэра. За побег заключена в концлагерь. Узница концлагерей Равенсбрюк и Маутхаузен. (Интервью. Донецк, 2002.)

СЕЧКИНА (ДЕВ. МОРОЗОВА) АННА ИВАНОВНА, 1923 г. р., вывезена из пос. имени Володарского (Ленинградская обл.) в Восточную Пруссию. Работала у бауэра. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1997.)

СИВОДЕД ГАЛИНА КАРПОВНА, 1917 г. р., обвинена в связях с партизанами, арестована в марте 1943 и вывезена из дер. Царкуд

(Запорожская обл.). Узница концлагеря Маутхаузен. (Интервью. Запорожье, 2002.)

СИЗОВА (дев. Павлова) Антонина Александровна, 1924 г. р., вывезена летом 1943 вместе с матерью и братом из Гдова (Псковская обл.) в Лейпциг. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1997.)

СКИБА (дев. Шаган) Домникия Карповна, 1919 г. р., вывезена в апреле 1942 из с. Заслучное (Каменец-Подольская, совр. Хмельницкая обл.) в Инсбрук. Работала прислужкой, на авиазаводе, на почте. За нарушение режима заключена в концлагерь. Узница концлагерей Равенсбрюк и Маутхаузен. (Интервью. Красилово, Хмельницкая обл., 2002.)

СМИРНОВА Ольга Ипполитовна, 1923 г. р., вывезена в 1942 из Любани (Ленинградская обл.) в Штутгарт. Работала на заводе «Сименс». За побег заключена в концлагерь Равенсбрюк. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

СОКОЛОВА Ирина Николаевна, 1923 г. р., вывезена в июне 1942 из с. Перевалочная (Черниговской обл.) во Фрайзинг. Работала домашней прислужкой в нескольких семьях. (Интервью. Москва, 1992.)

СТАНЕВА Людмила Дмитриевна, 1926 г. р., вывезена в июле 1943 со ст. Гайчур (Запорожская обл.). За связь с партизанами заключена в концлагерь. Узница концлагерей Маутхаузен и Аушвиц. (Интервью. Запорожье, 2002.)

СТЕФАНЕНКО Дина Евстафьевна, 1920 г. р., вывезена в 1942 из Запорожья во Франкфурт-на-Майне. Работала на автомобильной фабрике. За нарушение режима заключена в концлагерь Аушвиц и Равенсбрюк. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ТЕПЛОВА Татьяна Архиповна, 1927 г. р., вывезена в феврале 1943 вместе с матерью и сестрой из дер. Грива (Калининская, совр. Тверская обл.). Работала на железной дороге. (Интервью. Москва, 2006.)

ТКАЧЁВ Георгий Гаврилович, 1928 г. р., вывезен в октябре 1942 из Новочеркасска. Работал у бауэра, на заводах в Штеттине (совр. Щецин, Польша) и Берлине. (Интервью. Новочеркасск, 2005.)

ТОКАРЕВ Лев Петрович, 1928 г. р., вывезен в 1942 из Петергофа (Ленинградская обл.) в Райхенбах. Работал у бауэра и на военном заводе. В 1947 арестован и осужден на 6 лет ИТЛ. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 2000. Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ТОЛКАЧЁВА Таисса Васильевна, 1924 г. р., вывезена в мае 1942 из Геническа (Херсонская обл.) в Зеебах. Работала на военной фабрике. (Интервью. Пенза, 2005.)

УЛАНОВСКАЯ Антонина Емельяновна, 1927 г. р., вывезена в октябре 1942 со ст. Штеровка (Ворошиловградская, совр. Луганская обл.) в Венер. Работала на военном заводе. (Дневник. Венер, Нижняя Саксония, 1942–1944.)

ФЁДОРОВА (дев. Бриш) Валерия Адамовна, 1924 г. р., вывезена в марте 1944 из дер. Дашковичи (Брестская обл.) в Тарау. Работала на кирпичном заводе и у бауэра. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ФЕДОРЧЕНКО (дев. Булаенко) Вера Хотиевна, 1925 г. р., вывезена в июле 1942 из с. Романово (Житомирская обл.) в Ниндорф. Работала на военном заводе. (Интервью. Астрахань, 2006.)

ФОМЕНКО Александр Андреевич, 1924 г. р., вывезен в марте 1942 из Сум в Бад-Лаутерберг. Работал на военном заводе. (Письмо. Сумы, 1991.)

ФУРСЕВИЧ (дев. Быковская) Мария Родионовна, вывезена в марте 1942 из Минской обл. в Эшвеге. Работала у бауэра. (Письмо. дер. Весей, Минская обл., 1991.)

ХАБАРОВА (дев. Морозова) Варвара Антоновна, 1926 г. р., вывезена в сентябре 1942 из Золотоноши (Полтавская, совр. Черкасская обл.) в окрестности Брегенцвальда. Работала у бауэра. (Интервью. Село Богословка, Пензенская обл., 2005.)

ХМАРА Федор Иванович, 1927 г. р., вывезен в январе 1943 из с. Буйское (Полтавская обл.) в Цвикау. Работал у бауэра. (Интервью. Пенза, 2005.)

ЦИБУЛЬКИН Константин Константинович, 1925 г. р., за антигитлеровскую пропаганду арестован в сентябре 1943 в Днепрпетровске. Узник концлагерей Маутхаузен и Эбензее. (Интервью. Никополь, 2002.)

ЧЕРНЕНКО Михаил Борисович, 1926 г. р., вывезен весной 1942 из Харькова. Работал на военных заводах в Фюрстенберге и Берлине. (Интервью. Москва, 1991.)

ШАЛАНКОВА Галина Васильевна, 1924 г.р., вывезена из г. Середина-Буда (Сумская обл.) в окрестности Виттенберга. Работала на коксохимическом заводе. (Интервью. Астрахань, 2006.)

ШВЫДЧЕНКО (дев. Самохвалова) Лариса Михайловна, 1926 г. р., вывезена в сентябре 1942 из Ростова-на-Дону в Дюссельдорф. Работала на военном производстве. (Интервью. Астрахань, 2006.)

ШЕРЕНКОВА (дев. Нагорная) Вера Антоновна, 1922 г. р., вывезена летом 1942 с Северного Кавказа в Кальсдорф-Грац. Работала у бауэра. (Интервью. Санкт-Петербург, 2005.)

ШКУЛЁВА (дев. Седова) **Любовь Михайловна**, 1926 г. р., вывезена в июле 1942 из Кировограда в Остерфельд (совр. Оберхаузен). Работала на башенном кране на заводе Круппа. За антигитлеровскую пропаганду заключена в концлагерь Дахау. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1993. Интервью. Санкт-Петербург, 2002.)

ШПАКОВА (дев. Фомичева) **Ядвига Георгиевна**. Вывезена в 1944 из Витебска в Бад-Раппенау. Работала на железной дороге. (Письмо. Витебск, 1990.)

ШТЕПА Анна Петровна, 1923 г. р., вывезена в октябре 1942 из Ростова-на-Дону в Мешед. Работала на военной фабрике. (Интервью, Ростов-на-Дону, 2005.)

ШУЛЬДЕШОВ Виктор Васильевич, 1929 г. р., вывезен весной 1942 из с. Крюково (Курская обл.) в Лейпциг. Работал в литейном цехе завода Марион. (Интервью. Пермь, 2005.)

ЩЕБЕТЮК Владимир Васильевич, 1922 г. р., вывезен в марте 1942 из с. Исаковцы (Каменец-Подольская, совр. Хмельницкая обл.) в Австрию. Работал у бауэра. За побег заключен в концлагерь Маутхаузен. (Интервью. Хотин, Черновицкая обл., 2002.)

ЯКОВЛЕВА Галина Аркадьевна, 1925 г. р., арестована в Старой Руссе (Новгородская обл.), узница концлагеря Равенсбрюк. (Воспоминания. Санкт-Петербург, 1998.)

ЯНОВСКАЯ (дев. Крайняя) **Валентина Степановна**, вывезена из Краснодарского края в Берлин. Работала на военном заводе. (Письмо. Новороссийск, 1990.)

Интервью проводили сотрудники Международного Мемориала (Москва): Татьяна Аскери, Кирилл Василенко, Людмила Кабанова, Алена Козлова, Ирина Островская, Григорий Шведов, Ирина Щербакова; НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург): Юлия Белозерова, Юлия Карпенко, Надежда Киселева, Татьяна Моргачева, Анна Резникова.

Географический указатель

Названия населенных пунктов и административных единиц, а также принадлежность населенных пунктов к административным единицам приводятся по состоянию на 1941 г. Деление на края и области дается для РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР.

Айзенберг, Германия – 259
 Айленбург, Германия – 250
 Альбертштадт, Германия – 130
 Альтенграбов, Германия – 118, 343
 Альтендорф, Австрия – 285
 Ангермюнде, Германия – 240
 Ангервизе, Германия – 190, 287
 Апольда, Германия – 266
 Арнсвальде, Германия – 322
 Артерн, Германия – 293, 294, 295
 Архангельское с., Орджоникидзевский край – 21, 82
 Аугсбург, Германия – 303
 Бад-Раппенау, Германия – 251
 Бад-Фрайенвальде, Германия – 292
 Барановичи, Брестская обл. – 167
 Барт, Германия – 159
 Берлин, Германия – 140, 145, 160, 168, 169, 176, 180, 208, 210, 212, 216, 228, 231, 239, 241, 246, 247, 249, 255, 259, 260, 263, 264, 274, 279, 284, 285, 293, 298, 301, 307, 312, 319
 Биркенхоф, Германия – 131
 Биттерфельд, Германия – 266
 Боген, Германия – 120
 Болхов, Орловская обл. – 61, 74, 106

Бохум, Германия – 183, 282
 Бранденбург, Германия – 274, 314, 352
 Браунау, Австрия – 275
 Бремен, Германия – 143, 200, 217, 223, 294
 Бреслау, Германия – 121, 195
 Брестская область – 64, 100, 108
 Брянск – 19
 Брянская область – 40, 50, 54, 60, 80, 109
 Буйское с., Полтавская обл. – 103, 356
 Бурштадт, Германия – 260
 Бюттельборн, Германия – 148
 Вайнберген, Германия – 200, 217
 Вайнштадт, Германия – 255
 Ведель, Германия – 197, 205, 222
 Веймар, Германия – 169, 193
 Вельс, Австрия – 296
 Вена, Австрия – 128, 166, 180, 216, 219, 315
 Визен, Австрия – 176
 Вильгельмсхафен, Германия – 213
 Винницкая область – 211, 223, 244, 351
 Винтердорф, Австрия – 255
 Винтерлинген, Германия – 267
 Винсен-на-Люе, Германия – 171
 Витебская область – 52, 56, 75
 Виттен, Германия – 234, 270
 Виттенберг, Германия – 119, 175, 210, 272
 Волынская область – 130, 163, 363
 Ворошиловград – 97
 Ворошиловградская область – 28, 46, 97
 Вупперталь, Германия – 131, 135, 209, 252
 Вяжище дер., Псковская обл. – 61, 99
 Вязьма, Смоленская обл. – 22, 33
 Габлонц, Германия – 268
 Гайворон, Кировоградская обл. – 70
 Гайпур ст., Запорожская обл. – 93, 105
 Галле, Германия – 355
 Гамбург, Германия – 149, 161, 203, 231, 268
 Ганновер, Германия – 186, 309
 Гармиш-Партенкирхен, Германия – 129
 Гатчина, Ленинградская обл. – 70
 Гельзенкирхен, Германия – 307, 315

Геническ, Херсонская обл. – 24, 34, 41, 43, 45, 50, 77, 82, 108, 358
Гентин, Германия – 237
Гёттинген, Германия – 160
Гладбек, Германия – 255
Гомельская область – 43, 64, 77, 78, 81, 82, 97, 105
Горловка, Сталинская обл. – 67
Гослар, Германия – 198
Готенхафен, Германия – 116, 180
Грайфенберг, Германия – 127, 192
Грива дер., Калининская обл. – 83, 109
Данциг, Германия – 144, 193
Дармштадт, Германия – 143
Дашковичи д., Брестская обл. – 100, 108
Делич, Германия – 131
Дельменхорст – 135
Дессау, Германия – 269, 310
Джанкой, Крымская АССР – 54, 95, 110
Днепропетровск – 69, 78, 268, 358
Днепропетровская область – 29, 58, 75, 110, 242
Дорнбирн, Австрия – 253
Дорфферден, Германия – 280
Драмбург, Германия – 298
Дрезден, Германия – 131, 134, 178, 268, 329, 351
Дризен, Германия – 276
Дубовичи с., Черниговская обл. – 32, 42, 50, 59, 76, 102, 106, 109
Дуйсбург, Германия – 201
Дюссельдорф, Германия – 121, 138, 140, 164, 178, 192, 255
Дятьково, Брянская обл. – 40, 60
Житомир – 66, 67
Житомирская область – 20, 45, 52, 76, 91, 142, 150, 197, 214
Заган, Германия – 171
Зальфельд, Германия – 295
Зальцведель, Германия – 174, 251
Запорожская область – 20, 59, 71, 82, 88, 91, 93, 94, 104, 105, 249, 362
Запорожье – 98
Заслучное с., Каменец-Подольская обл. – 30, 99
Зеебах, Германия – 133, 138
Зенфтенберг, Германия – 93, 185
Зеньков, Полтавская обл. – 52, 54, 57, 64, 83, 104
Зёльден, Австрия – 189
Зёммерда, Германия – 141

Зиген, Германия – 137, 176
 Зинген, Германия – 275
 Золотоноша, Полтавская обл. – 38, 50, 103, 107, 109
 Золтау, Германия – 120
 Зуль, Германия – 272
 Исаковцы с., Каменец-Подольская обл. – 27, 33, 87, 356
 Калининская область – 109
 Калуга – 74
 Камен, Германия – 254
 Каменец-Подольская область – 20, 27, 30, 64, 66, 87, 91, 93, 99, 116, 162, 178, 185, 190, 240, 260, 263, 283, 287
 Каменец-Подольский – 232, 236, 356
 Кассель, Германия – 162, 211, 253, 260, 261, 271, 289
 Кемптен, Германия – 281
 Керчь – 66, 69
 Кёльн, Германия – 252
 Кёнигсберг, Германия – 138, 335
 Кённерн, Германия – 269
 Кёфлах, Австрия – 308
 Киев – 34, 45, 49, 55, 66, 71, 79, 89, 91, 143
 Киевская область – 56, 126, 145, 172, 175, 189, 286, 290
 Кировоград – 25, 52, 77, 99, 101, 103, 109, 365
 Кировоградская область – 49, 60, 63, 64, 106
 Кислечеватое с., Днепропетровская обл. – 29, 58
 Китайгород с., Каменец-Подольская обл. – 116
 Клагенфурт, Австрия – 232
 Клеве, Германия – 195
 Клоппенбург, Германия – 188
 Корвиновка с., Житомирская обл. – 46, 52
 Корнвестхайм, Германия – 212
 Красное село, Ленинградская обл. – 43, 73, 91, 98
 Красный партизан, колхоз, Саратовская обл. – 21
 Крефельд, Германия – 181
 Кролевец, Сумская обл. – 111
 Кронсторф, Австрия – 169
 Крыски с., Черниговская обл. – 29
 Крюково с., Курская обл. – 31, 45, 83
 Куксхафен, Германия – 153
 Курск – 62, 73, 128, 250, 264
 Курская область – 18, 20, 31, 45, 83
 Кутейниково с., Ростовская обл. – 100

Лакенбах, Австрия – 267
 Ланцендорф, Австрия – 218, 269
 Лаутаверк, Германия – 123, 137, 177
 Лаутереккен, Германия – 127
 Лейпциг, Германия – 131, 160, 238, 246, 256, 267, 288, 307
 Ленинград – 25, 38, 41, 100, 265, 346, 366
 Ленинградская область – 43, 54, 70, 73, 91, 98
 Либау, Германия – 173
 Линц, Австрия – 123, 130, 332
 Лобург, Германия – 158
 Лозовой хут., Запорожская обл. – 59, 71, 82, 91, 104
 Львов – 364
 Любань, Ленинградская обл. – 43
 Люблин, Польша – 110
 Людвигсдорф, Германия – 197
 Людвигсхаффен, Германия – 288
 Люнебург, Германия – 210
 Магдебург, Германия – 186, 256, 321, 330
 Майнц, Германия – 147
 Мангейм, Германия – 133
 Мариуполь, Сталинская обл. – 72, 107, 156, 234, 270, 279
 Мекленбург, Германия – 249, 262
 Мёллерсдорф, Австрия – 262
 Мерефа пос., Харьковская обл. – 67, 74
 Мерфельд, Германия – 134
 Мец, Франция – 182, 224
 Минск – 63, 78, 96
 Миттельвальд, Германия – 221
 Могилевская область – 79
 Москва – 24, 26, 27, 32, 38, 39, 40, 42, 74, 82, 143, 201, 294
 Мукша-Боришковецкая с., Каменец-Подольская обл. – 91
 Мюльхаузен, Германия – 276
 Нежин, Черниговская обл. – 76
 Нехайм-Хюстен, Германия – 172, 243
 Нижняя Силезия – 133, 171, 198, 299, 321
 Николаевка с., Ровенская обл. – 96
 Николаевская область – 152
 Ниндорф, Германия – 139
 Новгородская обл. – 58
 Новгород-Волынский, Житомирская обл. – 258
 Новодугинская ст., Смоленская обл. – 53, 58, 61, 62

Новороссийск, Краснодарский край – 71
 Новоселки, Харьковская обл. – 28, 107
 Новоукраинка, Кировоградская обл. – 49, 60, 63, 78, 106
 Новочеркасск, Ростовская обл. – 42, 43, 44, 58, 102, 103, 127, 357, 367
 Нойдитендорф, Германия – 216
 Ноймаркт, Германия – 163
 Нойштадт, Германия – 312
 Нордлинген, Германия – 184
 Нордхаузен, Германия – 151, 210, 226
 Нюрнберг, Германия – 94, 149, 179, 185
 Оберхаузен, Германия – 254, 261
 Одесса – 23, 50, 55, 89
 Одесская область – 18, 360
 Орджоникидзевский край – 21, 82
 Орел – 25
 Орловская область – 61, 74, 106
 Ортельсбург, Германия – 195
 Оснабрюк, Германия – 126, 175, 214, 232, 277
 Осовец дер., Гомельская обл. – 36, 77, 82
 Оффенбург, Германия – 191, 192
 Пайне, Германия – 279
 Париж, Франция – 338
 Перевалочное с., Черниговская обл. – 96
 Перемышль, Польша – 117, 119
 Пёлиц, Германия – 124
 Пирмазенс, Германия – 291
 Платковлозе, Германия – 267
 Познань, Польша – 117
 Полтава – 93, 99, 186
 Полтавская область – 38, 50, 52, 57, 64, 65, 83, 103, 104, 107, 109, 127, 151, 250, 352, 370
 Пригниц, Германия – 289
 Проскуров Каменец-Подольская обл. – 182, 224
 Псковская область – 20, 27, 31, 46, 53, 61, 99, 102, 110, 130
 Пустошки дер., Псковская обл. – 110
 Пуховичи дер., Гомельская обл. – 43, 78, 97
 Рангсдорф, Германия – 256, 258
 Ремшайд, Германия – 115, 156, 241, 278
 Ровенская область – 56, 96, 101, 107
 Романово с., Житомирская обл. – 76, 91
 Ржев, Калининская обл. – 44, 45, 51

Ростов-на-Дону – 42, 45, 53, 97, 100, 107, 225
 Ростовская область – 29, 267, 352, 367
 Росток, Германия – 310
 Рохлиц, Германия – 192
 Руда дер., Псковская обл. – 27, 31, 53
 Рюген, Германия – 347
 Сабовка с., Сталинская обл. – 65
 Саратов – 35
 Саратовская область – 21
 Севастополь, Крымская АССР – 47, 68, 103, 296
 Селецкое с., Днепропетровская обл. – 110
 Симферополь, Крымская АССР – 68
 Скотоватая пос., Сталинская обл. – 41, 46, 104
 Смоленская область – 22, 53, 58, 61, 62, 76
 Сталинград – 22, 41, 47, 101, 102, 110, 200, 249, 250, 264, 298, 299, 364
 Сталино – 41, 48, 59, 99, 110
 Сталинская область – 20, 41, 46, 49, 65, 66, 67, 104, 279, 370
 Стародуб, Брянская область – 50, 54, 80, 125, 225, 336
 Сумская область – 111, 115, 238, 241, 246, 361, 362
 Таганрог, Ростовская обл. – 46, 48, 50, 59, 67, 71, 73, 80, 83, 105, 106, 107, 238, 239, 253, 261, 362
 Тарау, Германия – 179
 Темпельбург, Германия – 118
 Тессин, Германия – 145
 Толочин, Витебская обл. – 75, 2439
 Тутлинген, Германия – 177
 Фаллерслебен, Германия – 133
 Фельберт, Германия – 247
 Фельдкирх, Австрия – 243, 245
 Фёренбах, Германия – 225
 Фойтсберг, Австрия – 308
 Фрайбург, Германия – 190
 Фрайзинг, Германия – 195
 Франкфурт-на-Майне, Германия – 133, 138, 148, 170, 176, 194, 195, 257, 281, 300
 Франкфурт-на-Одере, Германия – 122, 208, 229, 344
 Фюрстенберг, Германия – 181
 Хаген, Германия – 165, 244, 268
 Хагенштедт, Германия – 271
 Хальберштадт, Германия – 207, 336, 341
 Харьков – 18, 252, 268, 368

Харьковская область – 28, 67, 74, 107, 268
Хемниц, Германия – 167, 168, 247, 312, 340
Хербеде, Германия – 265
Хермсдорф, Германия – 223, 264
Херсон – 108
Херсонская область – 34, 41, 45, 50, 77, 82
Хильдесхайм, Германия – 205
Хинтервайлер, Германия – 311
Хиршберг, Германия – 144
Хольцвикеде, Германия – 216
Хоф (Заале), Германия – 210, 226
Хуралево с., Гомельская обл. – 64, 82, 105
Цвикау, Германия – 138, 197, 309, 312
Черкесск, Черкесская автономная область – 39, 108
Черниговская область – 18, 19, 29, 32, 42, 50, 59, 75, 76, 96, 102, 106, 109, 235, 249
Шварц (Заале), Германия – 154
Шверин, Германия – 168
Шверте, Германия – 302
Шёнеберг, Германия – 216
Шлохау, Германия – 351
Шпек, Германия – 239
Шпельдорф, Германия – 215
Шпремберг, Германия – 245
Штайерберг, Германия – 185, 233
Штеровка ст., Ворошиловградская обл. – 46
Штеттин, Германия – 134, 228, 256
Шторков, Германия – 236
Штутгарт, Германия – 197, 230
Эльтвиль, Германия – 194
Энгерау, Австрия – 152
Энс, Австрия – 169
Эрфурт, Германия – 125, 126
Эссен, Германия – 310
Эшвеге, Германия – 210

Содержание

Трудная память	3
Часть первая. До угона в Германию	15
Довоенное детство	17
Война	38
Оккупация	56
Часть вторая. Угон	85
Часть третья. Жизнь в Германии	113
Теперь остарбайтеры	115
В режиме неволи	136
Подневольный труд	174
После работы	230
Через призму войны	296
Часть четвертая. Между Германией и СССР	305
Победители	307
Репатрианты	329
Часть пятая. На Родине	353
«Жить было нечем»	355
Груз молчания. Послесловие	374
Биографические справки остарбайтеров, чьи воспоминания, интервью, письма и дневники были использованы при подготовке этой книги	379
Географический указатель	391

Архив и музей Общества «Мемориал» собирает свидетельства о судьбах узников ГУЛАГа и их родственниках. Мы будем бесконечно благодарны всем, кто поможет нам в этом, всем, кто передаст нам в музей и архив подлинные вещи и произведения искусства из мест заключения, фотографии и документы. Уходит время, гибнут уникальные документы и свидетельства. Вместе с вами мы должны их сохранить.

4.10.2016 Международный Мемориал
Минюстом РФ внесен в реестр
<http://unro.minjust.ru/nkoforeignagent.aspx>

Архив и музей общества «Мемориал»
127006, Москва, Каретный Ряд, 5/10
Телефон +7 (495) 650 78 83
www.memo.ru

ЗНАК НЕ СОТРЕТСЯ. Судьбы оstarбайтеров
в письмах, воспоминаниях и устных рассказах.
Авторы-составители А. Козлова, Н. Михайлов,
И. Островская, И. Щербакова. Изд. 2-е
М.: Издательство Agey Tomesh, 2019. 400 с., ил.

В годы Великой Отечественной войны герои книги, тогда еще очень молодые люди из городов и сел России, Украины, Белоруссии, были угнаны в гитлеровскую Германию, где их называли оstarбайтерами (восточными рабочими). О том, что они пережили в неволе и что им пришлось испытать после возвращения на родину, рассказывают сохраненные в архиве «Мемориала» интервью, письма, воспоминания, фотоснимки. Опубликованные впервые, эти документальные свидетельства человеческих судеб заставляют по-новому взглянуть на казавшиеся известными страницы войны.

ISBN 978-5-9909766-3-4

Тираж 500 экз.

Директор
Наталья Корнеева

Дизайн
Дамир Залялетдинов
Настасья Чурсина

Редакторы
Лариса Казарьян
Наталья Лозинская

Корректор
Наталья Яшина

Верстка
Галина Зайцева

Цветоделение
Максим Куперман

Адрес редакции
127006, Москва,
Малая Дмитровка, 24/2
Тел.: +7 (495) 913 62 95/96
www.ageytomesh.ru